

Войсковая часть 33965

ЛУБЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2022

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ОРГАНОВ
БЕЗОПАСНОСТИ

Сборник материалов XXVI научно-теоретической
конференции «Исторические чтения на Лубянке»
Москва, 2 декабря 2022 г.

УК №4972

Москва 2023

Под общей редакцией А.Ю. Попова.

Составитель: Д.А. Евстигнеев.

Научный редактор: Н.С. Кирмель.

Лубянские чтения – 2022. Актуальные проблемы истории отечественных органов безопасности : сборник материалов XXVI научно-теоретической конференции «Исторические чтения на Лубянке». Москва, 2 декабря 2022 г. / Войсковая часть 33965. М., 2023. 428 с.

Настоящий сборник подготовлен на основе материалов XXVI научно-теоретической конференции «Исторические чтения на Лубянке». В сборник вошли тексты выступлений участников конференции, в которых освещаются актуальные проблемы становления, развития и деятельности органов государственной безопасности России в XIX–XX веках.

Материалы конференции предназначены для специалистов, а также читателей, интересующихся историей России и отечественных органов и войск государственной безопасности.

© Авторский коллектив, 2023

© Войсковая часть 33965, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Иванова Т.В. Становление контроля, как функции управления в системе охраны и защиты границ Российского государства (872–1914 гг.)	7
Потехина М.И., Фуражнин Д.Ю., Яковец Е.Н. Из истории криминалистической регистрации в органах политического сыска Российской империи	16
Медведев С.В. Публичные собрания в 1905–1906 годах в документах Департамента полиции	27
Ефремов С.И. Некоторые особенности организации пограничной охраны Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)	34
Лукьянчикова Л.В. Следствие и суд по политическим делам в России в 1917 г. (по материалам ЧСК Кронштадтской крепости).....	44
Мамаев И.С. Левые эсеры и большевики в ВЧК: сотрудничество и борьба.....	54
Рыжиков А.В. Борьба чекистов Верхней Волги с дезертирством (1918–1922 гг.)	64
Кочанов А.В. Особенности политической и экономической обстановки в советском государстве и органы ВЧК на железнодорожном транспорте в 1918–1922 гг.	76
Евтугова А.А., Соколов А.С. Социальный, партийный и национальный состав руководящих сотрудников особых отделов ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1919–1941 гг.	85
Журавлев Е.Н. Формирование органов военной контрразведки на территории Туркестана	96
Лиманский А.В. Основные субъекты кадровой политики в советских пограничных войсках (1921 г.)	103
Терехов С.А. К вопросу об источниках истории крымских органов ВЧК–ОГПУ.....	114

- Демидов А.М.** Противодействие органов ГПУ подрывной деятельности, проводившейся с использованием некоммерческой организации «Американская администрация помощи» в 1921–1923 гг.123
- Ситковский Д.В.** Роль органов ВЧК-ОГПУ в борьбе с бандитизмом на Северном Кавказе в 1920-е гг.133
- Бережанская И.Ю.** Словарь сионистских терминов: материалы ОГПУ в период борьбы с контрреволюционными партиями в 1920-х гг.139
- Победённый М.Г., Тулаев С.В.** Деятельность Ф.Э. Держинского по финансовому обеспечению сотрудников органов госбезопасности в 1922–1926 гг.149
- Машко В.В., Тужилин С.В.** Анализ положения дел в среде русской эмиграции в Китае в сообщениях органов ОГПУ в 1920–1930 гг.156
- Марутин А.Г. И.Н. Хропов** – талантливый организатор, оперативник и педагог.169
- Западный В.А.** В контрразведывательной операции «Трест».....177
- Кирмель Н.С.** Борьба советской контрразведки с германской разведкой в межвоенный период (1920–1941 гг.).....184
- Верешков И.Н.** Деятельность НКВД Крымской АССР в период проведения Керченско-Феодосийской операции и на освобожденной территории Крыма (декабрь 1941 г. – май 1942 г.).....195
- Обухов И.М.** Деятельность органов военной контрразведки Южного, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов в оборонительный период битвы за Кавказ. 25 июля – 31 декабря 1942 г.205
- Попов А.Ю.** Киевское подполье глазами НКВД. 1941–1943 гг.215

- Колошинский В.А.** Специфика обеспечения государственной безопасности на объектах военной экономики блокадного Ленинграда в 1941 – 1944 гг.221
- Кочнева Ю.А.** Использование абвером детей и подростков в разведывательных и диверсионных целях в годы Великой Отечественной войны.....230
- Христофоров В.С.** Организация и проведение фильтрации советских военнопленных отечественными органами госбезопасности.....239
- Григоренко В.П.** Вооруженные выступления в западных районах СССР в послевоенный период: силовые способы обеспечения региональной безопасности.....249
- Литвинов М.Ю.** Организационно-правовые аспекты оперативно-служебной деятельности правоохранительных органов и спецслужб по борьбе с националистическим подпольем в послевоенный период.....260
- Гашенко В.А.** О противодействии органов НКГБ–НКВД СССР японским спецслужбам в Западной Сибири накануне и в годы Великой Отечественной войны.....271
- Кутовой А.А.** Московский пограничный институт: история и современность.....276
- Морихин В.Е.** Фальсификации деятельности отечественных органов государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны.....290
- Жарова А.С., Иванов Г.А., Ломцов А.А.** Уголовное преследование пособников фашистов в Курганской области во второй половине 1940-х гг.....302
- Некрасов Г.Е.** Испытания советского атомного оружия и ракетно-космических средств его доставки как фактор оперативной обстановки в 1950-е – 1960-е гг.....309
- Платонов Ю.Н.** Эпизоды жизни председателя КГБ Эстонской ССР генерала Картелайнена.....320

Жегалова У.А. Противостояние КГБ и ЦРУ в Италии в 1960–1970 гг.	331
Топорков В.М. Отечественные органы безопасности в мемуарах участников боевых и специальных операций в Афганистане (1978–1992 гг.).....	340
Ханалиева Э.У. Специальные операции органов безопасности России на Северном Кавказе. 1999–2009 гг.....	351
Верховский И.А. Роль ФСБ России в контртеррористической операции в Чечне (1999–2009 гг.).....	360
Арруе Е.Р. Анализ опыта противодействия терроризму силовыми структурами Российской Федерации.....	368
Баранов В.Н. Военная история Отечества – ключ к успеху в информационном противоборстве в ходе специальной военной операции.....	376
Хлобустов О.М. Новейшая историография деятельности органов госбезопасности СССР.....	389
ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ НА ИСТОЧНИКИ ...	396

Становление контроля как функции управления в системе охраны границ Российского государства (872–1914 гг.)

С точки зрения государственного управления, представляется верным утверждение о том, что «контроль, будучи одной из форм управленческого цикла, представляет собой систему наблюдения, сопоставления, проверки и анализа функционирования управляемого объекта»¹. Таким образом, с одной стороны, контроль является важной составной частью регулирования процесса исполнения решения. С другой стороны, контроль используется и для оценки результатов выполнения решения, и в этом случае он выступает в форме проверки исполнения.

Вернемся к истории. Как управленческая категория контроль в системе защиты и охраны государственной границы исторически связан с государственным управлением и считается его необходимым элементом.

С момента своего возникновения государство осуществляет функции управления, причем управления постоянно развивающимися структурами и общественными отношениями в различных сферах, в том числе охране и защите своих рубежей.

Начиная с формирования Древней Руси в IX в., охране рубежей государства придавалось большое значение. В процессе динамичного развития практики пограничной службы менялись формы, способы, приемы и средства осуществления контрольных мероприятий и проверок, интенсивность их проведения, меры воздействия, акценты при трактовке результатов контроля, а также приоритеты в оценках и др.

Становление и развитие системы охраны рубежей Древней Руси вплоть до XIV в. шло в строгом соответствии с выработываемой князьями «пограничной политикой». Великие князья организовывали сторожевую службу на рубежах государства и непосредственно руководили ею с учетом обстановки, складывавшейся на окраинах. Контрольные функции исполнял сам князь или его приближенные. Он сам формировал цели своей деятельности в плановых значениях и оценивал достигнутые результаты. Главный смысл контроля состоял в том, чтобы добиться выполнения поставленных задач, предупредить возможные ошибки и упущения.

В XIV–XV вв. система охраны и защиты границ Московского государства формировалась по решению великих князей и на основании личных указаний приграничным воеводам. При этом четкая организация контроля, систематический подход к оценке сторожевой службы так же отсутствовали. Но уже в начале XVI в. не только великий князь занимался пограничными вопросами, важную роль стал играть государственный аппарат. Вместо лиц, которые прежде случайно назначались для исполнения контроля, теперь управляли постоянные присутственные места, имевшие определенное устройство и полномочия. Появляются нормативные правовые акты, регламентирующие организацию

Во время правления Ивана III (1464–1505 гг.) формируются отдельные учреждения – присутственные места, известные, впоследствии, как приказы. Именно в системе приказного управления и следует искать основу развития ведомственного контроля службы на границе. Предпринимались попытки определить оценочные показатели деятельности по охране границы. Указы, повеления, приговоры, наказы и т.д. определяли порядок несения службы (например, «Наказ к угорским воеводам», «роспись» русских полков для обороны «крымской украины» 512 г.²). Таким образом, создавались предпосылки для развития новой формы контроля, позволяв-

шей получать информацию о последствиях принятых решений (управляющего воздействия), посредством проверки соблюдения правовых норм.

В XVI в. для улучшения организации службы сторожей на «государевых окраинах» Иван IV (1547–1584 гг.) в январе 1571 г. назначил главным ее начальником боярина князя М.И. Воротынского. Воротынский начал дело «подробными справками и допросами о настоящем состоянии этой службы и о всем, в чем она требовала изменения, и что можно было оставить в прежнем виде»³. Фактически ставилась задача о проведении инспектирования деятельности по охране и защите границ Московского государства. По результатам работы в 1571 г. были составлены правовые документы «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе» и «О назначении мест, где стоять головам в поле», которыми были внесены основательные изменения в организацию службы по охране «государевых» окраин. Службу сторожей и станичников в поле контролировали воеводы и стоялые головы «украинных городов», периодически объезжая порученные им участки границы. Если при проведении смотра стоялый голова решал, что станица или сторожа не готовы к службе, то ее разгоняли, а вместо нее выезжала следующая, ожидавшая своей очереди. Так в оценочной деятельности учитывались поддающиеся количественному измерению результаты. Однако, должная оценка не всегда обеспечивалась такими показателями, и, зачастую, носила субъективный характер.

Политические и экономические особенности, определившие в конце XVII – начале XVIII в. процесс развития государственного устройства, требовали скорейшей разработки, оформления основ и практики пограничной политики. На границе ответственность и контроль за несением службы возлагались на конкретных должностных лиц пограничной администрации, к которым относились: воеводы, губернаторы «пограничных мест», «приказные» люди, командиры

частей, специально назначенные для выполнения этой задачи. Меняются субъекты контроля.

Следует отметить, что в период правления Екатерины II (1762–1796 гг.) шел активный поиск наиболее оптимальных форм и способов контроля в охране государственной границы. Контроль, как одна из функций управления, приобрела системный характер. Наряду с гласным (административным) контролем продолжал действовать и негласный контроль через институт фискалов, введенный государством в 1711 г. Проводились многочисленные ревизии и проверки таможенных органов на границе. Так, «в 1770 г. таможенным управлением была проведена ревизия таможенных учреждений на границе и проверка состояния от города Нарвы до Кременца, которая установила полную неспособность пограничной стражи к несению службы и выполнению задач из-за халатности и взяточничества начальствующего состава, разложения рядовых работников охраны и невыполнения большинства предписанных мероприятий по усилению охраны границы. Надзиратели из офицеров сами помогали купцам в тайном провозе товаров или, имея поблизости собственные земли, покупали свои должности, находились при форпостах бессменно по два года и более, получали взятки с проезжающих и проходящих людей». По результатам ревизии был издан Указ «Об учреждении особой таможенной цепи и стражи для отвращения тайного провоза» 1782 г.

В первой четверти XIX в. в большинстве регионов России границу по-прежнему охраняли армейские части и казачьи формирования. В 1810 г. военный министр М.Б. Барклай-де-Толли провел инспектирование западной границы и сделал вывод о неудовлетворительном состоянии ее охраны. Предложения Барклай-де-Толли по усилению границы были приняты российским правительством и легли в основу «Положения об устройстве военной стражи», утвержденного в 1811 г.

Таким образом, можно считать, что в качестве основного критерия оценки деятельности по охране государственной

границы на протяжении длительного исторического периода являлось состояние и способность подразделений выполнять соответствующие задачи. Как правило, исходной информационной базой для оценки состояния деятельности были различные статистические данные: итоги деятельности, результаты использования сил и средств, различные нормативы и др.

В 1893 г. произошел переход от таможенной пограничной стражи к войскам Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС), что позволило эффективно решать задачи по обеспечению безопасности России. На рубеже XIX – XX вв. в ОКПС осуществлялся контроль за всеми сторонами жизни и деятельности подразделений и служб путем проведения инспектирования, ревизий и проверок по линии подчиненности, назначением комиссий и др. Это было необходимо как для наблюдения за строгим выполнением положений и правил по пограничному надзору, так и в связи с постепенным переходом сторожевой службы к войсковой охране границы⁴.

С конца XIX в. в Отдельном корпусе пограничной стражи практиковались плановые и внеплановые проверки, которые проводились командиром корпуса, штаб-офицерами для поручений, начальниками округов. Инспектирование частей, штабов, учебных заведений и учреждений проходило без заблаговременного предупреждения о дне и порядке «смотра начальниками частей, а также лицами, особо для этой цели командироваемым.

Обязанности инспектирующих лиц, начиная от командира ОКПС, подробно расписывались в нормативных документах. Так, при инспектировании частей командир корпуса должен был наблюдать за благоустройством Стражи и в особенности обращать внимание на следующее:

- 1) удобно ли Стража расположена для пограничного надзора;

2) выполняют ли офицеры и нижние чины все свои обязанности по надзору за границей, то есть, делают ли надлежащие разъезды и обходы, содержат ли исправно караулы и прочее;

3) в надлежащем ли порядке ведутся офицерами письменные дела, особенно счетные книги, послужные и ремонтные списки;

4) получают ли нижние чины все определенные им от казны дачи натурою и деньгами, всегда ли сполна и в определенные для того сроки;

5) не терпят ли они притеснений от начальства и не имеют ли каких законных претензий...;

6) имеют ли нижние чины надлежащий воинский вид, одеваются ли с должной опрятностью, умеют ли употреблять оружие и не заметно ли между ними ослабления в воинском порядке и дисциплине по роду их службы»⁵ и др.

Инспекторский осмотр имел целью проверку части, штаба, управления, учреждения и заведения погранстражи во всех отношениях, а также полное ознакомление с нуждами чинов стражи. В ходе смотра проверялись численность личного состава, правильность отправления им службы, внутренний порядок; ведение хозяйства и отчетности, строевые занятия; готовность к мобилизации, а также проводился инспекторский опрос⁶.

По итогам проверки состояние деятельности по охране границы подразделений оценивалось как способность или неспособность пограничников к несению службы и выполнению поставленных задач. Для определения оценки в ходе проведения проверки, как правило, использовалась смешанная система оценок: бальная и описательная (количественная и качественная). Зачастую руководство ОКПС лично проводило мероприятия по инспектированию пограничных чинов. Так, в 1912 г. командир Отдельного корпуса пограничной стражи Н.А. Пыхачев совместно с офицерами штаба проинспектировал части 7-го пограничного округа:

30-ю Закаспийскую и 31-ю Амударьинскую бригады, в ходе которой проверил состояние пограничного надзора, удовлетворение религиозных потребностей пограничников, дело-производство, строевое и стрелковое дело, денежные отчеты, крейсер «Часовой», моторную лодку «Кречет» и другие. По результатам был сделан вывод: «Охрана границы во всем округе отличается до сего времени крайней слабостью и вся деятельность постов проходит главным образом в самообслуживании... Руководства со стороны начальников делом охраны границы на месте нет...».

Инспектирование пограничных частей проводили и представители Военного министерства. Так, в 1903 г. они провели смотры учебных сборов частей в Виленском, Варшавском и Одесском военных округах и отметили высокую выучку пограничников: хорошую одиночную боевую подготовку, а также то, что сведения о ручном оружии и «из уставов Гарнизонной и Внутренней службы усвоены всеми удовлетворительно, ответы осмыслены». Доклад о результатах смотра был направлен не только командиру ОКПС, но и императору⁷.

Инспектированию подвергалась не только служба пограничного надзора, но и другие стороны деятельности войск ОКПС. Для проведения инспектирования заранее намечался план проверки по шестнадцати разделам: общее состояние оружия; оружие неприкосновенного запаса; оружие, состоящее на руках; оружейные принадлежности; чистка и смазка винтовок; хранение оружия, деятельность оружейных мастеров; стрелковые приборы и пособия, учебное оружие; огнестрельные припасы; знание офицерами устройства оружия и употребление стрелковых приборов; ведение книг для отметок по осмотру оружия и боеприпасам. По всем другим сторонам деятельности частей и подразделений планы проверок предполагали такое же всестороннее ознакомление.

Несмотря на большое количество инспекторов из органов управления корпуса, основная тяжесть по осуществлению контроля ложилась на плечи унтер-офицеров, вахмистров,

командиров постов. Они проверяли службу фактически ежедневно. Как на плановой основе, так и внезапно. Внезапные проверки проводились разъездами от учебных команд или одиночными офицерами, но в последнем случае к проверке не привлекались пограничники постов, так как «терялся характер неожиданности».

Открытый и скрытый контроль, проведение инспектирования частей и пограничных подразделений в 1893–1917 гг. дали возможность выявлять наиболее характерные недостатки в организации и несении службы по пограничному надзору. Они сводились к следующему:

- несение службы происходило по установленному шаблону и только в зависимости от наличного состава поста, а не с учетом времени года, суток, погоды и др. Охранники объезжали свои участки на конях не только днем, но и ночью, как на первой, так и на второй линиях, из-за чего местные жители могли точно определить, сколько шло пограничников на тот или иной участок, сколько в секрет, под «старую грушу», где от постоянного лежания пограничников переставала расти трава⁸;

- нарушение пограничниками своих служебных обязанностей;

- слабое руководство службой пограничного надзора со стороны начальников;

- низкая организаторская роль командного состава, подавление «инициативы снизу», неоправданные ограничения и запреты и др.;

- серьезные недостатки в организации самого контроля⁹, который чаще всего сводился к представлению письменной отчетности (расписных книг)¹⁰.

В приказах по корпусу не раз подчеркивалось, что «фактический контроль отсутствовал. Сознания важности этого дела у начальников всех степеней нет». По результатам инспектирования и контроля ОКПС делались необходимые выводы, принимались конкретные меры для усиления охраны границы и работы с личным составом, которые излагались в приказах командира корпуса, так: «Охрана границ не должна строиться по

шаблону, а соответствовать требованиям обстановки и меняться в зависимости от хода и направления контрабанды и от условий погранично-сторожевой службы»¹¹. «Улучшить контроль, сократив переписку, проверяя сущность дела, а не форму, отрешившись от мелочей опеки и формализма; при оценке деятельности подчиненных основываться на личных наблюдениях и только потом – на докладах начальников. Лица, командируемые на границу, должны знать, что обязанность их состоит исключительно в констатации фактов, не требовать никаких письменных отчетов или донесений от командиров отделов и отрядов, означенная деятельность должна проверяться на местах»¹².

Таким образом, закладывался важный принцип оценочной деятельности: «оценка предполагает, что всегда надо стремиться к получению информации, отличающейся не столько объемом, сколько достаточностью и объективностью»¹³. Оценка зачастую, носила приближенный, усредненный, неточный и субъективный характер в силу отсутствия определения оценочных показателей. Инспектирование подразделений и частей Отдельного корпуса пограничной стражи представляло собой методичную работу всех звеньев руководства корпуса, начиная от его начальника и заканчивая унтер-офицерами, вахмистрами, командирами постов, по оценке деятельности подразделений ОКПС и выявлению текущих и потенциальных недостатков. Все это позволяло сформировать единую картину обстановки, а также спрогнозировать возможные проблемы, возникавшие в ходе охраны границы России. Рассмотренный исторический опыт позволяет выявить отдельные принципы, определившие подходы к оценке результатов и эффективности пограничной службы: объективность, целенаправленность, комплексность оценки, динамизм, надежность и диагностичность, которые в свою очередь находят свое место в современных подходах к оценке деятельности органов безопасности.

Из истории криминалистической регистрации в органах политического сыска Российской империи

Существенную лепту в результативность российского профессионального сыска в конце XIX – начале XX вв. внесла активная деятельность регистрационных бюро, созданных в органах полиции 9 апреля 1907 г.

Напомним, что Департамент полиции (ДП) осуществлял руководство как охранными отделениями, ведавшими борьбой с политическими преступлениями, так и сыскными отделениями, специализировавшимися в области выявления, пресечения и раскрытия уголовных правонарушений. Комплексная регистрация лиц соответствующих категорий подучётных лиц, интересовавших и политическую, и сыскную полицию, всегда приносила положительные результаты в работе.

В данной статье предполагается кратко остановиться, в первую очередь, – на основных моментах, связанных с работой на этом направлении охранных отделений. Вначале несколько слов следует сказать об истории их возникновения и развития.

13 августа 1902 г. Департаментом полиции был издан циркуляр № 5200, которым объявлялось утверждённое Министром внутренних дел за день до этого Положение о начальниках розыскных отделений. Этот документ чётко разграничил компетенцию жандармерии и розыскных отделений: первым вверялось производство дознаний по политическим преступлениям, вторым – осуществление оперативно-розыскных мероприятий по ним. Начальники розыскных отделений играли доминирующую роль в организации данного взаимодействия. Например, без их согласия жандармы не могли проводить обыски и аресты подозреваемых.

Кроме того, губернские жандармские управления обязаны были допускать начальников розыскных отделений по первому требованию к своему делопроизводству, а также сообщать им о лицах, предлагавших свои услуги в качестве осведомителей.

В 1902 г. в крупных городах империи, где наиболее активно проявлялось революционное движение, – Казани, Киве, Саратове, Баку и др. – была организована целая сеть розыскных отделений

Вскоре розыскные отделения были переименованы и переведены в категорию действовавших до этого параллельно с ними в Петербурге, Москве и Варшаве отделений по охране порядка и общественной безопасности (охранных отделений). В своей деятельности эти подразделения стали руководствоваться Временным положением от 27 июня 1904 г. практически полностью повторявшим Положение о начальниках розыскных отделений¹⁴. Общее руководство деятельностью охранных отделений было возложено на Особый отдел этого департамента, где, в частности, велась специальная картотека на самых известных революционных и общественных деятелей России.

В последующие годы был издан ещё целый ряд документов, пришедших на смену Временному положению: Положение о районных охранных отделениях от 14 декабря 1906 г.; Положение об охранных отделениях от 9 февраля 1907 г. и др.

К 1907 г. в стране насчитывалось 27 охранных отделений, а всего (в более поздний период их деятельности) их было создано 60¹⁵.

Каждое охранное отделение имело канцелярию, отдел наружного наблюдения, агентурный отдел и регистрационное бюро.

Главное внимание в данной статье уделяется работе регистрационных бюро охранных отделений. Охранные отделе-

ния не располагали в рассматриваемый период специальными нормативными актами, регламентировавшими работу входивших в их состав регистрационных бюро. Отдельные нормы, связанные в этой деятельностью, были рассредоточены по многочисленным циркулярам Министерства внутренних дел, Департамента полиции, его Особого отдела, а также филёрских подразделений, являвшихся одним из основных источников поступления учётно-регистрационных данных.

В органах политического сыска регистрационные бюро создавались для выполнения различных задач. В зависимости от этого одни из них действовали на постоянной основе, другие – на временной.

Постоянные регистрационные бюро использовали предшествующий опыт деятельности Третьего отделения Собственной его императорского величества канцелярии. С 1871 г. по секретному циркуляру этого ведомства начали создаваться «Алфавиты лиц, политически неблагонадежных», а также альбомы с их фотографиями, куда заносились «все лица, которые почему-либо обращают на себя внимание правительства, преимущественно в отношении политической неблагонадежности». Термин «алфавит» означал картотечный учёт, в котором регистрационные карточки располагались в алфавитном порядке.

Регистрационные бюро осуществляли криминалистическую регистрацию неблагонадежных лиц, систематизацию всех поступающих на них сведений. В ходе регистрации предписывалось осуществление сигналетической (опознавательной) фотосъемки подучётников, составление их словесного портрета, проведение дактилоскопирования и антропометрических измерений, получение образцов почерка.

На основе результатов уголовной регистрации в бюро формировались различные виды криминалистических уче-

тов. Представлявшие интерес сведения из различных источников на одно и то же подучётное лицо систематизировались в единой карточке. Карточки с информацией в отношении членов определённой политической организации нанизывались на отдельный регистратор, о чём делалась ссылка в алфавитном листе, находившимся на дуге или в специальном ящике.

Следует отметить, что ещё в 1902 г. подразделения тайной полиции располагали алфавитной картотекой, содержащей около 65 тыс. учётных документов. В архивах содержалось до 200 тыс. регистрационных карточек с фотографиями государственных преступников и лиц, состоявших под негласным надзором. После создания регистрационных бюро массивы картотек стали возрастать ещё более интенсивно. Так, в отчёте регистрационного бюро Московского охранного отделения за первые четыре месяца его работы отмечалось, что «для проверки в отделении созданы две картотеки. В первую (общую), насчитывающую около 300 тыс. карточек, вносятся все лица, которые по тем или иным обстоятельствам попадают в поле зрения отделения. В другую (специальную) картотеку объёмом около 30 тыс. карточек вносятся данные исключительно о членах противоправительственных и оппозиционных партий и организаций. По общему архиву за указанный период проверено 467 490 чел., при этом выявлено 1 663 политически неблагонадежных лица».

Для удобства в учётах использовались карточки различных цветов: социал-демократы были отмечены синим цветом, эсеры – розовым, студенты – желтым, анархисты – зеленым, деятели буржуазных партий и беспартийные – белым и т.д.¹⁶

В охранных отделениях консолидировались также значительные объёмы фактографической (событийной) информации, которая поступала от агентуры (включая зарубежную), а также от филёрской службы, в отношении лиц, попавших под подозрение и состоявших на алфавите.

В распоряжении охранных отделений имелись объёмные аналитические материалы, связанные с профессиональным, студенческим и другими «общественными движениями».

Помимо общих обзоров составлялись особые периодические бюллетени, где в хронологическом порядке излагались все наиболее значимые для органа политического сыска события, а его интересовало буквально все. Так, в подобный бюллетень попадали сведения о работе и настроении биржи, о ходе различных выборов, о передвижении английской эскадры, о намечавшихся политических переменах в других странах и т.д.

Писатель В.С. Пикуль в своём романе «Нечистая сила» так описывал работу аналитиков тайной полиции: «Всего пять минут требуется, чтобы на основе агентурных данных выдали о тебе справку на бланке серого цвета. И здесь всегда будут помнить даже то, что ты сам давно позабыл!.. Третий этаж – самый зловредный, ибо здесь расположен сыск, а заходить сюда могут лишь избранные. Именно тут собраны материалы личного состава департамента, в пухлых досье покоятся жизнеописания агентов и провокаторов. Прекрасная библиотека легальных и нелегальных изданий (русских и заграничных). На третьем этаже сидят похожие на приват-доцентов господа и почитывают книжечки. Это не жандармы – это скорее учёные с аналитическим складом ума. Они изучают мемуары революционеров, газеты Парижа и Мадрида, Брюсселя и Берлина, Токио и Нью-Йорка; красным карандашом, сочно и жёстко, подчеркивают всё, что может пригодиться: имена, псевдонимы, даты, клички. Третий этаж – самый хитрый и изощрённый (недаром здесь служит немало

профессуры). Каждая мелочь анализируется, все пустяки сопоставляются. Из столкновения фактов, порой и незначительных, рождается проблеск первого подозрения и заводится новое дело. (Шьётся дело! – говорят жандармы, скрепляя досье ниткой с иголкой)»¹⁷.

Основной проблемой в работе регистрационных бюро охранных отделений являлась потребность в тесных контактах с сыскной полицией, однако в силу различия интересов эти подразделения не всегда тесно взаимодействовали между собой и порой не оказывали друг другу помощь. Сведения об уголовном элементе, добывавшиеся регистрационными бюро охранных отделений, редко передавались в сыскную полицию. Чаще их сотрудникам запрещалось отвлекаться на «не свойственные политическому сыску вопросы». Например, по поводу установления лиц, занимавшихся подделкой кредитных билетов, начальник Пермского районного охранного отделения заявил, что эти лица «политическую полицию, которую он имеет честь в сем районе возглавлять, не интересуют», в связи с чем вопрос об их привлечении к ответственности так и остался открытым.

Возможно, что одной из целей реорганизации Московского охранного отделения, начавшейся в конце декабря 1910 г., как раз и явилось преодоление подобных негативных тенденций. К работе в указанном подразделении были привлечены представители сыскной полиции. К регистрационному бюро прикомандировали также 48 околоточных надзирателей, освобождённых от исполнения своих прежних обязанностей. Особые инструкции получили и приставы. Регистрационное бюро должно было обзаводиться секретной агентурой. Кроме того, при нём была сформирована «статская команда», состоявшая из ста бывших городских, которые несли филёрскую службу на участках по охране высокопоставленных лиц. Всего штат бюро насчитывал 153 чел.

Во время Первой русской революции и в последующий период получило распространение создание *временных*

охранных отделений, в задачи которых входило обеспечение личной безопасности «высочайших особ» в местах их возможного пребывания, отдыха, торжеств и международных встреч. В обязанности таких подразделений входили проверка жителей по пути «высочайшего проезда и проживания», выяснение их благонадежности, проверка лиц, приезжающих в ту или иную местность, и т.п. Для этого при временных охранных отделениях создавались особые регистрационные бюро.

Важнейшее значение придавалось работе особого регистрационного бюро в Санкт-Петербурге, деятельность которого распространялась также на царские резиденции в Царском Селе, Петергофе и Гатчине. Его функции регламентировались «Временной инструкцией чинам Регистрационного отдела», включавшей 47 пунктов, а также специальной подробной «разработкой для сотрудников бюро при проверке паспортов», состоявшей из 138 пунктов. В отмеченных документах определялись задачи подразделения, обязанности его начальника и постоянных служащих, функции прикомандированных сотрудников общей полиции и т.д. По образцу и подобию данной Инструкции разрабатывались нормативные документы, регламентировавшие деятельность временных регистрационных бюро в других городах и местностях, которые планировал посетить Николай II (Полтава, Рига, Киев, Овруч, Чернигов, Крым и др.).

Для оперативного решения вопросов, связанных с проверкой тех или иных лиц по месту их жительства, циркуляром Министерства внутренних дел от 21 мая 1910 г. № 167 губернаторам, начальникам областей и градоначальникам предписывалось вменить «городским и уездным полицейским управлениям в обязанность немедленно сообщать требуемые регистрационным бюро сведения по телеграфу полицейским шифром».

Специальные регистрационные бюро создавались и для активизации работы по пресечению деятельности террористических групп. Так, в целях наблюдения за боевой группой Савинкова 21 декабря 1910 г. Департаментом полиции был разослан циркуляр за № 127653, в котором в виде временной меры предлагалось создать соответствующие регистрационные бюро в Москве и Петербурге. Дела по организации этих регистрационных бюро так и были озаглавлены: «Регистрационное бюро в Петербурге в целях наблюдения за боевой группой Савинкова», «Регистрационное бюро в Москве в целях наблюдения за боевой группой Савинкова»¹⁸.

Следует подчеркнуть, что терроризм в рассматриваемый период являлся весьма серьезной проблемой для всего цивилизованного мира. В связи с этим ещё в декабре 1898 г. по инициативе итальянского правительства в Риме состоялась международная конференция, посвящённая проблемам защиты социального строя от анархистов. По итогам работы конференции 54 делегата из 20 государств, включая и Россию, подписали заключительный документ, предусматривавший ряд мероприятий, затрагивавших сферы административного, законодательного и политического противодействия терроризму. Стороны договорились о создании специализированных агентств, призванных наблюдать за анархистами на своей территории и обменивающимися полезной информацией. Предусматривалось введение законов, запрещающих применение взрывчатых веществ и владение ими, участие в анархистских организациях, распространение анархистской пропаганды, а также оказание поддержки анархистам. Смертная казнь должна была стать обязательным наказанием за покушения на глав государств.

Однако решения Римской конференции не были реализованы на практике. Странам-участницам не удалось добиться ни создания центрального антианархистского информационного бюро, ни принятия международного антианархистского законодательства¹⁹.

Руководители политической тайной полиции высоко оценивали работу своих регистрационных бюро, вполне обоснованно полагая, что их деятельность приносит «самые наилучшие результаты и даёт возможность подлежащим местным органам быть всегда в полной осведомлённости относительно того, с каким элементом им приходится считаться в данный момент...»²⁰.

И это действительно так. Общеизвестный факт, что во многом благодаря активной деятельности регистрационных бюро, в 1913 г. на международном съезде криминалистов в г. Берне (Швейцария) российская сыскная полиция в номинации «раскрываемость преступлений» была признана лучшей в мире.

В рассматриваемой связи нельзя не упомянуть ещё об одной картотеке, которая формировалась в Особом отделе департамента полиции. В рассматриваемый период на каждого человека, доставлявшего ценную агентурную информацию, заводилось соответствующее делопроизводство, где концентрировались сведения о самом человеке, его профессии, общественном статусе, членстве в революционных организациях и т. д.

После Февральской революции архив Департамента полиции был открыт, и данные о секретных агентах царской полиции обнародовали. Было создано несколько специальных комиссий, занимавшихся исследованием архива и выявлением лиц, связанных с царской «охранкой». Было установлено, что всего на картотечном учёте Департамента полиции состояло около 10 тыс. лиц, оказывавших негласное содействие органам политического сыска в период с 1870 по 1917 гг. В картотеке имелись данные на все категории агентов: секретных сотрудников, вспомогательных агентов, осведомителей, «штучников», заявителей и др. Данные об этих со-

трудниках исследовались и систематизировались на протяжении многих десятилетий Советской власти и сейчас являются достоянием историков²¹.

Учётно-регистрационная деятельность субъектов политического сыска в дореволюционный период не ограничивалась лишь работой тайной полиции. В соответствии с утверждёнными в 1911 г. «Правилами регистрации лиц контрразведывательными отделениями», которые создавали правовую основу для успешной информационно-аналитической работы военной контрразведки, начал активно формироваться криминалистический учёт лиц, подозревавшихся в шпионаже. Одновременно осуществлялась систематизация всех материалов в сфере борьбы со шпионажем, добывавшихся агентурой и наружным наблюдением.

Специально выделенные сотрудники заносили в особую картотеку данные на «заведомо причастных к военному шпионству, а равно подозреваемых в таковом», указывая их приметы, краткие биографии и «характеристики» деятельности.

Контрразведывательное отделение, получив сведения, указывавшие на возможную причастность к шпионажу того или иного лица, немедленно заводило на него соответствующую карточку и копии её рассылало всем контрразведывательным учреждениям империи, включая Главное управление Генерального штаба.

Помимо общей картотеки подозреваемых, во всех отделениях по агентурным дневникам составляли специальные «листочковые алфавиты» лиц, упомянутых хотя бы один раз в донесениях конфиденентов.

Наконец, в каждом отделении стали заводить общий список подозреваемых и «неблагонадежных» с условным разделением их по государствам, в пользу которых они работали, а «равно по районам и пунктам, в коих занимаются шпионажем». Эти сведения подлежали хранению в течение пятидесяти лет.

Всего на 1 января 1914 г. в 11 военных округах России было зарегистрировано 1 379 лиц, подозревавшихся в шпионаже. Самую многочисленную группу составляли фигуранты, заподозренные в связях с разведкой Австро-Венгрии. Они состояли на учёте практически во всех военных округах. В семи военных округах контрразведка поставила на учёт 309 вероятных агентов Японии. Лица, предположительно работавшие на германскую разведку, составили третью по численности группу подозреваемых²².

Сегодня ни для кого не секрет, что возможности современных силовых ведомств далеко не безграничны. Это не позволяет пока в достаточной мере противодействовать внешним и внутренним угрозам национальной безопасности России. Многие оперативные подразделения нередко проигрывают в получении актуальной информации, значимой для борьбы с преступностью. Их аналитическая деятельность, как показывает практика, организована слабо. Мощные «мозговые центры» современной организованной преступности и внешних противников нашей страны, напротив, располагают на сегодняшний день высокоэффективной разветвленной системой сбора, анализа и использования самых различных сведений, направленных на активное противодействие правоохранительным органам и спецслужбам, подготовку и совершение новых преступных акций.

Это свидетельствует о настоятельной необходимости совершенствования различных форм и видов аналитической работы субъектов контрразведывательной, разведывательной и оперативно-розыскной деятельности. Причём, обязательно должен быть востребован, адаптирован применительно к современным технологиям и поставлен на службу государству необоснованно забытый в свое время опыт деятельности регистрационных бюро силовых структур Российской империи.

Публичные собрания в 1905–1906 годах в документах Департамента полиции

В соответствии с Высочайшим манифестом «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г. император Николай II разрешал свободу слова, собраний, регистрацию политических партий²³. Вместе с тем задачи обеспечения безопасности в стране требовали от охраняемых структур соблюдения повседневного контроля различных общественных мероприятий. Департамент полиции (ДП) осуществлял контролируемую деятельность через работу секретной агентуры, перлюстрацию, переписку с губернаторами и начальниками розыскных учреждений.

Менее чем через месяц после опубликования Манифеста 17 октября 1905 г. Департамент полиции начал получать запросы от губернаторов, касающиеся уточнения условий реализации нового документа. 30 ноября 1905 г. тверской губернатор П.А. Слепцов писал в Департамент полиции: «Покорнейше прошу уведомить, как надлежит считать митинги, устраиваемые рабочими на фабриках и заводах, то есть надлежит ли такие митинги признавать публичными и следовательно разрешаемыми на основании правил 12 октября, так как эти митинги по большей части бывают многолюдные и при том на них почти всегда принимают участие пришлые ораторы или же фабричные митинги, как проходящие в закрытых фабричных помещениях, относятся к категории частных, не требующих разрешения на устройство их»²⁴. Ответ был получен тверским губернатором 12 декабря 1905 г.: «Департамент полиции уведомляет ваше превосходительство, что митинги, устраиваемые рабочими на фабриках и заводах надлежит признавать публичными, если на них присутствует

сторонняя публика и вопросы, подлежащее обсуждению, выходит из сферы экономических, интересующих рабочих предметов»²⁵.

21 января 1906 г., через три месяца после обнародования Манифеста 17 октября, министр внутренних дел П.Н. Дурново направил калужскому губернатору А.А. Офросимову послание, которое может считаться программой противодействия революционному движению в условиях либерализации законодательства. Директивный стиль письма соответствовал исключительным обстоятельствам, в которых приходилось работать чиновникам в центре и на местах. Дурново писал: «Первое. Разнузданность, допускавшаяся на митингах, привела нас почти к полной революции. Поэтому безусловно необходимо удержать настоящее положение и разрешать митинги с величайшим разбором лишь людям умеренных воззрений. Второе – сообразовать число разрешаемых митингов с возможностью надзора за ними, дабы иметь всегда достаточно полиции, чтобы разогнать митинги силой. Третье – ни под каким видом не допускать многолюдных митингов под видом частных собраний и все подобные многолюдные собрания признавать публичными. Четвертое – в видах осторожности многолюдных митингов отнюдь не допускать. Пятое – равным образом не допускать митингов, устраиваемых с очевидной целью пропаганды революций рабочим и простому народу. Шестое – вне городских поселений, а равно в городах на открытом воздухе никаких митингов не разрешать. Седьмое – в высших учебных заведениях, земских, словесных, городских зданиях – митинги не допускать. Восьмое – иметь постоянно в виду, что закон 11 октября должен быть применяем однообразно во всей империи, что «он предоставляет губернаторам широкое право не давать разрешение во всех случаях, когда, по их мнению, митинг угрожает порядку и спокойствию»²⁶. Удивительно, что в январе 1906 г., после того, как произошли такие события, как «Кро-

вавое воскресенье» и Декабрьское восстание в Москве, унесшие жизни сотен людей, министр внутренних дел считал, что в России происходит «почти полная революция». Также обращает внимание и то, что Дурново, через три года после провала эксперимента С.В. Зубатова по созданию легальных обществ взаимопомощи рабочих, придерживался мнения о том, что «митинги людей умеренных воззрений» могут быть приемлемыми. В Москве распространялись слухи о том, что Дурново не серьезно относится к революционным событиям. С.Ф. Ольденбург писал С.С. Ольденбургу 16 апреля 1906 г.: «Одно довольно высокопоставленное лицо с придворным званием рассказывал мне свою беседу с Дурново, который сказал: «Все, что происходит теперь в России – большое недоразумение, скоро все в этом убедятся и увидят, что все это был просто пуф»²⁷.

Департамент полиции наблюдал и за тем, каким образом проводили вакации депутаты Государственной Думы. 15 июня 1906 г. в адрес саратовского губернатора С.С. Татищева поступило письмо следующего содержания: «Некоторые члены Государственной Думы решили взамен летнего перерыва уезжать по очереди на родину и проводить несколько дней среди своих выборщиков. В конце текущего июня ожидается подобная поездка в город Камышин члена Государственной Думы Я. Дитца, причем предполагается устроить собрание немецких уполномоченных где-нибудь в селе или в самом Камышине»²⁸. В 1907 г. общение думцев с общественностью вне стен Государственной Думы продолжилось. Департамент полиции перлюстрировал письмо неустановленного лица А. Дуделю в Одессу: «Чтобы не быть голословным, укажу хотя бы на то, что рабочие требуют отчетов о том, что творится в Думе, и о тех вопросах, которые там поднимаются. Понемногу опять открываются клубы (например, 2 на Выборгской – на старых местах), в которых

пролетарии хотят слушать сообщения о бюджетах, об аграрном вопросе, о кооперативном движении и профессиональных союзах и т.п.»²⁹.

В июле 1906 г. обращения губернаторов в Департамент полиции о разрешении или запрете публичных мероприятий участились настолько, что Дурново вынужден был разослать инструкцию по всем губерниям: «В последнее время многие начальники губерний обращаются в Министерство внутренних дел за разъяснением того, как надлежит им поступать в тех случаях, когда устраиваются публичные собрания (митинги) при участии членов Государственной Думы. По этому поводу считаю нужным указать, что так как в законе 4 марта текущего года о собраниях не сделано для таких митингов каких-либо исключений, то таковые должны подчиняться тем же правилам, как и всякие другие публичные собрания, а, следовательно, должны быть закрываемы в случаях, предусмотренных статьей 12 отд. II упомянутого закона»³⁰.

Источники зафиксировали диаметрально противоположные интерпретации законов о публичных мероприятиях со стороны глав местных администраций. С одной стороны, некоторые уездные начальники стремились скрупулезно контролировать даже свадьбы и похороны. Газета «Биржевые ведомости» сообщила 8 мая 1907 г.: «Нам доставлен циркуляр начальника Рижского уезда, которым он объявляет подведомственным чинам о том, что запрещение устраивать всякого рода собрания без разрешения полиции распространяется также и на случаи крестьянских похорон, свадеб, поминок и т.п.»³¹. С мнением уездного начальника согласился Лифляндский губернатор³². С другой стороны, министр внутренних дел получал письменные обращения о том, что полицейский контроль публичных мероприятий затруднителен и малоэффективен. Одесский градоначальник писал 2 февраля 1906 г.: «Внутренний контроль за происходящим на этих собраниях официально не возможен, так как на основа-

нии статьи XII указа 11 декабря 1905 года в подготовительных собраниях чины полиции не присутствуют и роль их ограничена лишь наблюдением за тем, чтобы посторонние лица не имели доступа в помещения, в которых происходят собрания; не предусмотрено также право для администрации командирования на подготовительные собрания особых чиновников... Таким образом, сведения о ходе подготовительных собраний, об общем их направлении и речах в них произносимых, будут получаться лишь агентурным путем»³³.

Калужский губернатор А.А. Офросимов в письме министру внутренних дел фактически заявлял о том, что решения о дозволении или запрете собраний будут приниматься им в соответствии со степенью их политической лояльности власти. Интересно, что в его обращении нет ни слова о нормах закона. 25 января 1906 г. он писал: «Мною разрешаются собрания местных отделений партий «За царя и порядок», «Союза 17 октября», «Торговопромышленной», «Конституционно-демократической» и будут допускаться собрания выборщиков и избирателей в Государственную Думу, но так называемые «митинги» я не нахожу возможным допускать, пока у меня не будет полной уверенности в том, что эти митинги не будут служить ареной противоправительственной деятельности. При этом считаю долгом присовокупить, что среди населения Калужской губернии значительно сократилось стремление к самоуправным действиям скопом против частной собственности и появление отдельных агитаторов противоправительственной пропаганды. Все это – результаты преподанных Вашим Высокопревосходительством мероприятий и объявление Калужской губернии на положении чрезвычайной охраны»³⁴. Несмотря на верноподданический характер вышеприведенного письма, следует отметить, что оно не соответствовало законодательным нормам. 4 марта 1906 г. были опубликованы Правила, согласно которым устройство собраний могло быть разрешено только физическим лицам, а не партиям (большая часть из них к этому времени не утвердила устав). Из других определений закона,

препятствующих публичных мероприятий, можно отметить запрет их устройства в гостиницах или ночлежных домах, угрозы участникам мероприятий общественному порядку и спокойствию.

Тот же калужский губернатор решил подробнейшим образом оповещать Департамент полиции о публичных собраниях в вверенной ему губернии. 27 июня 1906 г. он сообщал: «17 сего июня было устроено в Калуге в помещении Дворянского собрания членом губернской земской управы Кашкаровым и помощником присяжного поверенного Циборовским собрание калужского отдела конституционно-демократической партии, на каковом собрании присутствовало около 700 чел., в числе которых члены Государственной Думы от Калужской губернии Новосильцев и Обнинский... Константин спросил, что будет делать Дума, если министерство, ухода которого он требует, не уйдет. Из его слов видно неодобрение к Думе за ее «долготерпение». Новосильцев категорически заявил, что министерство не может не уйти. Через три месяца ему нужны будут деньги, а Дума постановила не разрешать кредита этому министерству и оно волей-неволей должно будет уйти»³⁵.

Закон 4 марта 1906 г. породил такую путаницу и недоумение среди губернаторов, что отголоски этой путаницы были актуальны и в 1909 г. Так, курский губернатор М.Э. Гильхен 11 января 1909 г. написал большое письмо в Департамент общих дел Министерства внутренних дел, в котором признался, что закон порождает двойственные интерпретации: «При применении на практике закона 4 марта 1906 года мной встречены затруднения в разрешении следующих вопросов: 1) Относится ли статья 135 Устава о предупреждении и пресечении преступлений, запрещающих устройство всякого рода зрелищ и увеселений без разрешения полиции, только к публичным (общенародным) увеселениям или же ко всем без исключения увеселениям (спектакли, музыка, танцы, пение, декламация, карточные игры), как публичным, так и не публичным. 2) Должно ли почитаться публичным собрание в общественном клубе или семейном собрании, в которое имеет

доступ кроме членов собрания только гости, входящие по записи их членом собрания в особую книгу, за что гости вносят плату в доход собрания. Если таковые собрания признаются публичными, то обязательно ли к ним применение ст. 5 раздела III Временных правил о собраниях 4 марта, а также подлежит ли плата, взимаемая с гостей особому сбору в пользу ведомства императрицы Марии»³⁶. Через четыре месяца курскому губернатору ответил лично исполняющий должность директора Департамента полиции Н.П. Зуев. Он разъяснил губернатору, что смешивать ст. 135 Устава о предупреждении и пресечении преступлений и закон 4 марта 1906 г. нельзя, так как спектакли и общенародные игры, которые могут быть запрещены ст. 135, не относятся к «объединениям по вопросам общественным и государственным», находящимся под действием закона 4 марта.

Как демонстрируют архивные документы, губернаторы иногда не понимали смысл новых законов и постановлений. Чрезвычайная перегруженность начальников губерний, необходимость заниматься мелкими несущественными делами в условиях революционного времени способствовали кризису местного управления, невозможности оперативно решать повседневные проблемы. Уже во второй половине XIX века губернаторы, будучи чиновниками Министерства внутренних дел, «получали большое количество министерских предписаний из всех департаментов, которые должны были исполнять»³⁷. Важнейший вопрос разрешения или запрета публичных собраний во время продолжающейся революции вызывал много вопросов глав местных администраций; их переписка с Департаментом полиции или с Министерством внутренних дел могла занимать несколько месяцев, что совершенно не удовлетворяло потребностям управления.

Некоторые особенности организации пограничной охраны Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)

К началу Первой мировой войны (1914–1918 гг.) в условиях бурного технологического развития соперничавших стран, акватория Балтийского моря представляла собой не только широкую торгово-экономическую зону, связывавшую разные государства, но и область военного противостояния стран. В связи с экспансионистской политикой отдельных европейских государств и обострением обстановки в европейском регионе, сложилась реальная опасность вторжения агрессора в северные рубежи Российского государства, тем самым поставив перед лицом потенциальной опасности его столицу – Петроград. Северо-западным оплотом государственной границы Российской империи являлась Финляндия, входящая в ее состав по Фридрихсгамскому мирному договору 1809 г. В условиях начавшейся Первой мировой войны данный регион получил особую стратегическую значимость. Наделенная широкими автономными правами Финляндия, являлась с одной стороны, своего рода надежным щитом от нападения врага, но с другой стороны в случае занятия ее территории неприятелем, создавала потенциальный плацдарм для атаки на северо-западную часть Российской империи и Петроград, в частности. Как свидетельствует исторический опыт, Финляндия неоднократно являлась плацдармом для военных действий Швеции против России³⁸.

Для обеспечения комплексной защиты стратегически важного региона, с суши и моря, а также с воздуха (в связи с бурным развитием воздухоплавания и авиации), русским во-

енным командованием был предпринят ряд мер военно-оборонительного характера на территории Финляндии, в том числе и в области боевого применения в условиях начавшейся войны сил и средств пограничной стражи империи. Так, уже 18 июля 1914 г. были мобилизованы все 5 округов пограничной стражи России, 31 июля они перешли в подчинение военного ведомства³⁹. Чины 1-го пограничного округа, в составе четырёх бригад (1-й пограничной С-Петербургской императора Александра III бригады; 2-й пограничной Ревельской бригады; 3-й пограничной Аренбургской бригады; 4-й пограничной Рижской бригады) и одной особой пограничной Беломорской сотни были рассредоточены по побережью Балтийского моря для несения охранной службы на наблюдательных постах, а Беломорская пограничная сотня была расположена в районе Архангельского, Онежского и Мезенского уездов⁴⁰.

К началу XX в. внутренняя ситуация в княжестве Финляндском была двоякой: с одной стороны, в связи с широкими автономными правами народных волнений на его территории не было, и местное население было лояльно настроено к российской власти. С другой стороны, в связи с политикой царской власти, направленной на ограничение некоторых прав финского населения, пропагандистской деятельностью отдельных групп лиц и политических сил, в том числе и социалистов, уже к 1914 г. настроение населения Финляндии было разно полярным. Ситуация осложнялась и тем, что часть этого населения являлась шведами по происхождению, и их политические взгляды зачастую были направлены против российской власти в сторону восстановления шведской гегемонии в регионе. Пограничная стража России постоянно следила за настроениями населения Финляндии и регулярно докладывала о его состоянии по команде. Так, например, начальник 3-го Николайстадского участка пограничной стражи, с большим количеством проживавшего шведского

населения, в 1915 г. докладывал: «Настроение местных жителей спокойное, а в деревнях и селах даже сочувственное к нам, про города это сказать нельзя. Горожане холодно корректны и положиться на них нельзя»⁴¹. Подобное положение явно осложняло ситуацию в регионе.

Для защиты территории Финляндии и северо-западных рубежей Российской империи от вероятного вторжения неприятеля была сформирована Финляндская пограничная охрана, которая фактически состояла из небольшого гарнизона русских войск. В связи с её малочисленностью уже в начале 1915 г. она была усилена сотнями 1-й пограничной С-Петербургской императора Александра III бригады. Так, согласно приказу по бригаде № 241, с февраля 1915 г. были отправлены на территорию Финляндии ее сотни⁴². В дальнейшем, на базе сотен бригады были развернуты четыре пограничных Петроградских конных дивизиона, личный состав которых был распределен на постах от селения Муониска, по побережью Ботнического и Финского заливов и по сухопутной с Финляндией границей между Финским заливом и Ладожским озером. Специально созданные Петроградские конные дивизионы несли охранную службу на побережье, входя в состав семи участков Финляндской пограничной охраны. Пограничные посты подразделялись на офицерские, унтер-офицерские и береговые ближнего наблюдения. В обязанности постов входило постоянное наблюдение за вероятным появлением противника с моря и воздуха, при обнаружении летательного аппарата личный состав поста должен был немедленно сообщать по команде о направлении его полета, и при необходимости вести его преследование.

В случае обнаружения вражеского десанта пограничный пост поддерживал телеграфную, телефонную, конную и велосипедную связь с соседними постами, командиром своей сотни, начальником участка, соседними частями, батареями и береговыми наблюдательными постами для своевремен-

ного донесения по фронту и в глубину всем войсковым частям. Пограничникам было предписано немедленно оповещать о десанте близлежащие посты и части и «максимально воспрепятствовать его высадке». Причем соседние с атакуемым участком посты должны были включаться в отражение вражеского десанта и оказывать друг другу поддержку, опрокидывать неприятеля обратно в море, либо при его многочисленности «задерживать врага огнем, не даваться ему в руки и доносить о происходящем по команде». При отходе пограничных постов, под натиском вражеского десанта, они превращались в разведзаставы, между которыми устанавливалась надежная связь по фронту и в глубину.

При этом важно подчеркнуть, что в случае отступления, пограничные посты начинали действовать организованно и активно. Отступая, они угоняли подвижной состав железных дорог из опасных районов и «уничтожали близлежащую инфраструктуру, вместе со всем, что могло быть использовано в пользу неприятеля, тем самым всячески затрудняя продвижение врага вглубь страны»⁴³. Посты также препятствовали незаконному переходу отдельных лиц через полосу охраны, как из-за границы, так и за границу, наблюдали за исполнением местными жителями постановлений военного и гражданского начальства.

Для эффективного обнаружения и противодействия вражеским летательным аппаратам и морским судам на территории Финляндии чины пограничной стражи в ходе войны активно взаимодействовали с частями Морской охраны Ботнического залива. Она представляла собой сеть постов ближнего и дальнего наблюдения, расположенных на шхерах и островах, личный состав которых вел наблюдение за морем и небосводом и сообщал о появлении неприятеля на пограничные береговые посты ближнего наблюдения. Причем посты располагались таким образом, чтобы с берегового пункта был виден сигнал соответствующего Морского пункта. В

условиях плохой видимости донесения доставлялись на моторной шлюпке. При необходимости оказания помощи судам Морской охраны, и при наличии необходимых сил, помощь выделялась из числа чинов Финляндской пограничной охраны⁴⁴.

На протяжении всей войны частям Морской охраны давались чёткие указания о действиях на случай возможной высадки неприятеля на побережье. Для задержания вражеского десанта предусматривалась реализация ряда мер, в результате которых: «1) главные фарватеры ведущие в гавани портов, как то КЕМИ, ТОРНЕО, УЛЕАБОРГ, ГАМЛЯ-КАРЛЕБЮ, ЯКОБШТАД, НЬЮ-КАРЛЕБЮ, НИКОЛАЙСТАД, КРИСТИНЕСТАД, СЕДЕБЮ, КАСКЭ, МЯНТЮЛУОТО, РАУМО, НЮСТАД, АБО – были частично заминированы, либо подготовлены к минированию; 2) некоторые особо важные пункты фарватеров были приготовлены к тому, чтобы из них в нужный момент были затоплены пароходы»⁴⁵. Кроме того, на некоторых пограничных участках, как например на 3-м Николайстадском, в связи с особенностями прибрежного рельефа, для блокирования вражеского флота использовалась естественная архитектура дна – «шхеры прикрывали собой побережье, затрудняя приближение к берегу не только крупного флота, но и мелких судов, если они не были хорошо знакомы с лабиринтом шхерных фарватеров. Значение шхер возрастало, при наличии минного флота. Последнее заставляло блокирующую эскадру противника держаться от наших берегов на значительном удалении под угрозой минных атак из шхер. Проведение же десантных операций в этих условиях для противника становилось рискованным.

Особое внимание пограничными постами на территории Финляндии велось за наблюдением и оповещением в случае приближения вражеских воздухоплавательных аппаратов. Для раннего обнаружения неприятеля посты располагались на открытых и возвышенных местах, таких как колокольни и

башни. Для удобства пограничников они оборудовались простейшими приборами определения направления полета вражеских летательных аппаратов, помогавшими ориентироваться нижним чином: «На каждом таком наблюдательном пункте был установлен деревянный круг диаметра в $\frac{1}{2}$ аршина, разделенный на 4 равных сектора, каждый сектор окрашен в различные цвета, круг этот был установлен по компасу»⁴⁶. Так, например, начальники постов 1-й и 3-й сотен 3-го конного Петроградского дивизиона пограничной стражи при появлении воздушного противника были обязаны немедленно доложить об этом командиру и сообщить о направлении движения летательного аппарата телефонограммой на соседние правый и левый посты⁴⁷. После этого наблюдение за аппаратом продолжалось.

У пограничников был приказ не только наблюдать за летательными аппаратами противника. Офицерские посты могли атаковать воздушные суда неприятеля, а также вели их преследование всеми доступными средствами. Военским чином давались подробные наставления на этот счет. Так, например, начальник 3-го Николайстадского участка Финляндской пограничной охраны описывал несение службы на своих постах 22 марта 1916 г.: «На каждом офицерском посту должна была постоянно находиться дежурная часть для обстрела и преследования летательных аппаратов. Обстрел мог производиться только по приказанию офицера, причем по аэропланам открывали частый одиночный огонь, а по дирижаблю стреляли залпами, наблюдая чтобы огонь не был направлен на населенные пункты и города, чтобы не причинить вред местным жителям. Обстрел воздушных судов начинался только в том случае, если аппарат был уязвим для выстрелов, если же аппарат летел слишком высоко, или его не удалось подбить, то высылались разьезды на велосипедах для преследования и дальнейшего наблюдения за полетом,

причем посланный разъезд должен был при каждой остановке, сообщать о результатах преследования и в каком направлении продолжал лететь аппарат»⁴⁸.

В случае вынужденного или добровольного спуска летательного аппарата пограничники: «Арестовывали всех находящихся на нем лиц, отбирали имеющееся при них оружие, производили обыск, все обнаруженное при обыске отбирали, задержанных отводили в помещение поста, а к аппарату приставляли 2-х нижних чинов для охраны аппарата, а если представлялась возможность, то аппарат также доставляли на пост. После чего тотчас же доносили обо всем непосредственно командиру»⁴⁹.

Особое внимание в годы Первой мировой войны обращалось на настроения местного населения Финляндии. В военных документах того времени отмечалось, что «оборона со стороны моря при условии сочувствия местного населения задача не трудная. Совершенно иною представляется она при не сочувствии, а тем более враждебности местных жителей»⁵⁰. Велась активная идеологическая борьба за умы и настроения местного приграничья Российской империи. Во время войны российскими государственными органами был введён особый контроль за передвижением граждан через государственную границу империи в пределах Финляндии: был запрещён выезд всех молодых финляндцев мужского пола в возрасте от 19 до 35 лет, в Швецию. Из приграничных со Швецией областей выезжать можно было только политически благонадежным гражданам империи по спецдокументам – «легитимационным билетам» с разрешения Улеоборгского губернатора и местной жандармерии⁵¹. Все это проводилось для укрепления политической ситуации в Финляндии и пресечения деятельности иностранной пропаганды на территории Российской империи, а также исключения случаев бегства местного населения на шведскую территорию.

Хотя соседняя Швеция и сохраняла формальный нейтралитет в отношениях с Россией, но антирусский информационный поток, шедший из этой страны, уверенно раздувал революционные настроения в сердцах финнов. Эти настроения активно подогревали и целенаправленно использовали вражеские, в первую очередь немецкие агенты. На протяжении всей войны, на этом направлении была значительно расширена деятельность немецких шпионов, которые помимо сбора важных сведений, вербовали финскую молодежь для вовлечения её в открытые вооруженные выступления против властей Российской империи на территории Финляндии⁵².

На пограничную охрану Финляндии, чинов пограничной стражи легла повышенная ответственность за борьбу с политической контрабандой на государственной границе Российской империи. Например, из Швеции шёл широкий поток прокламаций, спрятанных в коробках для спичек⁵³. Пограничная стража России всячески пыталась пресекать этот поток, одновременно осуществляя сбор разведсведений о деятельности иностранных разведок. Так, например, в июне 1917 г., командир 1-й пограничной С-Петербургской императора Александра III бригады, занимавший одновременно должность помощника начальника Финляндской пограничной охраны, докладывал по команде, что: «Из весьма серьезных американских источников сообщается, что немцы усиленно работают над подготовкой в Финляндии восстания. Деньги и инструкции идут из Министерства иностранных дел в Берлине. Крупный резидент имеется в Нью-Йорке. Он располагает кредитом до одного миллиона долларов и деятельность его, главным образом, распространяется на финляндских эмигрантов, коим выдаются субсидии и которые вербуются для пропаганды. Источник просит обратить внимание на всех Финляндских эмигрантов, коим выдаются субсидии и которые вербуются для пропаганды. Источник просит обратить внимание на всех финляндских уроженцев, воз-

вращающихся из Швеции. Передачей в Финляндию инструкций и денег заведует германский консул в Стокгольме. Глава организации в Финляндии – офицер, является резидентом в Гельсингфорсе. Живет там с фальшивым паспортом и вербует сотрудников среди молодежи. Гельсингфорс якобы должен явиться центром снабжения оружием эмигрантов. Начало восстания в Финляндии хотят приурочить к началу наступления Русских армий»⁵⁴.

В условиях активных антироссийских действий с территории Швеции русское военное командование уже с 1915 г. прорабатывало различные варианты развития военной ситуации на границе империи со Швецией. Поэтому, в строго ограниченных военных кругах подвергалась изучению справочная книга «Организация и дислокация шведской армии», являвшейся особо секретной в связи с действовавшими на тот момент «дружественными отношениями между Россией и Швецией»⁵⁵. Это была вынужденная мера.

Таким образом, в силу ряда объективных геополитических факторов военного и политического характера, создание надежной защиты территории Финляндии в Первой мировой войне являлось одним из важных приоритетов деятельности Российского государства. Территория Великого княжества Финляндского являлась для Российской империи своеобразным щитом от вражеского нападения с севера. Неприятель всячески стремился разрушить этот щит и превратить Финляндию в плацдарм для активного наступления на Петроград. Созданная Финляндская пограничная охрана, совместно с частями Морского ведомства и подразделениями пограничной стражи, создала эффективную оповестительно-оборонительную систему, состоявшую из наблюдательных постов для защиты территории, как с моря, так и воздуха. Решая задачу обеспечения безопасности столицы, государственные органы власти России приобрели определенный опыт в борьбе с вражеской пропагандой, и с ослаблением её влияния на разжигание в стране революционных,

антирусских настроений в условиях военного времени. В условиях современной нестабильной военно-политической обстановки в мире, большого количества зачастую искусственно раздутых огней «цветных революций» в мире целесообразно внимательно изучать фактор проведения неприятелем дестабилизирующих мероприятий на территории своей страны, разжигания иностранными агентами антигосударственных, националистических настроений в стране. Более углубленное изучение этих проблем, в том числе и на базе исторических источников периода Первой мировой войны, может быть полезным для успешного проведения исторического анализа и прогноза обстановки современными спецслужбами России, отвечающими за национальную безопасность государства.

**Следствие и суд по политическим делам
в России в 1917 г. (по материалам ЧСК
Кронштадтской крепости)**

В результате революционных событий Февраля 1917 г. после свержения в России монархии установилась форма государственного правления, вошедшая в отечественную историю как период своеобразного сосуществования и противостояния двух властей – Временного правительства и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, которому стали подчиняться уже имеющиеся и возникающие по всей стране Советы. Данный хронологический этап отличается также деятельностью различных следственных комиссий, созданных Временным правительством в центре и на местах с целью расследования различных сторон политики царского правительства.

Так, уже в марте – июне 1917 г. Временное правительство учредило несколько следственных комиссий. Особенное значение придавалось деятельности Чрезвычайной следственной комиссии при Временном правительстве (далее – ЧСК), созданной 4 марта 1917 г. для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц⁵⁶. Создание ЧСК должно было помочь стабилизировать общественно-государственную систему и ввести в правовое русло народный гнев и самосуд против деятелей «старого государственного строя». Строгая приверженность законности и правопорядку была для Временного правительства основанием легитимации и укрепления его власти. При этом подчёркивалось ее принципиальное отличие от свергнутого ре-

жима⁵⁷. Под эгидой ЧСК для способствования ее деятельности создавались различные следственные комиссии, в том числе, «Комиссия по разбору дел бывшего Департамента полиции» и многие другие⁵⁸.

14 апреля 1917 г. были основаны две «Особые следственные комиссии для расследования злоупотреблений по военному и морскому ведомствам», а 9 июля 1917 г. – «Особая следственная комиссия для расследования степени участия в восстании 3–5 июля 1917 года отдельных частей войск и чинов города Петрограда». Подобные комиссии являлись безусловно архаичной формой организации предварительного следствия. По своей компетенции они весьма напоминали временные следственные комиссии, особенно часто создававшиеся в России во второй трети XVIII в.⁵⁹

Несмотря на заверения официально признанного Временного правительства о беспристрастности деятельности данных комиссий, в их работе не удавалось избежать предвзятости. Например, член ЧСК С.А. Коренев указывал, что в составе ее президиума имелось два течения – одно более мягкое, старающееся каждое дело рассмотреть и сточки зрения закона и со стороны простой справедливости, и другое, не знающее ничего, кроме желания «оправдать доверие общества и расправиться со злодеями»⁶⁰. То, что расследование той же ЧСК велось и в отношении тех, кто просто являлся сторонником самодержавия, убедительно свидетельствуют дела, помещенные в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Это материалы расследования, в первую очередь, в отношении активных общественно-политических деятелей монархического крыла, правых депутатов Государственной Думы⁶¹.

Учитывая то, что стихийно созданные разнообразные Советы депутатов (рабочих, солдатских, крестьянских, казачьих матросских и др.) самостийно закрепили за собой существенные властные полномочия, Временному правительству

пришлось с этим считаться и, наряду с должностными лицами судебного ведомства, в состав ряда комиссий включались представители Советов. Относительно деятельности ЧСК, в той или иной степени, осуществлялось взаимодействие между Временным правительством и Петроградским Советом. Более того, отдельные ЧСК, независимые от ЧСК при Временном правительстве, создавались при исполкомах Советов.

Так, при исполнительном комитете Совета рабочих и солдатских депутатов крепости Кронштадт действовала своя чрезвычайно-следственная комиссия, в состав которой входили представители от политических партий и общественных организаций революционного толка. Возникновение подобного рода комиссий, наряду с другими их аналогами, стало возможным ввиду ухудшения всеобщей ситуации с поддержанием правопорядка, усиления преступности и политического экстремизма.

Причины этого кроются не только в затяжном системном кризисе, охватившем Россию с начала Первой мировой войны, но и популистскими мерами Временного правительства в марте 1917 г., стремящегося заработать авторитет общественности. К их числу следует отнести упразднение Департамента полиции МВД и Отдельного корпуса жандармов, с увольнением всего личного состава органов полиции и жандармерии; проведение широкой амнистии и т.п.⁶²

Все это, сопряженное с неспособностью Временного правительства обеспечить должное функционирование аппарата власти центра и на местах, позволило существование различных учреждений общественной самоорганизации, осуществляющих не только административную, но и судебную и правоохранительную деятельность, зачастую не подчиняясь распоряжениям Временного правительства или, самостоятельно интерпретируя их, по-своему толковали содержание распоряжений.

ЧСК Кронштадтской крепости была создана с целью расследования дел, связанных с секретной агентурой Кронштадтского жандармского управления. В состав комиссии входили представители партий революционного толка, городского самоуправления, следственной комиссии (находившейся при Петроградском исполкоме Советов) и различных демократических организаций, повсеместно стихийно созданных в этот непростой период. Политизированность данной комиссии проявилась не только в ее составе, но и в ее деятельности.

Следует отметить, что в целом к уголовным делам «политического» характера наблюдалось повсеместное повышенное внимание. В данном случае, следствие проводилось в отношении лиц, обвиняемых в провокаторстве, и вообще в любом проявлении сотрудничества с Кронштадтским жандармским управлением. О результатах своей деятельности члены ЧСК регулярно докладывали в Исполком Совета рабочих и солдатских депутатов г. Кронштадта.

Полномочия ЧСК были существенные: устанавливать виновность или невиновность арестованных. В первом случае – освобождать, во втором – оставлять в тюрьме до созыва Учредительного Собрания.

Также за три дня до разбора дела лица, обвиняемого в провокации, для осведомления граждан сообщалось об этом в газетах, чтобы каждый, что-либо знающий об обвиняемом, мог сообщить вовремя все сведения, имеющиеся в его распоряжении.

После оправдания обвиняемого ЧСК, оправданный оставался под стражей три дня. Если в течение этого времени не будет предъявлено ни с чьей стороны протестов против его освобождения, то таковое должно было состояться⁶³.

Все дела «о секретных сотрудниках» после окончания следствия из комиссии передавались в общественный демократический суд, также являющийся продуктом революционного «самоуправства».

Общественный суд, как значилось в одном из его протоколов, был ответственен перед Советом и исполнительным Комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов Кронштадтской крепости, и в своих постановлениях руководствовался «мнением широких кругов общества». В случае признания обвиняемого виновным, суд применял следующие меры пресечения:

- освобождать обвиняемого под надзор общественной организации;
- освобождать с лишением права выезда из Кронштадта;
- освобождать с опубликованием имени и фамилии освобожденного и указанием его виновности и уведомлением об этом по месту жительства;
- освобождать с лишением избирательного права (пассивного и активного) при выборах во все демократические организации;
- оставлять в тюрьме впредь до выработки новых законов о провокаторах⁶⁴.

Архивные материалы ЧСК Кронштадтской крепости отражают всю глубину противоречий, сложившихся в России на фоне обострения системного кризиса и радикализации общественных настроений. Так, 22 августа 1917 г. в исполком данного Совета была направлена записка о дознании по делу матроса Учебно-минного отряда Балтийского флота Т.С. Фокина. ЧСК уведомляла, что по делу выяснено следующее: Фокин состоял осведомителем при Кронштадтском жандармском управлении под кличкой «Дудка» с января 1912 г. по его утверждению – «из бедности». Жалованья получал от 10 до 50 финских марок в месяц. Давал сведения политического характера, указывал на личности, принимавших активное участие в революционном движении и места свиданий сходов этих лиц.

Здесь же прилагалась выписка из сводки агентурных сведений, получаемых от Фокина по настроению судовых и бе-

реговых команд флота Балтийского моря Финляндского жандармского управления за март – сентябрь 1916 г. Так, из информации Фокина следовало, что «нижние чины артиллерийского и минного отряда говорят, что глупо начинать матросам в настоящее время какие-либо беспорядки, так как этим мы помешаем нашим успехам на фронте»; «команда посылного судна «Азия» недовольна пищей на корабле и своим командиром, лейтенантом Гренгагеном. Считает его немцем за его небрежное отношение кораблю и за разговор на немецком языке». 2 сентября 1916 г. Фокин докладывал о том, что «в учебно-минном отряде настроение хорошее. Контр-адмирал Посохов пользуется большой популярностью среди матросов в отряде за свое участливое отношение к нижним чинам».

На основании изложенного, предлагалось Фокина направить в распоряжение особой следственной комиссии в Петрограде на предмет дальнейшего производства по его делу и предания суду, объявить в печати о его причастии к политическому сыску⁶⁵.

Состав ЧСК Кронштадтской крепости периодически менялся. Так, 14 октября 1917 г. состоялось учредительное собрание ЧСК Кронштадтской крепости, на котором присутствовали вновь избранные организации по разбору дела о провокаторах, в лице представителей партий от большевиков (Ульянцев), от меньшевиков-интернационалистов (Зубелевич), от максималистов (Мартинсон) и от демократических организаций: от исполнительного комитета (Полигошко), от Крестьянского Союза (Кузнецов), от профессионального Союза (Телласт), от городского самоуправления (Попов), от следственной комиссии (Семенов).

Революционные события Октября 1917 г. прекратили деятельность ЧСК при Временном правительстве, однако не изменили деятельность кронштадтских ЧСК и общественного демократического суда – они являлись органами победившей по итогам двоевластия стороны. Показательными в

этой связи, являются заседание ЧСК 2 ноября 1917 г. по делу солдата кронштадтского крепостного артиллерийского склада А.М. Анкудинова (числился в кронштадтском жандармском управлении в качестве осведомителя по политическому сыску) и заседания общественно-демократического суда по его делу 18 ноября 1917 г.⁶⁶

В начале заседания председатель суда объяснил членам Общественного демократического суда его функции: «Мы можем определять виновен обвиняемый или не виновен, в первом случае – освободить, во втором – 5 пунктов меры пресечения. Старые законы отвергнуты, новые создать не можем. Что наша честь и совесть присудит»⁶⁷.

Порядок ведения протокола судебного заседания был почерпнут из дореволюционной документации, как, например, протокол 1907 г. 25 июня публичного судебного заседания Временного морского суда в порте Императора Александра III. На этом протоколе имеется резолюция секретаря общественно демократического суда Зубелевича о том, что «этот протокол был принесен председателем в только что сформированный общественно-демократический суд как образец для составления формы протокола судебного заседания, так как среди членов общественно-демократического суда не оказалось ни одного с юридическим познаниями, ни одного знакомого хоть с минимальной судебной практикой»⁶⁸.

На момент судебного заседания Анкудинов уже полгода находился в заключении. В суде обвиняемый заявлял, что он имел честь гордиться, что его к контрразведке привлекли как солдата Родины, так как он – «чистый патриот земли Русской». Когда жандармы спрашивали про политику, говорил он, то прекратил с ними сношения. Меня обвиняют в том, отвечал Анкудинов, что «я давал контрразведочные сведения». Когда начали спрашивать про политику, настаивал обвиняемый, он такой информации не доводил и вообще прекратил общение с жандармским управлением⁶⁹.

В ответ на такое эмоциональное выступление, мнения членов Общественного демократического суда о вынесении наказания разделились. Часть из них считала вернуть Анкудинова в тюрьму («пусть посидит до созыва Учредительного собрания»), мотивируя это отсутствием в настоящее время нового уголовного закона, по которому можно было определить наказание; другие предлагали вернуть в действующую армию. Отдельные члены суда предлагали все же освободить Анкудинова «с широким освещением о нем публике».

В итоге, по результатам бурного обсуждения в резолюции данного заседания значилось, что «заслушав дело Анкудинова как осведомителя по поводу политического сыска на основании всех допрошенных свидетельских показаний и присоединенных агентурных сведений суд постановил: Анкудинова держать под следствием впредь до Учредительного собрания, которое и должно выработать для всех провокаторов и осведомителей охранного отделения соответствующие меры наказания⁷⁰.

Заседания Общественного демократического суда было публичным, зачастую на них, помимо праздно публики, присутствовали боевые товарищи подсудимых, от которых мог зависеть исход рассматриваемого дела. Так, на заседании суда по делу матроса В. С. Зудина, привлеченного контрразведкой как осведомителя 13 ноября 1917 г., «привлеченного контрразведкой как осведомителя», пришли его сослуживцы. Они заявили о невиновности Зудина, что ни в каких провокационных поступках он командой замечен не был. Зудин знал о революционных взглядах и настроениях в своей команде, говорилось в выступлениях, однако ни разу Зудин не доложил об этом начальству. Кроме того, товарищи выразили мнение всей команды вернуть «Зудина в свою среду в случае его оправдания Общественно демократическим судом»⁷¹.

Что касается Анкудинова, то следует отметить, что он все же не был отправлен в тюрьму. На это указывает отчет Общественного демократического суда, направленный в исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов г. Кронштадта.

В нем говорилось, что «рассмотрев дела о лицах, привлеченных к Суду по подозрению в участии в политическом сыске, Общественный демократический суд убедился, что виновные занимались в сыске не из вражды к освободительному движению, а вследствие своей политической неосознанности под влиянием нужды или страха перед жандармскими властями. Не считая осужденных опасными для свободной России и относясь отрицательно к тюремному заключению, подорвавшему здоровье заключенных и являющемуся, вследствие этого, не столько мерой пресечения и предупреждения, сколько мерой наказания, Общественный демократический суд только в исключительных случаях прибегал к этой мере.

Часть их (Тихановский, Чудненко, Гуйтов) оставлены в тюрьме, вследствие заявления команды о собственном суде над ними в случае освобождения. Дело Анкудинова подлежит пересмотру. Общественный демократический суд считает справедливым заменить тюремное заключение освобождением без права выезда в г. Кронштадт и с лишением права принимать участие в выборах и быть избираемым в демократические учреждения общественного значения. Суд не принял этой меры потому, что не мог знать, найдут ли в Кронштадте освобожденные средства к жизни или нет. Исполнительный комитет, как общественно-демократическое учреждение может учесть это обстоятельство. Если не представляется возможность освободить заключенных, то суд считает долгом совести просить исполнительный комитет смягчить условия тюремного заключения, по возможности, уничтожив его карательный элемент»⁷².

В заключении укажем, что ЧСК и Общественный демократический суд Кронштадской крепости прекратили свою деятельность в связи с принятием советских декретов о суде (5 декабря (22 ноября) 1917 г., 15 февраля 1918 г.) в которых указывалось об отмене деятельности следственных комиссий, донныне существовавших, с передачей их дел и производств во вновь организуемые при Советах следственные комиссии, а также передаче всех дел образованным советским судам⁷³.

Это было обусловлено рядом причин, главными из которых являлось стремление советского руководства к устранению на местах элементов импровизации и произвола, наведение единообразия и законности в сфере правосудия и правопорядка.

Левые эсеры и большевики в ВЧК: сотрудничество и борьба

Проблема образования и деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) никогда не была обделена вниманием исследователей. Однако среди вышедших работ отсутствуют специальные исследования, посвященные совместной работе большевиков и левых эсеров в ВЧК.

Сотрудничество большевиков с левыми эсерами началось еще на II съезде Советов рабочих и солдатских депутатов (25–27 октября 1917 г.), на котором левые эсеры оказались единственной партией, не покинувшей съезд в знак протеста против узурпации власти большевиками и, тем самым, разделившей с ними ответственность за судьбу страны. Учитывая это, 25 ноября 1917 г. большевики включили представителей левых эсеров в состав Совета народных комиссаров (СНК), где они заняли одну треть мест от общего количества членов правительства. Так, например, один из ключевых постов в Совнаркоме занял левый эсер И.З. Штейнберг, возглавивший народный комиссариат юстиции.

Впервые левые эсеры вступили в конфликт с большевиками на заседании ВЦИК еще 4(17) ноября 1917 г., в связи с принятием декрета СНК «О печати»⁷⁴. Согласно декрету, закрывались газеты, которые призывали «к открытому сопротивлению или неповиновению» советскому правительству, сеяли «смуту путем явно клеветнического извращения фактов» и призывали к «деяниям явно преступного, т.е. уголовно наказуемого характера»⁷⁵. Вскоре, 28 ноября (11 декабря), между ними возник новый конфликт по поводу декрета СНК «Об аресте вождей гражданской войны против революции»,

направленного против кадетской партии⁷⁶. В декрете отмечалось, что партия кадетов тесно связана с «корниловско-калединской гражданской войной против революции». Поэтому на местные Советы было возложено обязательство «особого надзора» за членами этой партии⁷⁷. В соответствии с этим документом в конце 1917 – начале 1918 гг. были арестованы некоторые члены ЦК партии кадетов. После подписания Брестского мирного договора арестованные были освобождены из-под стражи⁷⁸.

В середине декабря 1917 г. в ВЧК поступила информация о том, что петроградский «Союз защиты Учредительного собрания» созывает вечером 18 декабря конференцию представителей антисоветских партий, профессиональных и демократических организаций» для обсуждения и принятия мер к скорейшему созыву Учредительного собрания». Явившиеся на конференцию лица были арестованы по ордеру ВЧК. Совнарком РСФСР одобрил действия чекистов и поручил комиссии задержать арестованных до выяснения личности каждого. На место событий прибыли народный комиссар юстиции (НКЮ) И.З. Штейнберг и член коллегии НКЮ левый эсер В.А. Карелин. Они освободили арестованных, не поставив об этом в известность ВЧК. Их действия противоречили соглашению большевиков и левых эсеров о проведении в Совнаркоме «общей линии»⁷⁹.

Председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский выразил протест против вмешательства наркомата юстиции в компетенцию ВЧК. Уже на следующий день, 19 декабря этот инцидент был вынесен на заседание правительства. СНК РСФСР по предложению В.И. Ленина принял постановление, в котором указывалось, что изменить постановления ВЧК можно только путем обжалования их в Совнарком, «а никоим образом не единоличными распоряжениями комиссара юстиции». Поступок Штейнберга и Карелина был признан «формально и по существу неправомерным», поскольку он противоречил

ранее принятому решению Совнаркома о задержании арестованных до выяснения их личностей⁸⁰. Это постановление еще раз подтвердило непосредственное подчинение ВЧК Совнаркому и ее права на самостоятельные оперативные действия.

Тем не менее, 21 декабря 1917 г. заседание СНК открыл доклад И.З. Штейнберга о взаимоотношениях между НКЮ и ВЧК, а также иными «следственными комиссиями». В ходе острой дискуссии большевикам удалось отстоять статус ВЧК, как органа, непосредственно подчиненного Совнаркому. Вместе с тем, им пришлось пойти на некоторые уступки. В декрете СНК «О функциях ВЧК» отмечается, что Всероссийская чрезвычайная комиссия передает «результаты своей работы» в Следственную комиссию при Революционном трибунале, которая ставилась под контроль наркомата юстиции. Деятельность самой ВЧК отныне осуществляется «при ближайшем наблюдении» наркоматов юстиции, внутренних дел и Президиума Петроградского Совета. НКЮ и НКВД должны извещаться об арестах, «имеющих выдающееся политическое значение», а неурегулированные конфликты с наркоматами и Президиумом Петроградского Совета выносятся на рассмотрение Совнаркома⁸¹.

Компромиссные и неясные формулировки не могли удовлетворить обе стороны. Напряженность внутри СНК вызвало и убийство в ночь с 6 на 7 января 1918 г. в Мариинской тюремной больнице бывших министров Временного правительства А.И. Шингарева и Ф.Ф. Кокошина⁸². Последний являлся еще и депутатом Учредительного собрания. Специальная следственная комиссия установила, что убийство совершила группа матросов-анархистов транспортного судна «Чайка» в отместку за репрессии царского самодержавия в подавлении революции 1905 г. Убийцам удалось скрыться.

7 января Совнарком на основании доклада И.З. Штейнберга поручил НКЮ «в кратчайший срок» проверить законность содержания политических заключенных в тюрьмах и

освободить тех из них, кому в течение 48 часов не может быть предъявлено обвинений⁸³.

Необходимо отметить, что И.З. Штейнберг был самым «проблемным» наркомом для большевиков. Высокообразованный сын купца, литератор, Штейнберг учился в Московском университете, закончил старейший в Германии Гейдельбергский университет. Нарком юстиции, пожалуй, единственный из левоэсеровских членов Совнаркома, который постоянно подвергался нападкам со стороны чекистов. Но и Штейнберг платил им тем же. На заседаниях правительства он выступал с различными предложениями по поводу урезания прав ВЧК, либо подчинения ее наркомату юстиции. Так, 3 января 1918 г. по его инициативе на заседании СНК рассматривался вопрос о взаимоотношениях наркомата юстиции со следственными комиссиями, в том числе и ВЧК. Штейнберг в ультимативной форме потребовал фактического подчинения ВЧК наркомату юстиции, где в большинстве были левые эсеры. Он добивался, чтобы ВЧК производила аресты и возбуждала уголовные дела против членов Учредительного собрания только с санкции НКЮ⁸⁴.

Большевики старались «замять» дело об убийстве Шингарева и Кокошина, а левые эсеры, стремясь добиться справедливости, не смогли добиться наказания виновных, т.к. опасались разрушить наладившееся ранее взаимопонимание с большевиками. Вскоре они отказались от своей идеи⁸⁵.

Отчаявшись установить реальный контроль за деятельностью ВЧК, нарком юстиции потребовал ввести в ее состав левых эсеров. Так, И.З. Штейнберг в письме Ф.Э. Держинскому 4 января 1918 г. предлагал ввести в состав Коллегии ВЧК левых эсеров без «баллотировки», т.е. без обсуждения и утверждения кандидатур в СНК⁸⁶. Против такого порядка пополнения ВЧК решительно выступил Ф.Э. Держинский. Поэтому этот вопрос был вынесен на заседание Совнаркома. 7 января 1918 г. СНК после доклада Держинского принял решение об обязательном утверждении членов Коллегии ВЧК

на заседании правительства. Причем, заместителем Председателя решено назначить члена от фракции левых эсеров ВЦИК⁸⁷. Данное решение имело принципиальное значение: оно обеспечивало контроль за ВЧК со стороны большевистской партии, занимавшей решающие позиции в Советском правительстве.

Уже 8 января Совнарком утвердил четырех членов ВЧК от партии левых эсеров: В.А. Александровича (в тексте П.А. – И.М.), М.Ф. Емельянова, Д.В. Волкова и П.Ф. Сидорова⁸⁸. Причем Александрович был назначен заместителем Председателя ВЧК. В марте 1918 г. левые эсеры составляли семь из двадцати одного члена Коллегии ВЧК, т.е. треть членов, как и в Совнаркоме.

Член Коллегии ВЧК М.Я. Лацис так охарактеризовал обстоятельства включения левых эсеров в Коллегию ВЧК: «Здесь ... играло роль не только отсутствие дельных работников, но и давление левых с.[оциалистов]-р.[еволюционеров], которые начали борьбу против Чрезвычайной комиссии и требовали своего участия как бы для контроля»⁸⁹.

Включение левых эсеров в ВЧК стало поворотным моментом во взаимоотношениях ВЧК с наркоматом юстиции, да и в целом с партией левых эсеров. Однако разногласия между двумя партиями устранить не удалось как в силу того, что левые эсеры еще не успели освоиться с новым для них положением ВЧК, так и из-за позиции Дзержинского, который, в отличие от них был настроен на решительное ужесточение борьбы с противниками Советской власти.

В конце января 1918 г. вспыхнул новый конфликт, связанный с арестом чекистами редакторов и сотрудников ряда газет. Обращение левых эсеров об изъятии из ведения ВЧК дел, связанных с печатью и освобождении арестованных журналистов, Совнарком отклонил. 27 января член Коллегии НКЮ В.А. Алгасов предложил правительству создать новую комиссию для усиления борьбы с контрреволюцией и спекуля-

цией, в которой две трети мест принадлежало бы левым эсерам. Однако Совнарком отверг и это предложение. Тем не менее, 31 января СНК, по докладу И.З. Штейнберга, уточнил функции ВЧК и разграничил ее полномочия со следственными и судебными органами⁹⁰. Эта мера, а главное, все большее подключение левых эсеров к деятельности ВЧК способствовали постепенной нормализации отношений между чрезвычайной комиссией и НКЮ.

Однако самое большое столкновение между двумя правящими партиями вызвал декрет-воззвание «Социалистическое отечество в опасности!», автором которого был Л.Д. Троцкий. После внесения в него редакционных правок, он был принят 21 февраля 1918 г. Советом народных комиссаров⁹¹. Этот декрет обязывал Советы и другие революционные организации предоставить все силы и средства на дело революционной обороны, защищать каждую позицию до последней капли крови, уничтожать в случае отступления советских войск пути сообщения, продовольственные запасы, всякого рода имущество, провести мобилизацию рабочих и крестьян, а также буржуазных элементов для рытья окопов. Восьмой пункт декрета гласил: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления»⁹². В «Обращении СНК к трудящемуся населению всей России» к потенциальным «мишеням» прибавились еще «все развращенные элементы, хулиганы, мародеры, трусы»⁹³. Левые эсеры безуспешно пытались изъять эти положения из документа, открывавшие двери перед широким произволом.

23 февраля 1918 г. ВЧК опубликовала в печати сообщение о том, что она, основываясь на декрете Совнаркома, будет использовать высшую меру наказания – расстрел. «Все-российская чрезвычайная комиссия, – говорится в документе, – не видит других мер борьбы с контрреволюционе-

рами, шпионами, спекулянтами, громилами, хулиганами, саботажниками и прочими паразитами, кроме беспощадного уничтожения на месте преступления»⁹⁴.

После подписания Брестского мирного договора с Германией (3 марта 1918 г.), как известно, левые серы в знак протеста вышли из состава Совнаркома, однако остались в ВЧК.

В начале марта 1918 г. в ВЧК поступило сообщение о том, что в Петрограде, на улице Миллионной, доме № 6 собралась группа противников большевистской власти. Сотрудники ВЧК В.Л. Панюшкин и Черкашин с отрядом красногвардейцев немедленно выехали по указанному адресу. Там они задержали семь студентов, составлявших воззвание с призывом к свержению Советской власти. Чекисты арестовали молодых людей (одному из студентов удалось сбежать), вывезли их к амбарам Александро-Невской лавры и открыли по ним огонь⁹⁵. Это чрезвычайное происшествие вызвало возмущение жителей столицы. Управление делами СНК опубликовало сообщение, в котором заявляло, что ни одно из правительственных учреждений, находящихся в Смольном, не давало никаких указаний и распоряжений о расстреле студентов⁹⁶. Нарком юстиции И.З. Штейнберг поручил следственной комиссии при Петроградском трибунале расследовать этот позорный поступок⁹⁷.

23 апреля вопрос о поступке Панюшкина рассматривался на заседании ВЧК. По докладу Ф.Э. Дзержинского было принято следующее решение: «Вполне доверяя добросовестности тов. Панюшкина (как истинного революционера) и допуская, что в боевой революционной обстановке возможны невольные ошибки, решительно протестовать против поднятой травли, необоснованной неполнотой следствия, ни хотя бы минимальной необходимостью этого». Предложение «придать протест Всероссийской чрезвычайной комиссии по этому делу самую широкую гласность» было принято единогласно, включая левых эсеров⁹⁸. Таким образом, следствие не

было доведено до конца и дело об убийстве шести студентов окончательно «заглохло».

Тем не менее, левые эсеры весьма плодотворно работали в органах ВЧК и большевики им вполне доверяли. Так, на заседании ВЧК 26 января 1918 г. было принято решение об освобождении Ф.Э. Дзержинского от приема посетителей, ввиду чрезвычайной загруженности его на работе. Было решено поручить эту работу заместителям председателя В.А. Александровичу и Я.Х. Петерсу⁹⁹. Александрович также назначался ответственным за эвакуацию ВЧК из Петрограда в Москву, а также выполнял другие важные поручения¹⁰⁰. Он имел такие же права, как и Ф.Э. Дзержинский: подписывать все документы и отдавать распоряжения вместо него. В июле 1918 г. В.А. Александрович был обвинен в участии на покушение германского посла В. Мирбаха, левоэсеровском мятеже и приговорен к высшей мере наказания. Уже после его расстрела Ф.Э. Дзержинский писал: «Александровичу я доверял вполне. Работал с ним все время в комиссии, и всегда почти он соглашался со мною, и никакого двуличия я не замечал»¹⁰¹.

Левый эсер Д.А. Магеровский принимал участие в создании Московской чрезвычайной комиссии, а после слияния МЧК с ВЧК вошел в ее состав¹⁰². С марта 1918 г. являлся членом Коллегии ВЧК. Также принимал участие в левоэсеровском мятеже, за что Верховным революционным трибуналом при ВЦИК был заочно осужден к трем годам лишения свободы, затем амнистирован. В 1919 г. вступил в РКП(б). В последующие годы находился на научно-педагогической работе¹⁰³.

Активно работал в ВЧК и В.А. Алгасов, занимая ответственные должности. По его инициативе, на заседании ВЧК 5 апреля 1918 г. выступил Ф.Э. Дзержинский, предложивший усилить борьбу по «очищению» Москвы от преступных элементов. Учитывая это, комиссия приняла решение ввести Алгасова в состав ВЧК, где он стал председателем Комиссии

по разгрузке Петрограда. Тогда же было решено включить в состав ВЧК левого эсера Г.Д. Закса, делегированного ВЦИК¹⁰⁴. Уже 13 апреля Г.Д. Закс на заседании ВЧК докладывал о завершении операции по разоружению анархистов и освобождению от них занимаемых ранее особняков в Москве. Было арестовано около 400 чел.¹⁰⁵

На заседаниях ВЧК Г.Д. Закс неоднократно выступал за то, чтобы все аресты и обыски проводились только с разрешения Комиссии. Так, 15 мая он поставил под сомнение легитимность единоличного распоряжения Ф.Э. Дзержинского о расстреле двух бандитов, задержанных на месте преступления с оружием и взрывчатыми веществами. Он предложил также лишить отряд Д.И. Попова права производить независимо от Комиссии обыски, аресты, конфискации и ревизии. Если по первому вопросу ВЧК одобрила распоряжение своего председателя, то в случае с отрядом Попова, несмотря на протест заместителя председателя ВЧК Я.Х. Петерса, было принято решение о недопустимости выдачи чистых незаполненных ордеров¹⁰⁶.

Необходимо отметить, что Г.Д. Закс часто голосовал на заседаниях ВЧК вместе с большевиками. Он не принимал участия в вооруженном мятеже левых эсеров в начале июля 1918 г. После раскола левоэсеровской партии стал одним из организаторов партии народников-коммунистов, в состав которой вошли отколовшиеся члены партии левых эсеров. В ноябре 1918 г. вступил в РКП(б). Некоторое время успешно работал в Московской ЧК, затем на военной, дипломатической и хозяйственной работе¹⁰⁷.

Были случаи, когда левые эсеры, занимавшие ответственные должности в ВЧК, не выполняли поручений Советского правительства. Так, левый эсер В.Б. Спири, будучи чрезвычайным комиссаром Румынского фронта, весной 1918 г., не подчиняясь СНК и не признавая Брест-Литовский мирный договор с Германией, стремился противопоставить Черноморский флот Советской власти, а также пытался оказать по-

мощь меньшевистскому правительству в Грузии. Так, на экстренном заседании ЦК Черноморского флота при активном участии Спири была принята резолюция, провозгласившая Центрофлот «высшим, независимо от СНК, органом управления всем Черноморским флотом». Его поступки были квалифицированы следственными органами как «бездействие власти, либо попустительство и превышение власти, равное государственной измене»¹⁰⁸. В.И. Ленин в записке от 6 апреля 1918 г. поручил Ф.Э. Дзержинскому немедленно арестовать Спири¹⁰⁹. СНК утвердил распоряжение Ленина, и оно было выполнено. Тем не менее, 16 апреля Спири был освобожден из-под стражи по состоянию здоровья под поручительство партии левых эсеров¹¹⁰.

После мятежа левых эсеров в Москве (6–7 июля 1918 г.) Совнарком принял постановление в выводе их представителей из коллегии ВЧК. 9 июля исполняющий обязанности Председателя ВЧК Я.Х. Петерс сформировал новую Коллегию ВЧК, состоящую исключительно из большевиков. Почти все левые эсеры были изгнаны из ВЧК и ее органов. В них остались (причем, не на руководящей работе) только те члены этой партии, которые открыто осудили тактику своего ЦК. Так закончилось совместное сотрудничество двух революционных партий во Всероссийской чрезвычайной комиссии.

Таким образом, совместная работа большевиков и левых эсеров в органах ВЧК была в целом плодотворной. Левые эсеры довольно часто голосовали с большевиками «единым фронтом», иногда сдерживали репрессивную деятельность большевиков, особенно на стадии принятия решений. Во всяком случае, пока они входили в ВЧК, расстрелы трудно было назвать рутинным, обыденным явлением, каким они стали с осени 1918 г.¹¹¹ Однако кардинальным образом повлиять на политику большевиков они не могли. Практически все левые эсеры, работающие в ВЧК, включая В.А. Алгасова, Г.Д. Закса, Д.А. Магеровского были расстреляны в 1937–1939 гг. «за контрреволюционную деятельность», а после XX съезда КПСС реабилитированы посмертно «за отсутствием состава преступления».

Борьба чекистов Верхней Волги с дезертирством (1918–1922 гг.)

Мобилизация в Красную армию в 1918–1919 г. на Верхней Волге вылилась в массовое уклонение крестьян от призыва.

Весной – летом 1919 г. мобилизация проводилась в период сельскохозяйственной страды. В информационной сводке Секретного отдела ВЧК за 1–8 августа 1919 г. отмечалось: «*Тверская губ., г. Тверь и уезд. 29 июля.* Настроение населения губернии к Советской власти враждебное. Причины: продовольственный кризис и массовые восстания дезертиров <...> *Костромская губ., г. Кострома. 2 августа.* Настроение населения, как города, так и деревень по отношению к Советской власти явно враждебное... Дезертирство принимает массовый, организованный характер, губерния объявлена на военном положении»¹¹². В сводке политического положения в Иваново-Вознесенской губернии за тот же период указывалось, что «большинство дезертиров находится по своим домам, где занято сельхозработами»¹¹³.

Среди причин дезертирства в Ярославской губернии были выделены следующие: «1. Слабая работа отделов социального обеспечения в смысле помощи семьям красноармейцев. 2. Полевые работы. 3. Слабая политическая работа среди войск»¹¹⁴.

Руководство Иваново-Вознесенской губЧК во второй половине июля 1919 г. указывало в сводке: «В то время, когда мы берем работников из деревни в самую страдную пору и не создаем ничего для поддержания его [так в тексте – *А.Р.*] хозяйства, то вина дезертиров сокращается до нуля и мы не имеем права судить его строго за это, ибо большинство из

них вот именно таких, без которых семья не в силах обрабатывать хозяйство»¹¹⁵. В сложившейся ситуации крестьянин был поставлен перед дилеммой – либо призваться в армию и оставить свою семью на произвол судьбы, либо дезертировать. Значительное количество крестьян выбирали второй путь.

Рабочие, в большинстве своем разъехавшиеся по деревням, также неохотно шли в армию. В сводке о политическом положении в Иваново-Вознесенской губернии за период с 17 по 25 июля 1919 г. отмечалось, что «мобилизация текстильщиков... в уездах проходит слабо, не блестяще, медленно»¹¹⁶. Как отмечалось в информационной сводке Секретного отдела ВЧК за 1–8 августа 1919 г., «в [Иваново-Вознесенской – А.Р.] губернии много дезертиров. Большинство из них работает на полевых работах. Постановление о добровольной явке дезертиров “это глас вопиющего в пустыне”»¹¹⁷. В сентябре того же года чекисты докладывали в Центр и местные органы власти, что «мобилизация в губернии, как коммунистов, так и общегосударственная, проходит, первая отлично, а вторая с тормозом, но, в общем проходит успешно кроме добровольной, которая была объявлена по декрету – 20 чел. от каждой волости – эта мобилизация, несмотря на усиленную агитацию, не прошла»¹¹⁸.

В Тверской губернии на сборные пункты не явилось до 80–85% призывников¹¹⁹. К середине июня 1919 г. в Иваново-Вознесенской губернии официально насчитывался 13 351 уклонившийся от призыва¹²⁰. По данным Ярославской губЧК, к августу 1919 г. общее количество дезертиров в губернии составило 25–30 тыс. чел.¹²¹ В Костромской губернии в этот период были волости, из которых с первой мобилизации не было призвано ни одного человека, а общая численность дезертиров достигла 30 тыс. чел.¹²² Костромской губвоенком В.Г. Георгиев в своем докладе на VII губернском съезде Советов в сентябре 1919 г. проанализировал причины дезертирства. Он сделал следующее заключение: «общая

усталость от четырехлетней империалистической войны и желание крестьян восстановить разрушенное и расстроенное за войну хозяйство; темнота, шкурничество, развитое в огромных размерах, и преступная агитация врагов советской власти, скверное питание, обмундирование и расквартирование мобилизованных заставляли их бежать из города за хлебом или же совсем»¹²³.

Большое количество дезертиров дестабилизировало положение в регионе. В отчете Иваново-Вознесенской губЧК за первую половину 1919 г. отмечалось, что «дезертиров в губернии весьма много, находясь в сфере влияния преступной агитации, они представляют из себя довольно значительную опасность»¹²⁴. Объединившись в банды, они совершали нападения на советские учреждения, убивали активистов, грабили кооперативы, магазины и склады.

1919 г. на Верхней Волге был отмечен рядом крупных восстаний дезертиров. Только в Тверской губернии с февраля по июль 1919 г. имели место 43 выступления.

Крупное дезертирское восстание в мае 1919 г. произошло в селе Аньково Юрьев-Польского уезда Владимирской губернии. Там были взяты в заложники 40 чел. близких родственников призывников, скрывавшихся от призыва, и солдат, дезертировавших из своих частей. 19 мая дезертиры напали на охрану и освободили пленников. Восставшими был убит уполномоченный уездного продкома Антипин, а также 6 красноармейцев. Еще 6 красноармейцев было ранено. По данным следственных органов, в восстании приняло участие 85 чел.¹²⁵

В начале июня 1919 г. крупное выступление дезертиров произошло в Ботовской волости Александровского уезда Владимирской губернии. Собравшись около деревни Новожила, около 100 дезертиров и присоединившиеся к ним крестьяне напали на красноармейский отряд, расположившийся в с. Гидееве. В результате несколько красноармейцев было убито и ранено.

19 июня 1919 г. на железной дороге, на границе Костромской и Иваново-Вознесенской губерний около Нерехты, следовавший в Кострому товарный поезд № 218 был остановлен и атакован бандой дезертиров¹²⁶. Напавшие захватили вагон с винтовками и патронами. На той же ветке был атакован эшелон, перевозивший арестованных дезертиров. Все задержанные были освобождены. В ночь на 20 июня дезертиры обстреляли железнодорожный мост на 11 версте от Нерехты к Иваново-Вознесенску и разоружили охранявший его караул.

6 июля 1919 г. в Чековской волости Владимирского уезда дезертиры разгромили местный волисполком.

Тогда же крупное дезертирское восстание имело место под Родниками Иваново-Вознесенской губернии. Против отправки в Красную армию своих сыновей в разгар полевых работ выступили крестьяне Парской волости Юрьевоцкого уезда. Около д. Ломы крестьяне и дезертиры собрались, чтобы обсудить вопрос о призыве в армию и об отношении к Советской власти. Отряд из тринадцати красноармейцев и милиционеров, направленный для борьбы с дезертирами, был взят в плен крестьянами и разоружен. 6 июля, в воскресный день, у Ломов толпа дезертиров и крестьян численностью до тысячи человек вновь собралась на митинг. Для охраны сходки было выставлено вооруженное оцепление. Собравшиеся были окружены прибывшим красноармейским отрядом из Родников. Произошло вооруженное столкновение. В результате около 5 чел. было ранено и 2 чел. убито. После перестрелки дезертиры разбежались. Некоторых из них удалось задержать. Значительная часть дезертиров сдавалась в результате разъяснительной работы. Член Иваново-Вознесенского губисполкома Я.А. Осипов провел опрос сдавшихся. На его основе он выделил три основные группы среди дезертиров. Первую, самую значительную группу, составляли рабочие и крестьяне, которые не хотели идти в Красную армию до окончания сельхозработ, так как боялись

оставить свои семьи без средств к существованию. Вторую, также многочисленную группу, составляли дезертиры, запуганные антисоветской агитацией о зверствах красноармейцев и карах советской власти за дезертирство. В третью группу вошли сыновья зажиточных крестьян, офицеров и представителей буржуазии¹²⁷.

Другое крупномасштабное вооруженное дезертирское выступление произошло в Есиплевской волости Кинешемского уезда Иваново-Вознесенской губернии. 14 июля 1919 г. со стороны Костромской губернии к деревне Ефимцево подошел отряд численностью до 50 чел. Дезертиры мобилизовали все мужское население деревни и призвали крестьян идти в с. Есиплево, чтобы «разгромить совет и убить всех коммунистов»¹²⁸. При этом они сообщили, что якобы советская власть уже пала в Москве, Иваново-Вознесенске, Кинешме, Вичуге и Родниках. По дороге восставшие подняли 15 деревень. Кулаки присоединялись добровольно, остальных заставляли идти силой. Мятежники убили крестьянина д. Панафидино Парамонова, отца красного командира, который пытался предупредить местные власти о восстании. По дороге «зеленые» разграбили имущество сельскохозяйственных коммун «Свободный труд» и «Свободная жизнь». Они убили коммунара С.П. Веселова, бывшего председателя Есиплевского волостного исполкома. Другой коммунар, Виноградов, избитый до бессознательного состояния, выжил чудом. От рук восставших крестьян погиб начальник местной милиции Рыбин.

18 июля 1919 г. около 100–150 дезертиров из Костромской губернии напало на с. Колшево Кинешемского уезда. Они убили председателя волысполкома Соболева, после чего перешли в Есиплевскую волость, по дороге насильственно захватывая с собой местных жителей. В Есиплеве дезертиры попытались штурмом взять местный волостной исполком, но

засевшие там коммунисты и активисты отбили атаку. Отступив от села, бандиты напали на сельскохозяйственную коммуны, где избili несколько человек и одного убили.

Апофеозом дезертирских выступлений на Верхней Волге стало восстание 11 июля 1919 г. в г. Юрьев-Польском, уездном центре Владимирской губернии. В нем, по разным оценкам, приняло участие от 2 до 11 тыс. чел. Восставшие захватили город. Они разграбили артиллерийский склад, разгромили советские учреждения (уездный военкомат, штаб милиции и др.), освободили заключенных из местной тюрьмы. По городу были расклеены прокламации с призывами «Долой Советы, да здравствует Учредительное собрание и Зеленая Армия!». В них от имени крестьян Юрьев-Польского уезда говорилось: «Мы ... пришли избавить вас от жидов и накормить вас не жидовским пайком, а кто, сколько может, тот пускай столько и кушает»¹²⁹.

7 августа 1919 г. на р. Тезе в Иваново-Вознесенской губернии зеленые обстреляли железнодорожный мост.

Активную поддержку восставшим крестьянам и дезертирам оказывало духовенство. Священники вели антисоветскую агитацию, призывали крестьян к борьбе с властью большевиков. Так, поп Зыков из села Федорки Любимского уезда Ярославской губернии на собрании призывал крестьян к выступлению против отрядов Красной армии. Священник из села Телепшино того же уезда оказывал помощь разведчикам восставших, поддерживал связь со штабами бандитских групп.

Заведующий секретно-оперативным отделом Иваново-Вознесенской губЧК А. Чистов, анализируя причины крестьянских и дезертирских выступлений в этот период, констатировал: «Вывод из этого бесспорно один: темнота, абсолютная оторванность от текущей жизни края... , что совершается крестьянину не понятно, если город и бывал в деревне, то только чтобы сказать «Дай!». Дай хлеба, дай картошки, дай то, дай другое, но он не говорил деревне, какую он строит

новую жизнь, и какое положение займет в этой жизни деревня. Оторвавшись от крестьянства, мы передали его под опеку авантюристов и результат этого был, он есть, он будет, если мы ограничимся лишь карательными экспедициями без... культурно-просветительной работы в деревне»¹³⁰.

Ввиду того, что дезертирство приняло массовый характер, борьба с ним приобрела большое политическое значение. В.И. Ленин в письме ЦК РКП (б) к партийным организациям «Все на борьбу с Деникиным!» писал: «Налечь на работу среди дезертиров и для возврата дезертиров в армию надо... повсюду и изо всех сил. Это одно из первых и насущнейших дел»¹³¹. Значительный вклад в решение этой проблемы внесли губернские чрезвычайные комиссии Верхней Волги.

В ноябре 1918 г. силами Меленковской уездной ЧК и отряда красноармейцев было подавлено вооруженное выступление дезертиров в Урвановской волости (Владимирская губерния). Расследование мятежа проходило под непосредственным руководством председателя Меленковской уездной ЧК П.Д. Смелова, который был наделен широкими полномочиями. В мандате, выданном ему уездным революционным советом, было указано, что «... он, Смелов, уполномочен при подавлении мятежа применять самые беспощадные меры... вплоть до расстрела на месте, все незаконные собрания должен рассеивать оружейным и пулеметным огнем...»¹³². На месте была создана специальная следственная комиссия из числа сотрудников губернской и уездной ЧК, представителей уездного военкомата. По постановлению следственной комиссии от 17 ноября 1918 г. три жителя села Урваново А.Н. и И.Н. Кузьмины, а также П. П. Базин, как «главари и зачинщики» были расстреляны. Остальные арестованные мятежники направлены для дальнейшего следствия в Меленковскую уездную ЧК, на «местную буржуазию и имущих крестьян-кулаков» наложена денежная контрибуция в размере 20 000 рублей¹³³.

25 декабря 1918 г. в условиях все увеличивающихся масштабов дезертирства Советом Обороны были учреждены чрезвычайные комиссии по борьбе с дезертирством. Их деятельность осуществлялась в тесном контакте с военным комиссариатами и губернскими ЧК при оперативном руководстве последних. Так, во Владимирской губернии комиссию по борьбе с дезертирством возглавил переведенный туда из губЧК Л.Г. Исаев.

26 мая 1919 г. силами иваново-вознесенских и владимирских чекистов было ликвидировано выступление дезертиров в с. Анькове. Расследование событий велось специальной следственной комиссией во главе с председателем Владимирской губЧК Громовым. В результате оперативно-следственных действий было задержано более 80 участников мятежа. 18 дезертиров, захваченных с оружием в руках, были расстреляны на месте¹³⁴.

В июне 1919 г. отряд Иваново-Вознесенской губЧК ликвидировал восстания дезертиров в Варнавинском уезде Костромской губернии. Как впоследствии вспоминал командир батальона губЧК Уткин, «отряд прошел по всему уезду и нормальное положение было восстановлено. Задержано несколько сот дезертиров»¹³⁵.

25 июня 1919 г. Коллегия ВЧК объявила, что «в настоящее время основной задачей является работа по борьбе с дезертирством»¹³⁶. В соответствии с телеграммой председателя ВЧК Ф.Э. Держинского от 27 июня 1919 г., на Верхней Волге для организации борьбы с дезертирством были созданы оперативные тройки из представителей губкома РКП(б), председателей губЧК и губкомдезертир. Тройкам вменялось в обязанность объединить все вооруженные силы на территории губернии и организованным наступательным нажимом разгромить банды дезертиров¹³⁷. Непосредственное руководство деятельностью этих органов осуществляли губкомы РКП(б).

Так, в Ярославской губернии оперативная тройка была создана в виде военно-революционного комитета (с середины 1919 г. военно-революционный совет) в составе председателя губисполкома В.А. Волгина, губернского военного комиссара К.Г. Сидорова и председателя губЧК М.И. Лебедева¹³⁸. Ревком организовывал разведку местоположения банд, устанавливал их главарей, руководил всеми вооруженными силами на территории губернии. Оказывающие вооруженное сопротивление дезертиры расстреливались на месте.

В отчете о деятельности Иваново-Вознесенской чрезвычайной комиссии за первую половину 1919 г. отмечалось: «В мае к общей работе комиссии прибавилась новая работа по борьбе с дезертирством, а здесь необходимо заметить, что дезертиров в губернии весьма много, находясь в сфере влияния преступной агитации, они представляют из себя довольно значительную опасность и на борьбу с ними приходится затрачивать много сил и порой нести жертвы»¹³⁹.

Верхневолжские губернские ЧК вели борьбу с дезертирством по нескольким направлениям. Во-первых, осуществлялось ведение разведки в целях сбора данных о количестве дезертиров и местах их скопления, информирование органов исполнительной власти, партийных организаций и вышестоящих чекистских органов о складывающейся оперативной обстановке. Во-вторых, работа в специальных органах по организации борьбы с дезертирством (губкомдезертир) наряду с представителями партийных комитетов. В-третьих, участие совместно с подразделениями Красной армии и губкомдезертир в войсковых операциях по подавлению дезертирских восстаний. В-четвертых, проведение оперативно-разыскных мероприятий по выявлению и задержанию участников антиправительственных вооруженных выступлений. В-пятых, проведение следственных действий в отношении задержанных дезертиров, участие в суде над ними и приведение приговоров в исполнение. В-шестых, участие в общей

партийной агитационно-пропагандистской работе, направленной на добровольную явку дезертиров с повинной.

11 июля 1919 г. чекисты и подразделения Красной Армии из Иваново-Вознесенска, Шуи и Александрова с применением артиллерии, подтянутой из Москвы, подавили восстание дезертиров в Юрьев-Польском, уездном городе Владимирской губернии¹⁴⁰. В уезде было объявлено осадное положение. Был сформирован Военно-революционный комитет, в который вошли помощник губвоенкома А. Аксенов, представитель губкома РКП (б) Липатов, председатель уездного исполкома Федоров и уездный военком Самодуров. Для расследования мятежа была создана Чрезвычайная (особая) следственная комиссия, которую возглавил прибывший из Москвы сотрудник ВЧК Карлсон. Комиссией были приняты энергичные меры по выявлению и задержанию участников мятежа, возвращению разграбленного с артиллерийского склада вооружения и военного снаряжения¹⁴¹. В результате проведенной чекистско-войсковой операции было задержано большое количество мятежников, в том числе руководители выступления Студнев, Деев, Альбицкий и братья Зорины. Значительная часть дезертиров явилась с повинной. 14 июля 1919 г. осадное положение было снято, ВРК распущен.

В период с 14 июля по 1 августа 1919 г. чрезвычайная следственная комиссия рассмотрела более 700 дел на участников мятежа. 29 чел. было приговорено к расстрелу, 11 – к заключению в концлагерь на различные сроки, 8 – отправлено в рабочий полк, 10 – к обложению контрибуцией на общую сумму 7 223 200 рублей, 10 – к условному тюремному заключению¹⁴². На население волостей, принявших участие в мятеже была наложена контрибуция в размере 3.175.600 рублей и гужевая повинность. В ходе работы временной комиссии, созданной вместо чрезвычайной следственной комиссии, было завершено рассмотрение оставшихся дел:

14 активных участников мятежа было приговорено к расстрелу, 50 чел. – к различным срокам лишения свободы¹⁴³.

Решительные меры по борьбе с дезертирством в сочетании с объявлением «недель явки» способствовали добровольной сдаче уклоняющихся от военной службы властям. Так, в сводке Иваново-Вознесенской губЧК о положении в губернии за период с 25 июля по 1 августа 1919 г. отмечалось, что «восстания дезертиров, кулацких и темных элементов деревни в Костромском и Кинешемском уезде ликвидируются. В соседнем Середском уезде за последние дни явилось к отбыванию воинской повинности до 1000 чел. дезертиров <...> За последние дни в Кинешму явилось пешком 500 чел. дезертиров. В Родниках дезертиров явилось около 200 чел., а по спискам их числится 240, остальные дезертиры приходили непосредственно в гор. Юрьевец и Кинешму, боясь являться в гор. Родники и объясняя это тем, что нас, мол, будут расстреливать. В настоящее время по всей губернии дезертиры являются в большом количестве и иногда задают вопросы проходящему отряду через деревню: «Товарищи, когда нам являться?»¹⁴⁴

Борьба с дезертирством осуществлялась путем направления в села и деревни специальных отрядов губЧК и губком-дезертир. При этом председатели волостных и сельских Советов несли персональную ответственность за укрывательство дезертиров. Широко применялись репрессивные меры к близким родственникам уклонявшихся от службы в Красной Армии. Их семьи и укрыватели лишались пособия, а у самих дезертиров конфисковывалось имущество.

В результате принятых мер в 1919 году чрезвычайным комиссиям на Верхней Волге удалось добиться массовой явки уклоняющихся от мобилизации. Об этом свидетельствуют оперативная сводка Особого отдела ВЧК за июль 1919 года, в которой отмечалось, что «во Владимирской губернии количество дезертиров сокращается.... В Тверской губернии...

замечается усиление добровольной явки дезертиров, например, в Бежецкой волости ... с 1 по 13 июля явилось 2902 человека... В Ярославской губернии ведется энергичная борьба с дезертирством. По Ярославскому военному округу согласно Декрета о добровольной явке дезертиров явилось 10 720 человек»¹⁴⁵, «после ликвидации выступления дезертиров в районе Кашинского и Весьегонского уездов дезертиры массами добровольно являлись в уезвоенкомы»¹⁴⁶.

В июне 1920 года по всей Иваново-Вознесенской губернии были организованы непрерывные объезды отрядами чекистов. Так, специальный отряд губЧК в количестве 49 чел., сформированный из бойцов ВОХР, под командованием заведующего секретно-оперативным отделом Чистовым провел рейд в Кинешемском и Юрьевоцком уездах. В результате свыше 600 дезертиров были задержаны и направлены в запасные части¹⁴⁷.

Однако полностью решить проблему дезертирства в рассматриваемый период чекистам Верхней Волги не удалось. Значительная их часть ушла в леса, где сорганизовалась в банды. Так, например, в начале 1920-х годов в Костромской губернии действовали бандформирования численностью до тысячи человек и больше¹⁴⁸. Они продолжали представлять большую угрозу безопасности региона.

Таким образом, губернские ЧК Верхней Волги внесли большой вклад в борьбу с дезертирством в регионе. Практика показала наибольшую эффективность сочетания чекистско-войсковых операций, оперативных мероприятий и агитационно-пропагандистских мер, таких как объявление недель явки с повинной, с улучшением материального снабжения семей призываемых на службу красноармейцев.

Особенности политической и экономической обстановки в советском государстве и органы ВЧК на железнодорожном транспорте в 1918–1922 гг.

В начале XX в. транспортная система России была представлена в основном железнодорожным и водным транспортом. В 1913 г. вся сеть железных дорог имела 63,8 тыс. верст, не считая дорог Финляндии, Китайско-Восточной железной дороги и узкоколейных дорог местного значения¹⁴⁹. Железнодорожный транспорт в России играл ведущую роль во внутренних перевозках грузов и пассажиров, поскольку грузооборот железных дорог в начале XX в. значительно превосходил водные перевозки.

В 1917 г. транспортная система страны находилась в глубоком кризисе, яркими проявлениями которого были мешочничество, безбилетный проезд, высокая аварийность и срыв перевозок. Особенно ухудшились все показатели работы железнодорожного транспорта осенью 1917 г. В середине сентября в Москве требовалось разгрузить около 700 вагонов с военными грузами и в ожидании своей очереди стояли еще более 1000 вагонов, а в Вологде (для станций Московского узла) – еще 900¹⁵⁰.

Железнодорожный транспорт захлестнула волна анархии. Неизвестные вооруженные лица грабили поезда и станционные склады. 13 октября по линиям Московско-Курской, Нижегородской и Муромской железных дорог была разслана депеша, в которой констатировался факт, что охрана, особенно в ночное время, не в состоянии бороться с шайками преступников и «ежедневно вскрываются на путях вагоны и расхищается груз на большие суммы». На ст. Рязань с 18 по 27 октября было вскрыто 170 вагонов, на ст.ст. Великие Луки

и Новосokolьники с 8 по 13 ноября – 150 вагонов только с зерном, а всего разграблено около 500 вагонов¹⁵¹.

После падения самодержавия на железнодорожном транспорте сформировались два полюса власти. Административная власть была сосредоточена в руках Министерства путей сообщения. С другой стороны, большое влияние среди железнодорожников имел Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профессионального союза (Викжель), образованный в августе 1917 г. на Всероссийском учредительном съезде железнодорожников. В состав исполкома последнего преимущественно входили эсеры и меньшевики, что предопределило его антибольшевистскую политику¹⁵².

В результате Октябрьской революции власть перешла в руки Советов. На II Всероссийском съезде Советов было создано рабоче-крестьянское правительство – Совет Народных Комиссаров (СНК) под председательством лидера Российской коммунистической партии большевиков (РКП(б)) В.И. Ленина. Одна из главных особенностей этого периода была связана с процессом строительства новых органов власти. В ноябре 1917 г. образован Народный комиссариат путей сообщения (НКПС)¹⁵³, 20 декабря 1917 г. на заседании СНК было решено учредить ВЧК¹⁵⁴.

Обстановка в стране была крайне сложной. На положение дел оказывали влияние взаимосвязанные внешнеполитический, внутривнутриполитический, военный и экономический факторы. Одной из главных проблем в экономике, которые возникли перед советской властью с первых же дней ее существования, являлась организация работы транспортной системы¹⁵⁵. Распространенным явлением был саботаж железнодорожных служащих. Чекистами отмечались случаи, когда состав с продовольствием приходил в пункт назначения и возвращался в пункт отправления без отгрузки, в то время как население испытывало острую нехватку продуктов¹⁵⁶. Викжель затруднял реализацию первых мероприятий новой

власти в борьбе с саботажем по организации нормальной работы железных дорог. В противовес Викжелю в феврале 1918 г. был создан Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников (Викжедор)¹⁵⁷.

Ситуация с состоянием транспортной системы заметно ухудшилась с началом Гражданской войны. Во время боевых действий за 1918–1919 гг. в России было разрушено около 40 тыс. верст железных дорог¹⁵⁸. Из-за плохого технического состояния подвижного состава, низкого уровня содержания путевого хозяйства резко упала скорость движения поездов. В результате объем железнодорожных перевозок в 1920 г. составил только 20% к довоенному¹⁵⁹.

26 июля СНК 1918 г. принял обращение ко всем железнодорожникам, в котором извещал о принятии постановления о создании при ВЧК специального отдела для борьбы с врагами советской власти на железных дорогах и призвал рабочих и служащих железнодорожного транспорта защищать завоевания революции и свою рабоче-крестьянскую власть¹⁶⁰.

В соответствии с этим обращением 3 августа 1918 г. в Москве было созвано совещание представителей губернских ЧК с участием также представителей НКПС, Госконтроля и Центротекстиля для рассмотрения вопросов, связанных с организацией чекистских аппаратов на транспорте. На совещании была принята инструкция железнодорожным ЧК, в которой определялись организация и система, задачи деятельности транспортных ЧК, характер взаимоотношений с администрацией железных дорог и профессиональными организациями железнодорожников.

Для непосредственного выполнения ими задач по борьбе с контрреволюцией, саботажем и другими преступными проявлениями, а также по обеспечению революционного порядка на объектах транспорта при округах путей сообщения и при губернских ЧК создавались железнодорожные отделы. В свою очередь губернские чрезвычайные комиссии учре-

ждали на крупных узлах и пограничных станциях железнодорожные отделения, а на линейные станции назначали комиссаров¹⁶¹.

Свою работу транспортные ЧК должны были вести в тесном контакте с железнодорожными организациями, опираться на их помощь, но не вмешиваться в технико-распорядительную деятельность последних.

В начале августа 1918 г. был внесен на рассмотрение Совнаркома вопрос о создании в аппарате ВЧК специального отдела по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем на железных дорогах. 7 августа 1918 г. СНК принял подписанное В.И. Лениным постановление, в котором говорилось: «...при Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией организовать особый железнодорожный отдел»¹⁶². Тем самым было положено начало процессу создания системы органов борьбы с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем на транспортных коммуникациях Советской России.

Процесс формирования железнодорожных отделов при губернских чрезвычайных комиссиях проходил медленно и с большими трудностями, что обуславливалось в первую очередь нехваткой кадров чекистов, работавших ранее на транспорте.

К августу 1918 г. железнодорожные отделы были образованы почти при всех губернских ЧК. Одновременно создавались железнодорожные отделения и назначались комиссары¹⁶³.

С 25 по 28 ноября 1918 г. в Москве прошла II Всероссийская конференция ЧК, сыгравшая важную роль, в частности, в совершенствовании структуры ЧК на транспорте. Конференция постановила образовать при ВЧК транспортный отдел (ТО), который распространял бы свою деятельность на железные дороги, водные и шоссейные пути сообщения, а также на почтово-телеграфные учреждения. Во всех городах, где находились окружные железнодорожные управления,

предусматривалось создать соответствующие ТО при губернской или областной ЧК, подчиненные непосредственно ТО ВЧК¹⁶⁴.

К началу 1919 г. в состав чекистских органов на транспорте входили: транспортные отделы при ВЧК и при губернских ЧК; отделения по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности (железнодорожные ЧК (ЖЧК) на железнодорожных узлах и крупных станциях; комиссары ЧК на небольших станциях и пристанях¹⁶⁵.

Транспортным ЧК вменялось в обязанность наблюдать за своевременной разгрузкой железнодорожных составов соответствующими органами и организациями и в случае невыполнения работ в назначенный чрезвычайной комиссией срок привлекать их к ответственности. При контроле за выполнением этих работ, а также при обеспечении продвижения военных грузов транспортная ЧК действовала совместно с комендантами станций. Окружным транспортным отделам предоставлялось право применять высшую меру наказания или же предавать суду военно-революционного трибунала лиц, уличенных во взяточничестве, в хищении грузов и железнодорожных материалов, а также железнодорожников, систематически занимавшихся саботажем. Кроме того, определялся порядок пользования органами ЧК железнодорожным телеграфом и обеспечения чекистов продовольствием¹⁶⁶.

В мае 1919 г. в связи с преобразованием округов путей сообщения в дорожные управления НКПС окружные транспортные отделы ЧК были реорганизованы в дорожные транспортные чрезвычайные комиссии (ТЧК), которые являлись органами управления всеми отделениями на железной дороге. ТЧК, деятельность которых распространялась на два и более железнодорожных и водных пути сообщения, стали называться районными транспортными чрезвычайными комиссиями (РТЧК). При узловых станциях и основных депо

создавались участковые транспортные чрезвычайные комиссии (УТЧК)¹⁶⁷. Такие же комиссии образовывались и при крупных пристанях. Следует обратить внимание, что транспортные ЧК создавались по экстерриториальному принципу, то есть в соответствии с административным делением НКПС. Высшей инстанцией для них являлся транспортный отдел ВЧК¹⁶⁸.

Большую роль в совершенствовании деятельности транспортных органов ВЧК сыграла IV Всероссийская конференция ЧК, проходившая с 3 по 6 февраля 1920 г. Главными вопросами, обсуждавшимися на конференции, были положение на транспорте, организация охраны народного имущества и задачи транспортных ЧК. Такая повестка дня не была случайной. В результате хозяйственной разрухи транспорт находился в крайне тяжелом состоянии. Кроме того, противники советской власти, стремясь сорвать снабжение промышленных центров и Красной армии, дезорганизовывали функционирование железнодорожных и водных путей сообщения. От налаживания работы транспорта во многом зависело само существование советской власти.

IV Всероссийская конференция приняла новое положение. Согласно положению, транспортный отдел ВЧК являлся высшей инстанцией для всех ЧК на железных дорогах и водных бассейнах. Его основной задачей были организация и контроль деятельности подчиненных подразделений¹⁶⁹. Заведующий транспортным отделом одновременно являлся председателем коллегии. Он и члены коллегии назначались ВЧК по согласованию с НКПС.

Контроль за работой местных органов ТО ВЧК и проверку их практической деятельности по выполнению постановлений и распоряжений советского правительства, приказов и указаний ВЧК и транспортного отдела осуществляла инспекторская часть. На регистрационно-статистическую часть возлагался учет разработок и ведение делопроизводства.

Местными органами ТО ВЧК являлись районные и участковые транспортные чрезвычайные комиссии. Инструкцией ВЧК, изданной 17 июля 1920 г., были определены штаты районных и участковых ТЧК. Штат РТЧК, например, определялся в 80 чел., а штат УТЧК – от 65 до 67 чел.¹⁷⁰

Чекистская работа по обеспечению безопасности Советской Республики в целом, важнейших отраслей ее народного хозяйства, включая и транспорт, в тот период рассматривалась как выполнение боевых задач в военной обстановке на внутреннем фронте. Эти положения нашли свое закрепление в постановлении Совета труда и обороны (СТО). 17 сентября 1920 г. СТО принял по инициативе коллегии ВЧК постановление¹⁷¹, согласно которому все работники ВЧК в центре и на местах в своих обязанностях и правах приравнивались к военнослужащим действующей Красной армии. В связи с этим никто из сотрудников ВЧК не мог по собственному желанию оставить службу в органах и частях ВЧК; все служащие ВЧК и ее местных аппаратов за свою деятельность несли ответственность наравне с военнослужащими действующих полевых частей, и на них распространялись все законоположения, утвержденные ВЦИК в отношении воинской дисциплины.

Постановление СТО позволило добиться упорядочения деятельности чекистских подразделений, укрепить дисциплину и повысить персональную ответственность сотрудников как центрального аппарата ВЧК, так и его местных подразделений за состояние и результаты их работы¹⁷².

Сосредоточение на транспорте большого количества старых специалистов и возникшая в связи с этим необходимость усиления работы чекистских органов, направленной на выявление среди этой категории лиц возможных скрытых противников советской власти, потребовали снятия с ТЧК некоторых не свойственных им функций, в частности освобожде-

ния их от сбора информации о техническом состоянии транспорта, вскрытия и расследования общеуголовных преступлений, мелких происшествий и т. п.

В связи с этим для повышения эффективности деятельности транспортных органов 12 июня 1920 г. ВЧК направила транспортным ЧК указание считать основной своей задачей борьбу с контрреволюцией, шпионажем и крупной организованной спекуляцией. Особое внимание обращать на организацию агентурной работы среди старых специалистов, «окружить этих специалистов настоящим негласным надзором... путем секретно-осведомительной работы выловить элементы, использующие свое служебное положение во вред Республике»¹⁷³.

Экономическая разруха сопровождалась внутренним политическим кризисом. В целом ряде регионов крестьяне проявляли недовольство продразверсткой, которая лишила их стимула к развитию своего хозяйства. В Тамбовской губернии, на Украине, Дону, в Сибири вспыхнули крестьянские восстания. На ряде предприятий промышленности и транспорта бастовали рабочие.

Борьба за укрепление экономической основы Советского государства была направлена в первую очередь на поднятие железнодорожного и водного транспорта. Принимались меры по совершенствованию системы управления транспортом, обеспечению его топливом, усиливалась политико-воспитательная работа среди железнодорожников и работников водного транспорта.

Конкретные задачи оперативной деятельности транспортных ЧК были определены приказом ВЧК от 31 января 1921 г. Они включали в себя планомерную борьбу с политической и технической (экономической) контрреволюцией, борьбу с саботажем и преступлениями по должности на железных дорогах и водных путях сообщения.

По мере изменения тактики разведывательной деятельности иностранных спецслужб против РСФСР задачи транспортных ЧК видоизменялись или дополнялись, изыскивались пути наиболее целесообразной организации чекистских аппаратов, которая позволяла бы успешно обеспечивать безопасность транспорта в новых условиях.

Вместе с тем перестройка структуры аппаратов транспортных ЧК чаще всего вызывалась нередко происходившими изменениями в структуре центрального аппарата НКПС и системе управления транспортом.

На протяжении 1921 г. был проведен ряд реорганизаций ТЧК, в результате которых к началу 1922 г. определилась следующая их система: во главе всех транспортных чекистских подразделений по-прежнему стоял транспортный отдел, который входил в состав ВЧК на правах управления и подчинялся непосредственно президиуму ВЧК. Ранее существовавшая в ТО ВЧК коллегия была упразднена. На местах также были упразднены ОКРТЧК и ДТЧК и вместо них при губернских чрезвычайных комиссиях созданы транспортные отделы. Заведующие этими отделами назначались губернскими исполкомами и являлись членами коллегий губернских ЧК. На крупных узлах железных дорог и водных путей имелись отделения и оперативные пункты транспортных отделов, а на промежуточных станциях и пристанях – линейные агенты¹⁷⁴.

В таком виде транспортные органы подошли к реформе органов государственной безопасности в феврале 1922 г., когда ВЧК была реорганизована в ГПУ при НКВД РСФСР.

А.А. Евтугова
г. Калининград
А.С. Соколов
г. Москва

**Социальный, партийный и национальный состав
руководящих сотрудников особых отделов
ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1919–1941 гг.**

Актуальность исследования руководящего состава особых отделов ВЧК–ГПУ–НКВД определяется наличием двух тенденций в отечественной историографии на современном этапе. Во-первых, в научных и научно-популярных исследованиях последних тридцати лет преобладает ангажированный подход к оценке личностей сотрудников органов государственной безопасности советского периода¹⁷⁵. Во-вторых, несмотря на наличие все возрастающего интереса к биографиям сотрудников органов госбезопасности, говорить о появлении научных исследований, которые так или иначе затрагивают изучение руководящего состава органов госбезопасности не приходится, а тем более особых отделов¹⁷⁶. А ведь органы военной контрразведки выполняли крайне важную функцию обеспечения безопасности в Красной армии и от их руководителей зависело содержание реализации государственной политики, вектор которой задавала Всероссийская Коммунистическая партия (большевиков) (ВКП(б)).

Следовательно, актуальность исследования руководящего состава особых отделов ВЧК–ГПУ–НКВД очевидна. Между тем, прежде чем приступить к исследованию заявленной темы необходимо оговорить ряд моментов. Во-первых, исследованные биографии руководящих сотрудников особых отделов (ОО) не могут дать стопроцентную репрезентативность. В органах госбезопасности в исследуемый период наблюдалась постоянная ротация кадров, поэтому общую

численность руководящего состава особых отделов достаточно сложно установить. Во-вторых, по той же самой причине, среди исследованных биографий руководителей очень мало лиц, которые были начальниками особых отделов на протяжении 1919–1941 гг., пусть и с перерывами. Всего из 151 биографии таких лиц набралось 7 чел.: Я.С. Агранов, Л.Б. Залин, Я.П. Зирнис, В.Т. Иванов, Т.И. Лоркипанидзе, В.А. Стырне, Д.В. Шленов. К примеру, Я.С. Агранов был заместителем начальника Управления Особого отдела ВЧК в 1920 г. и начальником ОО Московского военного округа в 1931 г., а Т.И. Лоркипанидзе – заместителем начальника ОО Всеукраинской ЧК и начальником ОО ГУГБ Морских сил Черного и Азовского морей в 1921 и 1935 гг. соответственно¹⁷⁷.

Между тем использование биографий 151 руководителя особых отделов позволяет выявить некоторые особенности руководящего состава военной контрразведки, особенно если провести сравнительный анализ периода ВЧК и ОГПУ – НКВД. Необходимо отметить, что анализ проводился в основном с опорой на опубликованные справочники¹⁷⁸. При этом, под руководящим составом для органов ВЧК понимались начальники отделений, отделов, управлений Центрального аппарата и заместители начальников, начальники ОО армий, фронтов, военных округов (ВО); для органов ОГПУ – НКВД – начальники отделений, отделов, управлений Центрального аппарата и заместители начальников, начальники ОО ВО и групп армий, а также Управлений местных аппаратов.

Одной из любопытных характеристик сотрудников органов госбезопасности является их возраст. Анализ биографических данных показал, что основой кадрового состава руководства ОО ВЧК являлись лица до 30–35 лет. Более того, для этого периода характерно наличие слишком молодых руководителей. Речь идет о Н.И. Ашукине и Ф.Д. Ульдрике, которые стали заместителем начальника ОО фронта в 1920 и

1921 г. (около 20 лет)¹⁷⁹! Если говорить о периоде ОГПУ–НКВД, основным возрастом руководителей особых отделов до 1937–1938 гг. были лица в возрасте 35 лет и выше. Самыми молодыми руководителями особых отделов ОГПУ–НКВД были Д.Д. Никифоров, ставший заместителем начальника ОО Восточно-Сибирского фронта в 1924 г (24 года), а также Л.П. Жданов и А.Н. Михеев, ставшие начальниками ОО ОГПУ Приморской группы войск и НКВД Орловского ВО, соответственно, в 1928 и 1939 гг. (28 лет)¹⁸⁰.

В результате, можно говорить о том, что в период ВЧК в руководстве органов ОО преобладала молодежь. С организационным развитием органов госбезопасности и формированием кадровой политики со второй половины 1920 до середины 1930-х гг. на руководящих должностях военной контрразведки стали преобладать лица более старшего возраста. Главной особенностью возраста руководящего состава ОО ВЧК–ОГПУ–НКВД было наличие в некоторых случаях слишком молодых начальников. Действительно, тот же А.Н. Михеев получил майора госбезопасности (полковника) в возрасте 28–29 лет¹⁸¹. При этом, конечно, необходимо учитывать тот факт, что в период ВЧК данные возрастные процессы были связаны со строительством нового советского государства во главе с партией большевиков, которая была самой молодой партией по возрасту своих членов в России начала XX века¹⁸². В период же 1937–1938 гг. кадровый состав НКВД значительно омолодился в связи с репрессивной политикой в среде сотрудников органов госбезопасности¹⁸³.

Партийный состав ОО ВЧК–ОГПУ–НКВД соответствовал главному принципу реализации кадровой политики большевиков, когда на руководящие должности назначались представители их партии¹⁸⁴. Поэтому в среде руководства органов военной контрразведки практически все были членами ВКП(б). Однако, некоторые очевидные особенности руководства ОО в исследуемый период можно отметить. В ОО ВЧК была внушительная прослойка лиц с дореволюционным

партийным стажем. К примеру, среди старых большевиков можно указать лиц с партийным стажем до Первой русской революции 1905 г.: заместителя начальника ОО ВЧК В.А. Аванесова, члена РСДРП(б) с 1903 г.; начальника ОО Южного фронта Б.А. Бреслава, члена РСДРП(б) с 1899 г.; начальника ОО ВЧК М.С. Кедрова, члена РСДРП(б) с 1902 г.; начальника ОО Юго-Восточного фронта Н.А. Скрыпника, члена РСДРП(б) с 1897 г.; начальника ОО 13-й армии Ф.Л. Эйдукевича, члена РСДРП(б) с 1889 г.¹⁸⁵ Более того, среди руководителей органов военной контрразведки ВЧК была прослойка лиц, состоявших в прошлом членами социалистических партий, а потом уже примкнувших к большевикам. В частности, в партии эсеров в свое время состояли заместитель начальника ОО ВЧК Я.С. Агранов, начальник ОО МЧК Е.Г. Евдокимов, ОО 5-й армии А.П. Николаев, ОО 12-й армии И.М. Островский, Оперативного отдела ОО ВЧК В.И. Плятт¹⁸⁶.

Анализ биографий руководителей ОГПУ–НКВД выявил всего семь сотрудников с дореволюционным партийным стажем, большая часть из которых, это лица, занимавшие руководящие посты на протяжении 1919–1941 гг.: Я.С. Агранов, Я.П. Зирнис, В.Т. Иванов, Т.И. Лордкипанидзе. Основная масса руководителей ОГПУ–НКВД имели партийный стаж после 1917 г., что во многом объясняет такую особенность, как членство в рядах Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ), в последствии Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (ВЛКСМ). Так, в рядах РКСМ (ВЛКСМ) состояли начальник ОО УГБ УНКВД Киевской области Л.И. Рейхман (1918 г.), помощник начальника ОО ОГПУ УССР и Украинского ВО Д.М. Соколинский (1919 г.), а в рядах ВЛКСМ – заместитель начальника ОО ГУГБ НКВД Закавказского ВО А.С. Зоделава (1920 г.) и начальник ОО НКВД Забайкальского ВО П.Т. Куприн (1924 г.)¹⁸⁷.

Среди руководства ОО ВЧК была такая особенность, как пребывание в социалистических партиях до вступления в

ряды большевиков. Между тем, можно согласиться с выводами Н.В. Петрова и К.В. Скоркина, что такие лица, были первыми кандидатами на аресты в ходе начатой чистки НКВД, поэтому их количество стремительно сократилось, как и количество сотрудников с дореволюционным партийным стажем¹⁸⁸. В тоже время, любопытен и тот факт, что формирующаяся новая номенклатура органов госбезопасности уже имела опыт партийной работы в рядах организаций коммунистической молодежи. В целом, принадлежность к партии большевиков, в условиях ее близости с органами госбезопасности, была необходимым условием назначения на руководящий пост в ОО ВЧК–ОГПУ–НКВД. Более того, нередко успешная партийная работа способствовала карьерному росту в органах госбезопасности.

Одной из важных характеристик биографий сотрудников органов безопасности, имеющих определенное значение с точки зрения классовой борьбы, является социальное происхождение. Изначально, следуя этой логике в кадровой политике в отношении органов ВЧК, партия большевиков делала ставку на близкие по духу слои общества в лице рабочих и крестьян. Однако такой подход первоначально вызвал массу проблем из-за банального отсутствия необходимого количества лиц, способных нести службу в органах госбезопасности. Поэтому руководству РКП (б) и ВЧК пришлось идти на компромисс, привлекая в ряды чекистов не только лиц, из среды мещан, мелких торговцев и ремесленников, но из среды служащих, приказчиков, священнослужителей, купцов и дворян¹⁸⁹. В случае с руководящим составом ОО речь идет не только об известных начальниках ОО ВЧК М.С. Кедрове и В.Р. Менжинском, имевших дворянские корни, но и о начальнике ОО 16-й армии Я.К. Ольском, помощнике начальника ОО ВЧК Р.А. Пилляре, заведующим следственной частью ОО Всеукраинской ЧК А.Я. Розенштейне, начальнике отделения ОО ВЧК А.А. Холщевникове¹⁹⁰.

Со становлением Советского государства и утверждением командно-административной системы необходимость в привлечении представителей непролетарского происхождения отпала. Более того, в органах власти, а особенно, в НКВД начинаются чистки. Поэтому доля сотрудников, имевших рабоче-крестьянское происхождение с 1934 по 1941 гг. увеличилась с 40 до 80%¹⁹¹. Органы военной контрразведки в этом отношении мало чем выделялись из общего контекста кадровой политики в органах госбезопасности. Анализ биографий сотрудников ОО ОГПУ–НКВД показал полное отсутствие лиц, с дворянским происхождением, и преобладание выходцев из рабочих и крестьянских семей. Между тем, необходимо учитывать тот факт, что часть сотрудников в то время скрывало свое непролетарское происхождение. Да и прослойка выходцев из служащих и торговцев была заметной. К примеру, из торговой семьи происходили начальник 7-го отделения ОО ГУГБ НКВД М.С. Алехин, начальник ОО УГБ НКВД Ивановской области Д.Я. Каплан, а из семьи чиновника – начальник ОО ГУГБ НКВД Московского ВО В.И. Осмоловский и начальник ОО ОГПУ СССР Г.Е. Прокофьев¹⁹².

В результате, если в органах ОО ВЧК наблюдается весьма пестрый состав по социальному происхождению и даже прослойка руководителей с дворянскими корнями, то в ОО ОГПУ–НКВД начинают преобладать представители рабоче-крестьянских семей. Хотя ради справедливости стоит также отметить, что прослойка выходцев из служащих и торговцев в 1930-х гг. была еще заметной.

Служба в органах военной контрразведки требовала определенной подготовки и наличия интеллектуальных качеств, что и способствовало, в том числе привлечению на первых порах в ряды большевиков представителей из чуждых пролетарскому обществу классов, что во многом объясняет прямую связь с наличием достаточного уровня образования.

Действительно, в условиях формирующейся диктатуры пролетариата, в среде чекистов преобладали представители рабочих и крестьян, что во многом приводило к очень низкому уровню образования¹⁹³. Поэтому не удивительно, что среди руководителей военной контрразведки были помощник начальника ОО 9-й армии М.А. Волков, начальник ОО Туркестанского фронта Н.В. Марголин и начальник ОО 2-й конной армии С.С. Турло, которые не имели вообще образования¹⁹⁴. Между тем, именно среди руководства ОО ВЧК была заметная часть лиц, которые обучались в высших учебных заведениях – 26 сотрудников, из которых законченное высшее образование имели начальники ОО ВЧК и их заместители М.С. Кедров, В.Р. Менжинский, В.А. Аванесов и А.Х. Артузов, начальники отделений ОО ВЧК Ф.В. Патаки, С.В. Пузицкий, В.А. Стырне, В.Д. Фельдман и А.А. Холщевников, а также начальник ОО 11-й армии Г.А. Атарбеков¹⁹⁵.

Ситуация с образованием в органах ОГПУ–НКВД в целом соответствовала стремлению руководства страны на удаление сотрудников непролетарского происхождения. Поэтому утверждение Н.В. Петрова и К.В. Скоркина, что в НКВД «опыт работы, верность и преданность ценились больше, чем образовательный уровень» имеет место быть¹⁹⁶. Общая тенденция в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД, особенно в сравнении с другими государственными учреждениями, была действительно нацелена на приоритет выдвижения на руководящие посты преданных делу партии товарищей. Между тем, можно указать на одну очень важную особенность, характеризующую образовательный уровень руководства органов ОО ОГПУ–НКВД. Дело в том, что целый ряд руководителей органов госбезопасности получили дополнительное образование уже в советские годы. Речь идет не только о распространенных в 1920–1930-е гг. различных курсах, но и о военном и специальном образовании. К примеру, в Академии РККА им. М.В. Фрунзе прошли обучение начальник 7-го отделения ОО ГУГБ НКВД М.С. Алехин и

начальник ОО УГБ НКВД Средней Азии Н.А. Загвоздин, а в Высшей пограничной школе ОГПУ – начальник ОО Тихоокеанского флота М.И. Диментман и начальник ОО ГУГБ НКВД Московского ВО В.И. Осмоловский¹⁹⁷.

В результате, в ситуации с образованием руководителей органов ОО ВЧК–ОГПУ–НКВД наблюдается двойственное положение дел. С одной стороны, курс руководства страны на привлечение преданных делу партии лиц приводил к невысокому образовательному уровню начальников военной контрразведки. С другой, положение особых отделов в иерархии органов госбезопасности все-таки требовало от военных контрразведчиков и более высокой подготовки, чем в других направлениях обеспечения госбезопасности. Поэтому первоначально достаточно большое количество лиц с высшим и незаконченным высшим образованием для органов госбезопасности в особых отделах объяснялось, как раз наличием выходцев из непролетарской среды. В последующее время, эта проблема стала решаться за счет подготовки руководящих сотрудников в военных и ведомственных образовательных учреждениях.

Национальный состав органов госбезопасности является одним из самых болезненных вопросов истории органов ВЧК–ОГПУ–НКВД. При этом национальный вопрос в годы ВЧК не стоял остро¹⁹⁸. Анализ биографий руководства органов военной контрразведки позволяет сказать, что представители восточнославянской национальности преобладали среди него. Из 151 начальника особых отделов 76 были русскими, белорусами и украинцами, 42 – евреями и 15 – латышами. Хотя, как и указывалось выше, приведенные цифры весьма относительны, определенное представление о национальном составе они дают. Действительно, количество евреев и латышей в руководстве ОО ВЧК–ОГПУ–НКВД было весьма внушительно, особенно если учитывать пропорциональную составляющую к населению России. Кроме того,

можно отметить и некоторые особенности эволюции национального состава руководства военной контрразведки. В 1930-х гг. прослеживается тенденция, с одной стороны, к сокращению числа латышей, причем в разы, а с другой – к увеличению представителей Закавказья, что, впрочем, вполне соответствует данным по органам госбезопасности в целом¹⁹⁹.

В результате, особенностью руководящего состава органов ОО ВЧК–ОГПУ–НКВД было заметное представительство евреев и латышей, чего нельзя сказать, кстати, про поляков. С развитием органов госбезопасности, в ОО ОГПУ и НКВД представительство национальных меньшинств заметно сократилось. Хотя говорить о доминировании их над восточнославянскими народами не приходится на всем протяжении истории органов госбезопасности. Очевидно, что те или иные нацменьшинства в зависимости от складывавшихся обстоятельств, присутствовали в составе руководства органов госбезопасности. Однако, их влияние не было ключевым, так как вектор политики, определяющей деятельность органов ВЧК–ОГПУ–НКВД, задавался изначально ВКП(б).

Таким образом, можно говорить о том, что руководящий состав ОО ВЧК–ОГПУ–НКВД имел, с одной стороны, – общие черты с кадровым составом всего руководства органов госбезопасности, а с другой – некоторые отличительные особенности.

Возраст руководящего состава ОО ВЧК–ОГПУ–НКВД постепенно увеличивался. Однако, даже в усредненных параметрах основной возраст начальников военной контрразведки был в пределах 35–40 лет, что для этого уровня командного состава достаточно невысокий возрастной показатель. Более того, главной особенностью возраста руководящего состава ОО ВЧК–ОГПУ–НКВД, как, впрочем, всех органов госбезопасности, было наличие в некоторых случаях слишком молодых начальников.

Основная роль в деле строительства советских органов госбезопасности принадлежала ВКП(б), что предопределило наличие необходимого условия принадлежности к этой партии при назначении на руководящую должность в ОО ВЧК–ОГПУ–НКВД. Постепенно как по естественным причинам, так и в условиях чистки органов госбезопасности в сталинские годы, доля сотрудников, имевших опыт пребывания в социалистических партиях до вступления в ряды большевиков, заметно сократилось. В тоже время, любопытен и тот факт, что формирующаяся новая номенклатура органов госбезопасности в 1930-х гг. уже имела опыт партийной работы в рядах организаций коммунистической молодежи. Все это указывает, на очень внимательное отношение ВКП(б) к руководящему составу органов госбезопасности.

Социальное происхождение руководства ОО ВЧК–ОГПУ–НКВД также изменилось под влиянием тенденций в развитии Советской России. Если в органах ОО ВЧК еще наблюдалась прослойка руководителей с дворянскими корнями, то в ОО ОГПУ – НКВД можно лишь говорить о некоторой доле выходцев из служащих и торговцев. Большинство же остается в 1930-х гг. за представителями рабоче-крестьянских семей. Однако, необходимо отметить, что доля выходцев из непролетарских слоев населения в органах военной контрразведки была более ощутимой, чем в других органах госбезопасности. Дело в том, что положение особых отделов в системе органов ВЧК–ОГПУ–НКВД все-таки требовало от военных контрразведчиков более высокой подготовки. Не исключено, и влияние того факта, что особые отделы ВЧК были образованы путем слияния, пусть и через фильтрацию с органами Военного контроля. Поэтому первоначально достаточно большое количество лиц с высшим и незаконченным высшим образованием для органов госбезопасности в особых отделах объяснялось, как раз наличием выходцев из непролетарской среды. В последующее время, эта проблема стала решаться

за счет подготовки руководящих сотрудников в военных и ведомственных образовательных учреждениях.

Рассматривая национальный состав руководящих кадров ОО ВЧК–ОГПУ–НКВД необходимо отметить, наличие заметной доли национальных меньшинств, которая с развитием органов госбезопасности значительно сократилась. При этом, как представляется, влияние евреев, латышей, поляков и других представителей не титульной нации не было ключевым, так как вектор политики, определяющей деятельность органов ВЧК–ОГПУ–НКВД, задавался изначально ВКП(б). Разумеется, определенная специфика присутствовала, также, как и то, что представители восточнославянских народов все-таки составляли большинство в органах военной контрразведки.

Е.Н. Журавлев
г. Омск

Формирование органов военной контрразведки на территории Туркестана

Становление органов военной контрразведки на территории России уже прошло, тогда как на территории Туркестана осенью 1919 г. все только начиналось. В сентябре 1919 г., когда изоляция Туркестана была ликвидирована, начались процессы преобразования и организационного строительства органов военной контрразведки.

Географические и социально-экономические особенности Туркестанского театра военных действий исключали возможность образования там единого фронта. На территории Туркестана революционные и контрреволюционные силы стремились, прежде всего, овладеть основными политико-административными и экономическими центрами и районами, а они были отделены один от другого безводными пустынями и горными хребтами. Поэтому крупные очаги вооруженной борьбы возникали в различных частях Туркестана. Там, где борьба приобретала упорный, затяжной характер, образовывались местные фронты: Закаспийский, Ферганский и др.

На основе решений VII Чрезвычайного съезда Советов Туркестанской Республики (7–31 марта 1919 г.) в республике развернулась работа по укреплению вооруженных сил, так как они не имели стройной организационной структуры и состояли из различных по составу и численности частей. В общей сложности в республике имелось 76 различных формирований, насчитывавших более 26 тыс. чел.²⁰⁰

Тем не менее в Туркестане была создана система органов высшего военного руководства по образцу Советской Рос-

сии. Постановлением Центрального исполнительного комитета (ЦИК) Туркестанской Республики 7 апреля 1919 г. образован Революционный военный совет Республики²⁰¹.

Первым начальником особого отдела при Реввоенсовете Туркестанской Республики стал Г. А. Воскин, назначенный на должность приказом ЦИК Туркестанской Республики № 66 от 30 марта 1919 г.²⁰²

В данный период отдел насчитывал 70 сотрудников, 25 из которых являлись членами РКП(б), и состоял из активной, организационной, следственной и финансовой частей. Хозяйственной и комендантской частей не имелось. Следственная часть обладала правом производства первичного следствия, после чего дела передавались в Туркестанскую ЧК²⁰³.

Учитывая особенность Туркестана – отсутствие единого фронта, подразделения военной контрразведки формировались фактически по территориальному признаку. В Ташкенте размещалось управление Особого отдела, в областных центрах – отделения, в крупных населенных пунктах, железнодорожных узлах формировались пункты.

Периферийными органами управления особого отдела в данное время являлись:

1. Ферганское областное отделение с пунктами в Коканде, Андижане, Оше и Намангане;
2. Самаркандское областное отделение с пунктами в Ходженге и Катта-Кургане;
3. Ново-Бухарское отделение с пунктами в Чарджуе (Чарджуу), Керках и Петроалександровске;
4. Мервское отделение с пунктами в Кушке и Тахта-Базаре.

Кроме того, в данный период существовали отделения местных Закаспийского, Семиреченского и Северо-Восточного фронтов с четырьмя прифронтовыми передвижными пунктами при каждом.

Пункты в городах Туркестана непосредственно подчинялись краевому управлению, которому направляли сводки и

доклады о своей работе. Областными отделениями они были подчинены только в оперативном отношении.

В связи с тем, что территория республики была оторвана от территории Советской России, и значительными расстояниями, связи с периферийными органами управления особого отдела не было, и представления о том, что делалось в подчиненных ему отделениях и пунктах, оно фактически не имело.

Многие пункты находились в «зачаточном» состоянии по причине катастрофической нехватки кадров, требовалась налаженная связь с областными и краевыми центрами. Положение дел усугублялось расстояниями. Особый отдел не мог контролировать работу всех отделений и пунктов, в результате чего они оказались фактически предоставлены сами себе. Содержащаяся в сводках и бюллетенях информация за время нахождения в пути устаревала. В большинстве своем сводки содержали только данные о произведенных арестах и находящихся в производстве следственных делах.

15 сентября 1919 г. по предписанию президиума VIII съезда Советов Туркестанской Республики Воскин был освобожден от должности и откомандирован в ВЧК. Его сменил Вершинин²⁰⁴.

Тем временем произошли преобразования, затронувшие и органы военной контрразведки. Директивой Главкома РККА от 11 августа 1919 г. образован Туркестанский фронт²⁰⁵. С ликвидацией в сентябре 1919 г. блокады Туркестана РВС фронта, находившийся в Самаре, образовал Ташкентский отдел Туркестанского фронта (Ташотурк). В его задачу входило объединение работы всех местных военных органов и реорганизация существовавшего в Туркестане военного управления²⁰⁶.

Постановлением РВСР от 29 сентября 1919 г. вся военная организация Туркестана была подчинена реввоенсовету Туркестанского фронта. Для руководства войсками на территории Туркестана приказом РВС фронта № 1 от 11 ноября 1919

г. вместо РВС Туркестанской Республики образован РВС Туркестанских войск²⁰⁷.

Соответственно, и особый отдел при РВС Туркестанской Республики был преобразован в особый отдел при Реввоенсовете Туркестанских войск с подчинением особому отделу фронта, что являлось временной мерой по причине того, что особый отдел фронта на тот момент дислоцировался в Самаре.

Руководителем отдела был назначен помощник начальника Особого отдела Туркестанского фронта В.П. Будников. 14 ноября 1919 г. он вступил в исполнение обязанностей начальника управления Особого отдела при Реввоенсовете Туркестанских войск²⁰⁸. Назначение являлось временным в связи с ожидаемой передислокацией аппарата фронтового особого отдела в Туркестан и последующим слиянием двух аппаратов.

Будников ввел временные штаты, такие же, какие существовали в Особом отделе Туркфронта (в отделениях – штаты армейских особых отделов, в пунктах – как в Сызранском отделении).

В ноябре 1919 г. заведующему организационно-инспекторской частью особого отдела при Реввоенсовете Туркестанских войск В.Г. Соколовскому поручено формирование отделений и пунктов на территории Туркестана.

Соколовский перестроил существовавшую систему отделений и пунктов на территории Туркестана. Организовано отделение в Новой Бухаре, в контрразведывательном обеспечении которого находилась территория Аму-Дарьинского отдела (территория Сырдарьинской области на правом берегу Амударьи, отторгнутая от Хивинского ханства царским правительством), ему был подчинен вновь образованный пункт в г. Петроалександровске (Сырдарьинская область). Этому отделению также подчинялись пункты в Керках и Термезе

(Закаспийская область). Кроме того, Ново-Бухарскому отделению переподчинен пункт в Чарджуе (Закаспийская область).

Им также образовано отделение в Мерве (Закаспийская область), которое охватывало Мервский и Тедженский уезды, и руководило пунктами в Теджене, Кушке и Тахта-Базаре. В Асхабаде организовано Закаспийское отделение, руководящее пунктом в Кизил-Арвате и фронтовым пунктом. Всего в результате перестройки особый отдел располагал 8 отделениями и 29 пунктами²⁰⁹.

В городах, где организовывать пункты было нецелесообразно, создавались резиденции. В отличие от пунктов, в штабах резиденций не были предусмотрены должности сотрудников организационной, следственной, финансовой частей. Статус периферийного органа (пункт, резиденция) не являлся постоянным. В зависимости от поставленных оперативных задач и положения в районе (к примеру, наличия вооруженных выступлений против Советской власти) пункт мог быть преобразован в резиденцию и наоборот.

В ходе реорганизации возникли трения с военными властями, которые претендовали на руководство особыми отделами. По этому поводу Будников писал: «Обыкновенно Военные Власти не только не содействуют особотделам, но даже определенно тормозят их работу, и возможность помощи последним допускают только три наличии полного контроля ими, т.е. военными властями, даже технической стороны работы особотделов»²¹⁰.

Тем не менее в ноябре – декабре 1919 г. под руководством Будникова была проведена полная реорганизация особых отделов в Туркестане. В краевом управлении создана организационно-инспекторская часть, установившая связь со всеми отделениями, пунктами и резиденциями и инструктировавшая и корректировавшая их работу.

По состоянию на 1 декабря 1919 г. функционировали следующие органы Управления особого отдела:

1. Семиреченское отделение с двумя пунктами в Джаркенте и Копале и двумя резиденциями в Пржевальске и укреплении Нарынском;

2. Ферганское отделение с пунктами в Коканде и Андижане и двумя резиденциями в Намангане и Оше;

3. Самаркандское отделение, которое кроме территории области охватывало сферой своего влияния Бухару и Хиву, ему подчинены пункт в Новой Бухаре и резиденции в Ходженте, Катта-Кургане, Петро-Александровске, Чарджуе и Керках;

4. Закаспийское отделение, одной из задач которого являлось наблюдение за огромной по протяжению границей с Персией и Афганистаном. Ему подчинены три пункта – фронтальной, в Мерве и Кушке и одна резиденция в Тахта-Базаре.

В процессе формирования находились пункт в Черняеве (Ферганское отделение) с резиденцией в Аулие-Ата и пункт в Порт-Перовске (Семиреченское отделение) с резиденциями в Казалинске и Аральском море, в контрразведывательном обеспечении которых находился весь Северный Туркестан.

К 1 декабря 1919 г., несмотря на ряд затруднений технического характера, все органы на местах были снабжены инструкциями, налажена надёжная связь, началось поступление сводок из подчиненных органов, отражающих реальное положение дел в том или ином районе. Во всех отделениях и пунктах произведена «чистка» от скомпрометировавших себя сотрудников, часть которых предана суду за совершенные преступления.

1 января 1920 г. Будников по предписанию Г.И. Бокия передал особый отдел со всеми его отделениями, пунктами и резиденциями назначенному временно исполняющим должность начальника особого отдела Туркестанских войск Бариннову²¹¹.

К марту 1920 г. окончательно сложилась структура органов военной контрразведки на территории Туркестана. В нее также вошли сеть военно-контрольных пунктов на железной дороге и сеть отделений и пунктов военной цензуры. В марте-апреле 1920 г. состоялась передислокация Управления особого отдела Туркестанского фронта в Ташкент, в результате чего оба аппарата были объединены, а особый отдел Туркестанских войск, созданный как временная мера, ликвидирован. Таким образом, несмотря на серьезные затруднения, связанные с объективными причинами и местными особенностями, процесс формирования органов военной контрразведки на территории Туркестана был завершен.

Обусловленную местными особенностями систему организационного построения военной контрразведки на территории Туркестана можно рассматривать как интересный опыт организации работы, не имевший повторения на других фронтах Гражданской войны, а также в последующем.

А.В. Лиманский
г. Москва

Основные субъекты кадровой политики в советских пограничных войсках (1921 г.)

Кадровая политика в советских пограничных войсках на этапе их становления в 1921 г. реализовывалась в весьма противоречивых политических и социально-экономических условиях. Основными субъектами по ее осуществлению являлись высшие партийно-государственные органы и руководители ВЧК.

Уже к концу 1920 г. стало понятно, что войск внутренней службы (ВНУС), обеспечивающих охрану границы в соответствии с постановлением Совета Труда и Оборона (СТО) от 24 ноября 1920 г., явно было недостаточно. Вместе с тем и активные боевые действия против крупных вооруженных банд на границе также требовали привлечения дополнительных сил.

Эти обстоятельства, спустя два месяца после принятия постановления СТО, потребовали внести в него изменения. 15 января состоялось совещание представителей военного ведомства и ВЧК, которое приняло постановление об усилении охраны границы за счет увеличения контингента войск, улучшения их вооружения и снаряжения. Комиссия своим решением определила численность войск по охране границы в 100 тыс. чел., одну шестую часть которых должна была составлять конница²¹².

19 января СТО принял новое постановление, по которому войска ВНУС передавались в военное ведомство. В постановлении было указано: «...на войска ВЧК возложить, кроме лежащих на них обязанностей, охрану границ РСФСР...»²¹³. Снабжение войск ведомства всеми видами довольствия (кроме денежного) и пополнение их людьми и лошадьми возлагалась на Народный комиссариат по военным делам

(Наркомвоен), комплектование осуществлялось на основаниях, выработываемых соглашением председателя ВЧК и Революционного военного совета Республики (РВСР). В течение короткого времени руководством органов госбезопасности была проделана большая работа по созданию стройной организационной структуры войск ВЧК, их комплектованию, материально-техническому обеспечению и боевой подготовке²¹⁴.

9 марта СТО под председательством В.И. Ленина рассмотрел вопрос об укреплении кадрами пограничных войск. Было предложено ВЧК согласовать вопрос с военным ведомством и Главным комитетом по всеобщей трудовой повинности (Главкомтрудом) об откомандировании в пограничные войска из всех учреждений специалистов-пограничников²¹⁵. 13 апреля в соответствии с постановлением СТО войска ВЧК и их штабы «ввиду особых условий несения службы» стали удовлетворяться продовольствием от военведа по усиленной норме № 1 в количестве не более 75 000 чел.²¹⁶ Постановление СТО от 13 мая предусматривало обеспечение военнослужащих командного и административного состава верхней одеждой, бельем, обувью и постельными принадлежностями²¹⁷.

1 июля в дополнение и изменение постановления СТО от 13 апреля 1921 г. было принято постановление о приравнивании продовольственного пайка для войск и штабов ВЧК к фронтовому пайку, в котором СТО обязал Главснабпродарма удовлетворять их продовольствием по повышенной норме в пределах штатного количества в 200 186 чел., а личный состав морских судов и команд, выделенных Командующим морскими силами Республики, для охраны государственной границы – до 10 тыс. чел.²¹⁸

На основе предложения межведомственной комиссии СТО 21 октября 1921 г. постановил: войска пограничной охраны расформировать, а военному ведомству выделить для охраны границ в распоряжение ВЧК строевые части в

размере, обеспечивающем надежную охрану границ. Ответственность за организацию охраны границы несли особые отделы ВЧК, а за несение службы войсками отвечало военное ведомство. Тем не менее, автором выявлено, что в составе ВЧК на 29 октября оставалась часть личного состава войск пограничной охраны в количестве 12 345 чел.²¹⁹

С 8 по 16 марта 1921 г. в Москве состоялся X съезд Российской коммунистической партии (большевиков) (РКП (б)), который, указав на необходимость дальнейшего укрепления командных кадров, политорганов и партийных организаций Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) и Рабоче-крестьянского Красного флота (РККФ), развертывания среди личного состава повседневной политической и культурно-воспитательной работы. Решения X съезда партии сыграли исключительно важную роль в укреплении кадровой политики в советских пограничных войсках. 15 марта в резолюции X съезда РКП (б) «О Главполитпросвете и агитационно-пропагандистских задачах партии» было определено, что руководство политико-просветительной работой в РККА и РККФ должно осуществляться Главполитпросветом. Вскоре это решение было распространено и на пограничные войска молодой Республики Советов²²⁰. Кроме того, в соответствии с решениями X съезда РКП (б) предусматривалось «подвергнуть тщательному обследованию социальный состав, а также политические и бытовые группировки командного состава, с целью перемещений и других мероприятий...», «более широко применять систему перевода на командные и хозяйственно-административные должности комиссаров, приобретших соответственный опыт» и «принять меры к более планомерному и систематическому использованию на командных должностях красных командиров»²²¹.

Еще до проведения съезда партии Реввоенсовет (далее – РВС, РВСР), изучив положение дел по подбору и расстановке военных кадров, обратил особое внимание на необхо-

димось первоочередного выдвижения на высшие должности лиц комсостава, бывших в недавнем прошлом рядовыми красноармейцами. «Эти вышедшие из рядов пролетариата начальники, – указывалось в приказе РВСР от 1 марта 1921 г. № 504, – являясь подлинными защитниками Революции и завоеваний рабоче-крестьянской советской власти, особенно ценны для армии; необходимо дорожить ими и при первой возможности продвигать на следующие высшие должности»²²². Это требование в полном мере относилось и к войскам ВЧК.

ЦК партии, проводя в жизнь решения съезда, также издал ряд директив об укреплении войск ВЧК. В марте была подготовлена директива о недопустимости отзыва политических работников из войск без согласия ВЧК. 25 марта ЦК направил шифротелеграмму всем председателям губкомов партии «О порядке перемещения коммунистов – руководящих работников войск ВЧК». В ней ЦК определял недопустимым ввиду малого процента коммунистов и подрыва политической работы в войсках ВЧК осуществлять назначения на новые должности ответственных партийных работников, занимающих командные административные и политические посты в войсках ВЧК, впредь производить такие назначения «только с согласия соответствующих административно-политических органов войск ВЧК»²²³.

22 апреля было направлено циркулярное распоряжение всем губернским комитетам и областным бюро РКП (б) о мобилизации партийных работников и коммунистов в войска ВЧК, обращая особое внимание на улучшение качественного состава политработников и усиление партийной работы в частях и подразделениях войск ВЧК²²⁴. 15 апреля для усиления пограничных частей политсекретариат войск ВЧК принял решение о переводе 80 коммунистов в распоряжение охраны финляндско-мурманской границы по нарядам ЦК. А всего в период с марта по август для работы в органах и войсках ВЧК

высшей партийной инстанцией было направлено 388 наиболее подготовленных лиц, состоящих на партийной работе. В августе ЦК принял решение о приостановке демобилизации ответственных партийных работников, находившихся на службе в войсках ВЧК²²⁵.

14 мая Политбюро на своем заседании заслушало вопрос об охране границ. Было принято решение поручить ВЧК ввести должность особоуполномоченного для Петроградского военного округа; увеличить войска пограничной охраны и улучшить их снабжение; усилить пограничные войска коммунистами²²⁶. 18 ноября 1921 г. Политбюро ЦК РКП (б) рассмотрело вопрос о возвращении пограничным войскам старых специалистов, имевших опыт пограничной службы, а также об усилении войск коммунистами²²⁷.

Важная, а в ряде случаев определяющая роль в формировании и реализации кадровой политики в пограничных войсках принадлежала председателю ВЧК Ф. Э. Дзержинскому. Многие партийные и государственные законодательные акты в области кадровой политики в пограничной охране были приняты по инициативе Ф.Э. Дзержинского и его заместителя И С. Уншлихта.

23 февраля Ф.Э. Дзержинский писал председателю Донецкой губЧК (1920–1922 гг.) К.М. Карлсону: «Во что бы то ни стало эти войска сделать и по духу чекистскими, т. е. стойкими и преданными делу революции. Это достигнуть можно, втягивая их в нашу жизнь и работу постоянной близостью и заботой о них, как о материальной их жизни, так и духовной».

25 марта в СТО с докладной запиской обратился Ф.Э. Дзержинский с предложением ввести фронтовой продовольственный паек для войск ВЧК, которые ранее постановлением СТО причислялись к тыловым частям и вынуждены были перейти на тыловой паек и тыловое снабжение. Особенно это касалось частей войск ВЧК, которые несли службу

по охране границы, которая нисколько не отличалась «от работы на боевом фронте по напряженности внимания и трудности несения службы»²²⁸. 1 сентября он обратился с письмом в ЦК, в котором обосновал меры по улучшению материального положения пограничных войск. «Президиум ВЧК, – писал он, – учитывая все возможности и имея в виду как затруднительное положение Республики в отношении наличных ресурсов вещевого имущества, так и главным образом срочность в вопросе осуществления практических мер по данному делу, полагает необходимым и целесообразным закупить обмундирование за границей в количестве до 60 000 комплектов»²²⁹.

Непосредственно Дзержинский занимался подбором руководящих кадров органов и войск ВЧК, осуществляющих охрану границы. По его инициативе в начале 1921 г. начальником пограничной ЧК в г. Проскуров на украинско-польской границе был назначен чекист Ф.Т. Фомин, а в апреле на должность начальника морской инспекции ВЧК – военмор М.В. Иванов²³⁰.

Дзержинский сформулировал требования к кадрам войск, обеспечивающим охрану государственной границы и зависимость результатов службы от материального обеспечения пограничников.

По мнению Дзержинского, во главе частей и подразделений войск ВЧК–ОГПУ должны стоять твердые, испытанные коммунисты, знающие военное дело и имеющие опыт борьбы с врагами. А поэтому на всех участках важен подбор людей, «все внимание должно быть обращено на подбор людей и технику, которая должна заменить количество». «Войска ВЧК должны быть исключительно надежные и дисциплинированные, готовые к выступлению по первому требованию, вербоваться из людей, на которых можно надеяться и которым можно доверять. В особенности это относится к войскам, несущим охрану границ РСФСР, где нет групповой

работы, а надежда возлагается на честность и исполнительность каждого бойца в отдельности, а голодный и раздетый человек всегда легче поддается соблазну и подкупу, чем сытый».

Необходимо отметить, что председатель ВЧК–ГПУ–ОГПУ Ф.Э. Дзержинский занимал в 1921 г. одновременно несколько партийных и государственных постов. С 30 марта 1919 г. являлся наркомом внутренних дел РСФСР (по 1923 г.), с апреля 1921 г. по февраль 1924 г. – наркомом путей сообщения, а также кандидатом и членом ЦК РКП (б), кандидатом в члены Политбюро ЦК РКП (б) и членом ВЦИК. Поэтому львиная доля в решении кадровых вопросах в войсках ВЧК принадлежала заместителю председателя ВЧК И.С. Уншлихту.

В докладе на заседании СНК 18 мая 1921 г. заместитель председателя ВЧК И.С. Уншлихт отмечал, что «Работа по охране границ весьма трудная уже по своей бдительности. Недостаточное же количество опытных в этой работе сотрудников, громадная растянутость органов, плохая техническая связь между ними, присутствие в пограничной полосе банд налетчиков, возможность столкновения с контрабандистами создают положение, мало чем отличающееся от боевого положения на фронте. Вследствие этого сотрудники органов охраны границ должны быть в постоянной готовности, тревожная работа требует громадного напряжения энергии, и продолжительность рабочего дня доходит в среднем до 12–13 часов, а в некоторых местах и более.

Напряженная работа может дать благоприятные и положительные результаты только в случаях, если сотрудники органов охраны границ могут всецело отдаться работе и если их внимание не будет отвлечено в сторону; сотрудники органов охраны границ должны быть поставлены в более-менее сносные материальные условия»²³¹.

Решения Президиума и Коллегии ВЧК также занимали важное место в осуществлении кадровой политики в пограничных органах и войсках госбезопасности. Это в первую очередь касалось совершенствованию организационной структуры войск ВЧК, системы управления ими при несении службы по охране границы, а также материальному обеспечению войск.

29 января 1921 г. Коллегия ВЧК уточнила основные положения организации войск ВЧК. Они должны были обслуживать местные ЧК, особые отделы войсковых частей и соединений, а также особые отделы по охране границ, подчиняясь Дзержинскому, который руководил ими через командующего войсками ВЧК, входившего в Коллегию ВЧК. На местах части войск ВЧК подчинялись председателям губернских ЧК, а в Сибири, на Украине, Кавказе и в Туркестане – полномочным представителям ВЧК. 15 февраля Дзержинский утвердил инструкцию частям войск ВЧК, охранявшим границу РСФСР. Части войск ВЧК, обслуживавших особые отделы ВЧК по охране границы, были объединены на каждом участке границе и подчинены начальникам особых отделов ВЧК. Охрана границы разделена на войсковые районы, участки и посты²³². Таким образом, структура органов и войск ВЧК, отвечающих за охрану границы, включала органы ВЧК (пограничные органы), осуществляющие агентурно-оперативную охрану границы и войска ВЧК (пограничные войска, войска пограничной охраны) – обеспечивающие войсковую охрану.

К началу активного развертывания пограничных частей было разработано и 11 мая утверждено Президиумом ВЧК «Положение об организации войск ВЧК». При формировании пограничных соединений и частей были определены единые штаты бригад, отдельных батальонов, кавалерийских эскадронов и др. В июле ВЧК состояли из 11 пограничных бригад, 3 отдельных полков, 68 отдельных батальонов, 4 от-

рядов, 2 авиаотрядов, 7 кавалерийских эскадронов, 4 отдельных рот²³³. На 1 сентября численность войск пограничной охраны ВЧК составляла 64 642 чел.²³⁴

16 августа Президиум ВЧК на своем заседании принял ряд предложений в области кадровой деятельности: усилить работниками-чекистами особые отделения на протяжении всей границы; довести до полного штата пограничные войска, обратиться с соответствующим ходатайством в РВСР; обеспечить обмундированием и полным пайком пограничные войска; не снимать полевых войск с пограничных округов; усилить погранвойска кавалерийскими частями; внести в СТО проект постановления об ассигновании 1 млн золотом на закупку обмундирования за границей для погранвойск; оказать усиленную продовольственную и вещевую помощь сотрудникам пограничных особых отделений; установить премии как для сотрудников погранособых отделений, так и для погранвойск за поимку контрреволюционеров и контрабандистов²³⁵.

29 октября Президиум ВЧК, на основании Постановления Политбюро ЦК РКП (б) от 20 октября 1921 г., обратился с просьбой выделить минимум 2 млн. руб. валюты для закупки за границей обмундирования и продовольствия на усиление и повышение качества работы органов ВЧК в пограничных пунктах и столичных городах.

Насколько серьезными были межведомственные и внутрипартийные противоречия в вопросах выделения денежных средств для улучшения снабжения пограничной охраны говорит следующий факт.

21 сентября В.И. Ленин поручил И.С. Уншлихту создать парткомиссию для решения вопроса об улучшении снабжения чекистов продовольствием и одеждой²³⁶.

Постановлением Оргбюро от 16 ноября было принято решение об ассигновании 1,8 млн руб. золотой валюты для обмундирования войск пограничной охраны, а 21 ноября решением Политбюро была создана комиссия для рассмотрения

этого вопроса. 23 ноября на распорядительном заседании СТО предложение Комиссии по золотому фонду было утверждено, но член СТО Э.М. Склянский заявил протест, так как ассигнование денежных средств предполагалось произвести из фонда отпущенных военведу, поэтому окончательное решение было перенесено на пленарное заседание СТО²³⁷.

24 ноября Политбюро ЦК РКП (б) на своем заседании «Об урегулировании вопроса по поводу выделения средств ВЧК за счет военного ведомства» обязало: Военвед немедленно на 100 % удовлетворить требование ВЧК на обмундирование той части войск ВЧК, которая находится непосредственно «на пограничной охране»²³⁸.

25 ноября, на проходившем под председательством В.И. Ленина заседании СТО решение Комиссии по золотому фонду было утверждено, после этого В.И. Ленин подписал выписку из протокола заседания этой комиссии. В ней определялось: выделить ВЧК 350 тыс. руб. для закупки «секретного гардероба»; отказать в отпуске золотого кредита на продовольствие в сумме 1 255 500 руб., удовлетворить за счет 12 млн. особого кредита, выделенного Наркомвоенту, закупку обмундирования для войск особых отделов, пограничных, дорожно-транспортной ЧК и внутренней охраны на сумму 1 518 000 руб.²³⁹

И, наконец, на следующий день Политбюро отменяет свое решение от 24 ноября об отпуске золота ВЧК за счет военного ведомства и постановляет: обязать комиссию по золотому фонду определить, какая сумма должна быть предоставлена ВЧК на указанные цели и внести на утверждение СТО и Политбюро; предоставить ВЧК войти с новым ходатайством о дополнительной выдаче золотого фонда на обеспечение войск ВЧК, определив этот фонд в необходимых минимальных размерах²⁴⁰.

Тем не менее необходимо отметить, что тяжелейшее внешне- и внутривластное и экономическое положение

РСФСР, ряд субъективных факторов в 1921 г. не всегда позволяли партийно-государственным органам проводить эффективную кадровую политику в войсках пограничной охраны. Это в первую очередь касается решения по упразднению пограничных войск, своевременного и качественного их материального снабжения.

И все же о большом значении, которое партия, правительство и руководство ВЧК придавали вопросам организации охраны границ, кадровой политики в пограничной охране свидетельствует тот факт, что эти вопросы регулярно рассматривались на заседаниях в высших партийно-государственных инстанциях. Всего за период с 1918 по 1921 г. вопросы охраны границ обсуждались в высших партийных и правительственных органах 34 раза, причем в большинстве случаев при активном участии В.И. Ленина, Ф.Э. Дзержинского, И.С. Уншлихта²⁴¹. Только в 1921 г. – 29 раз: в СТО – 12, Политбюро – 5, ЦК партии – 10, Оргбюро – 2 раза.

К вопросу об источниках истории крымских органов ВЧК–ОГПУ

Возвращение в родную гавань Крыма и города-героя Севастополя в 2014 г. стало не только геополитической победой России, но и заставило переосмыслить происходившие на полуострове события за прошедшие сто лет.

Торжество исторической правды привело к уникальному в постсоветской России явлению – новому «открытию» отечественными исследователями истории региона.

Вместе с тем, любой историк, решивший взяться за описание и изучение деятельности органов государственной безопасности в Крыму в прошлом столетии, столкнется с главной проблемой – крайней скудностью опубликованных источников.

И если документальное подтверждение вклада крымских чекистов в победу в Великой Отечественной войне к настоящему времени хорошо изучено, то деятельность ВЧК на полуострове после окончания Гражданской войны все еще остается для исследователей загадкой.

Сказанное вовсе не означает, что становление местных органов ВЧК–ОГПУ покрыто тайной. Конечно, и в советском Крыму, и тем более в украинском выходили работы, посвященные крымским чекистам. Но их содержание сначала было идеологически выверенным, а потом преследовало цель доказать, что главной задачей Крымской комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности (КрымЧК) являлось претворение в жизнь политики «красного террора» на полуострове.

Только в 2016 г., впервые за столетие со дня образования, для широкой публики был переиздан без купюр «Годовой отчет Крымской чрезвычайной комиссии за 1921 год» (опубликован в 1922 г.). В этом издании приведены документы и воспроизведены отрывки из воспоминаний о деятельности на Крымском полуострове видных крупных чекистов, а также статистические данные о репрессиях, произведенных органами Крымской ЧК.

Книга «Прошу доложить Ф.Э. Дзержинскому...» сегодня продолжает оставаться единственным сборником архивных документов о первых годах советских органов госбезопасности в регионе.

Вместе с тем источниковедческая база истории крымских чекистов значительно шире, ее можно разделить на три группы.

Первую составляют документы центральных архивов Российской Федерации: прежде всего Центрального архива (ЦА) ФСБ России, Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Российского государственного военного архива (РГВА). Материалы, хранящиеся в указанных архивах, содержат отдельные сведения о становлении в Крыму советских органов государственной безопасности и результаты их деятельности. С учетом их незначительности, большинство уже введены в научный оборот российскими историками при изучении истории ВЧК-ОГПУ.

Так, в главном ведомственном архиве отложились документы организационного характера, прежде всего протоколы коллегии Крымской чрезвычайной комиссии за 1921 г., в том числе «Протокол № 1 организационного заседания Коллегии Симферопольской городской чрезвычайной комиссии от 26 января 1921 года» или «Протокол № 18 организационного заседания Коллегии Крымской чрезвычайной комиссии от 18

апреля 1921 года», процессуально завершившего создание органов ВЧК на полуострове.

Фонды секретариата ВЧК (ф.1, оп. 1–8) хранят переписку центрального аппарата ВЧК с крымскими коллегами, а в фондах секретариата ГПУ-ОГПУ (ф. 2, оп. 1–3), имеются сведения о первых результатах деятельности органов безопасности. В фонде приказов и циркуляров за 1920–1928 гг. (ф. 66) отложились указания, регламентирующие деятельность местных чекистов.

В ГАРФ в фонах СНК РСФСР (ф. 130, оп. 1, 2, 5, 6), ВЦИК РСФСР (ф. 1235, оп. 1, 2, 3, 4б, 7, 8, 9, 11) и НК РКИ (ф. 4085, оп. 22) исследователь найдет переписку общереспубликанских органов власти и управления с руководством Крымской автономной советской социалистической республики, в том числе по вопросам обеспечения безопасности полуострова и борьбы с политическим бандитизмом.

Отдельный интерес среди документов ГАРФ представляет фонд «Полномочная комиссия ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма» (ф. Р-1247, оп. 1) с материалами дискуссия чекистов с членами Комиссии о складывающейся обстановке в Крыму в первый год советской власти.

Обширной источниковедческой базой для исследования являются фонды РГВА. В основанном в 1920 г. Архиве Красной армии при военно-исторической комиссии Всероссийского Главного штаба сегодня хранятся многочисленные свидетельства о крымских событиях столетней давности.

С учетом военного профиля архива, в нем хранятся документы о деятельности подразделений военной контрразведки ВЧК в период боевых действий Красной Армии при освобождении полуострова, а также данные об участии сотрудников Особых отделов в утверждении советской власти в Крыму в первые месяцы после окончания Гражданской войны, ставшими, по сути, первыми чрезвычайными органами безопасности на месте.

Так, в РГВА только в фонде 182 («Управление 4 армии и Крыма Южного фронта») хранятся информационные бюллетени Особого отдела армии с данными о розыске военными контрразведчиками не эвакуировавшихся сотрудников белогвардейских спецслужб, политическом состоянии частей, проблемах материального снабжения.

Особую важность представляют имеющиеся материалы военной цензуры, которые позволяют объективнее изучить крымский региональный аспект истории отечественных спецслужб.

Данные о результатах работы чекистов нашли отражение в фондах революционных военных трибуналов при воинских частях, оставшихся после разгрома Русской армии генерала П.Н. Врангеля (ф. 32655, 32671, 32675, 32879 и др.).

Важное значение для понимания исследуемой проблемы имеют документы второй группы источников – материалы местных крымских архивов.

В архиве УФСБ России по Республике Крым и г. Севастополю находятся упоминаемый выше отчет о деятельности КрымЧК за 1921 г. (в двух редакциях) и первую половину 1922 г., документальные свидетельства вклада крымских чекистов в разгром уголовного и политического бандитизма на полуострове, следственные дела, а также представляющие значительный интерес личные дела первых сотрудников крымского органа государственной безопасности и другие документы.

В ведомственном архиве МВД России по Республике Крым хранятся уникальные по своему значению для истории становления специальных служб в регионе документы фонда № 85, где сконцентрированы приказы (рукописные и печатные) по Комиссии за исследуемый период. Большинство из них было неизвестно даже крымским исследователям.

Главным источником для изучения истории КрымЧК конечно являются фонды Государственного архива Республики

Крым, а также отдельные документы Архива города Севастополя.

Необходимо отметить, что крымские историки неоднократно обращались и публиковали документы данных архивов.

Так, хорошо изучены материалы фонда П-1 («Крымский республиканский комитет Компартии Украины»), в котором находится большое количество информации о деятельности Областного совещания и Чрезвычайной тройки по борьбе с бандитизмом, а также переписка чекистов с руководством Крыма по данному вопросу.

В данном фонде хранятся уникальные сведения информационно-аналитического характера, нашедшие отражение в виде информационных сводок органов государственной безопасности в адрес органов власти по самому широкому спектру политических и социально-экономических вопросов жизни Крыма в 1921 г.

Крымский архив смог сохранить для историков документы фондов Р-1881, Р-1012, Р-1664, Р-1202 и Р-1188 («Симферопольская городская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности при Симферопольском городском революционном комитете», «Керченская окружная чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности при Керченском окружном Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», «Джанкойская окружная чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности при Джанкойском окружном Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», «Ялтинский уездный-городской революционный комитет» «Крымский революционный комитет» соответственно).

В ранее недоступных документах под грифом «совершенно секретно» и «секретно» содержатся рассекреченные

сведения о повседневной работе так называемых «районных» подразделений КрымЧК по борьбе с контрреволюцией, а многие протоколы заседаний и приказы существенно дополняют и обогащают историю крымских чекистов.

Кроме того, так называемые «второстепенные фонды», содержащие информацию о деятельности, прежде всего, других органов власти, позволяют сформировать представление о взаимодействии с органами госбезопасности по различным вопросам.

В этой связи определенный интерес представляет фонд Р-2680 («Прокуратура Крымской АССР»), в котором, несмотря на более поздние хронологические рамки (1924–1932), есть ряд документов, характеризующих взаимоотношения между чекистами и надзорным ведомством в 20-е гг. XX в., а также демонстрирующие борьбу руководства Крымского политического управления (КПУ) за «чистоту рядов», вопреки периодически звучащим обвинениям, что крымские органы ВЧК состояли только из садистов и криминалитета, которым все прощалось.

Об отдельных результатах деятельности крымских чекистов можно узнать из документов фондов Р-1108 и Р-1110 («Верховный суд Крымской АССР» и «Народный комиссариат юстиции Крымской АССР»). Последний представляет отдельную ценность, так как выявленные источники позволяют оценить соблюдение законности местными органами безопасности.

При изучении исследуемой тематики многие историки акцентировали внимание на вклад крымских чекистов в ликвидацию уголовного и политического бандитизма на полуострове в 1920–1921 гг.

Данный аспект деятельности освещен в материалах фонда Р-3285 («Части особого назначения Крымской АССР»). В документах сохранились данные о создании и функционировании специальных подразделений. Архивные

источники, хранящиеся в указанном фонде, позволят составить объективную картину борьбы с антибольшевистскими выступлениями, понять меры, принимаемые для ее выявления и пресечения.

Вместе с тем, автором в ходе изучения истории КрымЧК и КПУ выявлены документы, которые по ряду причин не были введены научный оборот.

Это касается, прежде всего, архивных памятников из «Коллекции документов по истории развития народного хозяйства, культуры, образования и здравоохранения Крымской области» (ф. Р-4093, оп. 4), посвященных созданию чрезвычайных органов в регионе.

В нескольких делах, входящих в данный фонд, есть не только первые приказы и распоряжения КрымЧК, но отпечатанные типографским способом двухнедельные «Информационные бюллетени» Симферопольской городской чрезвычайной комиссии при Крымском ревкоме и пришедшей ей на смену Крымской областной чрезвычайной комиссии за 1921 г., содержащие оценки чекистами социального, экономического и политического положения на полуострове, а также отражающие результаты их оперативно-служебной деятельности. К сожалению, ряд выпусков не был издан, выполнен на печатной машинке или утрачен.

Представляется, что данный источник является не только ценным и важным для понимания процесса создания и становления советских органов государственной безопасности в регионе, но и для более глубокого осознания, происходившего в Крыму в первые года новой власти.

Наряду с архивными документами источниковедческую базу дополняют публикации периодической печати – официального печатного органа Крымского революционного комитета и местного обкома РКП (б) газеты «Красный Крым» за 1920–1934 гг. Первоначально на страницах данного издания на постоянной основе в рубрике «За что карает КрымЧК»

размещалась информация о деятельности органов ВЧК в исследуемый период. В последующие годы на страницах регулярно освещалась наиболее значимые результаты работы крымчан по борьбе с контрреволюцией или на хозяйственном фронте.

Но с середины 1920-х гг. эта практика уходит в прошлое. Так, за публикацию в «Красном Крыме» материалов расследования захвата и угона группой бывших офицеров Русской армии транспортного судна «Утриш» в Болгарию в начале 1926 г. председатель КПУ Крыма А.И. Торопкин получил от заместителя ОГПУ Ягоды и начальника КРО А.Х. Артузова замечание по поводу интервью в крымской газете: «...Интервью, данное без согласования с Москвой совершенно недопустимо, тем более заключение доклада по делу «Авантюриста» – «Утриш» Вас не имеется. Впредь категорически запрещаю давать какие-либо интервью нашим делам и печатать какие-либо материалы».

В 2012 г. руководство Службы безопасности Украины (СБУ) в целях концентрации архивных материалов затребовало представляющие интерес и историческую ценность ряд архивных дел из Главного управления СБУ в Автономной Республике Крым, среди них оказались протоколы т.н. Малой коллегии Крымской областной чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлением по должности, представляющие важнейшее значение для всех интересующихся репрессивной составляющей деятельности ВЧК. Часть из них в 2019 г. впервые сфотографировал в архиве СБУ и выложил в сеть Интернет питерский исследователь К. Богуславский. Оставшиеся опубликованы в 2021 г. сотрудниками Отраслевого государственного архива Службы безопасности Украины (ОГА СБУ). Они составляют третью группу источников по истории КрымЧК.

Кроме того, в государственных архивах Украины сохранилось большое количество документальных свидетельств «красного террора» в Крыму.

Украинский историк Я.Ю. Тинченко утверждает, что в КГБ УССР в середине 1950-х гг. было передано около 70% архивов, связанных с репрессиями в Крыму после ухода Русской армии генерала П.Н. Врангеля, которые составляют основной фонд для изучения истории крымских чекистов для зарубежных исследователей.

В течение 1920–1921 гг. личный состав Комиссии неоднократно менялся и многие служившие в Крыму чекисты продолжили свою работу в органах госбезопасности УССР, их личные дела также хранятся в Киеве.

Таким образом, история становления и деятельности Крымской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлении по должности только на первый взгляд кажется недоступной и тайной. Подвиги ее героев все во лишь еще ждут своего исследователя.

А.М. Демидов
г. Москва

Противодействие органов ГПУ подрывной деятельности, проводившейся с использованием некоммерческой организации «Американская администрация помощи» в 1921–1923 гг.

Осенью 1920 г. в Поволжье появились первые признаки голода. В Самару и другие поволжские города потянулись голодающие крестьяне из окрестных деревень. В следующем году в результате сильной засухи голод охватил 35 губерний Среднего и Нижнего Поволжья, Южного Урала и Западной Сибири, Кавказа и Крыма с населением около 30 млн чел. Масштабы бедствия увеличивались, его пик пришёлся на осень 1921 г. – весну 1922 г. После уборки урожая массовый голод прекратился, но в отдельных регионах помощь голодающим оказывалась до середины 1923 г.

Сразу же с первой информацией о голоде в Поволжье, со стороны политиков некоторых европейских стран и, особенно, США пошли настойчивые и даже навязчивые предложения по оказанию России продовольственной помощи. Однако правительство В.И. Ленина упорно отказывалось принимать иностранную помощь, официально не признавая наличие массового голода в стране. Политическая подоплека этой позиции заключалась в том, что с получением первых известий о проблеме с продовольствием в Поволжье газеты стран Запада развернули оголтелую политическую кампанию по дискредитации советской власти в России: большевики, дескать, власть хапнули, а управлять государством и хозяйствовать не могут, довели страну до голода, от которого десятками тысяч умирают люди, особенно дети, не получающие необходимой помощи. Эти газетные новости иллюстрировались соответствующими комментариями к фотографиям с жуткими изображениями человекоподобных существ,

больше похожих на скелеты, обтянутые кожей. Вполне понятно, что политические руководители РСФСР не желали неизбежного появления сопровождающих продовольственные грузы иностранцев, которые своей информацией очевидцев наносили бы единственной правящей Российской коммунистической партии (большевиков) (РКП (б)) дополнительный политический и моральный ущерб. Кроме того, вследствие настойчивого желания иностранцев расширить свое присутствие в РСФСР у советского правительства появились вполне обоснованные подозрения, что продовольственная помощь навязывается в целях усиления враждебного влияния извне на внутривнутриполитическую ситуацию в стране и прямого вмешательства во внутренние дела государства.

Когда последние надежды на урожай 1921 г. рухнули, советскому правительству пришлось осознать, что без внешней помощи стране не обойтись, публично признать масштабы бедствия и обратиться за помощью к мировому пролетариату, прогрессивным общественным организациям, но не к правительствам капиталистических стран.

Несмотря на такую позицию правительства В.И. Ленина, зарубежные политики и высокопоставленные государственные чиновники упорно искали варианты навязать России свою гуманитарную миссию. Особую активность в этом проявлял ярый противник большевизма Г. Гувер, недавно назначенный министром торговли США. В конце концов, был найден оказавшийся успешным «ход конем». В его основу была положена идея консолидации усилий внешних сил и находившихся под их влиянием антибольшевистских сил в самой России. Для этого дела очень подходящей кандидатурой оказался С.Н. Прокопович, который во Временном правительстве А.Ф. Керенского (в третьем и четвертом составах) был министром торговли и промышленности и министром продовольствия.

В 1921 г. в связи с возрастающим масштабом голода в России о Прокоповиче, имевшим опыт работы «по продуктовой линии», за океаном вспомнили, и он оказался востребован для реализации политических планов США. В частности, Прокопович и его жена Е.Д. Кускова, также находившаяся в непримиримой оппозиции к власти большевиков и резко критиковавшая В.И. Ленина, вышли на писателя М. Горького, с которым были знакомы еще с 1880-х гг. по антиправительственной деятельности в г. Нижнем Новгороде. В результате 13 июля 1921 г. всемирно известный пролетарский писатель выступил с обращением «Ко всем честным людям», которое было немедленно растиражировано в зарубежных газетах и имело большой международный резонанс. Трудящиеся мира встретили известие о голоде в России выражением сочувствия и солидарности. Когда эта тема получила подавляющий приоритет на первых газетных полосах стран Запада, 26 июля 1921 г. министр торговли правительства США Г. Гувер одобрил М. Горького в своем выступлении по радио и официально предложил помощь голодающим в России. Однако Гувер одновременно потребовал освободить всех граждан США, арестованных в России за антисоветскую деятельность. Кроме того, советское правительство должно было публично заявить о желании получить помощь со стороны организации под названием «Американская администрация помощи» (англ. American Relief Administration, ARA), которую сам министр Гувер и возглавлял «по совместительству»²⁴², а также гарантировать ее представителям свободу передвижения по России и невмешательство властей в их деятельность.

Ситуация существенно изменилась: в условиях всемирного сочувствия жертвам и пострадавшим от голода отказ В.И. Ленина от международной помощи привел бы к активному формированию американцами на международной арене отвратительного антигуманного политического образа правящей партии большевиков и советского правительства с

неотвратимыми негативными последствиями в политической сфере. Кроме того, собственных ресурсов для преодоления бедствия явно не хватало, иностранное участие было очень необходимо. Именно поэтому руководители партии большевиков впервые решили принять помощь от капиталистических стран, и уже 28 июля 1921 г. Горький радиogramмой сообщил Гуверу приятное для последнего известие о том, что правительство В.И. Ленина согласно на выдвинутые американцами предварительные условия.

Некоторые авторы пишут, что Горький, обращаясь «ко всем честным людям», действовал по поручению правительства, но это воспринимается не очень убедительно, если принять во внимание опасения и подозрения лидеров партии большевиков, отмеченные выше. В этой связи интересен один исторический факт: в следующем 1922 г. в Германии было издано собрание сочинений Горького с гонораром в 100 000 рублей золотом²⁴³. Если имеется причинно-следственная связь между активным участием Горького в том, чтобы побудить Россию на переговоры, и выходом в свет указанного издания, то было бы интересно найти информацию о личной помощи писателя голодающим соотечественникам.

Как бы то ни было, в результате американцы через пролетарского писателя мастерски «прогноули» правительство России и в лице заместителя наркома по иностранным делам М.М. Литвинова усадили его за стол переговоров всего лишь с директором АРА в Европе У. Брауном, отрезав пути возврата к отказу от помощи США и сузив поле для дипломатических маневров. Местом переговоров американцы, неспроста, видимо, предложили столицу Латвии г. Ригу – там пять месяцев назад, в марте 1921 г., был заключен мирный договор между Польшей и РСФСР, завершивший неудачную для большевиков Советско-польскую войну 1919–1921 гг.

Переговоры об условиях работы АРА в России начались 10 августа 1921 г., шли очень трудно и завершились лишь 20 августа подписанием соглашения правительства РСФСР и

АРА о помощи одному миллиону голодающих детей в России²⁴⁴. Подписанный документ предусматривал, что АРА имеет право ввезти в Россию необходимый для ее работы персонал, и советское правительство будет немедленно предоставлять ему всякого рода облегчения для въезда в Россию и выезда из нее, а также гарантировать этому персоналу полную свободу передвижения по России по служебным делам с багажом и продовольствием, а также защиту на время его пребывания в России (§§ 1–2, 19 соглашения).

Сразу после подписания Соглашения американская сторона в соответствии с § 12 этого документа приступила к созданию организационных структур, необходимых «для выполнения поставленных задач без правительственного или иного вмешательства». Центральным и местным органам советской власти предоставлялось право осуществлять в этих структурах лишь представительские функции. Браун представил Литвинову первый список сотрудников АРА, которые в ближайшее время должны были прибыть в Россию и заняться этой работой. Первым в списке значился только что назначенный директором представительства АРА в РСФСР полковник В. Хаскель, который отличался непримиримостью к Советской России, во время своей службы на Кавказе в 1919–1920 гг. всячески стремился посорить ее с Грузией, Арменией и Азербайджаном²⁴⁵.

Первого взгляда на персональный состав подчиненных Хаскеля было достаточно, чтобы осознать, с кем придется иметь дело: 65% составляли кадровые офицеры (высший командный состав и штабные офицеры – 20%, военные разведчики – 25%, сотрудники полиции – 20%); 15% являлись квалифицированными аналитиками-экономистами крупных трестов и синдикатов (экономическая разведка)²⁴⁶. Многие из них знали Россию, русский язык, быт и нравы населения. Первоначальные подозрения советских руководителей нашли свое полное подтверждение, и стала объяснимой та

настойчивость, с которой во время переговоров американская сторона добивалась бесконтрольной деятельности АРА на территории РСФСР.

В связи с этим 25 августа 1921 г. состоялось заседание Политбюро ЦК РКП(б) с повесткой дня о необходимости негласного надзора за приезжающими в страну сотрудниками АРА. На нем было принято предложение В.И. Ленина о создании комиссии для выработки неотложных мероприятий. Соответствующие указания на места пошли и по линии органов ВЧК. Все это было сделано своевременно, так как АРА в предельно сжатые сроки сформировала свой центральный аппарат в Москве и 12 отделений по стране. Первоначально ее деятельность распространилась на Казанскую, Самарскую, Саратовскую, Симбирскую, Царицынскую, Уральскую, Оренбургскую и Петроградскую губернии, на Москву и Крым.

Обосновавшись в России под предлогом оказания гуманитарной помощи миллиону голодающих детей, руководители АРА подошли к своей главной цели. По инициативе Гувера, поддержанной президентом США, Москве поступило предложение американцев увеличить размер продовольственной помощи голодающим в России, оказывать ее также и взрослым гражданам, охватив попечительством до десяти миллионов человек к середине 1922 года. Приняв это предложение, советское правительство тем самым согласилось и на существенное расширение штата американских сотрудников АРА и масштабов их работы в РСФСР. В короткий срок количество сотрудников выросло с 50 до 300 чел., т.е. в 6 раз. В 37 губерниях они сформировали свои представительства, создали на местах 18 485 комитетов и развернули 28 483 питательных пункта²⁴⁷.

Количество граждан России, работавших в созданных американцами структурах АРА, было доведено до 120 000 чел. В связи с этим обстоятельством несомненный интерес представляет § 3 Рижского соглашения, согласно которому

представители АРА в России получили полную свободу подбора кадров на работу из местного населения. Советское правительство могло лишь оказать содействие по подысканию подходящих кандидатур, но только по просьбе руководителя АРА. Ни одной такой просьбы не зафиксировано. Впоследствии выяснилось, что при формировании местного персонала АРА существовал жесткий фильтр по политическому критерию: после тщательной проверки предпочтение отдавалось лицам, враждебно настроенным к советской власти. Поэтому кадровый поиск среди российских граждан проводился с особой осторожностью. В числе принятых на работу преобладали бывшие офицеры-белогвардейцы – 75%; помещики, чиновники царской администрации и Временного правительства и т.п. (так называемые «бывшие люди») – 20%. Бывшие советские служащие, представившие убедительные для американцев рекомендации, составляли всего пять процентов²⁴⁸. Именно через российских сотрудников АРА, предварительно прошедших серию профессиональных инструктажей, американцы собирали разведывательную информацию, поддерживали связи с контрреволюционными и белогвардейскими кругами. Эти сотрудники сообщали первичную информацию о других лицах, имевших такие же политические взгляды. По данным наводкам американцы ездили по стране, разыскивали их, проверяли, устанавливали с ними и развивали разведывательные контакты, знакомили между собой и формировали таким образом антисоветское подполье.

В итоге в стране появилась и крепла разветвленная структура АРА, имевшая в своем распоряжении значительные материальные средства, сотрудники которой пользовались практически неограниченной свободой передвижения по обширной территории. Это создавало угрозу активного вмешательства США во внутренние дела России. Пример Венгерской Советской Республики, политический режим которой в 1919 г. был жестоко подавлен с активным участием

АРА, побуждал политическое руководство страны использовать органы созданного 6 февраля 1922 г. Государственного политического управления при НКВД РСФСР не только в эффективном наблюдении за всеми сотрудниками этой некоммерческой организации, но, главное, в организации контрразведывательной работы с учетом достоверной информации о наличии установленных разведчиков и других специалистов иностранных спецслужб. Если до сего времени контрразведывательную работу вели особые отделы ВЧК, то в начале 1922 г. оперативная обстановка быстро и существенно изменилась в связи со стремительным ростом структур АРА, сформированных в 37 губерниях. Во многих местах поблизости не было никаких воинских частей, следовательно, не было и особых отделов ГПУ. Поэтому пришлось контрразведывательную работу возложить также и на территориальные органы государственной безопасности, а для координации этой работы по стране в Секретно-оперативном управлении ГПУ был создан Контрразведывательный отдел, который возглавил А.Х. Артузов.

Трудность ведения контрразведывательной работы в отношении сотрудников АРА на тот момент заключалась в том, что прежними методами оперативной работы органов ВЧК в условиях Гражданской войны (а это были, в основном, силовые методы) в новых реалиях действовать было нельзя. Примером тому служит случай, когда в октябре 1921 г. новороссийские чекисты остановили в Черном море эсминец США, произвели на нем обыск и, по словам наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина, держались крайне грубо по отношению к американцам, среди которых находились сотрудники АРА, воспринявшие происходящее с тяжелым впечатлением. Узнав об этом инциденте, В.И. Ленин прореагировал крайне болезненно, потребовал арестовать «паршивых чекистов», виновных привезти в Москву и расстрелять «чекистскую сволочь»²⁴⁹. Такая реакция Ленина вполне объяснима, если принять во внимание содержание § 15 Рижского

соглашения, согласно которому обыски помещений АРА могли быть произведены только с ведома и в присутствии начальника над операциями АРА в России и его представителя. И, главное, в тексте Соглашения было положение о том, что АРА оставляет за собой право приостановить или вовсе прекратить свою работу по оказанию помощи в России в случае, если советским правительством не будет выполнено какое-либо из условий, установленных данным документом. Конечно же, отказ от дальнейшего сотрудничества из-за неисполнения международного договора нанес бы серьезный моральный ущерб советской власти. На возможность очень нежелательных последствий так резко Ленин и прореагировал.

Основой контрразведывательной работы по-новому должен был стать метод установления и использования секретного сотрудничества, хотя бы с лицами из местного персонала, то есть с российскими гражданами. Однако первые попытки контрразведчиков ГПУ провести лишь ознакомительные беседы приводили к тому, что профессионально проинструктированные работники АРА немедленно докладывали своим работодателям о случившемся. Так можно было получить двойного агента и завалить контрразведывательную работу на конкретном участке оперативной деятельности. Нужно было работать более профессионально, нужно было так изучить кандидата в секретные сотрудники и так построить с ним взаимоотношения, чтобы у него даже и мысли не возникало с кем-то делиться об отношениях с оперативным работником ГПУ. И со временем это стало получаться. Формирование и использование аппарата секретных сотрудников позволило своевременно выявлять и пресекать преступные деяния против РСФСР, надежно контролировать работу АРА в стране, собрать оперативный материал, который позволил сделать однозначный вывод о нецелесообразности дальнейшего пребывания американских сотрудников АРА в России после лета 1923 г.

Таким образом, решение органами государственной безопасности задач, обусловленных особенностями оперативной обстановки в начале 1920-х гг. и угрозами безопасности РСФСР в связи с разведывательной и подрывной деятельностью спецслужб противника, проводившейся с использованием некоммерческой организации «Американская администрация помощи», способствовало массовому становлению контрразведывательной работы в органах ГПУ. Полученный при этом оперативный опыт стал основой развития этой работы и формированию в дальнейшем контрразведывательного искусства.

**Роль органов ВЧК–ОГПУ в борьбе
с бандитизмом на Северном Кавказе
в 1920-е гг.**

Революция 1917 г. и последовавшие за ней события Гражданской войны привели к кардинальным изменениям традиционной правовой культуры, сложившейся на Северном Кавказе²⁵⁰ на основе восприятия через призму религиозных норм, обычаев и правил поведения, характерных для этнических общностей, населявших данные территории. При этом пестрый национальный и социальный состав жителей региона, труднодоступность ряда населенных пунктов из-за условий горной местности, обуславливали крайне медленную и болезненную советизацию этих областей.

Деградацию правосознания местных народов усилил конфликт новой власти и значительной части консервативного общества, основывающийся в первую очередь на продвигавшейся большевиками идеологии атеизма, несмотря на то, что на этапе своего становления советская власть не стремилась к упразднению в национальных республиках традиционных исламских институтов²⁵¹. К тому же в горах сохранилась практически полуфеодальная организация жизни и пережитки родового строя. В 1921 г. местные власти отмечали, что в национальных районах «продолжает царить произвол крупных собственников, во всю ширь спекулирующих земельными участками и эксплуатирующими горскую бедноту»²⁵².

Благоприятными факторами для распространения на Северном Кавказе преступности, одновременно затруднявшими борьбу с ней, являлись этнокультурные особенности северокавказских народов, а также специфика жизненного

уклада горцев. В качестве ярких примеров можно привести сохранившиеся в регионе традиции – абречества²⁵³, кровной мести, владения мужчинами с юных лет оружием. Так, историки указывают на значительный рост абречества в годы Гражданской войны: «Нагорный Дагестан, Чечня, Кабарда стали ареной действия бандитских шаяк и партизанских отрядов горцев. Некоторые небольшие города, как Хасавюрт, были дотла разорены ими и к 1921 году перестали существовать»²⁵⁴. В документах Реввоенсовета Северо-Кавказского военного округа отмечалось: «Местное население Дагестана почти поголовно все вооружено. Здесь почти каждый мальчик имеет оружие. Кроме того, местное население великолепно стреляет и владеет стрелковым оружием»²⁵⁵.

Формировавшаяся в такой среде новая система общественных отношений привела к расцвету бандитизма и в целом стихийному росту политической и уголовной преступности, что с учётом этноконфессиональных особенностей местного населения угрожало не только восстановлению социально-экономических отношений в регионе, но и самому существованию системы управления молодого советского государства.

Особенно непростая ситуация сложилась в горной местности, где борьба с бандитизмом и преступностью в значительной степени велась силами местных жителей. Согласно выводу съезда горских начальников милиций 1920 г. милиция первоначально создавалась инициативой местных ревкомов вне зависимости от распоряжений и декретов советского правительства²⁵⁶.

Изложенное свидетельствует, что криминогенная ситуация на Северном Кавказе в начале 1920-х гг. оставалась предельно сложной. Все это обуславливало необходимость принятия со стороны советской власти решительных мер по борьбе с уголовной преступностью и контрреволюционными проявлениями, важная роль в которой, в условиях слабости

местных органов управления и зарождавшейся правоохранительной и судебной систем, отводилась органам ВЧК–ОГПУ.

Первоначально для искоренения бандитизма широко применялись армейские рейдовые операции, но данный метод не приводил к существенным результатам, ввиду, в том числе, и особенностей ландшафта местности, наличия горных и лесных массивов, где могли укрыться бандиты.

Задачу борьбы с бандитизмом осложняло и то, что в национальных областях Северного Кавказа он зачастую носил смешанный уголовно-политический характер. Так, члены преступных формирований первоначально провозглашая своей целью борьбу против советской власти впоследствии переходили к чисто криминальной деятельности, имеющей своей целью лишь их материальное обогащение.

Осознавая потребность изменения подходов к борьбе с бандами 5 мая 1921 г. Полномочное представительство ВЧК на Северном Кавказе разослало в местные ЧК циркулярное письмо, в котором предлагалось: завербовать и влить в общую агентуру специально подготовленных и способных к борьбе с бандитизмом агентов; изучить «физиономию» местного бандитизма и на основании опыта тщательно проинструктировать агентов, таким образом, сделав аппарат гибким и способным выполнить любую задачу; подробно регулярно и своевременно информировать центр о состоянии агентуры, о достигнутых её результатах, а также о всякого рода препятствиях и затруднениях в работе²⁵⁷.

Проводилась работа по формированию новых организационно-управленческих структур, способных выработать комплексный подход в противодействии бандитизму, с учетом масштабов его распространения в регионе и местной специфики.

Уже летом 1921 г. был сформирован единый чрезвычайный орган, руководивший борьбой с преступными группировками. В июне 1921 г. создана специальная краевая тройка

по борьбе с бандитизмом, в состав которой вошли представители Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), Северо-Кавказского военного округа и Полномочного представительства ВЧК по Юго-Востоку. Такие тройки были созданы и на местах. Была выработана и проведена в жизнь политическая линия по борьбе с бандитизмом: в связи с тем, что местные советы и партийные комитеты хорошо знали специфику своих районов, они являлись руководителями органов ВЧК и военного командования по борьбе с бандитизмом. В июле 1921 г. было проведено реформирование «троек» в военные совещания: создано краевое военное совещание, а позднее – Терское, Кубано-Черноморское, Ставропольское и Донское военные совещания. Впоследствии военные совещания были созданы во всех областях и краях²⁵⁸. На них возлагались задачи по формированию специальной агентуры по борьбе с бандами, организации информационно-пропагандистской работы, направленной на добровольный отказ участников бандформирований от преступной деятельности, сдачу населением оружия и отказ местных жителей от помощи членам бандгрупп. В качестве примера агитационных мероприятий можно привести распространение среди населения районов, являющихся основными очагами распространения бандитизма, листовок на национальных языках в которых разъяснялась политика советской власти в регионе. Также объявлялась амнистия тем лицам, которые участвовали в деятельности бандформирований по принуждению или заблуждению²⁵⁹.

В последующие годы органы безопасности на основе приобретенного практического опыта наращивали усилия и совершенствовали работу на данном направлении. Так, на прошедшем в январе 1924 г. совещании ответственных работников ОГПУ на Юго-Востоке России указывалось на недостаточное использование потенциала агентурно-оперативной работы и необходимости использования чекистами ком-

плексного подхода в противодействии бандитизму, включающего в себя оперативную, информационную и военную составляющие²⁶⁰.

Агентурный аппарат ОГПУ должен был быть способен: обеспечить получение сведений, позволяющих установить местонахождение и численность преступных сообществ, выявить их главарей и пособническую базу, оказывать содействие в проведении оперативно-боевых мероприятий по ликвидации бандподполья, участвовать в оперативной работе по разложению банд изнутри и склонению их членов к явке с повинной. Нужно отметить, что на качество вербовочной работы существенное влияние оказывал тот факт, что в основной своей массе горское население плохо владело русским языком, что значительно ограничивало возможности чекистов по приобретению оперативных источников в местах дислокации бандформирований. Кроме того, агенты ОГПУ на данном этапе не были в достаточной мере подготовлены, что не позволяло чекистам решать задачи по уничтожению бандгрупп исключительно с оперативных позиций. В связи с этим органами безопасности исходя из накопленной в начале 1920-х гг. практики проведения войсковых рейдов против орудующих на Северном Кавказе банд была разработана тактика проведения чекистско-войсковых операций. Такие операции проводились как правило на заключительной фазе оперативных мероприятий органов государственной безопасности в тех случаях, когда задача по ликвидации бандгрупп и антисоветских элементов не могла быть решена без привлечения войсковых частей. Они представляли собой сочетание агентурно-оперативной работы с профилактическими мероприятиями, политико-пропагандисткой работой и непосредственным участием в проводимой операции войсковых частей²⁶¹. В результате оперативные группы ОГПУ располагали сведениями о лидерах банд, районах их местонахождения и примерной численности, что позволяло организовать

проведение оперативно-боевых мероприятий по их ликвидации.

Наряду с этим полномочными представителями ОГПУ по Северо-Кавказскому краю проводились крупномасштабные операции по разоружению населения. Так, осенью 1926 г. под руководством ОГПУ была проведена грандиозная по своим масштабам операция по разоружению населения Дагестана²⁶².

Подводя итог вышеизложенному, можно констатировать, что уже на начальных этапах становления Советского государства, политика по борьбе с организованной преступностью на Северном Кавказе включала в себя активное задействование специальных сил и средств органов безопасности, что позволило выработать эффективную систему мер, позволивших оперативно ликвидировать бандитизм в регионе как социальное явление. Реализация органами ВЧК–ОГПУ комплексных мер по борьбе с бандитизмом, в том числе проведения масштабных чекистско-войсковых операций, позволила к 1926 г. полностью ликвидировать крупные преступные группы, орудовавшие в регионе. В последующие годы сотрудниками ОГПУ в основном проводилась работа по выявлению и нейтрализации ушедших в подполье остатков бандгрупп.

Таким образом, в 1920-х гг. чекистами на Северном Кавказе была заложена практика успешного применения органами безопасности оперативно-боевых методов борьбы с бандформированиями, деятельность которых носила в том числе сепаратистский, антигосударственный характер.

**Словарь сионистских терминов: материалы ОГПУ
в период борьбы с контрреволюционными
партиями в 1920-х гг.**

На протяжении почти двух тысячелетий еврейский народ не оставлял надежду вернуться на родину. Преданность родной земле, осознание своего единства стали предпосылками зарождения в еврейской среде массового национально-освободительного движения за возвращение в Эрец-Исраэль и создание там независимого государства.

В 1896 г. австрийский журналист Т. Герцль опубликовал памфлет «Еврейское государство. Опыт современного решения еврейского вопроса», в котором поднял вопрос о восстановлении еврейского государства на территории Палестины. В 1897 г. он организовал Первый сионистский конгресс в Базеле и основал Всемирную сионистскую организацию (ВСО). В работе конгресса приняли участие и представители России. После конгресса было создано студенческое общество «Кадима»²⁶³. Кроме того, сионистские кружки существовали в Киеве, Гомеле, Сувалках²⁶⁴.

В 1897 г. в стране уже существовало 373 сионистских общества (свыше 40 % общего числа сионистских объединений во всем мире), в 1899 г. – 877, в 1900 г. – 1034, в 1903–1904 гг. – 1572²⁶⁵.

К началу 1920-х гг. в России насчитывалось значительное число сионистских организаций. Все больше и больше еврейских юношей и девушек вступали в их ряды. Состав некоторых групп был подростковым и даже детским. В это время сионизм стал представлять самую большую организованную силу среди еврейского населения. Масштабы и влияние движения начали вызывать неодобрение со стороны властей.

Как отмечает историк Б.М. Морозов, «деятельность различных политических партий и организаций была ограничена, прекратилась публикация некоммунистических периодических изданий <...> Отношение нового коммунистического руководства Советской России к сионизму как политическому движению в целом, так и к многочисленным сионистским организациям, действовавшим в стране, можно охарактеризовать как негативное»²⁶⁶.

Считается, что наиболее активно против сионизма выступили Центральный комиссариат по еврейским национальным делам и еврейские секции РКП(б), подотчетные ЦК РКП(б) во главе с Центральным бюро евсекций. После второй конференции евсекций в июне 1919 г. Центральное бюро возглавило широкое наступление против сионистских представителей еврейского общества. С лета 1919 г. и в течение 1920 г. Евсекция безжалостно нападала на сионистов, изображая их контрреволюционерами. Центральное бюро просило советское правительство ликвидировать организацию сионистов, конфисковать их собственность и приказать ЧК начать расследование против сионистских лидеров на предмет контрреволюционной деятельности.

Как отмечает исследователь А. Люстигер, «после стабилизации режима в конце революционной смуты функционеры евсекций, которых называли евсеками, были использованы для жестокого и основательного искоренения всей инфраструктуры русского еврейства. Они обладали монополией на все дела, касавшиеся евреев, и усердно выполняли свою задачу. Ликвидированы были религиозные общины, синагоги, школы Талмуда, библиотеки книг на древнееврейском языке, издательства, типографии, газеты. Авторы и технический персонал увольнялись. Уничтожались не только традиционные институты – после краткого периода терпимого отношения такие вновь образованные организации, как «Культур-лига»²⁶⁷ на Украине, подверглись разгрому или

продолжали действовать под коммунистическим руководством. На развалинах этих учреждений возникала идишская культура и литература, занимавшая конформистские позиции в отношении режима»²⁶⁸.

Летом 1918 г. еврейские коммунисты, поддержанные центральными властями, начали кампанию против еврейской культуры и религии. В декрете Еврейского комиссариата 19 августа 1918 г. провозглашалось, что в еврейских школах языком обучения должен быть идиш, преподавание иврита было резко сокращено.

Вплоть до конца XIX в. и иврит, и идиш подвергались значительному взаимному влиянию и занимали каждый свою нишу. Изучению различных аспектов обоих языков посвящено значительное число исследований: монографий²⁶⁹, статей и учебников²⁷⁰, словарей²⁷¹.

Особое место при этом всегда занимала проблема соперничества и сосуществования иврита и идиша, как в странах голуса, в целом, так и в России, в частности. Как отмечает исследователь еврейской истории и культуры, искусствовед М. Аграновская в статье «Этот сладкий язык – маме лошн», «иврит был для идиша примерно тем же, чем средневековая латынь для европейских языков, а церковнославянский язык – для русского: постоянным источником обогащения, залогом выразительности. Однако и язык Торы не был закрыт от влияний идиша: иврит ашкенази, в конце концов, стал значительно отличаться произношением от классического библейского языка именно благодаря воздействию маме лошн»²⁷².

Историк, исследователь сионистского течения в России А.Е. Локшин, анализируя монографию профессора Калифорнийского университета Яэля Хавера, делает упор на традициях сионизма в процессе сосуществования двух языков и подчеркивает: «Традиционный сионистский императив состоял, среди прочего, в том, что прибывшие в Палестину новые поселенцы полностью отказались от всего знакомого и привычного им на старой родине, в тех странах, где они жили

на протяжении столетий. Ключевым моментом для переселенцев из Восточной Европы, по мысли историков-традиционалистов, был отказ от идиша в пользу иврита, исключительность которого подчеркивал сионизм»²⁷³.

В свою очередь Я. Хавер в работе «What must be forgotten. The survival of Yiddish in Zionist Palestine» отмечает, что «в диаспоре иврит был составным компонентом многоязычной еврейской культуры и занимал в ней более престижное место, чем идиш или какой-либо другой еврейский разговорный язык»²⁷⁴.

Об отказе строителей еврейского государства от идиша как важнейшем элементе сионизма пишет целый ряд израильских исследователей²⁷⁵.

Необходимо сказать, что иврит принадлежит семитской группе языков, в то время как идиш – германской. Первый вышел из разговорного употребления примерно во II в. н.э. В III–VII вв., период талмудического иврита, язык сохранился в религии и письменности. Идиш возник в X в. как сплав компонентов немецкого и еврейских языков и до конца XVIII в. был преобладающим средством устного общения евреев от Голландии до Украины, а также в ашкеназских поселениях в Италии, на Балканах и в Эрец-Исраэль. С момента сосуществования двух этих языков в еврейском обществе возникла дисгlossия, а за каждым из них была определена своя сфера употребления.

После появления и распространения в Европе и России идей сионизма сосуществование иврита и идиша претерпело изменения, что привело к соперничеству двух языков и противостоянию их приверженцев. Сторонники сионизма ратовали за возрождение иврита и возвращение его использования во все сферы деятельности. В свою очередь, значительное число евреев, говоривших на идише, не понимали цели гебраистов и отстаивали дальнейшее использование только идиша как в устной, так и письменной речи. В этой связи не-

которые исследователи приводят в пример курьезный случай, описанный Шолом-Алейхемом в памфлете «Идишизм и гебраизм»: «Они обзывали друг друга, они спорили и ругались, ругались и спорили; идишисты кричали: “Идиш!” – гебраисты кричали: “Иврит!” Все это они кричали на идише»²⁷⁶.

Особым противостояние иврита и идиша стало в России, что вначале было связано с распространением идей сионизма в Российской Империи, а впоследствии – с борьбой евсекций и органов безопасности Советской России с сионистами. При этом после Октябрьской революции идиш был признан государственным языком Белоруссии и ряда областей Украины и до начала Второй мировой войны дал толчок созданию большого числа литературных произведений на нем.

Профессор З. Галили пишет: «В течение первого десятилетия после большевистского переворота советские евреи не только оказались без общинных, религиозных и политических организаций, но и лишились возможности культурного самовыражения. Несмотря на то, что вначале были предприняты некоторые шаги по созданию сети культурных и образовательных учреждений, использующих литературу на идише, культура и образование на иврите оказались под запретом. Евсекция развернула кампанию против использования иврита, выдвигая в качестве аргумента тезис, ранее использовавшийся членами Бунда. В глазах последних иврит являлся религиозным языком, искусственно возрожденным националистами и использовавшимся средними классами, в то время как идиш был настоящим языком еврейских низов. Преобладание идиша в языковой практике евреев-рабочих было несомненным, но для значительной части еврейского общества атака на иврит являлась попыткой подорвать основы их собственной национальной самоидентификации»²⁷⁷.

Основной силой, борющейся с сионистским движением в Советской России, были органы безопасности. Сотрудники

ВЧК–ГПУ–ОГПУ проводили обыски, аресты, изымали литературу, типографии, документы. В Секретном отделе анализировалась деятельность сионистов, составлялись докладные записки и рассылались циркулярные письма в регионы с целью надзора, контроля и дальнейшей ликвидации течения.

Впервые документы органов безопасности о деятельности сионистских организаций и борьбе с ними были опубликованы в многотомном сборнике «"Совершенно секретно": Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.)»²⁷⁸, куда вошли сводки информационных отделов ГПУ и материалы секретно-политических и контрразведывательных отделов ОГПУ.

Впоследствии рассекреченные материалы органов безопасности из Центрального архива (ЦА) ФСБ России и Отраслевого государственного архива (ОГА/ГДА) СБ Украины легли в основу сборника документов «Сионистские партии и организации в СССР. 1920-е гг.»²⁷⁹.

Как отмечают составители, «в ЦА ФСБ России хранятся архивные уголовные дела 1920-х гг. и начала 1930-х гг. в отношении участников сионистских организаций. Ныне в подавляющем большинстве они реабилитированы. В сборник включены документы из фонда архивных уголовных дел ЦА ФСБ РФ. Всего публикуются тексты 111 документов из этого фонда»²⁸⁰. Кроме того, «в ГДА СБ Украины, благодаря так называемым декоммунизационным законам 2015 г., авторы получили возможность исследовать отчетно-информационные документы органов советской госбезопасности, документы оперативной деятельности, в частности донесения агентуры, а также архивные уголовные дела людей, несправедливо пострадавших в ходе необоснованных политических репрессий и ныне реабилитированных»²⁸¹.

Для сотрудников ВЧК–ГПУ–ОГПУ деятельность сионистов представляла сложность, с одной стороны, как угроза новому строю, наряду с другими антисоветскими партиями и

организациями, а с другой – в силу языков, которыми пользовались представители движения: иврита и идиша. Многие материалы, письма, периодические издания были выпущены на еврейских языках, что доставляло массу трудностей при их изучении и приобщении к делам. Свидетельством тому стал «Словарь сионистских терминов на русском языке», который был приложением к информационно-циркулярному письму ОГПУ СССР № 30 о сионистском движении.

Письмо датируется концом 1925 – началом 1926 гг. и представляет собой документ, в котором дается общая характеристика сионистскому движению в СССР, приводятся сведения по БССР и УССР, анализируются причины роста и усиления течения в стране, делается обзор партий и организаций, содержится информация о положении в Палестине, говорится о работе сионистов за рубежом, а также ставятся задачи ОГПУ в связи с ростом движения и раскрываются методы борьбы с ним²⁸².

Как было сказано выше, приложением к письму рассылался «Словарь сионистских терминов на русском языке», который представляет собой краткое толкование ряда терминов, наиболее широко употреблявшихся в среде сионистских деятелей. Толкования делались на основе определений, полученных из сионистской литературы и документации на русском языке, от внедренных в кружки и группы агентов, а также арестованных представителей движения. Словарь включил в себя слова обоих языков, но поскольку сионисты более широко старались использовать иврит, основная масса словарных статей относится к понятиям на нем. Их главной отличительной чертой следует назвать фонетические особенности, проявившиеся на письме в подмене звука [x/h] звуком [г]. Подобное явление довольно часто происходит вследствие транслитерации при передаче иностранного слова на русский язык. Словарные статьи расположены в алфавитном порядке. Их можно условно разделить на несколько групп:

слова, употребляемые в обиходе, названия партий и организаций, персоналии, периодические издания, географические названия.

Так, в словаре приведены, в числе прочего, такие понятия:

- алия (восхождение) – эмиграция в Палестину;
- ам гаарец (простой народ) – безграмотный, невежественный человек;
- голил – район;
- гацоир – юный;
- ешибот – высшая религиозная школа;
- ихуд – объединение;
- квуца – группа;
- лишко – бюро;
- мифкод – учет;
- плуга – группа;
- сниф – отдел (местный);
- хавер – товарищ;
- югенд – молодежь.

Кроме того, сотрудники органов безопасности выделили в словарь ряд партий и организаций:

- Брит-Ганоар – (Союз молодежи) – Всемирное объединение сионистской молодежи, основано в 1925 г. в Данциге;
- Вайс-Блау (бело-голубой) – Союз сионистской молодежи в Германии. Бело-голубой – цвет сионистского знамени;
- Гехолуц (Авангард) – сионистская организация для подготовки квалифицированных работников и отправки их в Палестину;
- Джойнт – благотворительная организация американских евреев для помощи нуждающемуся еврейскому населению Европы и СССР;
- ЕВОСМ – Единая всероссийская организация сионистской молодежи, образовалась в 1923 г. из ОСМ (Гистадрут), Геховер и Кодима;
- Кадима (Вперед) – юношеская сионистская организация в Белоруссии, влилась в ЕВОСМ;

– МЕВОПО – Московское еврейское общество помощи – благотворительное общество еврейской буржуазии;

– ЦСЮФ – ЦС Югенд Фербан», ЮЦС – Сионистский социалистический союз молодежи.

Среди деятелей сионистского движения интерес для ВЧК/ОГПУ представляли:

– Борохов – основатель и теоретик поалей-сионистского движения, умер в 1917 г.;

– Бен-Гурион – видный деятель палестинской «Ахдут Гаавода»;

– Вейцман, Хаим – председатель Всемирной сионистской организации;

– Жаботинский – редактор сионистского журнала на русском языке «Разенет», издается в Париже; вождь сионистов-ревизионистов (активистов), бывший организатор еврейского] легиона во время империалистической войны; заключил союз с Петлюрой о наступлении на СССР;

– Трумпельдор – основатель «Гехолуц», руководитель отряда при нападении арабов на еврейскую колонию в Верхней Галилее.

Изъятие литературы и типографий позволило сотрудникам органов безопасности определить ряд периодических изданий, некоторые из которых также вошли в словарь:

– «Ал Гамишмар» («На страже») – подпольный орган правого (нелегального) «Гехолуц» на русском языке;

– «Арбетс-Югенд» («Трудовая молодежь») – подпольный орган ЦК Сионистского социалистического союза молодежи;

– «Бешаа-Зу» («В настоящий момент») – подпольный информационный журнал Сионистской трудовой партии;

– «Векер» – еврейская коммунистическая ежедневная газета в Минске;

– «Гоорец-Вегаоавде» («Земля и труд») – подпольный журнал ЦК Сионистской трудовой партии на русском языке;

- «Гоорец-Вегаголус» («Страна и изгнание») – подпольный информационный журнал ЕВОСМ на русском языке;
- «Гацофе» («Разведчик») – подпольный орган левого «Гашомер Гацоир» для детей на русском языке;
- «Довор» («Слово») – ежедневная газета палестинской рабочей организации («Гистадрут Гаклалит») на древнееврейском языке;
- «Доар Гайом» («Почта дня») – палестинская ежедневная правая сионистская газета на древнееврейском языке;
- «Найе Цамт» («Новое время») – ежедневная сионистская газета в Лондоне на еврейском языке.

Некоторые географические названия также вошли в словарь:

- Тель-Авив – предместье Яффы, построенное и заселенное евреями;
- Хайфа – портовый город в Палестине, имеет еврейский техникум;
- Эрец-Исраэль (страна Израиля) – ЭИ, Палестина;
- Яффа – порт Палестины с еврейским пригородом Тель-Авив.

Как отмечает Б.М. Морозов, «поскольку сразу же после октябрьского переворота большевики практически полностью запретили все некоммунистические издания, а также национализировали все типографии и другие, существовавшие в то время множительные средства, с целью уничтожить на корню любую враждебную пролетарской диктатуре пропаганду, нелегальное изготовление и распространение любой печатной продукции считалось враждебным новой власти актом»²⁸³.

Для составителей словаря принадлежность слова к тому или иному языку была второстепенна, основное внимание они уделили тому, чтобы дать краткие определения, понятные сотрудникам органов безопасности как в центре, так и в регионах, где было необходимо завершать ликвидацию сионистского движения. Тем не менее очевидно, что доля терминов на иврите преобладает в списке словарных статей, лишь подтверждая приверженность представителей сионистского течения к этому языку. В результате словарь стал уникальным источником не только по истории развития еврейских языков, но и по истории сионистского движения в России.

*М.Г. Победённый,
С.В. Тулаев
г. Москва*

Деятельность Ф.Э. Дзержинского по финансовому обеспечению сотрудников органов госбезопасности в 1922–1926 гг.

Строительство нового государства проходило в сложных экономических и военно-политических условиях. Практически полностью была разрушена, промышленность, транспорт, а сельское хозяйство находились в упадке, что явилось результатом последствий Первой мировой и Гражданской войн. Страна понесла огромные человеческие потери, миллионы людей погибли на фронтах, а также в результате голода и эпидемий. В обществе ощущалась нехватка самого необходимого: продуктов питания, одежды, обуви, медикаментов, топлива. Крайне тяжёлое положение сложилось в крупных городах. Вследствие бедственного материального состояния рабочие прибегали к забастовкам. На селе советское правительство столкнулось с нарастающими протестами в крестьянской среде, выступавшим за отмену продразвёрстки и свободу торговли. Первое в мире государство рабочих и крестьян оказалось в окружении недружественных государств, которые проводили политику, направленную на дестабилизацию обстановки как внутри страны, так и на государственной границе. Особенно беспокойно было в приграничных районах Средней Азии и Восточного Казахстана, где широкий размах приобрело басмаческое движение под лозунгом газавата (священной войны) против «неверных»²⁸⁴.

С переходом страны на мирные рельсы Политбюро ЦК РКП (б) приняло решение об упразднении Всероссийской чрезвычайной комиссии. 6 февраля 1922 г. ВЦИК преобразовал

ВЧК в Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР²⁸⁵.

В этих условиях перед руководством советского государства органам безопасности были поставлены сложные задачи: предупреждение и подавление открытых контрреволюционных выступлений политического и экономического характера; раскрытие контрреволюционных организаций и лиц, деятельность которых направлена на подрыв хозяйственных органов республики; охрана государственной тайны и борьба со шпионажем во всех проявлениях; охрана железнодорожных путей и водных сообщений; борьба с хищениями грузов и преступлениями, направленными на разрушение транспорта или снижение эффективности его работы; охрана границы РСФСР, борьба с незаконным её переходом, экономической и политической контрабандой; выполнение специальных заданий ВЦИК и СНК по охране революционного порядка.

Выполнение поставленных задач перед сотрудниками органов безопасности требовало от них большого напряжения как моральных, так и физических сил при решении задач по борьбе с контрреволюцией. Однако финансирование повседневной деятельности органов безопасности оставляло желать лучшего. Предложения и заявки в виде писем и обращений Ф.Э. Дзержинского, как руководителя ведомства, в центральные органы партии и советского государства об ассигновании денежных средств для сотрудников ОГПУ не всегда находили поддержку у работников государственного аппарата.

О трудном материальном положении сотрудников, подвергающих свою жизнь ежедневной опасности в борьбе с контрреволюционными элементами, и последствиях сформировавшегося материального положения можно судить из письма руководителя ГПУ Украины В.Н. Манцева. В своём обращении на имя Ф.Э. Дзержинского он указывал, что со-

трудники органов ГПУ Украины, так же, как и все сотрудники ГПУ России, имеют мизерное денежное вознаграждение, так же как и продовольственный паёк. Сотрудник, особенно семейный, может существовать, только продавая на рынке всё, что имеет, и поэтому находится в состоянии перманентного голодания. На этом фоне происходит общее понижение работоспособности, настроение сотрудников озлобленное, дисциплина падает, и нужны исключительные условия, чтобы в нужный момент заставить их работать хотя бы в половину прежнего. Дальше зарегистрирован ряд случаев самоубийства на почве голода и крайнего истощения. Сотрудницы вынуждены заниматься проституцией, чтобы не умереть с голода. Арестованы и расстреляны за налёты и грабежи десятки, если не сотни, сотрудников, и во всех случаях установлено, что идут на разбой из-за систематической голодовки. Бегство из ЧК повальное. Особенно угрожающе стоит дело с уменьшением числа коммунистов среди сотрудников. Если раньше мы имели 60% коммунистов, то теперь с трудом насчитываем 15%. Очень часты, если не повседневны, случаи выхода из партии на почве голода и необеспеченности материального существования²⁸⁶.

Осознавая всю тяжесть сложившегося материального положения в среде сотрудников ГПУ в связи с недофинансированием деятельности органов безопасности в августе 1922 г. Ф.Э. Дзержинский в своём письме Л.Б. Каменеву об отпуске средств для ГПУ, подчёркивая бедственное положение сотрудников, просит:

- отпустить ГПУ средств в фонд заработной платы на квартал для гласных сотрудников из расчёта 53 600 сотрудников по 5000 на каждого в месяц в среднем, т.е. вместо отпущенных ВТС на квартал;

- отпустить сверх этого на обмундирования вместо отпущенных бюджетом, разрешить ГПУ в пределах отпущенного ему фонда установить для своих сотрудников собственные разряды;

- перевести ГПУ и его органы в пределах отпущенных им денежных и продовольственных средств на коллективное снабжение с максимальным сокращением штатов с тем, чтобы с февраля, исходя из достигнутого сокращения, установить новые ставки, обеспечивающие прожиточный минимум сотрудников;

- обязать ГПУ сделать 15 января доклад в Совет Труда и Оборона о достигнутом сокращении штатов²⁸⁷.

Как государственник Ф.Э. Держинский понимал, что в условиях тяжёлого положения в экономике страны необходимо рачительно использовать финансы, выделяемые для нужд ГПУ. С этой целью под его руководством организуется и ведётся работа по их сокращению и оптимизации организационно-штатной структуры органов безопасности.

Так, в своей записке Г.Г. Ягоде в сентябре 1923 г. «О сокращении расходов на содержание ГПУ» Ф.Э. Держинский отмечал: «Ввиду финансового состояния страны и в связи с этим очень низкой зарплатой рабочих необходимо наши расходы, лежащие целиком на нашу страну (так как мы – орган непроизводственный), максимально сократить.

Прошу раскассировать штабы наших войск (центр и округа), политсекретариат, предельно уменьшить в губерниях и ОГПУ нестроевой состав наших войск, сократить в аппар. ГПУ конторск. элемент и обслуживающий само ГПУ.

Урезать предельно расходы из секретных сумм, переложить тяжесть содержания погранвойск на доход от контрабанды и т.д. Прошу доложить о принятом»²⁸⁸.

В то же время, в руководстве страны рядом ответственных работников была развёрнута дискуссия о возможно завышенном финансировании органов безопасности. Как пример образца приводилось финансирование Красной армии. Уделяя внимание этому вопросу, Ф.Э. Держинский для отстаивания ведомственных интересов отдаёт распоряжение Г.Г. Ягоде представить ему сведения для составления сравнительной сметы финансирования армии и органов ГПУ.

При этом для выполнения поставленной задачи Ф.Э. Дзержинский требует при составлении сметы в сравнении на расходы армии и ОГПУ представить затраты, которые выделялись при финансировании структур государственной безопасности в годы царского режима (пограничные войска, жандармский корпус, конвойные войска)²⁸⁹.

Пытаясь найти в государственном аппарате единомышленников, 12 декабря 1923 г. Ф.Э. Дзержинский пишет письмо к И.В. Сталину, в котором отмечал: «Постановлением П/бюро образована комиссия в составе Куйбышева, Сокольникова и меня для рассмотрения возможности сокращения сметы ОГПУ. По докладу этой комиссии П/бюро утвердило проект ОГПУ сокращения войск и сотрудников, сводящего годовую смету к 72 милл. рб, с тем чтобы Комиссия продолжила свою работу по изысканию дальнейшей возможности сокращений. Дальнейшая работа наша (ОГПУ) наметила дальнейшее сокращение аппарата ОГПУ, дающее сокращение годовой сметы до 65778042, что определяет смету нашу на январь 1924 года в 5361000 рбл вместо 6 мил. рб предыдущих месяцев, исходящих из годовой сметы 72 мил.

Между тем НКФин намечает нам сам, не считаясь с работой комиссии, смету на январь 4 500 000 рб, т. е. на 1,95 мил. меньше, чем в декабре.

Я категорически протестую против таких действий НКФина как по формальным соображениям, так и по существу и прошу ЦК РКП указать НКФину, что он не может сокращать наши сметы без решения П/бюро по заключению комиссии П/бюро.

Я должен еще раз указать, что нами (ОГПУ) самими ведется работа по дальнейшему планомерному сокращению, но такое НКфиновское механическое сокращение дает в результате только полную дезорганизацию ОГПУ и его органов»²⁹⁰.

2 ноября 1924 г. председатель ОГПУ Ф. Э. Держинский обращается в Политбюро со служебной запиской о недопустимости уменьшения сметы ОГПУ на 5 млн. руб. В ней он отмечает: «Мы не в состоянии будем выполнять возложенную на нас задачу», тем более в 1923–1924 бюджетном году смета уже была уменьшена с 2 до 59 млн. руб., в то же время в этот период было увеличено денежное содержание военнослужащим ПО и ВОГПУ, за счет их сокращения. Несмотря на то, что в предложениях ряда ведомственных комиссий потребность ОГПУ в денежных средствах определялась в 67 млн. руб., в конечном счете, наркоматом финансов смета была выделена в сумме 52,1 млн. руб., размер которой совершенно не учитывал расходы на повышение окладов кадрового состава ПО и ВОГПУ, увеличение их численности (погранвойск на 1200 чел., тервойск на 950 чел.), необходимость повышения денежного содержания сотрудникам органов ОГПУ, капитальный ремонт зданий и т.д.»²⁹¹.

Ф.Э. Держинского был руководителем советского ведомства, имевшего огромные финансовые возможности. Однако к себе он относился с большой скромностью тем самым показывая пример своим подчинённым. Об этом говорит записка А.Я. Беленькому по поводу своего бюджета от 1 июля 1925 г. «1. Я до сих пор не получил справки, за что я через Реденса получил гонорар в 500 рб.

2. Сколько я должен за костюм, ботики, белье и т.д.

3. Одолжите мне из имеющихся у Вас денег 15 рублей»²⁹².

Таким образом, деятельность Ф.Э. Держинского на посту руководителя органов безопасности с 1922 по 1926 гг. проходила в тяжёлых условиях становления нового государства. В это время советские органы безопасности были подвержены очередному этапу реформирования. Проведённый анализ служебной переписки Ф.Э. Держинского по вопросам финансового обеспечения сотрудников позволяет сделать вывод, что, несмотря на хроническое недофинансирова-

ние, основная масса сотрудников ГПУ в полном объеме выполняла поставленные оперативно-служебные задачи. Вместе с тем тяжелые условия строительства нового общества показали, что не все сотрудники органов безопасности смогли устоять от соблазна нарушить законность с целью исправления своего финансового положения. От тех, кто её нарушал, освобождались без сожаления. Занимая высокие государственные посты, Феликс Эдмундович в своей личной жизни оставался образцом скромности и порядочности.

**Анализ положения дел в среде русской эмиграции
в Китае в сообщениях органов ОГПУ в 1920–1930 гг.**

В отечественной исторической науке вопросы, касающиеся добывания и обработки органами Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) при Совете народных комиссаров СССР информации о положении дел в среде русской эмиграции, относятся к числу важных и актуальных направлений исследований, поскольку в них в той или иной степени находят свое отражение основные аспекты разведывательной и контрразведывательной деятельности органов госбезопасности 1920-х – первой половины 1930-х гг.

Изучение содержания сообщений органов ОГПУ о белой эмиграции способствует также пониманию исторических предпосылок к развитию информационной работы отечественных спецслужб и основных факторов, оказавших влияние на данную деятельность.

К настоящему времени тема добывания и обработки органами ОГПУ информации о затрагивающих жизненно важные интересы Советского государства возможностях, действиях, планах и намерениях белоэмигрантских организаций и отдельных лиц не нашла своего полного освещения в проведенных исследованиях²⁹³, а оценка соответствующей работы органов безопасности в отношении русской эмиграции в Китае отличается неоднозначностью и фрагментарностью²⁹⁴.

Становление разведывательной деятельности органов ОГПУ – это сложный исторический процесс, на развитие которого оказали воздействие как внутренние, так и внешние факторы. Необходимость добывания и обработки органами

безопасности информации о деятельности русской эмиграции в Китае была обусловлена, прежде всего, угрозами, исходившими от белоэмигрантских организаций, а также возможностями осуществления с их участием провокаций с целью сдерживания устремлений Советской России в регионе, в т. ч. удержания правительств ряда зарубежных государств от фактического вступления в нормальные отношения с СССР.

Активные попытки использования белой эмиграции в Китае исходили со стороны Японии, стремившейся распространить свое влияние на Маньчжурию, а также Советское Приморье и Сибирь. Так, еще задолго до оккупации северо-восточной территории Китая японцами их спецслужбы в 1924 г. пытались организовать при помощи белоэмигрантов захват власти в Маньчжурии.

Тяжелое материальное положение большинства русских эмигрантов, а также их желание продолжать борьбу с советской властью создавали благоприятные условия для вербовочной деятельности спецслужб Японии и других государств. В большей степени с данным контингентом работали именно японские спецслужбы.

Этот фактор, безусловно, облегчал склонение отдельных представителей русской эмиграции к сотрудничеству и с советскими органами безопасности.

Разведывательной деятельностью в отношении белоэмигрантских организаций в Китае занимался Восточный отдел ИНО ОГПУ, в сферу деятельности которого входила огромная территория, простиравшаяся от Кавказа через всю Сибирь и Дальний Восток до границы с Японией.

Помимо ОГПУ разведывательной деятельностью в отношении русских эмигрантов занимался отдел международных связей Коминтерна и Разведывательное управление РККА.

Первая резидентура ИНО ВЧК в Китае была создана в 1921 г. под прикрытием советской дипломатической миссии в Пекине. В конце 1920-х гг. главной резидентурой ОГПУ

стала харбинская, в число задач которой в т. ч. входил сбор сведений о подготовке русскими эмигрантами диверсионных и разведывательных отрядов, маршрутах их передвижения, командах и пр.

Активизации деятельности ОГПУ в Китае способствовало подписание в мае 1924 г. советско-китайского договора, установившего дипломатические отношения между двумя странами и восстановившего систему совместного управления КВЖД. Все это заметно усилило позиции Советского Союза в Маньчжурии и актуализировало китайский вектор в деятельности ОГПУ.

Благодаря всестороннему развитию агентурно-оперативной деятельности органы госбезопасности уже к середине 1920-х гг. сумели достичь ощутимых практических результатов на важных направлениях работы. Противодействие подрывным устремлениям эмигрантских организаций и русским эмигрантам, завербованным японцами для работы против СССР, осуществлялось путем проникновения к противнику, которое, в свою очередь, достигалось методами вербовки, перевербовки и подставы на вербовку советских агентов.

Среди успешных вербовок в среде русских эмигрантов можно отметить вербовку в 1922 г. подполковника Белой армии С.М. Филиппова, который поставлял информацию об антисоветской деятельности военного отдела Харбинского монархического центра, а также вербовку в 1924 г. бывшего царского офицера флота В.И. Пентковского, который сам предложил свои услуги советской разведке²⁹⁵. Создание агентурных позиций в среде русской диаспоры в Китае позволяло не только своевременно получать информацию о деятельности их организаций, но и вносить разногласия, раскол в их ряды, а также осуществлять компрометацию лидеров отдельных белоэмигрантских организаций.

Пресечение деятельности русских эмигрантов, сотрудничавших с японской разведкой, осуществлялось, также путем

их компрометации. Примером последнего является деятельность агента ОГПУ «Осипова» – сотрудника особого (политического) отдела японской жандармерии, который скомпрометировал около 20 японских агентов из числа белоэмигрантов, подбросив японской разведке ложную информацию о том, что они собираются получить советские паспорта и вернуться в СССР.

Кроме того, в целях пресечения деятельности белоэмигрантов, участвовавших в подрывной деятельности против Советского Союза, органы госбезопасности ликвидировали и вывозили на территорию СССР наиболее активных деятелей белой эмиграции (Ктиторова, Жилинского, Рудых, Овечкина, Михалева и др.)²⁹⁶.

Благодаря агентурному аппарату осуществлялась также перлюстрация дипломатических и других секретных почт целого ряда японских учреждений на территории Китая.

Отечественные исследователи сходятся во мнении о том, что в 1920-е – 1930-е гг. созданный органами ОГПУ агентурный аппарат позволял отслеживать изменение настроений в среде русской эмиграции в Китае, замыслы и практическую деятельность ее лидеров.

Советские органы госбезопасности проводили большую информационно-аналитическую работу в отношении состава, политических устремлений, стратегии и тактики белоэмигрантских организаций в Китае, которая нашла отражение в сообщениях органов ОГПУ в 1920–1930 гг.

В данных сообщениях содержались подробные сведения о численности русских эмигрантов в Китае, их организациях и объединениях, политических настроениях в среде белой эмиграции, в т. ч. касающихся расхождений среди дальневосточных монархистов в связи с борьбой за лидерство между великими князьями Николаем Николаевичем и Кириллом Владимировичем.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. представители военной эмиграции в Китае стремились вовлечь в антибольшевистскую борьбу русскую молодежь, достаточно успешно вели работу в ее среде, курируя организации и содействуя их военному образованию.

Харбинская резидентура ИНО ОГПУ отслеживала появление новых политических объединений в среде русской эмиграции в Китае, о чем своевременно информировала центр. Формы и методы работы белой эмиграции с молодежью также нашли свое подробное отражение в сообщениях чекистов.

Так, в 1925 г. харбинская резидентура сообщила о зарождении новых молодежных организаций под названием «Крестonosцы»²⁹⁷, «Мушкетеры» и «Союз Черного Кольца». В частности, в агентурном сообщении резидентуры указывалось, что на мушкетерах «лежит обязанность борьбы с теми лицами, которые занимаются антирелигиозной пропагандой, в связи с чем в мушкетеры принимаются люди физически сильные, отважные, крепко верующие, по рекомендации нескольких лиц»²⁹⁸. При этом органы ОГПУ были осведомлены о том, что почетным шефом «Крестonosцев» являлся Н.Л. Гондатти, а почетным начальником одного из отрядов – М.П. Головачёв, который давал директивы по работе союза в учебных заведениях.

Во второй половине 1920-х гг. русская военная эмиграция в Китае, что, в свою очередь, значительно отличало ее положение от других центров Русского Зарубежья, оказалась вовлечена во внутривнутриполитическую борьбу страны пребывания. В частности, многие эмигранты приняли участие в Гражданской войне в Китае, участвуя в рядах армии Чжан Цзолина, а также в войсках китайской администрации в Синьцзяне, борющейся с мусульманским сепаратизмом.

В этой связи в агентурных сообщениях ИНО ОГПУ с 1925 г. важное место стала занимать тема участия русских эмигрантов в вооруженных формированиях Чжан Цзолина.

Так, в ноябре 1925 г. в агентурном сообщении ИНО ОГПУ указывалось, что данный правитель Маньчжурии разрешил начать формирование нового полка из русских эмигрантов, специально «для будущего движения против большевиков»²⁹⁹.

В связи с этим в середине 1920-х гг. органы ОГПУ направили свои усилия на разложение 1-й отдельной «Нечаевской» бригады, находившейся в составе войск Чжан Цзолина и состоявшей из русских эмигрантов-добровольцев. Действовавшие в составе китайских войск советские агенты осуществляли агитационные мероприятия и подкупали отдельных участников указанной бригады. В результате деятельности советских агентов, а также в силу тяжелого ранения в 1926 г. командира бригады – К.П. Нечаева в русской группе войск начались беспорядки, стали происходить растраты казенного имущества, а также участились случаи перехода с оружием в руках в гоминьдановские формирования Чан Кайши.

В начале 1927 г. в сообщениях органов ОГПУ значительное внимание стало уделяться попыткам консолидации русской военной эмиграции в Китае. Великий князь Николай Николаевич назначил Д.Л. Хорвата официальным главой российской дальневосточной эмиграции. Окружение Хорвата с целью объединения белой эмиграции под флагом борьбы с Советской властью пыталось провести в 1928 г. общий съезд представителей всех русских организаций Дальнего Востока. Однако из-за различных материальных сложностей и политических разногласий провести съезд так и не удалось. Против кандидатуры Д.Л. Хорвата выступил его бывший подчиненный по КВЖД – Н.Л. Гондатти, имевший солидную поддержку в Харбине. При этом часть эмиграции по-прежнему в качестве главы эмиграции на Дальнем Востоке видела исключительно атамана Г.М. Семёнова.

Наиболее интенсивно попытки консолидации военной эмиграции под руководством «николаевцев» происходили на

рубеже 1920–1930-х гг., что также прослеживается в сообщениях органов ОГПУ.

При этом полная консолидация военной эмиграции в Китае так и не была осуществлена. Противоречия в среде русских эмигрантов с одной стороны и действия советских агентов – с другой, способствовали тому, что белое движение в Китае по-прежнему было представлено большим количеством различных организаций и групп.

Особенностью пребывания русских эмигрантов в Китае являлось то, что в каждом регионе русского рассеяния сложилась своя специфическая ситуация, оказавшая большое влияние на их жизнь. Наиболее массово военная эмиграция была представлена в Харбине и Шанхае. В последнем бывшие военные составляли наибольший процент в общей массе эмигрантского населения, но по абсолютной численности преобладал Харбин. При этом наиболее благоприятные условия для жизни эмигрантов сложились в Шанхае, а также в городах Северного Китая, где русские в основном расселились на территориях иностранных концессий³⁰⁰. Данная региональная специфика русской военной эмиграции также нашла отражение в сообщениях органов ОГПУ.

Следует отметить, что ИНО ОГПУ обладал достаточно полными сведениями об информационной деятельности эмигрантских организаций в отношении советских граждан, в т. ч. о способах доставки монархической литературы на территорию СССР. Так из агентурного сообщения харбинской резидентуры ИНО ОГПУ следовало, что посылки с антисоветской литературой направлялись в Советскую Россию в сельские советы и воинские части посылками и заказными письмами по почте, а для того, чтобы зашифровать фактический пункт отправления их отправляли с промежуточных станций КВЖД³⁰¹.

Органы ОГПУ были также осведомлены о попытках белоэмигрантской организации «Братство русской правды» организовать радиовещание на территорию Советского Союза,

а также о функционировании в Маньчжурии конспиративной «радиостанции имени ген. Кутепова», пропагандировавшей идеи Белого движения.

В материалах исследуемого периода присутствует и такой вид информационных документов, как справки ИНО ОГПУ, представлявшие собой к середине 1920-х гг. сложно составные аналитические документы с достаточно четкой структурой, в которых содержалась характеристика исследуемых вопросов, а также присутствовала выводная часть. Так, в справке ИНО ОГПУ о русских монархических организациях за рубежом за 1924 г. делался объективный вывод о разрозненности и взаимном недоверии внутри монархических групп и объединений в Китае. В частности, указывалось, что «представители различных монархических организаций не смогли выработать общей политической линии, и предполагавшееся объединение групп вокруг имени генерала Хорвата не состоялось»³⁰².

Системная работа ОГПУ по внедрению своих агентов в эмигрантские организации, сбору информации об их замыслах, кадровом составе и связях на территории СССР позволила органам госбезопасности создать условия, значительно затрудняющие подрывную деятельность данных организаций на территории СССР.

В 1928 г. в обзоре положения белых в Маньчжурии Полномочное представительство ОГПУ на Дальнем Востоке указывало, что «ни о какой подготовке к вооруженному выступлению против СССР в настоящее время речи быть не может: нет для этого денежных средств, ни людских контингентов <...> беженская масса в своей большей части так или иначе материально устроилась и крепко держится за те источники, которые дают ей возможности существовать. Эта масса не пойдет ни на какую авантюру».

Аналогичных оценок в отношении возможностей белой эмиграции в 1928 г. придерживался ИНО ОГПУ. В частности, в его сообщении, касающемся анализа возможностей

русских эмигрантских организации в г. Мукдене сообщалось, что «беженцы за исключением части безработных имеют ту или иную службу, но, тем не менее, еле-еле существуют. Они питают ненависть к советским подданным, но никаких положительных действий для восстановления монархического правления, а также развития белых организаций они не предпринимают. Ясно, что белые русские организации с каждым днем все ближе и ближе подходят к моменту самоуничтожения»³⁰³. Такая же оценка содержалась в сообщении ИНО ОГПУ и в январе 1929 г., в котором сообщалось, что «...из Харбина никто не желает ехать на советскую территорию и бросать здешний, хотя бы и небольшой заработок. На местах население мало верит прокламациям, рассылаемым из Харбина разными организациями. Особенно скверно на местное население советской территории действует то обстоятельство, что «вожаки», подбивающие население на действия против советской власти, сами остаются вне советской территории»³⁰⁴.

Однако подобные оценки, безусловно, были преувеличением и не в полной мере соответствовали настроением в среде русской эмиграции в Китае.

Последовавший вскоре (в 1929 г.) конфликт на КВЖД заметно активизировал деятельность русских эмигрантских организаций. Стали формироваться вооруженные отряды, осуществлявшие набеги на приграничные советские территории, в Харбине предпринимались попытки организации новых антисоветских объединений. Так, летом 1929 г. состоялось собрание по созданию «Национального революционного комитета по борьбе с III Интернационалом». Однако неоднозначное отношение РОВС и ориентированных на него организаций к конфликту вокруг КВЖД не позволили по настоящему широко вовлечь русских эмигрантов в борьбу против СССР³⁰⁵.

Вместе с тем советско-китайский конфликт 1929 г. способствовал консолидации эмигрантских организаций «николаевской» ориентации. В 1929–1930 гг. на территории Китая были учреждены несколько отделений Дальневосточного отдела РОВС – в Мукдене, Тяньцзине, Шанхае, Циндао³⁰⁶.

Поступавшие в начале 1930-х гг. в распоряжение ОГПУ сведения также стали свидетельствовать о непрерывно нарастающей активности эмигрантских организаций в Китае, прежде всего, РОВСа, а также «Братства Русской Правды», «Союза казаков на Дальнем Востоке» и др. В этой связи примечательно, что «Сводка сведений Иностранного и Контрразведывательного отделов ПП ОГПУ на ДВК о структуре “Русского общевойскового союза” в Маньчжурии» от 28 сентября 1930 г. закачивалась примечанием о том, что освещение деятельности данной организации впредь будет вестись более полно и регулярно.

Стремление ИНО ОГПУ добиться полноты и глубины в оценке деятельности русской эмиграции в Китае нашло свое отражение в директиве ИНО ОГПУ, направленной в резидентуры на Дальнем Востоке, в которой, частности, говорилось о желательности получать «периодические краткие обзоры настроений и планов белогвардейских группировок», которые были бы вскрыты «посредством более глубокого анализа действительной подоплеки тех или других мероприятий “белых вождей”». Кроме того, указывалось на необходимость заострять «внимание на командирах-партизанах, учитывая их конкретную работу по подготовке диверсионных и террористических актов», а также на наличии у них связей с европейскими разведками³⁰⁷.

В 1930-е гг. ОГПУ благодаря созданным агентурным позициям было хорошо осведомлено о деятельности РОВСа, однако оценка морального и политического потенциала организации не отличалась глубиной анализа, и формировалась под влиянием классового подхода. Показательна в этом

плане характеристика, данная ИНО ОГПУ, Г.А. Вержбицкому, возглавившему весной 1932 г. Харбинское отделение РОВС, в которой указывалось, что «генерал Вержбицкий, образования не имеет, окончил инженерное училище старой формации, в которой принимали с 4-х классовым и 6-ти классовым образовательным цензом <...> Человек узкого умственного кругозора, авторитетом не пользуется, ни по внутренним своим достоинствам, ни по внешнему виду»³⁰⁸.

В действительности же Г.А. Вержбицкий окончил в 1893 г. Каменец-Подольскую гимназию, в 1897 г. – Одесское пехотное юнкерское училище, а в 1902 г. – Саперные практические курсы. В эмигрантских кругах Вержбицкий характеризовался, как человек «всегда трезвый, исполнительный, скромный в собственных желаниях и личной жизни... Никто из бывших чинов-участников приморской гибельной эпопеи не имеет права бросить ген. Вержбицкому упрек в нечестности, корыстолюбии, выдвигенчестве и т. п. <...> бывают случаи, когда старик-служака не обедает по нескольку дней, но, тем не менее, он никогда ни к кому не обратился за помощью или с просьбой о ней, тем более никогда не воспользуется своим положением главы местного отдела Общевоинского союза, в руках которого, как никак, а все-таки имеются некоторые общественные (союзные) средства... Что касается политических взглядов и убеждений ген. Вержбицкого, то нужно сказать, что [он] вообще отличается постоянством характера, прямолинейностью и... упрямством»³⁰⁹.

Достаточно тенденциозно ИНО ОГПУ охарактеризовал и Генеральный штаб РОВС, который «таким является только на словах. Ответственную работу нести не могут из-за ограниченности политического кругозора. Все самообразование проходит в узких специальных военных рамках. Широкого кругозора не имеет никто. Политически не воспитаны. Выводы делаются только в своих интересах, а действительного знания нет».

В этой связи следует отметить, что сдерживающее воздействие на процесс информационной работы в органах ОГПУ оказал фактор классового подхода при комплектовании кадров чекистских органов.

По этой причине на работу в органы ОГПУ не принимались бывшие сотрудники охранного отделения, офицеры контрразведки, что препятствовало передаче накопленного в дореволюционной России опыта чекистским кадрам и не способствовало росту качества подготовки информационных документов органов ОГПУ.

Вместе с тем, с положительной стороны можно отметить, что сообщения органов ОГПУ основывались, в т. ч., на детальном изучении белоэмигрантской прессы, издаваемой в Китае, а также на анализе прокламаций и листовок различных эмигрантских организаций. Указанные материалы в дальнейшем использовались отечественными органами госбезопасности в качестве ориентировочного материала в ходе противодействия деятельности белоэмигрантских центров и организации агентурно-оперативных мероприятий.

Так, в сообщении Полномочного представительства ОГПУ на Дальнем Востоке о состоянии дел в среде русской эмиграции указывалось, что из Харбина были получены образцы прокламаций, которые «харбинские фашисты» распространяли в советских пределах. Данные прокламации были направлены в Москву для ознакомления и изучения. В 1920–1930 гг. различного рода антисоветскую литературу также изымали из прибывших со стороны Маньчжурии воздушных шаров, детских змеев, прибитых к советскому берегу бутылок, пучков соломы, закупленных в Японии рыболовных катеров, с улиц советских городов, из закопанных тайников и т. д.³¹⁰

Начавшаяся в 1930-х гг. японская экспансия в Китае оказала существенное воздействие на деятельность русской эмиграции. Японское руководство, стремившееся использо-

вать данный ресурс для решения собственных задач на Дальнем Востоке, которые далеко не всегда совпадали с задачами белого движения, стимулировало дальнейшую потерю русской военной эмиграцией самостоятельной роли в борьбе с СССР.

Сообщения органов ОГПУ 1930-х гг. свидетельствуют об ориентации ряда представителей русской эмиграции в Китае на выполнение задач японских военно-политических кругов.

Следует также отметить, что отдельные сообщения органов госбезопасности данного периода помимо характеристик положения дел в среде русской эмиграции в Китае содержали также прогнозную составляющую – оценку вероятности развития тех или иных событий.

Таким образом, анализ сообщений органов ОГПУ при СНК СССР о положении дел в среде русской эмиграции в Китае в 1920–1930 гг. свидетельствует о том, что информационная работа отечественной спецслужбы, несмотря на имевшие место трудности объективного и субъективного характера, достигла такого уровня развития, которое позволяло им успешно выполнять возложенные руководством страны и ВКП(б) задачи и обеспечивать безопасность СССР на Дальнем Востоке от посягательств со стороны спецслужб иностранных государств и подконтрольных им белоэмигрантских организаций.

При этом, несмотря на свою внешнюю содержательность сообщения органов ОГПУ не всегда отличались глубиной и всесторонностью анализа и оценки, которые объективно необходимы для полноценного прогноза развития событий.

Добываемая отечественными органами госбезопасности информация о деятельности русской эмиграции на Дальнем Востоке носила в целом объективный характер и влияла на принимаемые руководством страны и ВКП(б) решения в области внешней политики, в т. ч. направленных на улучшение положения в сфере обороноспособности. При этом данные об антисоветских устремлениях в среде русской эмиграции в Китае и взаимодействии ряда ее представителей с японской военной разведкой способствовали также и усилению карательной направленности во внутренней политике страны.

А.Г. Марутин
г. Санкт-Петербург

**И.Н. Хропов – талантливый организатор,
оперативник и педагог**

Среди руководителей ГПУ– ОГПУ в Ленинградском военном округе (ЛВО) было немало достойных людей, профессионалов своего дела. В этом материале речь пойдет о заслуженном чекисте, который всю жизнь прослужил в органах безопасности Ленинграда – Иване Николаевиче Хропове.

И.Н. Хропов родился в 1898 г. в деревне Сяминская Волкославинской волости Кирилловского уезда Новгородской губернии. Деревня включала 30 дворов с населением 130 жителей³¹¹.

Родителями Ивана Николаевича были простые крестьяне, но, тем не менее, им удалось дать сыну образование – он закончил городское мужское училище. Учеба И. Н. Хропова, ее окончание пришлось на Первую мировую войну и революцию. Еще учась в школе, Иван принял непосредственное участие в революционных преобразованиях в своем родном крае. В это время в Кирилловском уезде, как и по всей стране, шло формирование органов местной власти. Их кадровую основу составляли партийные ячейки РКП(б). До революции в Волкославинской волости действовала подпольная ячейка РКП(б), она состояла из преподавателей местной школы и учащейся молодежи. Здесь по представлению старого большевика А. Золотова И. Хропова приняли в партию. Весной 1918 г. на базе местной партийной ячейки стал формироваться местный Совет, в работе которого Иван Николаевич принимает активное участие – руководит отделом народного образования и одновременно возглавляет волостную партийную ячейку.

Революционные преобразования породили хаос и анархию, положение в губернии, как и во всей стране, было крайне тяжелым. В лесах, в мелких уездных городах, в самом уездном центре Кириллове скапливались банды.

В такой непростой обстановке проходила мобилизация местных коммунистов, которых направляли на фронты Гражданской войны. В декабре 1918 г. Ивана Николаевича по путевке комсомола направляют в распоряжение политотдела 7-й армии, части которой вели бои на Мурманском направлении.

В марте 1918 г. в Мурманске высадился десант английских морских пехотинцев в количестве 176 чел., что стало началом интервенции. Мурманский порт и Мурманская железная дорога были построены в 1916 г. для поставок России военного снаряжения и материалов из стран Антанты. Мурманск стал базой для союзного десанта. Используя Мурманский порт как базу, интервенты и белогвардейцы в марте 1919 г. предприняли наступление на населенный пункт Урусозеро, где столкнулись с упорной и, что важно подчеркнуть, грамотно организованной обороной Урусозерского полка, в котором служил И. Н. Хропов. Ожесточенные бои продолжались все лето, в течение которого, используя техническое превосходство, войскам интервентов и белогвардейцев удалось продвинуться до Петрозаводска. На этом их успехи закончились. Фронт в Карелии стабилизировался, но возникла угроза непосредственно Петрограду со стороны Северо-Западной армии под командованием генерала от инфантерии Н.Н. Юденича.

Осенью 1919 г. войска под командованием Юденича начали наступление на Петроград. 28 сентября 2-й армейский корпус белых прорвал фронт левого крыла 7-й армии и 4 октября занял станцию Струги Белые. 12 октября в наступление на петроградском направлении перешёл 1-й армейский корпус Северо-Западной армии. 12 октября войска Северо-Западной армии овладели Ямбургом, 13 октября – Лугой, 17 октября – Гатчиной, 20 октября – Павловском и Детским Селом. К 20 октября белые вышли на рубеж западнее населенных пунктов Серая Лошадь,

Ропша, Детское Село, Вырица, Батецкая и создали непосредственную угрозу Петрограду. Однако, сосредоточив максимум сил на петроградском направлении, белые не смогли перерезать Николаевскую железную дорогу, чем и воспользовалось советское командование, собрав мощную группировку на фланге Северо-Западной армии в районе станции Тосно. В состав сформированной ударной группировки были направлены наиболее подготовленные политработники, в том числе и Хропов. Иван Николаевич получает назначение начальником политотдела стрелковой 19-й дивизии, входившей в состав 7-й армии. На Хропова и его товарищей ложится напряженная работа по разъяснению личному составу армии той опасности, которая исходила от противника для Петрограда.

Анализ проведения оборонительных и наступательных операций войсками фронта обозначил для политического руководства страны важность разведывательного и контрразведывательного сопровождения любой военной операции. Задача по контрразведывательному обеспечению Красной армии возлагалась на особые отделы армии и флота. Особые отделы требовалось укрепить грамотными, имеющими боевой опыт партийными кадрами. Кандидатура Ивана Хропова подходила как нельзя лучше. К началу 1920 г. он приобрел боевой опыт, получил необходимые навыки политического руководителя крупного войскового соединения: в качестве заместителя начальника политотдела 55-й стрелковой дивизии, затем начальника политотдела 19-й стрелковой дивизии 7-й армии.

В начале 1920 г. И.Н. Хропова переводят на новое направление работы, ранее ему не известное, – инспектором-организатором Особого отдела ВЧК 7-й армии.

После заключения мира с Эстонией штаб 7-й армии был расформирован, и Хропов получает новое назначение в Мурманск, где ему предстоит организовать работу Мурманского отделения ВЧК и пограничного отделения на советско-финляндском участке границы.

Прибыв в Мурманск, в течение короткого срока Хропов приступил к организации работы местной ЧК в населенных пунктах – Александровске, Коле, Умбе. Принималось во внимание все: и социально-экономические характеристики города/села, и его транспортно-географическое положение, и количество школ, фельдшерских пунктов, церквей, молельных домов, располагавшихся в округе. С учетом этих факторов планировались мероприятия по выявлению и ликвидации бандитского подполья на территории Мурманского округа.

В Мурманске располагались коммерческие учреждения, была крупная портовая инфраструктура, сам город и деревни округа были переполнены эвакуированными. С целью ликвидации бандитского подполья Хропов организует регулярные облавы, проверки. Чекисты под его руководством помогают формированию воинских подразделений для охраны границы. Они организуют снабжение пограничников обмундированием и боеприпасами, пресекают злоупотребления хозяйственников.

Мурманский период деятельности Хропова был хорошо известен старому большевику А. Золотову, с которым чекист состоял в переписке до своей кончины. Впоследствии в серии очерков «Рождение волостных партячек» Золотов вспоминал: «Ивану Николаевичу Хропову было тогда около двадцати трех лет. Всегда подтянутый, аккуратный, в куртке и гимнастерке цвета хаки, высоких сапогах, он держался спокойно, уверенно и просто. Про Хропова говорили, что у него есть какое-то особенное чутье – умение разбираться в людях, выявлять их способности и привлекать к работе наиболее энергичных и сведущих»³¹².

Но главной чертой Хропова, как отмечали многие, была ответственность за порученное дело. В наиболее опасных операциях он всегда принимал личное участие. Так было и в поселках Летнеконецк и Тунгудск, куда он выезжал во главе отряда чекистов для ликвидации бандформирований, состоявших из бывших белогвардейцев.

Для вскрытия оставшегося от белогвардейцев бандподполья в села округа направлялись оперативные группы чекистов. Они выясняли обстановку, принимали меры по наведению порядка на местах. По их данным составлялись ежедневные сводки, на основании которых Хропов проводил анализ оперативной обстановки.

К тому времени мурманские чекисты располагали сведениями о готовящихся провокационных выступлениях, известны были имена некоторых главарей. С учетом этих данных Иван Николаевич распределял силы, включая в каждую самостоятельную часть оперработников, знавших обстановку в конкретных селах, где предстояло действовать. Командирам оперативных групп было предложено опираться на местный актив – коммунистов и сочувствующих.

В результате операций, проведенных под руководством Хропова, были ликвидированы контрреволюционные очаги на территории Мурманского округа. Все это способствовало стабилизации обстановки на севере страны.

В начале 1924 г. произошло объединение службы оперативной охраны границ, осуществляемой пограничными особыми отделениями и постами ОГПУ, с войсковой или сторожевой охраной, которая состояла из отдельных рот, эскадронов войск ОГПУ. Тогда же были созданы первые пограничные отряды, комендатуры, заставы.

В 1924 г. И.Н. Хропова назначают начальником ГПУ и погранохраны Карельской АССР. Условия охраны границы в Карелии имели свои особенности: провокации на границе следовали одна за другой. Так, например, 23 сентября 1923 г. произошло убийство членов советской делегации А. Лаврова и Н. Лежнева в советско-финляндском пограничном комитете.

В это время на территории Финляндии действовали вооруженные эмигрантские организации, получавшие финансирование от английских и финских специальных служб.

Наиболее крупными среди них были «Карельское академическое общество» и «Олонецкое временное управление», осуществлявшие заброс диверсантов на территорию Карелии, где сосредотачивались отряды, составленные из бежавших в Финляндию карелов и финнов, вынашивавшие планы присоединить часть Карелии к Финляндии. Во главе отрядов стояли финские егеря. Их вполне обоснованно считали бандитами, а их действия – бандитизмом.

С учетом обстановки для борьбы с бандитизмом в республике необходимо было скоординировать деятельность пограничной охраны и контрразведки. Именно здесь наиболее ярко проявился талант организатора и оперативника И.Н. Хропова. Он часто приезжал на границу в комендатуры и на заставы, хорошо знал оперативную обстановку на всех участках границы. Его соратниками в деле организации охраны границы были М.Я. Состе, А.П. Чечин, П.В. Горощин, А.И. Иозеп и В.А. Малянтович. Благодаря им удалось рационально определить места расположения комендатур и застав, наладить связь, создать транспортную роту, осуществляющую обеспечение застав всем необходимым.

Активная наступательная позиция И.Н. Хропова позволила провести ряд успешных чекистских операций, например, Поросозерскую и Ребольскую, в ходе которых были ликвидированы такие опасные главари бандподполья, как С. Сивен, Т. Токкинен и П. Кюттоев.

1 января 1924 г. произошло важное событие, которое затем определило судьбу Ивана Николаевича – в Петрограде открылись Высшие пограничные курсы ГПУ. Для чтения специальных и пограничных дисциплин привлекались действующие сотрудники, без отрыва от основной служебной деятельности. Здесь Иван Николаевич получил свой первый педагогический опыт.

По воспоминаниям генерал-лейтенанта П. Орлова, слушателя первого выпуска курсов, пограничные дисциплины

вели А.Н. Лесков и И.Н. Хропов: «Хропов отличался кипучей деятельностью, заражал своей энергией всех окружающих. Опытный чекист, он всегда работал с предельной нагрузкой. Это имело отражение и в педагогической деятельности. Слушатели и курсанты любили его лекции. В них он передавал свой личный опыт оперативной и административной работы в органах безопасности, рассказывал о борьбе со шпионажем, контрабандой, схватках с нарушителями границы. Это делало его занятия интересными и запоминающимися»³¹³.

7 июня 1927 г. в Ленинграде группой белоэмигрантов в здании Центрального дискуссионного клуба (ЦДК) был осуществлен террористический акт, направленный против партийного актива города на Неве³¹⁴. 8 июня из Ленинграда в Финляндию ушло трое участников взрыва: В. Ларионов, С. Соловьев, Д. Мономахов³¹⁵.

В 21.10 ответственному дежурному по ПП ОГПУ в ЛВО позвонил один из участников совещания в ЦДК и сообщил о террористическом акте. Немедленно по указанию руководства полномочного представительства отдается распоряжение о перекрытии границы³¹⁶. В рапорте начальника ГПУ Автономной Карельской ССР И.Н. Хропова заместителю начальника ОКРО ПП ОГПУ в ЛВО В. Р. Домбровскому указывалось, что в зоне ответственности погранохраны округа происходила заброска террористических групп из Финляндии. 21 августа в районе села Шуя недалеко от Петрозаводска двумя неизвестными был убит лесник-объездчик Ведешкин. 22 августа были задержаны двое неизвестных, ими оказались члены террористической группы Ларионова – А.Б. Балмасов и А.А. Сольский³¹⁷ Именно благодаря его умелому руководству и слаженным действиям его подчинённых, в районе Онежского озера были обнаружены две группы террористов, заброшенных с территории Финляндии.

Богатый оперативный, командный и приобретенный педагогический опыт стал тем весомым аргументом, на основе которого руководство НКВД СССР приняло решение о назначении Ивана Николаевича осенью 1937 г. первым руководителем нового учебного учреждения – Второй Ленинградской школы НКВД СССР. Перед педагогическим коллективом вновь созданного учебного учреждения была поставлена задача – готовить специалистов наружного наблюдения оперативно-поисковых подразделений.

Под руководством И.Н. Хропова был сформирован педагогический коллектив единомышленников, которым он руководил вплоть до ухода на заслуженный отдых в 1952 г.

За честную и многолетнюю службу Иван Николаевич был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, медалью «За оборону Ленинграда», почетным знаком «ВЧК–ОГПУ», а также наградным оружием и золотыми часами.

В.А. Западный
г. Москва

В контрразведывательной операция «Трест»

С завершением Гражданской войны в Советской России осуществлялся постепенный переход от чрезвычайных мер борьбы спецслужб с контрреволюцией к противодействию антисоветских организаций в условиях мирного строительства. В связи с этим 6 февраля 1922 г. ВЦИК принял постановление об упразднении ВЧК и образовании ГПУ, преобразованного 2 ноября 1923 г. в ОГПУ.

К этому времени относится начало контрразведывательной операции ВЧК–ГПУ–ОГПУ под названием «Трест», проходившей в 1921–1927 гг.³¹⁸

Историк спецслужб генерал-лейтенант в отставке А.А. Зданович отметил, что «... после завершения активной фазы Гражданской войны за границей собралась русская военная эмиграция, очень значительная по численности и агрессивно настроенная. Парирование ... угроз стало основной задачей для органов ВЧК. Поэтому чекисты стали проводить такие операции, как „Трест“». Зданович особо подчеркнул, что данная акция «предотвратила очередное массовое кровопролитие в России»³¹⁹.

Начиная контрразведывательную игру, чекисты ставили перед собой следующие задачи: привлечь в организацию как можно больше сочувствующих Белому движению внутри страны и тем самым поставить их под контроль, установить связь с эмигрантскими центрами за рубежом и попытаться разложить их, выйти на контакт с иностранными разведками и выявить их агентуру.

В ходе её проведения была создана псевдоорганизация антибольшевистского подполья «Монархическое объединение Центральной России» («МОЦР») с целью выявления и нейтрализации сочувствующих Белому движению внутри

страны, агентуры иностранных разведок, установления связи с эмигрантскими центрами за рубежом и их разложения.

Руководителями МОЦР были объявлены бывшие генералы Русской императорской армии А.М. Зайончковский и Н.М. Потапов. В действительности они сотрудничали с советскими органами безопасности. К операции был привлечен и высокопоставленный чиновник Наркомата внешней торговли А.А. Якушев, который был арестован ВЧК за контакты с представителями Белого движения и согласился на участие в «игре» против заграничных антибольшевистских организаций³²⁰.

Для достижения поставленной руководством органов госбезопасности цели было создано «окно» на участке пограничного поста (с 1924 г. – застава) Сестрорецкого пограничного отряда, начальником которого являлся Т. Вяхя.

Именно здесь, через пограничную с Финляндией реку Сестра, в Советскую Россию и обратно регулярно переправлялись видные представители белой эмиграции, которые ни разу не заподозрили, что все их перемещения через границу подконтрольны советской спецслужбе.

Н.М. Потапов, выступая в качестве «военного руководителя» МОЦР, систематически дезинформировал руководителей Русского общевоинского союза (РОВС) относительно антисоветских настроений в верхушке РККА.

Неоднократно Т. Вяхя переправляя эмиссаров зарубежных разведок и антисоветских организаций через контролируемое «окно», являлся в их глазах «купленным», завербованным предателем. Несомненно, роль изменника претит Тойво. Однако он понимал, что борьба с врагами советской власти требует личной жертвы. И ради победы над ними он должен смириться и выполнять задание руководства ГПУ–ОГПУ.

В сентябре 1923 г. с паспортами на имя супругов Шульц в России в течение двух недель находились эмиссары РОВС

М.В. Захарченко и Г.Н. Радкевич. В задачу Шульц (сменивших в Москве фамилию на Красноштановых) входила проверка монархической организации «Трест» и установление контактов с засылаемыми в Россию боевиками РОВС. В сообщениях его председателю А.П. Кутепову они сообщили, что «впечатления от этой группы лиц (людей «Треста») самое благоприятное: чувствуется большая спайка, сила и уверенность в себе. Несомненно, что у них большие возможности, связь с иностранцами, смелость в работе и умение держаться»³²¹. Предоставленная чекистами информация об источниках финансирования организации также не вызвала у эмиссаров какого-либо подозрения. В дальнейшем М.В. Захарченко при помощи Т. Вяжя неоднократно переходила границу через организованное чекистами «окно» и являлась ярой сторонницей сотрудничества РОВС и МОЦР.

Зимой – летом 1925 г. под контролем ОГПУ шла переписка А.А. Якушева, М.В. Захарченко с британским разведчиком С. Рейли о важности его приезда в Россию для координации дальнейших действий против СССР. Операция по его захвату была осуществлена через «окно», контролируемое Т. Вяжя. Поздним вечером 25 сентября 1925 г. в условленном месте С. Рейли перешел через границу и был встречен начальником заставы.

В своих воспоминаниях «В чекистской операции „Трест“» И.М. Петров пишет: «...помню, я нёс Рейли на спине через холодную пограничную речку, весь вымок и продрог. В тамбуре вагона передал гостя двум чекистам, якобы агентам подполья, и лишь через несколько дней узнал, какую птицу за хвост схватил... Понятно, ничего не оставалось делать, как слух пустить, что меня, как предателя, расстреляли. Это было важно для той стороны. Мне выдали новые служебные и партийные документы на имя Ивана Михайловича Петрова, и «выплыл» я с ними в бухте Дюрсо на Черном море в качестве начальника заставы»³²².

Т. Вякя препроводил «гостя» на станцию Парголово и посадил на поезд, идущий в Ленинград.

Поздним вечером 28 сентября 1925 г. рядом с приграничным селением Ванха Алакюля завязалась перестрелка. Встревоженных местных жителей поспешили успокоить – ничего серьезного, просто парочка контрабандистов пыталась уйти через Сестру в Суоми, но бдительные пограничники пресекли эту попытку, убив одного и задержав другого.

Звуки перестрелки были слышны отчетливо как на территории СССР, так и на финской стороне. Там знали, что двое прорывающихся за кордон никакие не контрабандисты: первый – это британский подданный, нелегально прибывший в страну Советов, второй – коррумпированный советский пограничник, исполнявший функции проводника через границу.

За границей через «своих» доверенных лиц в советском приграничье вскоре узнали, что англичанин был убит, а командир-пограничник арестован, допрошен и расстрелян.

В действительности С. Рейли был доставлен в Москву и помещен в одиночную камеру на Лубянке. Руководством ОГПУ было принято решение о ликвидации С. Рейли. Полномочный представитель ОГПУ в Ленинградском военном округе С.А. Мессинг заявил: «Выпускать Рейли обратно нельзя. Он осужден, возмездие должно свершиться. Но о том, что Рейли в наших руках, за границей не должны узнать. Поэтому нужно разыграть сцену убийства Рейли нашими пограничниками вблизи границы. ... Узнав об этом, Интеллидженс Сервис посчитает, что все известные Рейли секреты и планы наших врагов ушли с ним в могилу. Таким образом, „Трест” будет продолжать свою деятельность»³²³.

Так фактически закончился один из ключевых этапов многоходовой операции «Трест», основной целью которой являлась поимка британского шпиона С. Рейли, заочно приговоренного к расстрелу еще в 1918 г. Последние оператив-

ные мероприятия по реализации намеченных в рамках данной контрразведывательной операции ОГПУ завершились в 1927 г.

Успех операции «Трест» во многом стал возможен благодаря разработанной легенде о том, что Т. Вякя – «изменник» и «предатель», впоследствии расстрелянный (мнимо) после разоблачения и ареста.

Одновременно руководством ОГПУ Т. Вякя в приказном порядке было предложено сменить имя и фамилию. В первых числах октября 1925 г. он был приглашен в кабинет начальника КРО СОУ ОГПУ А.Х. Артузова. Разговор проходил без лишних свидетелей и сводился к следующему: «...Какую фамилию вы хотели бы носить? – Мне все равно. Моего отца звали Юкка, сын Микко. Иван Михайлович по-русски. – Очень хорошо. Иван Михайлович... Петров – подойдет? – Вполне...»³²⁴. В одном из интервью И.М. Петров с горечью признавался: «Когда Тойво Вякя исчез, я остался совсем один. Кроме того, я просто не мог сходить с людьми, потому что надо было рассказывать о себе. А что мог рассказать Иван Петров, родившийся сразу 25-летним парнем?».

В 1926 г. приказом РВС СССР № 11 «за успешное выполнение задания» начальник заставы Сестрорецкого пограничного отряда И.М. Петров был награжден орденом Красного Знамени.

В 1928 г. И.М. Петров окончил Высшую пограничную школу и был направлен на Дальний Восток, где до марта 1933 г. служил в должностях уполномоченного пограничной комендатуры, помощника коменданта по оперативно-секретной части и коменданта участка 54-го пограничного отряда ОГПУ Дальневосточного края (ДВК). В дальнейшем он исполнял должность инспектора Управления войск ОГПУ ДВК.

В марте 1934 г. последовал его перевод на западную границу. В течение года он служил начальником Отдельной Ветринской пограничной комендатуры 15-го пограничного

отряда ОГПУ БССР, с мая до сентября 1935 г. являлся инструктором 1-го отдела Управления пограничной и внутренней охраны НКВД БССР, позднее – комендантом 22-й отдельной Ветринской пограничной комендатуры войск НКВД Белорусского округа. В 1937 г. И.М. Петров был уволен в запас, а всего через полгода последовал его арест органами НКВД как врага народа. Почти год он ожидал расстрела в одиночной камере, однако был оправдан за недоказанностью обвинения.

В начале Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Петров был вновь призван на военную службу и участвовал в боевых действиях в должностях командира отдельного лыжного полка, с 1940 г. он – командир 126-го стрелкового полка.

В 1941 г. И.М. Петров окончил Высшие стрелково-тактические курсы усовершенствования офицерского состава пехоты «Выстрел» и назначен на должность командира 143-го запасного армейского стрелкового полка.

С первых дней Великой Отечественной войны И.М. Петров участвовал в боевых действиях на фронте, в боях под Старой Руссой был тяжело ранен и контужен. По излечении он был назначен заместителем начальника Уральского пехотного училища (г. Бузулук), а затем – заместителем начальника по учебно-строевой части и начальником учебного отдела Златоустовского пулеметного училища. В 1943 г. И.М. Петрову было присвоено воинское звание полковник.

С 1946 г. полковник И.М. Петров в отставке. В первые послевоенные годы жил на Украине, в г. Чуднове, руководил различными предприятиями. Через некоторое время переехал в Калининград, а затем в Петрозаводск, где занялся литературной деятельностью. Среди его произведений – книги-воспоминания «Красные финны» (Петрозаводск, 1973 г.), «Мои границы» (Петрозаводск, 1981 г.), «Конь и всадник: из записок пограничника» (журнал «Север», 1983 г., № 12), «В чекистской операции "Трест"» (Петрозаводск, 1986 г.),

«Трудные роды» (повесть, Север, 1987, № 11). Воспоминания об известном пограничнике оставила его жена – М.С. Петрова³²⁵.

Среди государственных и ведомственных наград И.М. Петрова – ордена Ленина и Октябрьской Революции, три ордена Красного Знамени, ордена Дружбы народов и Красной Звезды, медали, нагрудный знак «Почетный чекист». Он – член Союза писателей СССР, лауреат Государственной премии Карельской АССР (1979 г.).

30 августа 1964 г. в газете «Калининградский комсомолец» вышла статья под заголовком «Человек из легенды», в которой раскрывались подробности биографии И. М. Петрова, его «двойной» жизни.

С появлением романа-хроники Л.В. Никулина «Мертвая зыбь» (1965 г.), а затем и телевизионного фильма С.Н. Колосова «Операция „Трест“», слились воедино две половины жизни чекиста и солдата, подлинное его имя и псевдоним. С тех пор так и стояли они вместе над всеми его документами и произведениями: И. М. Петров и в скобках – Тойво Вякя.

Умер Тойво Вякя (И.М. Петров) в июне 1984 г., похоронен на Сулажгорском кладбище г. Петрозаводска.

Приказом КГБ СССР № 560 от 18 сентября 1986 г. имя И.М. Петрова (Тойво Вякя) присвоено 8-й пограничной заставе 1-го пограничного отряда (г. Сортавала).

Н.С. Кирмель
г. Москва

Борьба советской контрразведки с германской разведкой в межвоенный период (1920–1941 гг.)

В мае 1922 г. впервые в органах государственной безопасности Советской России было создано самостоятельное контрразведывательное подразделение – Контрразведывательный отдел (КРО) Секретно-оперативного управления ГПУ при НКВД РСФСР. На него возлагалась задача по борьбе со шпионажем, контрреволюцией, заговорами, контрабандой и незаконным переходом границ³²⁶. Приказом Управления делами ГПУ № 102 от 7 июля 1922 г. вводилась структура и штаты КРО³²⁷. Начальником контрразведывательного отдела был назначен А.Х. Артузов, а его заместителями – Р.А. Пилляр и В.В. Ульрих³²⁸.

Для контрразведывательных подразделений как в центре, так и на местах первоочередной задачей являлось разложение белоэмигрантских организаций и пресечение их связей с враждебными силами в различных регионах страны, противодействие разведслужбам Великобритании, Франции, Польши и других европейских стран. Борьба же с немецкой разведкой в начале 1920-х гг. не являлась приоритетной для молодой контрразведки Советской России. Все дело в том, что потерпевшая поражение в Первой мировой войне Германия не представляла серьезной угрозы для нашей страны, т.к. по условиям Версальского договора на нее накладывались ограничения по численности сухопутных войск и флота, ей запрещалось развивать авиационные и танковые части, иметь Генеральный штаб и разведывательные органы.

Испытанное унижение породило у немцев желание взять реванш, в том числе восстановить военную разведку. Благо-

даря усилиям нескольких офицеров 23 марта 1921 г. был образован абвер (нем. «оборона, контрразведка»), как орган военной разведки и контрразведки Веймарской республики³²⁹. Его возглавил майор Ф. Гемпп. Штат центрального аппарата первоначально состоял из 2–3 старших, 4–7 младших офицеров и нескольких лиц гражданского персонала. Со временем численность абвера увеличилась до нескольких десятков человек³³⁰. Первое время он занимался только контрразведкой, но позднее к его обязанностям прибавилась разведка, были сформированы периферийные органы разведки. Забегая вперед отметим, что до 1938 г. абвер официально значился отделом контрразведки военного министерства, после упразднения последнего был реорганизован в Управление разведки и контрразведки верховного командования вооруженных сил (ОКВ) фашистской Германии³³¹.

Чтобы обойти ограничения Версальского мира и восстановить свой военный потенциал, Германия вынужденно пошла на сближение с СССР, который также находился в изоляции и нуждался в союзниках. Благодаря сотрудничеству с Советским Союзом Веймарская Республика получала возможность проводить на территории союзника учения рейхсвера с боевой техникой, испытать новые образцы вооружения и получить новый опыт от Красной армии. СССР получал доступ к новейшим военным и промышленным технологиям.

Контакты в военной и военно-промышленной сфере открывали возможности для легальной разведки – интересующую немецкую сторону информацию можно было получить из открытых официальных источников и в непосредственном контакте с советскими военнослужащими. В гражданской индустрии также было много немецких специалистов. Все они выезжали в Германию и могли давать там самые подробные сведения. Уже 30 ноября 1924 г. появилось специальное циркулярное письмо начальника КРО ОГПУ А. Х. Артузова «По германской разведке». В нем упоминалось, что в СССР

отмечается большой наплыв немецких коммерсантов-концессионеров, промышленников, создающих предприятия и общества, под прикрытием которых ведется разведывательная деятельность. «Нами установлено, - отмечается в письме, - что личный состав этих предприятий подбирается в большинстве своем из бывших офицеров германской армии и, отчасти, из офицеров бывшего германского Генерального штаба... Во главе этих предприятий очень часто мы видим лиц, живших ранее в России, которые до и во время революции привлекались к ответственности по подозрению в шпионаже³³².

В 1928 г. органами ОГПУ было раскрыто несколько шпионских организаций и арестовано 11 сотрудников Народного комиссариата торговли, Госбанка, Мосгубторготдела, Металлоимпорта и Берлинского торгпредства. Они обвинялись в передаче немецким фирмам секретных сведений о работе вышеперечисленных организаций за денежное вознаграждение³³³.

Разведка немецкого Генштаба стремилась получить данные о структуре РККА, ее вооружении, дислокации отдельных частей, военной промышленности, а также изучить вопросы взаимодействия отдельных родов войск в боевой обстановке³³⁴.

Помимо военных и промышленных сведений, немецкая разведка важное значения придавала изучению командного состава РККА. Рейхсвер интересовали политические убеждения, образование, социальное происхождение, основные черты характера и т.д. Например, капитан К. Шпальке, служивший офицером сопровождения для прибывающих в Германию групп красных командиров, по заданию разведки с 1931 по 1933 г. составил «психологические портреты» Б.Н. Урицкого, А.И. Егорова, И.Н. Дубового, П.Е. Дыбенко, М.К. Левандовского, Е.П. Белова, В.М. Примакова и С.К. Тимошенко³³⁵.

Характерно, что первоначально обвинения красных командиров в шпионаже в пользу Германии в результате их контактов с генералами и офицерами рейхсвера отсутствуют. Обвинения в шпионаже в пользу Германии на головы советских военачальников и командиров обрушились в годы массовых репрессий.

После прихода в январе 1933 г. к власти в Германии А. Гитлера и его партии, открыто провозгласившей своей целью уничтожение коммунизма и первого в мире социалистического государства, резко возросла угроза возникновения мировой войны. И без того напряженная международная обстановка усугублялась созданием антикоммунистического военно-политического блока, известного в то время как «ось Берлин – Рим – Токио», в который вошли Германия, Япония и Италия. Откровенно антисоветский и агрессивный характер этого блока и стремление правящих кругов Англии, Франции и США направить фашистскую агрессию против СССР создали серьезную угрозу безопасности Советского государства.

Развернув антисоветскую кампанию, Германия начала подготовку войны против СССР, что вызвало активизацию ее разведывательных служб. Система шпионажа, начавшего действовать в конце 1934 г., включала следующие компоненты: разведку военного министерства; организацию немцев, живущих за границей; иностранный отдел гестапо; внешнеполитический отдел НСДАП; спецслужбу министерства иностранных дел; иностранный отдел министерства пропаганды; иностранный отдел министерства экономики; имперское колониальное управление. Все эти органы были подчинены верховному главнокомандованию³³⁶.

Но основным исполнителем планов Гитлера по подготовке нападения на СССР был абвер, который вел разведку против СССР как из Германии, так и с территории других государств – Австрии, Венгрии, Болгарии, Румынии, Турции,

Ирана, Афганистана и др. В этих странах создавались резидентуры, которые перебрасывали агентуру в Советский Союз.

Для решения задач активно использовались легальные каналы: экономическое сотрудничество, внешняя торговля, дипломатические отношения. Разнообразные секретные сведения собирали работники германских посольств и консульств, в первую очередь военные дипломаты. Секретная информация добывалась абвером в основном агентурным путем.

В сложной международной и оперативной обстановке советское руководство принимало меры для укрепления органов безопасности СССР. Постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. ОГПУ было упразднено и на его базе создано Главное управление государственной безопасности (ГУГБ), вошедшее в состав Народного комиссариата внутренних дел (НКВД). На ГУГБ возлагалась борьба с изменой родине, шпионажем, контрреволюцией, террором, вредительством, диверсией и другими государственными преступлениями, а также охрана государственных тайн. В состав нового главка вошли Иностраннный, Особый, Оперативный, Секретно-политический, Специальный, Экономический, Транспортный и Учетно-статистический отделы. Возвратившись назад отметим, что приказом ОГПУ от 10 сентября 1930 г. «О реорганизации Особых отделов органов ОГПУ» Восточный и Контрразведывательный отделы были расформированы и влиты в Особый отдел. На реорганизованный отдел и его структуры на местах были возложены задачи как контрразведывательного обеспечения частей Красной армии и флота, так и организации контрразведывательной работы в территориальных органах³³⁷.

В 1935–1936 гг. органы советской контрразведки раскрыли несколько резидентур немецкой разведки, действовавших в СССР под прикрытием посольства Германии и ее консульств.

Например, в 1935 г. чекисты обезвредили в Средней Азии руководимую германским консулом Зоммером резидентуру, занимавшуюся сбором информации о советской оборонной промышленности и готовившую диверсионные акты на некоторых военных заводах с целью вывода их из строя в случае предполагаемого нападения Германии на Советский Союз. В конце 1936 г. на Донбассе, в Запорожской и Днепропетровской областях чекисты выявили несколько резидентур под крышей германских консульств в Киеве и Харькове.

В том же году в Приморье контрразведчики пресекли работу агентов, которыми руководили германский консул во Владивостоке Кастнер и секретарь консульства Вольный.

В конце 1930-х – начале 1940-х гг. усилия советской контрразведки были направлены на пресечение деятельности разведок Германии, прибалтийских стран и Японии. Приоритетным в работе советской разведки оставалось немецкое направление.

В организации разведывательной и иной деятельности на советской территории спецслужбы Германии отводили активную роль резидентурам, действующим в составе посольств, консульств, торговых фирм, корпунктов газет и прочих учреждений.

В ответ на это советские органы госбезопасности и предприняли меры для пресечения разведывательной деятельности иностранных государств с легальных позиций. Политбюро ЦК ВКП(б) санкционировало издание 28 октября 1937 г. «Оперативного приказа НКВД СССР № 00698 об агентурно-следственной работе относительно работников посольств и консульств Германии, Японии, Италии и Польши». Чтобы лишить посольства «всей базы, условий и возможностей для организации враждебной деятельности на территории СССР», Наркомат внутренних дел приказывал чекистам «немедленно арестовывать всех советских граждан, связанных с личным составом диппредставительств и посещающих их служебные и домашние помещения».

Режим работы рекомендовался такой, чтобы обеспечить «бесперывное наблюдение» за всеми сотрудниками посольств Германии. Практически приказом ставилась задача об изоляции дипломатических представительств указанных стран³³⁸.

При подготовке к нападению на Советский Союз фашистская Германия вела разведку по нескольким направлениям. Военной и отчасти политической разведкой занимался абвер. В Генеральном штабе Верховного командования сухопутных войск вермахта находился также отдел «Иностранные армии Востока», игравший важную роль в оценке получаемых из различных источников данных о Вооруженных силах СССР. Сухопутные войска вермахта располагали службой связи и радиоразведкой. Люфтваффе (ВВС) имели на вооружении самолеты-разведчики. Политическая стратегическая разведка осуществлялась VI отделом Главного управления имперской безопасности (РСХА; Reichssicherheitshauptamt, RSHA), а также разведслужбой Министерства иностранных дел («бюро Риббентропа»)³³⁹.

Главными формами их работы были шпионаж, диверсии, пропаганда и дезинформация.

Разгромив в сентябре 1939 г. Польшу, гитлеровская Германия начала активно готовиться к войне с Советским Союзом. Ее спецслужбы стали активно развивать агентурные сети, способные обеспечить Берлин достоверной и всеобъемлющей информацией о вооруженных силах и экономическом потенциале Советского Союза.

Однако подписание 23 августа 1939 г. Договора о ненападении между Советским Союзом и Германией (Пакта Молотова – Риббентропа) улучшило возможности спецслужб Германии по сбору разведывательной информации с легальных позиций – в нашу страну «с дружественными визитами» зачастили различные немецкие делегации.

Внешнеполитические отношения между Советским Союзом и Германией создавали дополнительные сложности в

советской контрразведке в пресечении разведывательной деятельности западной соседки.

Уследить за хлынувшим потоком немцев, среди которых находилось немало кадровых разведчиков, ослабленной репрессиями советской контрразведке было трудно.

После включения в состав СССР в 1939–1940 гг. территорий Западной Белоруссии, Западной Украины, Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины центр тяжести в борьбе с германской разведкой переместился на территории западных областей страны, где оставалось немало враждебных советской власти лиц, из которых германская разведка вербовала себе агентуру.

Изменение политической и оперативной обстановки в прибалтийских государствах серьезно повлияли на работу германской разведки в регионе. «После вступления русских возможности разведки претерпели коренное изменение, – свидетельствует отчет о результатах разведывательной деятельности реферата VI/C2 РСХА (внешняя СД). – Руководящие политические деятели сошли с политической сцены и связи с ними затруднились. Пути передачи информации также должны были быть изменены. Оказалось невозможным пересылать наши сведения на судах, так как корабли тщательно контролировались властями, а за членами экипажей, сходящих на берег, устанавливалось строгое наблюдение»³⁴⁰.

В июне 1940 г. в Риге, Каунасе и Таллине были выявлены нелегально работавшие рации, принадлежащие представителям германского посольства, по которым в Берлин передавалась шифрованная информация.

Серьезное противостояние советских и немецких спецслужб проходило в Москве, где под крышей германского посольства работали хорошо знавшие страну пребывания сотрудники разведки.

Лишь благодаря филигранной оперативной работе, контрразведывательному мастерству чекистов 1-го отделения 3-го (контрразведывательного) отдела, возглавляемого

В.С. Рясным, ГУГБ удалось решить сложную задачу по нейтрализации германских разведчиков.

На Василия Степановича была возложена сложная и ответственная задача: знать все, что происходит в германском посольстве. Но как это сделать? Был прорыт подземный ход в особняк военного атташе и установлены микрофоны в его кабинете. Однако этой меры для сбора информации оказалось недостаточно. Нужны агенты. Их вербовали из обслуживающего персонала, который немцы набирали из советских граждан, в том числе и немцев Поволжья. Ими то и занимался майор госбезопасности Рясной, завербовав почти весь недипломатический персонал посольства. По признанию самого Василия Степановича, таких помощников у него на связи было десятка два.

Ближайшим сотрудником майора госбезопасности В.С. Рясного был будущий Герой Советского Союза Н.И. Кузнецов, он же «Колонист». Поскольку о Николае Ивановиче написаны многочисленные научные, публицистические и литературные произведения, мы не станем пересказывать его жизненный путь, а сосредоточим внимание на его работе по «немецкой линии» в Москве в предвоенный период.

«Мне удалось занять хорошего агента в словацком посольстве с помощью известного потом нашего разведчика Кузнецова Николая – вот кто действительно герой!» – вспоминает Рясной³⁴¹.

Весной 1938 г. Н.И. Кузнецов работал в аппарате наркома внутренних дел Коми АССР М. И. Журавлёва в качестве специалиста по лесному делу. Он и порекомендовал способного парня начальнику отделения 4-го отдела ГУГБ Л. Ф. Райхману. Тот устроил «Колонисту» небольшую проверку: дал телефонную трубку нашему разведчику, который только что вернулся из Германии. Разговор с Кузнецовым шел на немецком, и когда он закончился, разведчик спросил Райхмана: «Это из Берлина звонили?». Судьба Кузнецова была решена³⁴².

Ввиду сложной оперативной обстановки центру нужен был агент, который мог приступить к работе незамедлительно. Кузнецов получил статус особо засекреченного спецагента с окладом содержания по ставке кадрового оперуполномоченного центрального аппарата.

На определенное время Н.И. Кузнецов перевоплотился в Р.В. Шмидта, поселился в гостинице «Урал» и продолжал знакомиться с иностранцами и московской интеллигенцией. Он представлялся инженером-испытателем, работающим на авиазаводе в Филях, где выпускались военные самолеты. Обрусевший немец под удобным предлогом заводил знакомства с представителями немецких делегаций. В частности, с техническим секретарем посольства Германии.

За период работы в Москве Николай Иванович выполнил и другие сложные задания. Он смог завербовать советника дипмиссии Словакии Г.-Л. Крно, работавшего на германскую разведку.

Сотрудник шведской авиакомпания Левенгаген, секретарь военного атташе Японии Сасаки, сотрудник японского посольства Такоямо, представители немецкого посольства Баумбах, Шредер, Флегель – это далеко не полный список представителей иностранных дипломатических миссий, с которыми работал «Колонист» в предвоенный период времени.

С 1938 г. по июнь 1941 г. Н. И. Кузнецов выполнил все задачи, поставленные перед ним руководством. Он остался непревзойденным специалистом по объему проведенных контрразведывательных операций высокого уровня сложности в отношении дипломатических представителей и агентов разведслужб Германии.

В предвоенные годы органы контрразведки активно пресекали разведывательную и иную подрывную деятельность спецслужб фашистской Германии, срывали их планы по сбору разведывательной информации.

В апреле 1941 г. в Риге органы контрразведки арестовали в арсенале Прибалтийского военного округа группу, имевшую связь с германскими разведслужбами. На Украине в

1939–1941 гг. были раскрыты 20 разведывательных резидентур германской разведки³⁴³.

Несмотря на то, что Германия в предвоенные годы сосредоточила на советском направлении крупные силы разведывательных служб, они не смогли представить высшему военно-политическому руководству Третьего рейха достоверные сведения о военной мощи и стратегических ресурсах Советского Союза. Нацеленные лишь на разведывательно-диверсионное обеспечение планируемого блицкрига, аналитики германской разведки допустили серьезные просчеты в общей оценке военно-промышленного потенциала своего предстоящего противника, а главное, они оценить способность народов СССР к сплоченности и консолидации для отражения внешней агрессии.

Немецкие генералы и офицеры вынуждены были признать особо трудные условия для деятельности разведки в СССР. По свидетельству бывшего сотрудника абвера П. Левверкюна: «Советская Россия еще до начала войны представляла в отношении разведки особенно трудную проблему». «Засылка в Россию агентов из Германии, – пишет он далее, – была возможна лишь в очень редких случаях. Контроль и проверка документов среди населения России как в городах, так и на транспорте проводились гораздо строже, чем в какой-либо другой европейской стране»³⁴⁴.

Немецкий генерал Э. фон Бутлар отмечал: «Особые условия, существовавшие в России, сильно мешали добыванию разведывательных данных о военном потенциале Советского Союза, и поэтому эти данные были далеко не полными. Исключительно умелая маскировка русскими всего, что относится к их армии, а также строгий контроль за иностранцами и невозможность организации широкой сети шпионажа затрудняли проверку тех немногих сведений, которые удалось собрать разведчикам...»³⁴⁵.

Таким образом, выработанная советскими органами государственной безопасности система контрразведывательных мер затрудняла, а иногда и исключала получения германскими разведывательными службами политической, военной, экономической и информации о Советском Союзе в межвоенный период.

И.Н. Верешков
г. Симферополь

**Деятельность НКВД Крымской АССР в период
проведения Керченско-Феодосийской операции
и на освобожденной территории Крыма
(декабрь 1941 г. – май 1942 г.)**

Керченско-Феодосийская операция 1941–1942 гг. является крупнейшей десантной операцией советских войск в период Великой Отечественной войны. В ней были задействованы огромные материальные ресурсы, приняли участие различные рода войск. Свой весомый вклад в организацию и проведение операции внесли и сотрудники органов безопасности.

Однако историками до недавнего времени мало внимания уделялось деятельности отечественных спецслужб в период проведения Керченско-Феодосийского десанта и действий Крымского фронта на освобожденной территории. Так, в работах, специализировавшихся на данном вопросе, упоминания об участии в операции советских органов безопасности опираются на немногочисленные архивные документы (либо выдержки из них) и отражают лишь отдельные аспекты работы военной контрразведки и чекистских групп. Например, результаты расследований особого отдела НКВД Крымского фронта, высадка разведывательных чекистских групп и оперативных групп НКВД в декабре 1941 г. Данное обстоятельство, прежде всего, связано с объективной ограниченностью открытых источников по истории советской разведки и контрразведки.

В некоторых работах³⁴⁶ сделаны поспешные выводы и эмоциональные негативные оценки о провале работы и отсутствии результатов советской разведки и контрразведки в указанный период на полуострове.

Вместе с тем, в настоящее время рассекречивается и открывается всё больше архивных документов, выходят открытые публикации о работе советских спецслужб в период Великой Отечественной войны, в том числе на территории Крыма³⁴⁷.

Рассекреченные документы НКВД Крымской АССР, как исторический источник, интересны не только описанием результатов работы контрразведчиков на территории Керченского полуострова в период с января по май 1942 г., но также раскрывают факты ужасных преступлений нацистов и их пособников, особенности оккупационного немецкого режима на Керченском полуострове в ноябре – декабре 1941 г., освещают экономическое и социальное положение в довоенный период и военной время, отражают настроение местного населения после освобождения данной территории советскими войсками.

Нужно отметить, что подготовка к проведению Керченско-Феодосийской десантной операции планировалась и проводилась органами государственной безопасности в условиях оккупации большей части полуострова.

Так, 3 декабря 1941 г. из Севастополя на быстроходном катере в район Феодосии была заброшена разведгруппа в составе чекистов П.Т. Херсонского (руководитель отряда), Д.Г. Еремеева (заместитель), Б.Д. Савельева, Н.И. Шумейко, радистов – В.Т. Серябрякова и Н.К. Лебедева. Группа благополучно высадилась в районе села Дальние Камыши и начала разведывательную работу. Чекисты, посещая город с большой опасностью для жизни, проводили разведку, сообщая добытые сведения по радиостанции в Севастополь. Страдая от голода и начавшихся холодов, группа продержалась до высадки Феодосийского десанта и соединилась с группой чекистов, находившейся в нем.

Перед высадкой десанта проводилась разведка и западного побережья Керченского пролива. Эту операцию по рас-

поряжению начальника опергруппы НКВД майора М.С. Модина возглавил сотрудник Керченского отдела НКВД П.М. Рындин, который на двухвесельной шлюпке доставил на другой берег четырех разведчиков и выбрал тайник, куда старший группы должен был доставлять информацию.

Еще до начала Керченско-Феодосийской операции НКВД Крыма было сформировано 5 оперативно-чекистских групп для работы в освобожденных городах: Керчи, Феодосии, Маяк-Салынском, Ленинском и Кировском районах Крыма. Когда десант с Таманского полуострова начал высаживаться на нескольких участках северного и восточного побережья Керченского полуострова 26 декабря 1941 г., вместе с ним на плацдармы прибыли оперативные группы НКВД. Благодаря решительным действиям чекистов удалось захватить документы городских управ и немецких комендатур этих городов.

18 января 1942 г. были созданы и направлены в сельские советы 12 оперативных групп НКВД Крыма с задачей очистки населенных пунктов от предателей и пособников фашистских оккупантов. Позже на Керченский полуостров было направлено еще 6 оперативно-чекистских групп.

С первых дней освобождением советскими войсками Керченского полуострова началась активная оперативно-розыскная работа крымских контрразведчиков. Выявлены и арестованы активные коллаборационисты из числа руководителей городских управ, полицейских, старост, агентуры нацистских спецслужб. Так, только за один день 31 января 1942 г. в 63 населенных пунктах было арестовано 89 чел., из них: старост – 32, полицейских – 4, предателей – 29, шпионов – 2, переводчиков – 5, прочих – 17.

Освободители Керченского полуострова с первых дней столкнулись с последствиями кровавых преступлений немецко-фашистских захватчиков и их пособников. С середины ноября до конца декабря 1941 г. немецко-румынскими

войсками здесь был установлен жесткий оккупационный режим: передвижение в населенных пунктах и по дорогам без разрешения местных комендатур каралось расстрелом, мирные жители регистрировались в обязательном порядке в управе и на бирже труда для отправки на принудительные работы, военнослужащие РККА арестовывались и направлялись в лагерь военнопленных, евреи проходили отдельную регистрацию.

28 ноября 1941 г. немецкой оккупационной администрацией был издан приказ № 4, согласно которому «все евреи, не взирая на возраст, должны были явиться в субботу 29 ноября 1941 года с 8 утра до 12 часов дня на Сенную площадь (базар), имея при себе пропитание на 3 дня... За невыполнение настоящего приказа публично будут расстреляны». Накануне комендатурой был распространен слух о якобы планируемом переселении евреев «гетто» на территории совхоза Мариенталь Маяк-Салынского района. На регистрацию явилось около семи тысяч стариков, женщин и детей.

Все эти мирные граждане на грузовых машинах группами по 30–50 чел. были вывезены к противотанковым рвам возле поселка Багерово и расстреляны. Активное участие в этом чудовищном преступлении принимали предатели-полицейские из числа местных жителей.

Сотрудниками НКВД Крымской АССР установлено, что организаторами и исполнителями этого чудовищного преступления были сотрудники карательного отряда Гауфман, Грин, Шульц и Фельдман. Последний был уроженцем России, в 1930-х гг. выехал в Германию и работал переводчиком. В айнзацкоманде СД он занимался «еврейским вопросом» и проводил расстрелы евреев в Багеровском рву.

В начале 1942 г. сотрудниками госбезопасности произведены аресты и уголовное расследование преступлений активных коллаборационистов: городского головы города Керчи Токарева, его заместителя Петрова, заведующего торговым

отделом городской управы Бамбухчианца, секретаря городской управы Михайлова, бургомистра города Феодосии Грузинова и городского головы Андржеевского. Большинство из них осуждено Военным трибуналом к высшей мере наказания.

Всего в период с 1 января по 10 мая 1942 г. НКВД Крымской АССР арестовано 1377 чел., из которых по обвинению в: измене Родины – 847, распространении антисоветской и фашисткой агитации – 475, дезертирстве – 23, шпионаже и диверсии – 13, вредительстве и саботаже – 2, бандитизме – 2, терроризме – 1 и других преступлениях.

По состоянию на июнь 1942 г. Военным трибуналом осуждено к высшей мере наказания 541 чел., в том числе 46 расстрелянных с санкции военного прокурора во внесудебном порядке 17 января 1942 г. во время оставления советскими войсками Феодосии.

Насколько соотносимы столь суровые приговоры с содеянным, демонстрируют некоторые примеры выявленных сотрудниками НКВД Крыма преступлений пособников нацистов:

- группа предателей партизан Лукьяненко, Самарин и Федорченко, дезертировавшие из Маяк-Салынского отряда, выдали места расположения партизанских групп, складов с продовольствием и боеприпасами за вознаграждение в 10 марок и 30 килограмм муки;

- дезертиры красноармейцы Пономаренко, Петренко и Шурин перешли на службу к немцам, 28 декабря 1942 г. выдали место высадки советского десанта на Азовском море, участвовали в его окружении и пленении;

- отбывавшие наказание за уголовные преступления Ракитина и Багина были досрочно освобождены немцами и выдали им скрывавшихся в Булганакских каменоломнях 5 партизан и 3 семьи евреев, которых расстреляли каратели.

В результате проведения контрразведывательных мероприятий сотрудниками НКВД Крыма было установлено, что

немецкими спецслужбами планировалось открытие в Керчи разведшколы для подготовки и отправки в тыл советских войск группы женщин из числа местных жительниц.

Активную работу на полуострове осуществляла немецкая морская разведка «НБО» («Нахрихтенбеобахтер»). В состав керченского подразделения «НБО» входили 5 чел., в том числе трое белогвардейцев-эмигрантов.

В январе 1942 г. из НКВД СССР крымскими контрразведчиками была получена ориентировка о радиоперехвате сообщения немецкого резидента «Сихр» о наличии в районе мыса Херсонес в Севастополе секретного подводного шумопеленгатора. В результате розыскных и следственных мероприятий сотрудниками НКВД Крыма разоблачены завербованные «НБО» служащие керченской конторы связи и кабельной базы Наркомсвязи Васютинский, Константинов, Мартынов, Омеляненко, Колесников и другие. Они передали германской морской разведке секретную документацию о расположении подводных каналов связи Черноморского флота в Черном и Азовском морях, а также способствовали перехвату шифрованных сообщений на линии Севастополь-Новороссийск.

Также выявлен бывший советский разведчик Белозерец, перевербованный «НБО» и предавший свою группу, члены которой были расстреляны немцами. Немецкая разведка перебросила его в Краснодарский край, однако Белозерец был арестован крымскими контрразведчиками и по приговору Военного трибунала расстрелян.

Помимо вышеуказанной работы сотрудниками НКВД Крыма организовано сопровождение восстановительных и оборонительных работ на Керченском полуострове, проведены масштабные специальные операции и эвакуационные мероприятия, обеспечена безопасность тыла советских войск.

Так, после освобождения Керченского полуострова военной администрацией под контролем органов безопасности в

кратчайшие сроки организовано восстановление местными жителями предприятий промышленного, сельскохозяйственного и пищевого производства, обеспечивавших нужды фронта и гражданского населения.

В целях обеспечения безопасности тыла действующей армии на Керченском полуострове НКВД Крыма в условиях военного положения совместно с командованием РККА и сотрудниками военной контрразведки проведены массовые специальные операции: в январе 1942 г. переселены с линии фронта вглубь полуострова жители 13 деревень более 3000 чел.), высланы с полуострова 438 советских граждан – итальянцев по национальности; в апреле того же года выдворены за рубеж 209 иностранных граждан – турок и греков, а также произведена высылка в административном порядке 2157 чел., так называемого «антисоветского элемента».

С января по май 1942 г. контрразведчиками проведено 55 операций по розыску и задержанию диверсионно-разведывательных групп противника и дезертиров. В результате этого задержано: по подозрению в шпионаже – 78 чел., дезертиров из Красной армии – 2353 чел., уклонившихся от призыва – 862 чел., разыскиваемых лиц – 4, военнослужащих, отставших от своих частей – 10330.

В результате работы по сбору трофейного и оставленного вооружения органами государственной безопасности и милиции изъято у населения и передано армейским частям оружие и боеприпасы: 7635 винтовок советского и 1109 иностранного производства, 107 отечественных и 85 трофейных пулеметов, 42 автомата, 89 револьверов, патронов более 500 тыс. штук, гранат – 4469, противотанковых мин – 2903.

Кроме того, в период проведения Керченско-Феодосийской операции и боевых действий Крымского фронта сотрудниками государственной безопасности проводили активные контрразведывательные мероприятия в осажденном городе Севастополе и оккупированных районах и городах Крыма (Симферополь, Ялта, Бахчисарай, Белогорск, Алушта).

В первом полугодии 1942 г. выявлено несколько лиц, подозреваемых в шпионаже, предательстве, фашистской и пораженческой пропаганде, дезертирстве (дела «Казявки», «Враги», «Арийцы», «Ханы»). В рамках работы по делу «Ханы» выявлена и арестована укрывавшаяся в осажденном Севастополе группа дезертиров Красной армии, которые активно пропагандировали среди земляков националистическую и фашистскую идеологию, агитировали за переход на сторону немецкой армии. Всего арестовано по обвинению в антисоветской пропаганде 26 чел., шпионаже 3 чел., измене Родине – 1.

Из переписки заместителя наркома внутренних дел Крыма Н.Д. Смирнова со своим руководителем Г.Т. Каранадзе стало известно, что севастопольские контрразведчики оказывали помощь партизанскому движению полуострова. Так, в феврале 1942 г. осуществлена переброска морем оперативно-чекистской группы в составе 15 чел. в партизанский отряд Вергасова. Кроме того, организовано авиационное снабжение партизанских отрядов продовольствием, боеприпасами и медикаментами.

В период с января по май 1942 г. районные отделения органов безопасности в осажденных городах Севастополе и Балаклаве, а также другие местные подразделения НКВД Крымской АССР на Керченском полуострове докладывали руководству об изменениях обстановки в тылу и настроениях мирного жителей. Например, контрразведчики отмечали высокую обороноспособность, трудовые результаты и моральный дух гражданского населения полуострова (севастопольские рабочие перевыполняли производственные планы и активно участвовали в военном займе 1942 г. – подписку оформили 100% служащих и рабочих Севастополя на сумму более 16,7 млн. рублей). Вместе с тем, сотрудниками НКВД выявлялись и пресекались факты саботажа, халатности и дезинформации на предприятиях и в организациях.

Крымскими контрразведчиками активно проводилась разведывательная работа и подготовка оперативных позиций в тылу врага. В январе – феврале 1942 г. сотрудниками Ленинского райотдела НКВД Крыма и особых отделов НКВД 51-й и 44-й армий подготовлены и заброшены в тыл противника 15 чел. с заданиями разведывательного и контрразведывательного характера.

Перед отходом частей Красной армии из Керчи сотрудниками НКВД Крымской АССР подготовлено для работы в тылу противника 5 конспиративных квартир, 15 диверсионных резидентур, 18 разведчиков, 30 диверсантов-одиночек, 20 агентов и осведомителей, 3 сигнальщика. После эвакуации контрразведчиками с материка были направлены в Керчь агенты-связники.

20 мая 1942 г. крымские чекисты эвакуировали из тюрьмы и следственных изоляторов на кубанское побережье 565 заключенных и подследственных, имущество и документы НКВД Крымской АССР. В составе 9 оперативных групп сотрудники крымского органа безопасности совместно с особыми отделами Красной армии участвовали в обеспечении переправы личного состава, техники и эвакуации населения на Таманское побережье и в Новороссийск.

В числе последних полуостров оставили и сами контрразведчики. 14–16 мая 1942 г. личный состав НКВД Крымской АССР был эвакуирован в Краснодарский край. Перед оставлением Керчи был разработан и полностью реализован сотрудниками органов безопасности план вывода из строя промышленных предприятий и мастерских города, а также задачи населению и уничтожению запасов продовольствия и товаров.

К моменту эвакуации в оперативных группах НКВД Крыма числилось 202 чел. оперативного состава и 143 милиционера. При эвакуации убито, умерло от ран и пропало без вести 9 сотрудников НКВД и 15 работников милиции.

Таким образом, в период подготовки и проведения Керченско-Феодосийской операции и деятельности Крымского фронта сотрудники НКВД Крымской АССР внесли значительный вклад в розыск и привлечение к ответственности нацистских карателей и их пособников, контрразведывательное и разведывательное обеспечение боевых действий советских войск на Керченском полуострове, организацию безопасности тыла и различных сфер деятельности военных и гражданских властей освобожденных районов на востоке Крыма и в Севастополе, поддержку партизанского движения на полуострове.

И.М. Обухов
г. Москва

**Деятельность органов военной контрразведки Южного,
Северо-Кавказского и Закавказского фронтов
в оборонительный период битвы за Кавказ.
25 июля – 31 декабря 1942 г.**

Положение на фронте к середине лета 1942 г. было непростым, а по драматизму и сложности обстановки как на фронте, так и в тылу страны немногим уступало предыдущему 1941 г. Потерпев сокрушительное поражение под Харьковом и в Крыму, советское командование потеряло стратегическую инициативу и перешло к обороне на всех участках советско-германского фронта. Главной задачей для Красной армии на период летних боев 1942 г. стало выявление направлений основного удара противника и замысла проводимых им операций. Когда же стало ясно, что главной целью наступления немецких войск является разгром Красной армии на южном участке советско-германского фронта с выходом к Волге, а также нефтяным месторождениям Северного Кавказа и Прикаспия, задачи советских войск были сведены к упорной обороне занимаемых позиций на локальных ТВД силами Южного, Северо-Кавказского, а затем и Закавказского фронтов³⁴⁸.

Вследствие тяжелых поражений весной 1942 г. вплоть до контрнаступления под Сталинградом войскам Южного, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов пришлось вести затяжные и ожесточенные оборонительные бои с превосходящими силами противника, а с выходом германских танковых и моторизованных соединений в Задонские и Сальские степи и на степные просторы Краснодарского края враг создал непосредственную угрозу их прорыва в глубь Кавказа³⁴⁹

Продолжающееся отступление войск Южного, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов, зачастую отсутствие

сплошной линии фронта, значительная протяженность фронтовых коммуникаций – все это создавало условия для безнаказанного проникновения агентуры противника в боевые порядки подразделений, прифронтовую полосу и тыл обороняющихся советских войск. Перебрасываемым агентам немецкой разведки давались задания по сбору шпионских сведений об оборонительных сооружениях, наименовании, численности, дислокации и вооружении воинских частей и соединений Красной армии, о подходящих к линии фронта резервах, о наличии аэродромов, количестве и типах самолетов, движении воинских эшелонов по железным дорогам и др.³⁵⁰ Также перед ними ставилась задача вести сбор разведывательных данных путем визуального наблюдения в пути следования по заданному маршруту, подслушивать и выведывать у военнослужащих сведения, представлявшие военную тайну.

Помимо этого, диверсионно-разведывательные группы и диверсанты противника нарушали управление советскими войсками и работу органов тыла³⁵¹.

Быстрое продвижение германских войск позволило спецслужбам врага в ряде случаев собрать ценную разведывательную информацию об основных группировках советских войск и без использования агентуры. В частности, частями вермахта в ходе стремительного наступления было захвачено большое количество различных документов и материалов войсковых штабов, партийных и советских органов, шифров. Другим важным источником служили показания советских военнопленных.

Для захвата важных в стратегическом отношении военных объектов в тылу советских войск противник использовал диверсионные подразделения из 804-го полка, приданной абверу дивизии специального назначения «Бранденбург-800».

Так, во время продвижения войск вермахта в глубь территории Северного Кавказа три группы диверсантов из этой дивизии, переодетые в форму военнослужащих Красной армии,

проникли в тыл советских войск. Одна группа взорвала мост в районе Минеральных Вод, чтобы помешать отходу наших частей. Другая группа захватила мост в районе Пятигорска и удерживала его до подхода немецких танковых войск. Третья группа проникла в Майкоп и устроила на мосту пробку³⁵².

Также следует упомянуть об успешной операции, проведенной диверсионной группой брандербуржцев под командованием обер-лейтенанта А. Фёлькерзама в Майкопе. Офицер получил задание проникнуть в глубокий тыл противника и сохранить от разрушения нефтедобывающую инфраструктуру в районе Майкопа.

В последних числах июля 1942 г. диверсионной группе в количестве 62 чел. удалось просочиться через линию фронта. Ядро группы составляли русскоязычные добровольцы, прошедшие курс усиленной разведывательно-диверсионной подготовки и имевшие большой опыт проведения диверсий в тылу наших войск. Все диверсанты были одеты в форму войск НКВД.

Когда 8 августа немецкие танки приблизились к Майкопу, началась спешная подготовка к уничтожению нефтяных объектов, диверсанты разделились на полтора десятка мобильных групп. Одна захватила центральный пункт связи, откуда передала в части гарнизона приказ о срочном отступлении, несколько групп имитировали при помощи взрывов гранат артобстрел, чтобы вызвать панику, остальные разъехались по буровым и предприятиям с приказом об отмене запланированных взрывов. Вся эта авантюрная, но тщательно рассчитанная механика сработала – Майкоп был оставлен нашими войсками без серьезного сопротивления, а буровые вышки и нефтеперерабатывающая инфраструктура остались целы. Не допустить уничтожения объектов добычи и переработки нефти, создать обстановку хаоса и паники в тылу войск Северо-Кавказского фронта и способствовала быстрому продвижению германских войск в этом районе³⁵³.

Складывавшаяся обстановка обусловила и основные направления деятельности органов военной контрразведки НКВД на оборонительный период битвы за Кавказ: информирование военного командования Южного, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов; борьба со шпионажем; борьба с изменой Родине, дезертирством и распространителями панических слухов; поддержание режима секретности и сохранение военной тайны.

Информирование командования фронтов об обстановке на фронте осуществлялось особыми отделами НКВД в виде докладных записок и оперативных сводок, в которых отражались недостатки в боевых действиях и политико-моральном состоянии личного состава. При этом информация особых отделов носила предупредительный характер и помогала командованию фронтов предупреждать серьезные недостатки в войсках. На ее основе командование фронтов имело возможность делать соответствующие выводы и намечать мероприятия по пресечению преступлений. Поэтому в докладных записках подробно излагались материалы о совершенных преступлениях с указанием фамилий преступников, характере преступления, результатах расследования и принятых мерах.

Докладные записки и оперативные сводки составлялись по строго выработанным правилам. Все разведывательные данные и другие материалы, полученные органами военной контрразведки Южного, Северо-Кавказского, Закавказского фронтов в ходе операций на фронте и в тылу врага анализировались и затем докладывались военному командованию фронтов. В докладных записках и информационных сообщениях давалась оперативная информация о наиболее важных событиях на данный момент³⁵⁴.

Особые отделы фронтов представляли свои материалы командующим фронтов и членам Военсоветов практически каждый день. Готовились и сообщения непосредственно для руководства заинтересованных фронтовых структур таких,

как для начальников тыла и их штабов, командующих артиллерией, начальников управлений механизированных и бронетанковых войск, начальников разведывательных управлений штабов перечисленных фронтов и т.д.³⁵⁵

Кроме того, органы военной контрразведки Южного, Северо-Кавказского, Закавказского фронтов весьма обстоятельно информировали Военные советы этих фронтов о случаях дезертирства, проявлений трусости, нарушении законности, дискредитации органов НКВД и о других нарушениях. Как правило, командование принимало необходимые меры по информации особых отделов фронтов.

Таким образом, информация, предоставляемая органами военной контрразведки Южного, Северо-Кавказского, Закавказского фронтов военному командованию, была всеобъемлющей и давала возможность иметь четкое представление о происходящих событиях на различных участках фронтов. Причем речь шла не только о простой констатации фактов, но и о конкретных предложениях, направленных на исправление обнаруженных недостатков и упущений командованием Красной армии³⁵⁶.

В условиях отступления и оборонительных боев особые отделы фронтов ограничивались защитной тактикой – ловили вражеских шпионов и диверсантов, проверяли одиночных выходцев из плена и окружения противника³⁵⁷.

При этом, главной целью военных контрразведчиков являлось противодействие немецким спецслужбам. Система мер борьбы с агентами немецкой разведки включала оперативные, заградительные и профилактические мероприятия. Основная роль в контрразведывательной деятельности особых отделов отводилась агентурно-осведомительскому аппарату³⁵⁸.

Основные усилия в своей работе они сосредоточили на разоблачении агентов, завербованных абвером, в том числе и проникших в штабы, в управления фронтов и армий, узлы связи и другие военные объекты; вели борьбу со шпионажем

в прифронтовой полосе на стадии проникновения шпионов как непосредственно в войска, так и в зону боевых действий.

В следствии этого, особым отделам НКВД Южного, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов в оборонительный период битвы за Кавказ в полной мере не удалось выполнить все задачи, потому что, исходя из сложной оперативной обстановки, они выполняли и другие поручения, что отвлекало значительные силы. Тем не менее, органы военной контрразведки фронтов успешно противостояли спецслужбам Германии, защищая войска от происков противника и приобретая опыт в сражении на невидимом фронте³⁵⁹.

В ходе оборонительного периода битвы за Кавказ органы военной контрразведки также вели борьбу с изменой Родине, дезертирством и паникерством, применяя уже отработанные на других фронтах меры по борьбе с этими преступными проявлениями. Эта бескомпромиссная борьба особых отделов велась по трем основным направлениям. Первое – своевременное информирование командования о вскрытых недостатках в несении службы, негативных явлениях в дисциплинарной практике, учете личного состава, обеспечении его продовольствием, обмундированием и т.д. Второе – оперативные мероприятия по вскрытию изменнических и дезертирских намерений у отдельных военнослужащих. Третье – организация и проведение заградительных мер с учетом требований приказа наркома обороны № 227 от 28 июля 1942 г.³⁶⁰

Приказом № 227 окончательно закреплялись ранее принятые установки по формированию заградительных отрядов и предписывалось создать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отряда (до 200 чел. в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем самым помочь честным бойцам дивизии выполнить свой долг перед Родиной. Командирам и комиссарам корпусов и

дивизий оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях³⁶¹.

Командование частей информировалось о лицах, заподозренных в изменнических намерениях, с тем чтобы не допустить назначения их в наряды, выполнявшие боевые задания на переднем крае фронта. С ними особые отделы проводили профилактическую работу по недопущению случаев измены Родине и дезертирства. Большую пользу приносили профилактические беседы, проводимые военными контрразведчиками с рядовым и командным составом с привлечением проверенных лиц, вернувшихся из немецкого плена, которые могли рассказать об издевательствах над военнопленными. Положительное влияние на воспитательную работу с личным составом оказывали успехи советских войск, наступательные операции и добровольная явка дезертиров.

Одним из профилактических направлений борьбы органов военной контрразведки с изменой был отвод в тыловые части и арест лиц с изменническими настроениями. Также в качестве профилактики практиковалось доведение до сведения военнослужащих вынесение приговоров военного трибунала об осуждении виновных в совершении преступлений, что на практике являлось сильным сдерживающим фактором. Своего рода профилактикой были и такие суровые меры в условиях войны, как расстрел и особенно расстрел перед строем³⁶².

Выявление лиц, вынашивавших планы перехода на сторону врага, большей частью осуществлялось с помощью агентуры. Особые отделы брали лиц с изменническими и дезертирскими настроениями в активную разработку. Оперативные мероприятия были направлены на обнаружение намерений военнослужащих покинуть свою часть и на розыск дезертиров.

Кроме этого, по линии особых отделов проводились мероприятия по усилению оперативной работы непосредственно на передовой линии фронта. Агенты особых отделов фронтовых частей и соединений тщательно инструктировались и направлялись на выявление по наиболее характерным признакам лиц, вынашивавших изменнические и дезертирские намерения.

Мероприятия, проводимые органами военной контрразведки в оборонительный период битвы за Кавказ по борьбе с дезертирами, изменниками Родины, с антисоветскими элементами, распространителями провокационных и панических слухов, способствовали укреплению политико-морального состояния личного состава действующей армии, повышению боевой готовности частей и соединений советских войск³⁶³.

Важным направлением деятельности органов военной контрразведки фронтов в битве за Кавказ являлось также сохранение военной тайны, т.е. установление режима секретности и сохранения сведений военного характера.

Исходя из оперативной обстановки, особые отделы фронтов принимали неотложные меры по предотвращению хищения или потери секретных документов, заботились о их сохранности или уничтожении в случае угрожаемого положения на фронте, осуществляли контроль за личным составом частей и подразделений РККА в соблюдении режима секретности и сохранении военной тайны³⁶⁴.

В условиях ожесточенных оборонительных боев и отступления войск Южного, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов было немало случаев, когда не удавалось вывезти или уничтожить документы и архивы, которые для германских спецслужб представляли большую ценность. Ряд секретных и совершенно секретных документов становились достоянием войск вермахта и германской разведки. При этом захваченные материалы являлись важным источником разведывательной информации.

Так, 30 июля 1942 г. штаб группы войск 51-й армии Северо-Кавказского фронта под командованием генерал-майора Б.А. Погребова за несколько минут до начала наступления был разгромлен немецкими танками, погибло или попало в плен все управление и штаб группы войск. Почти все штабные машины, средства связи и шифры достались врагу³⁶⁵.

Кроме этого, по вине командиров и начальников терялись топографические карты с нанесенной обстановкой. Причиной утери секретных документов были и потери бдительности некоторыми военнослужащими во время паники и беспорядочного отступления. Поэтому в штабах частей и соединений Южного, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов было введено правило: без необходимости не брать никаких документов об обстановке на фронте. При поступлении материалов в оперативных целях с ними мог знакомиться ограниченный круг лиц по указанию руководства, а получать секретные и особой важности документы в штабах, частях и соединениях должны были оперативные работники, утвержденные для этого начальниками особых отделов.

Главным направлением контроля за деятельностью секретных частей являлись систематические обследования и проверки состояния хранения документов с грифом «секретно». Это было крайне необходимо, поскольку способствовало поддержанию бдительности, устранению фактов небрежного и халатного отношения, своевременному выявлению пропавших и утерянных документов и принятию мер к их поиску.

Также, одной из причин не сохранения военных секретов были и упущения кадровой службы, когда на должности машинисток были подобраны кандидаты без специальной проверки и санкции особых отделов и им доверяли печатать секретные документы. Сохранению военной тайны мешали и многочисленные нарушения скрытого управления войсками, выразившиеся в несоблюдении режима секретности.

Спецслужбы Германии прилагали значительные усилия для получения необходимых документов, шифров, планов командования фронтов, но, как правило, они не достигали желаемых результатов. Ряд немецких генералов в своих мемуарах отмечали: «Трудно было достать даже карты, так как русские держали их под большим секретом. Те же карты, которыми мы располагали, зачастую были неправильными и вводили нас в заблуждение»³⁶⁶.

Особые отделы фронтов противопоставили германским спецслужбам постоянно совершенствовавшуюся систему мер, которая включала регулярное информирование командования о предпосылках к разглашению военной тайны, повышение бдительности личного состава, ужесточение контроля за сохранностью документов и шифров, усиление охраны штабов. При этом важное значение имела агентурно-осведомительская работа, которая обеспечивала невозможность проникновения в штабы и другие органы агентуры германской разведки, ее своевременное разоблачение и изъятие³⁶⁷.

Таким образом, в период битвы за Кавказ в условиях оборонительных сражений и отступления войск РККА важнейшее значение для повышения боеспособности войск фронтов имел режим секретности и сохранения военной тайны, так как утечка режимной информации с планами командования на фронте грозила срыву той или иной операции и дополнительным потерям личного состава, а то и полным поражением.

Подводя итог следует отметить, что приоритетом в деятельности особых отделов НКВД Южного, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов в оборонительный период битвы за Кавказ с 25 июля – 31 декабря 1942 г. являлась решительная борьба со шпионажем и предательством в частях Красной армии и ликвидация дезертирства непосредственно в прифронтовой полосе.

Киевское подполье глазами НКВД. 1941–1943 гг.

В годы Великой Отечественной войны сопротивление советского народа в тылу немецко-фашистских войск отличалось непримиримостью и бескомпромиссностью, поскольку на кону стояло существование СССР как суверенного государства. Сопротивление оккупантам, развернувшееся в их тылу, по своим масштабам приобрело стратегическое значение и превратилось в один из факторов разгрома гитлеровской Германии.

В начале июля 1941 г. Центральный комитет партии дал указание обкомам ВКП(б) о немедленной подготовке к переходу на нелегальное положение. Выполняя это указание, с 5 по 20 июля обкомы провели совещания секретарей горкомов, райкомов и партийного актива о работе парторганизаций в нелегальных условиях³⁶⁸. В первой половине июля начало создаваться партийное подполье и развернулась подготовка к вооруженной борьбе на коммуникациях вражеских войск. Однако быстрое продвижение противника в глубь страны помешало полностью закончить эту работу. ЦК ВКП(б) предлагал выделять для организации подпольных партийных организаций, создания партизанских отрядов и руководства борьбой в захваченных врагом районах «опытных боевых и до конца преданных партии, лично известных руководителям парторганизаций и проверенных на деле товарищей»³⁶⁹. На основании постановления советского правительства от 29 июня 1941 г., 5 июля была создана Особая группа при наркомате внутренних дел. Одной из задач данного подразделения была организация подпольной и партизанской борьбы в тылу противника. Возглавил Особую группу П.А. Судоплатов.

Подбор кадров для подпольного аппарата определялся тесным взаимодействием партийных органов и оперативных ра-

ботников НКВД. Остро встал вопрос об использовании участников Гражданской войны, тех, кто проявил себя в истребительных батальонах и в только что созданных, главным образом в Белоруссии, партизанских отрядах³⁷⁰.

Начиная с первых месяцев боевых действий с гитлеровскими оккупантами, органы госбезопасности стали получать донесения о разведывательно-диверсионной, контрразведывательной и специальной деятельности своих оперативных групп, действующих в тылу противника. Из этих донесений можно было сделать вывод, что немцы контролируют только крупные населенные пункты и дорожные коммуникации. Исходя из этого на значительной территории оккупированного СССР имелись резервы для борьбы с врагом³⁷¹.

Органы госбезопасности СССР стали использовать кадры, абсолютно неизвестные противнику, так как абвер и гестапо уже располагали информацией о партийном активе, оставленном для сопротивления на оккупированной советской территории. Так, один из секретарей Николаевского обкома КП(б) Украины Яров, имея при себе списки некоторых подпольных организаций, был захвачен абверкомандой в тот момент, когда решался вопрос о создании резидентуры органов госбезопасности на юге Украины³⁷². В результате партийный актив и подполье с самого начала практически полностью оказались в руках гитлеровцев. Руководство Особой группы НКВД постоянно напоминало руководителям всех резидентур о необходимости крайне осторожно опираться на местный партийный актив, оставшийся в зоне немецкой оккупации.

В оккупированных областях Советского Союза организацию сопротивления гитлеровским оккупантам осуществляли обкомы партии ВКП(б) при существенной помощи органов госбезопасности.

Не состоявшие в штате ведомства опытные чекистские кадры, были призваны в строй из запаса органов НКВД. Помимо этого, по согласованию с наркомом внутренних дел к

этой работе привлекались ранее репрессированные чекистские кадры. Привлекаемые к этой работе люди испытывали небывалый душевный подъем и были готовы на самопожертвование, выполняя спецзадания в тылу противника. Однако скоропалительная подготовка членов оперативных групп, ошибки при подборе кандидатов, некачественное изучение и проверка агентов и сотрудников, пренебрежение вопросами конспирации и обеспечения собственной безопасности приводили к провалам и гибели сотрудников органов безопасности в результате агентурного проникновения спецслужб противника в советское подполье, предательства среди сотрудников разведывательно-диверсионных резидентур в Киеве, Николаеве, Харькове и Одессе³⁷³.

В самом начале войны в Киеве на «глубокое оседание» были оставлены разведывательно-диверсионные резидентуры во главе с сотрудниками органов безопасности: И.Д. Кудрей «Максим» (УНКВД, Киев, легализовался под фамилией Кондратюк Иван Данилович – студент киевского мединститута) и В.М. Карташовым «Михайлов» (НКВД, Москва, легализовался под фамилией Коваленко Алексей Афанасьевич – коммерсант). Эти резидентуры готовились отдельно друг от друга и изначально не знали о том, что им предстоит бороться против гитлеровцев в одном городе.

19 ноября гитлеровцы вошли в столицу Украины, оставленную частями Красной армии. Сразу же у двух оставленных резидентур по разным причинам появились проблемы со связью. Фактически с самого начала их деятельности, связи с Центром не было. Получается, что оперативно значимая информация, даже если добывалась резидентурами, становилась попросту бесполезной.

Проведение диверсий, которые могли проводить оба резидента, имели место. Однако то, что в последствии приписалось резидентуре «Максима», в действительности проведено бойцами резидентуры «Михайлова». В частности, взрывы

немецкой комендатуры и в следствии детонации других зданий, где была заложена взрывчатка до оккупации Киева на центральной улице Киева – Крещатик.

Следует отметить, что резидентуры органов безопасности работали в условиях жесткого контрразведывательного режима, установленного германской полицией безопасности и СД. Поэтому и результаты их деятельности сводились в основном к закреплению своей легализации (приобретении конспиративных квартир, устройство на легальную работу), вербовки потенциальных агентов и пропагандистских мероприятий, которые и закончились для резидентов трагически.

С позиции настоящего времени тяжело понять, чем руководствовались кураторы «Максима», формируя его резидентуру. Основным помощником резидента была М. Груздова, завербованная органами НКВД в качестве агента, после ареста и расстрела ее мужа – научного работника Киевского университета. Уже при оккупации Киева к сотрудничеству были привлечены Е. Бремер, репрессированная в 1937 г. вместе с мужем, который был приговорен к высшей мере наказания, а она выпущена из-за отсутствия доказательства вины. Также «Максиму» была передана в резидентуру Р. Окипная, дочь репрессированного священника – актриса оперного театра в Киеве.

Резидент «Михайлов» открыл через месяц комиссионный магазин и тем самым удачно легализовался, т.е. вписался в жизнь оккупированного города. Его помощником по боевой части был Д. Соболев, опытный чекист, отчаянно смелый (под стать Н.И. Кузнецову, действующему по заданию НКВД в районе Ровно в 1943–1944 гг.) боевик, действующий в Киеве нелегально. Радистом был Д. Давыдов³⁷⁴.

«Максим», живя в оккупированном Киеве начал испытывать материальные трудности и возможно из-за этого у него не было возможности проводить активную подпольную ра-

боту. В нарушении всех правил конспирации, он решает попросить денег у «Михайлова», которого он неоднократно видел в здании НКВД Украины накануне оккупации Киева.

Такой расклад очень удивил и очень не обрадовал «Михайлова», когда «Максим» пришел к нему в комиссионный магазин и сказал, что знает, что тот оставлен резидентом и должен ему помочь. Денег «Михайлов» «Максиму», конечно, дал, как и дал много советов, направленных на безопасность подпольной группы последнего. Разведывательной работой обе резидентуры пытались заниматься, но по сути это направление работы стало провальным в виду отсутствия связи с Центром.

«Максим», из-за невозможности выполнения задания, а также по рекомендации «Михайлова», который чувствовал себя явно неудобно из-за вечно просящего денег и жалующегося на тяготы жизни неожиданно свалившегося на его голову коллеги, попытался выйти из оккупированной зоны, но был пойман немцами и помещен в концлагерь в местечке Дарницы под Киевом. Груздова, имитируя любящую жену, сумела добиться его освобождения.

В апреле 1942 г. из Москвы по личному указанию П.А. Судоплатова нелегально прибывает в Киев опергруппа «Связисты». Они встречаются с «Максимом». «Михайлов» на квартире «Максима» тоже встречался с ними, но ни он, ни «Максим», не дал никакой оперативно значимой информации разведывательного характера в отношении противника. Причем «Максим» жаловался на «Михайлова», что тот мало дает денег для подпольной работы. По прибытии в Москву группа «Связисты» долгое время подозревалась в том, что они с резидентами не общались, а были арестованы гестапо, а потом и завербованы³⁷⁵.

После выхода из концлагеря, «Максим» неожиданно стал очень самоуверенным в поступках человеком, потеряв всякую осторожность. Мало того, что еще осенью 1941 г. он принял в свою группу бывшего сотрудника киевской милиции Ж. Дудкина, который по мнению сотрудников службы Судоплатова

являлся агентом гестапо. Он завербовал подставленную ему гестапо жительницу Киева Н. Грюнвальд. Именно она сдала гестапо «Максима» и Р. Окипную, которые были арестованы с поличным, после передачи им Грюнвальд антифашистских листовок и печатной машинки 5 июля 1942 г. Судьба обоих до конца неизвестна, но имеется оперативная информация, что к ним немцы применяли пытки, а затем казнили.

19 ноября 1942 г. гестапо арестовало радиста Давыдова, который сдал сразу все, что ему было известно. Затем он работал на гестапо в качестве агента. В этот же день арестовали «Михайлова» и всех сотрудников его магазина.

Можно со всей ответственностью сказать, что киевские резидентуры погибли в результате предательства.

Дальнейшая судьба «Михайлова» напоминает сюжет приключенческого романа. Немцы держат его в киевской тюрьме, затем его перевозят в Берлин, после этого – в Австрию, в тюрьму концлагеря Маутхаузен. В 1945 г. его освободили американцы. «Михайлов» перебежал в советскую зону оккупации и к лету 1945 г. прибыл в Москву, где подготовил в 4-м Управлении подробный отчет о деятельности своей резидентуры и своих злключениях в немецких тюрьмах. В конце 1945 г. он был арестован по ст. 58-1 «Измена Родине». Началось следствие, в ходе которого, спустя год, он под ударами признается, что смалодушничал и пошел после ареста на сотрудничество с гестапо. Осужден в 1948 г. на 25 лет, умер во Владимирской тюрьме в 1950 г. от острой сердечной недостаточности.

В начале 1960-х гг. в СССР прошла пропагандистская кампания в СМИ по героизации И.Д. Кудри в угоду лидеру СССР Хрущеву, имеющего «особую слабость» к Украине. В результате Кудря в 1965 г. стал Героем Советского Союза (посмертно). Все заслуги резидентуры «Михайлова» присвоили резидентуре «Максима». Имя самого «Михайлова» на долгие годы предалось забвению.

**Специфика обеспечения государственной
безопасности на объектах военной экономики
блокадного Ленинграда в 1941–1944 гг.**

Один из важнейших уроков Великой Отечественной войны заключался в том, что в агрессивных устремлениях нацистской Германии по завоеванию мирового господства ей явно не доставало необходимой сырьевой базы, завладеть которой она пыталась путем захвата экономических ресурсов СССР. По мнению А.М. Демидова, самым уязвимым местом в германской экономике как раз и стал недостаток стратегического сырья и материалов³⁷⁶. В конечном итоге этот фактор и предопределил окончательное крушение всей гитлеровской военной машины.

Залогом победы над врагом стал советский военно-промышленный потенциал, укреплением которого все годы войны продолжали заниматься органы государственной безопасности страны, в том числе ленинградского региона. В тоже время, в отличие от других хозяйственно-экономических районов РСФСР, в блокированном Ленинграде проявились характерные для него особенности обеспечения государственной безопасности на объектах военной экономики, отдельные элементы которого не потеряли своего значения и в современных условиях.

К началу Великой Отечественной войны Ленинград и область являлись крупнейшим военно-промышленным центром Советского Союза. По оценке А.Н. Щербы, военная промышленность Ленинграда превратилась к 1941 г. в закрытую часть экономики города³⁷⁷. К этому времени Ленинград производил десятую часть всей промышленной продукции

страны, четвертую часть машиностроения, одну треть электротехнических изделий. Их основными заказчиками выступали предприятия оборонных отраслей³⁷⁸. Только в Ленинграде работало около 60 специализированных военных заводов, входящих в разные наркоматы (вооружений, боеприпасов, авиационной и др.). Советским правительством планировалось и дальше наращивать военно-промышленный потенциал, учитывая угрозу приближающейся войны.

Как показала начавшаяся война, объекты оборонных отраслей промышленности ленинградского региона готовы к ней не были, что отражало общую картину их неподготовленности к войне по стране в целом³⁷⁹. Уже в первые недели войны выяснилось, что в мобилизационных планах оборонных предприятий Ленинграда преобладали мероприятия, направленные на увеличение выпуска военной продукции, в то время как многие аспекты обеспечения режима секретности, охраны объектов, пропускной системы, противопожарной безопасности и другие своего полного освящения не получили. К тому же, массированные авиационные и артиллерийские налеты и обстрелы военных заводов Ленинграда с начала осени 1941 г. лишь подтвердили намерения противника лишить советские войска средств материального обеспечения вооруженной борьбы, превратив предприятия военной экономики города в первоочередные объекты уничтожения.

Основным методом управления военной промышленностью в блокадные месяцы стало усиление роли органов госбезопасности, а также повышение персональной ответственности местных партийных и хозяйственных руководителей за выполнение военных заказов. Подобная практика сложилась и в других регионах страны³⁸⁰.

По мнению В.Н. Хаустова, главная задача территориальных органов государственной безопасности в этот период заключалась в обеспечении бесперебойного выпуска военной

продукции³⁸¹. И это полностью подтверждается анализом деятельности УНКВД–УНКГБ Ленинградской области (ЛО) в годы войны. Ранее подобную точку зрения не совсем разделял А.Р. Дзенискевич, утверждавший о том, что «... НКВД по каким-то причинам сознательно мешал работе оборонной промышленности»³⁸², ссылаясь при этом на усиленный режим секретности с их стороны, якобы препятствующий проведению технико-конструкторских работ и испытаний, усложняющий процедуру работ с секретными чертежами и т.п. Такие факты действительно имели место, но при должной организации работы на оборонном заводе и полигоне руководителями этих объектов подобных затягиваний и проволочек со стороны органов НКВД Ленинграда не наблюдалось.

Хотя уже в самом начале войны НКВД СССР уточнил основные направления деятельности территориальных органов госбезопасности в отношении объектов военной экономики, в том числе персонально по Ленинграду³⁸³, считать их особенными и резко отличительными от аналогичных мероприятий мирного времени вряд ли уместно. Центр в этот период акцентировал внимание местных управлений НКВД главным образом на обеспечение двух групп задач: на незамедлительном принятии комплекса мер по надежной охране объектов (внешний периметр, территория, пропускная система, усиление караульных смен и их проверок и др.) и на активизации оперативных мероприятий в связи с особым периодом³⁸⁴.

По существу, это были мирные задачи, типичные для усиленного варианта службы и работы, и которые после начала блокады буквально обросли новыми вводными, приобретшими специфику долговременных задач. Именно из этих вводных и выросли «задачи – задания» контролирующего и инспекционного характера, становящиеся в последствии приоритетными по отношению к базовым контрразведывательным задачам экономического и контрразведывательного отделов УНКВД–УНКГБ ЛО. Так, например, из наградных

материалов на заместителя начальника ЭКО УНКВД ЛО В.И. Цируль видно, что награжденный за 1942–1944 гг. тремя орденами Красной Звезды он «... обеспечил выполнение оборонных заданий на предприятиях г. Ленинграда»³⁸⁵, осуществляя главным образом контрольно-инспекторские функции, а, по сути, участвуя в управлении оборонной промышленностью города. Подобная схема деятельности территориальных органов безопасности была характерна и для других военно-промышленных центров страны³⁸⁶.

Уже само нахождение объектов военной экономики города в условиях блокады порождало особенности обеспечения их безопасности, а в деятельности оперативных подразделений проявились различные специфические черты и отличия, нередко свойственные только для определенной ситуации. Так, комплекс мер оперативного характера, реализованный в начале блокады осенью 1941 г. был совершенно не пригоден для периода лета – осени 1941 г. и т.д.

Можно назвать особенностью и то, что ни в конце 1930-х, ни в начале 1940-х гг. в УНКВД ЛО так и не было реализовано ни одного крупного дела по иностранному шпионажу на объектах военной экономики. Выступая на оперативном совещании работников УГБ УНКВД ЛО 26 сентября 1940 г. начальник управления С.А. Гоглидзе говорил: «Ведь стыдно, что мы за 1939–1940 гг. не вскрыли ни одной линии разведывательной работы иностранных государств у нас на территории Ленинграда и Ленинградской области. Можно ли себе представить, что ленинградской оборонной промышленностью разведки иностранных государств не интересуются и что они не насаждают свои диверсионные группы»³⁸⁷.

Первые сведения об интересе немецких спецслужб к ленинградской промышленности в годы войны стали известны территориальным подразделениям лишь в начале 1942 г. и они носили в основном разведывательные устремления³⁸⁸. Из попыток их осуществления в других регионах страны стало

понятно, что помимо агентурного проникновения на интересующие врага объекты, его спецслужбами активно готовится диверсионная линия³⁸⁹. Однако эти предположения вовсе не были чем-то неожиданным для оперативных подразделений УНКВД ЛО, занимающихся объектами оборонной промышленности города.

С августа 1941 г. линию по оперативно-чекистскому обслуживанию предприятий, конструкторских бюро и полигонов, связанных с военным производством в Ленинграде, повёл вновь воссозданный экономический отдел (ЭКО) УНКВД ЛО³⁹⁰. По временным штатам в августе 1941 г. отдел состоял из четырех отделений с общей численностью 83 чел., которые к концу года возросли до пяти отделений с количеством 90 чел.³⁹¹.

В самой системе оперативно-чекистского обслуживания объектов оборонной промышленности города помимо центрального аппарата ЭКО УНКВД ЛО и 5 спецотдела УНКВД ЛО (спецотделы заводов, банки, финансы и др.), ключевое место занимали: экономические отделения (группы) РО НКВД города (15 отделов); оперативные сотрудники, прикрепленные к обслуживаемым объектам; помощники директоров заводов по найму (штатные сотрудники экономических подразделений); созданные на предприятиях истребительные взводы (отделения) и группы содействия им; специальный аппарат (осведомительные сети, агентура, резиденты и др.). К проведению оперативных мероприятий привлекался негласный состав ЭКО УНКВД и выделенные из других оперативных служб УНКВД ЛО и РО НКВД города оперативные группы и отдельные сотрудники. Так, в период блокады часть выпускников Второй Ленинградской школы ГУГБ НКВД СССР была переведена на нелегальное положение, работали на предприятиях города и были готовы к выполнению специальных заданий в случае захвата Ленинграда войсками противника.

Анализ имеющихся сил и средств, обеспечивающих государственную безопасность на объектах военной экономики города в 1941–1942 гг. показал, что их вполне доставало, чтобы обеспечить выполнение поставленных задач. Выступающий 20 января 1942 г. на оперативном совещании руководящего состава УНКВД ЛО начальник отдела кадров управления Г.И. Басов заявлял о том, что «У нас положение с кадрами сейчас таково, что отделы в основном укомплектованы оперативным составом полностью и некомплект составляет единицы» и что «Лучше в отделе иметь временный некомплект, чем содержать за счет государства лодырей и бездельников»³⁹².

Понятие «специфика» как совокупность специфических особенностей³⁹³ оказалось вполне применимо и к процессу обеспечения госбезопасности на объектах военной экономики блокадного Ленинграда. Причем каждая в отдельности такая специфическая особенность принципиально не изменяла общей картины самого процесса, но в их совокупности как нельзя полнее характеризовала его отличительные черты. Речь, конечно, идет о «ленинградской» специфике, которая не имела аналогов в истории военной экономики.

Таких специфических особенностей было немало и в других регионах страны, но в Ленинграде они были сопряжены тяжелыми последствиями, в том числе репрессивного характера. Выделим некоторые из них.

Одна из таких особенностей, на наш взгляд, проявилась в организации агентурно-оперативной работы на объектах военной промышленности города в период его блокады. Еще в конце 1940-го – начале 1941 г. перед УНКВД ЛО остро встал вопрос о закрытии агентурой всех важнейших предприятий оборонной промышленности. Так, Второй ЭКО города (оборонка) к концу 1940 г. не имел соответствующей агентурной сети на 21 объекте³⁹⁴. РО НКВД города не располагали агентурно-осведомительным аппаратом на 277 объектах, а на 143

объектах обеспеченность агентурой была крайне недостаточной³⁹⁵. Разрешить эти вопросы удалось лишь к весне 1941 г. учитывая, что подавляющее большинство предприятий военной экономики имели сложившиеся годами устойчивые трудовые коллективы рабочих и инженерно-технических работников, увольнение и перемещения которых находилось под контролем кадровых аппаратов заводов.

Все изменилось после начала эвакуации оборонных предприятий и мобилизации части рабочих в ряды РККА. Фактически к осени 1941 г. от прежних агентурно-осведомительных аппаратов на оставшихся площадках заводов ничего не осталось. Позже, весной – летом 1943 г., в ходе чистки спешно «сколоченных» в 1941–1943 гг. сетей исключили 20% балласта, двурушников и расшифровавшихся³⁹⁶.

На ряде объектов такие агентурно-осведомительные сети с определенной плотностью прикрытия всех «узких мест» (с оперативных позиций) создать вообще было крайне сложно. Срабатывало сразу несколько факторов: неустойчивость рабочих коллективов, их маневренность, частая смена рабочих площадок, откомандирование постоянных групп и прикрепление временных, высокая заболеваемость и смертность среди рабочих и др. Из-за подобной хаотичности срывалось выполнение мер по противодиверсионному осведомлению, в задачу которого входило и выявление случаев нарушения на объектах правил техники безопасности³⁹⁷. На тех объектах, где не были воссозданы устойчивые агентурно-осведомительные сети к помощникам директоров по отделам найма и увольнения принимались самые жесткие меры, вплоть до увольнения из НКВД, как это случилось, например, с младшим лейтенантом госбезопасности Н.Г. Никитиным в январе 1942 г. (завод им. Сталина)³⁹⁸.

Политическое руководство страны особое внимание в этот период уделяло контролю политических настроений в промышленных районах, в числе которых был и блокированный врагом Ленинград. Пораженческие и «голодные»

настроения не только зимой 1941–1942 гг., как это утверждает Н.А. Ломагин³⁹⁹, но еще летом – осенью 1941 г. породили некоторые опасные с точки зрения властей явления, которые следовало учитывать при обеспечении безопасности на оборонных объектах города. Речь шла о так называемых «волынках», вызванных рядом мощных негативных факторов, активизирующих массовое недовольство рабочих и членов их семей.

Историк А.М. Демидов показал, как в годы войны эволюционировали подобные настроения: от «нездоровых политических» до «забастовочных... и массовых антисоветских высказываний»⁴⁰⁰. Это в том числе и о «волынках», неких разновидностях сопротивления и противостояния властям, прежде всего на хозяйственно-экономической почве. В блокадном городе их стихийные участники пошли еще дальше. Они уже требовали «прекратить войну»⁴⁰¹. В адрес Военного совета Ленфронта и горкома ВКП (б) стали поступать провокационные письма с предложением объявить Ленинград открытым городом⁴⁰². Большинство подобных участников были женщины – работницы. На ряде оборонных предприятий, особенно на Кировском заводе, проявились неприкрытые антисемитские настроения, которые не скрывая распространяли не только работницы, но и отдельные женщины – работники партийных органов⁴⁰³. Как правило, работницам сходили с рук резкие суждения о положении на фронтах и тылу, о низкой эффективности местных властей, о навалившихся трудностях и др.

Тщательно изучив причины и ход волынок на ряде промышленных предприятий города осенью 1941 г. УНКВД ЛО своим циркуляром № 26 от 5 декабря 1941 г. предписало территориальным подразделениям незамедлительно организовать агентурно-оперативную работу среди работниц «цель – предупредить нарастающие тенденции к волынкам»⁴⁰⁴. Осведомление среди них сводилось в резидентуры. В качестве ре-

зидентов подбирались кандидатуры женщин из числа партийно-советского актива. 23 ноября 1942 г. в циркуляре УНКВД ЛО № 52, развивая основные положения данного акта, П.Н. Кубаткин рекомендовал «создавать специальные женские резидентуры... среди женской части молодежи»⁴⁰⁵. А.А. Жданов настаивал на скорейшей эвакуации из города женщин и детей.

В период блокады города проявились и другие особенности обеспечения надежной безопасности на объектах военной экономики, среди которых особенно заметными стали меры, направленные: на проведение спецмероприятий (план «Д») (1941–1944 гг.); на повышение роли института помощника директора по найму (штатного сотрудника госбезопасности); на предотвращение аварийности оборудования, брака и самовольного ухода с места работы, «подводимых» под статьи УК РСФСР о вредительстве, саботаже и диверсии и др.

Таким образом, обеспечение государственной безопасности на предприятиях оборонной промышленности преследовало главную цель – используя любую возможность налаживать и осуществлять выпуск военной продукции в интересах Ленфронта. К приемам, формам и методам оперативно-чеккистской работы «мирного» времени на объектах военной экономики добавились специфические подходы, продиктованные военной, блокадной обстановкой и которые были полностью подчинены задачам военного времени.

Использование абвером детей и подростков в разведывательных и диверсионных целях в годы Великой Отечественной войны

Немецкими командующими использовались различные средства нанесения ударов по Красной армии. Наиболее изощренным методом было привлечение детей и подростков к диверсионно-подрывной деятельности.

Основным контингентом для вербовки военнослужащими абвера были незащищенные дети, которые совершали правонарушения. В качестве психологического фактора использовались тяга подростков к приключениям, путешествиям, к подражанию военным, желание иметь оружие, испытывать чувство опасности. Применялись и более традиционные способы вербовки, такие как запугивание, взятие семьи в заложники, подкуп, угроза уничтожения членов семьи. Кроме того, социальная обстановка, в которой жили такие дети, была крайне неблагоприятная, что толкало их на преступления, сурово каравшиеся по законам военного времени. Подростки боясь лишиться жизни за свои противоправные действия, принудительно соглашались на сотрудничество с абвером.

Первые сведения об использовании детей в качестве агентов относятся к концу июля – началу августа 1941 г.

Наиболее известными базами, где готовились несовершеннолетние исполнители диверсионных и террористических актов во время Великой Отечественной войны были школа в Гемфурте близ г. Кассель (Германия), в Белоруссии, а также на других оккупированных территориях.

В 1941 г. советские органы безопасности впервые столкнулись с новым изощренным оружием немецкой разведки.

На Западном фронте появляются группы диверсантов, подготовленных в сети специальных школ, из числа советских плененных. Каждое заведение имело собственную специализацию. В г. Бобруйске готовили разведчиков для выполнения любых заданий, школа Райгородка – разведчиков ближнего тыла РККА, в Орше обучали подрывников-диверсантов, в Славянске – диверсантов для глубокого тыла. Как правило, организация была общая для всех: занималось небольшое здание для формирования так называемых учебных команд, состоявших из 20–30 чел., к которым приставлялись советские военные, сдавшиеся в плен, а также 2 немецких офицера-надсмотрщика.

В качестве организованного образовательного учреждения, школы диверсантов появляются после пробной стихийной вербовки подростков, а также их переброски за линию фронта с лета 1941 г. до начала 1942 г., где они выполняли простейшие разведывательные задания в прифронтовой полосе. В интересах абвера было выполнение следующих задач: разведка аэродромов, подача световой сигнализации в местах скопления артиллерии и местах скопления советских войск.

В своих исследованиях С. Кулинок указывает: вербовочная уязвимость подростков, среди которых наиболее популярными являлись обман и провокация, угроза расстрела, достаточно часто разведывательные действия преподносились как помощь Красной армии⁴⁰⁶.

Бесперебойные поставки неуязвимых шпионов на линию фронта осуществляла германская диверсионная спецшкола, которая специализировалась на обучении советских детей и подростков. После заброски первой группы подготовленных детей, советская контрразведка сделала вывод, что немцами ведется системная работа по подготовке малолетних диверсантов, в связи с этим прошла во все органы поступила ориентировка, в которой говорилось об обращении особого вни-

мания чекистов на подростковый контингент в прифронтной полосе. Перед советскими спецслужбами встал вопрос: как бороться с врагом, если он – ребенок.

Первое упоминание об использовании в диверсионной деятельности подростков следует в «Ориентировке НКВД от 30 августа 1941 года»⁴⁰⁷.

В данном документе говорится о том, что немецкая разведка практикует массовую вербовку и переброску в прифронтную полосу и в глубокий тыл со шпионскими, диверсионными и террористическими заданиями антисоветский и политически неустойчивый элемент из числа командиров и красноармейцев, сдавшихся в плен. Указывается использование подростков в проведении шпионско-диверсионной работы в тылу Красной армии. Переброску через линию фронта этой категории разведчиков практикуют под видом перебежчиков, детей, разыскивающих своих родителей, которые, якобы, сбежали от немцев.

Так, стало известно о случае, произошедшем 29 июля 1941 г. При переходе линии фронта в районе расположения 193-й стрелковой дивизии на Юго-Западном фронте, был задержан подросток, который рассказал на допросе, что, будучи завербованным германской разведкой для шпионской работы, был брошен вместе с тремя товарищами на советскую сторону.

Летом того же года был пойман и опрошен 14-летний Т. Войцеховский, благодаря откровенности которого были выявлены интересы германской стороны, среди которых расположение частей 15-го стрелкового корпуса и установление численности боевого состава Красной армии и данные об её вооружении.

В течение августа были задержаны еще несколько подростков, в результате их опроса выявлены мотивы, опираясь на которые немцы планировали заставить подростков выполнять, возложенные на них задачи, что обеспечило бы положительный исход операции. В основном использовали метод

«кнута и пряника». В первом случае, при невыполнении задания шантажировали арестом родителей, во-втором прибегали к обещаниям о выплате денежного вознаграждения и обеспечения досуга, в виде катания на машине. Перед выполнением задания детей угощали вином и сладостями, после чего подводили к переходу в тыл Красной армии.

После компании, стартовавшей в середине 1941 г., сообщения о поимке подростков-диверсантов все чаще стали появляться в НКВД.

Например, в «Спецсообщении от 4 сентября 1941 года»⁴⁰⁸ отмечались случаи беспрепятственной работы диверсантов по заданию немцев в местах скопления Красной армии. Основными задачами задержанных была подача световых сигналов в местах скопления войск, а также сбор дополнительных сведений о расположении аэродромов и транспортных путей. Отмечается, что дети успешно справлялись с заданием несколько раз, возвращаясь целыми и незамеченными, за что немцы их кормили, поили вином и давали табак. Зарегистрированы случаи, когда подростки под страхом расстрела отправлялись по заданию немцев в разведку, но сообщали им лживые сведения. Следует отметить, что большинство засылаемых в тыл подростков имели умственную отсталость или другие нарушения интеллектуального развития, что свидетельствует о их повышенной внушаемости, которую военнослужащие абвера использовали в своих целях.

Наряду с этим, из содержания «Ориентировки Особого отдела НКВД о частях Красной армии в прифронтовой полосе от 4 декабря 1941 г.»⁴⁰⁹ стало известно об активной работе диверсионной школы, находящийся в г. Бобруйске, где дислоцировались около 50 детей в возрасте от 8 до 12 лет, не имеющих родителей по ряду различных обстоятельств. Подростки подготавливались для выполнения основных задач, среди которых были подача световых сигналов в местах скопления советских войск в районе г. Изюм. В результате опроса было определено, что такого рода работа подростков

имела высокую эффективность, так как в среднем один обученный ребенок совершал от 9 до 100 ходок по заданию абвера. Также в документе отмечается, что нацисты использовали в своей работе не только подростков мужского пола, но и привлекали к за фронтовой разведывательной работе девушек в возрасте от 15 до 19 лет.

В 1942 г. сокрушительная победа советских войск под Москвой заставляет абвер форсировать процесс обучения подростковых диверсионных групп, для увеличения их численного количества и переброски в тыл соперника.

В период с февраля 1942 г. по осень 1943 г. действия немецких разведслужб по работе с детьми и подростками становятся более систематичными. Происходит усложнение заданий, которые должны были выполнять агенты. Если на первом этапе они в основном использовались для разведки переднего края и в качестве сигнальщиков, то теперь им давались задания по проникновению в партизанские соединения для ведения подробной разведки, а также совершения террористических и диверсионных актов.

В «Указании НКВД СССР от 20 февраля 1942 г.»⁴¹⁰ дается описание методов разведывательной деятельности, характеризуется ситуация со средой, среди которой происходило формирование агентов-подростков. Основной контингент подбирался среди детей, репрессированных советских властью семей, а также из уголовно-хулиганского элемента и беспризорных. Места дислокации таких школ располагались в гг. Мценск, Белгород, Славянск, Райгородок (Сталинская область) и Протопопово (Харьковская область). Средняя продолжительность обучения составляла от 7 до 15 дней.

Наибольшее внимание уделялось овладению основным навыкам, позволявшим вести эффективную диверсионно-разведывательную работу, в ходе обучения подростков готовили различными способами незаметно проникать в расположение частей Красной армии; владеть советской винтовкой, револьвером, искусством фортификации, различными

способами маскировочного перемещения, уметь обращаться с военными картами, знать воинские звания комсостава Красной армии и осуществлять агентурную разведку.

Вербовкой, подготовкой и заброской агентов-подростков в тыл частей Красной армии до середины 1943 г. занимались абвер-группы на местах их дислокации. В июле 1943 г. с учетом серьезных поражений вермахта на советско-германском фронте немецкие спецслужбы приходят к выводу о необходимости более широкого использования советских подростков в разведывательно-подрывной деятельности на коммуникациях войск Красной армии. В этих целях абвер создает в Гемфурте диверсионную школу, которая именовалась «Особой командой Гемфурт». Начальником школы был унтер-офицер Р.А. Шимек. Набор в школу производился из сирот, находившихся в детдомах Орши, Смоленска и др. В ней одновременно обучалось от 25 до 75 чел., сроком от 1 до 2 месяцев. Переброска окончивших школу осуществлялась абверкомандой-203 самолетами с оршанского, минского и смоленского аэродромов. Агенты-подростки, как правило, выбрасывались парами, в гражданской одежде, без каких-либо документов, под видом детей, потерявших родителей. Подготовленные малолетние агенты снабжались взрывчатыми веществами, имевшим внешний вид каменного угля, и получали задание совершать диверсионные акты на железных дорогах, обслуживавших центральный участок фронта.

Вскрытие принципа работы школы вблизи Касселя раскрывается в ориентировке контрразведки «Смерш» от 20 сентября 1943 г.⁴¹¹ В ней указывается, что 25 июня 1943 г. немецкое командование приказало всему населению мужского пола в возрасте 14–16 лет, проживавших на территории Козинской волости Смоленской области, явиться в управление на регистрацию личных данных для дальнейшей отправки в лагерь, расположенный в 4 км от Смоленска, в здание бывшей машинно-тракторной станции, где подготавливались кадры для Русской освободительной армии.

Уже 14 июля были отобраны 30 подростков в возрасте от 14 до 16 лет под видом экскурсантов отправлены в местечко Вальдек близ Кассель. По прибытии у подростков были отобраны подписки, обязывающие их вести борьбу против коммунистов, комиссаров и политруков. В течение месяца их обучали топографии, строевой подготовке и парашютному делу. После этого все подростки были доставлены в г. Орша Белорусской ССР, где в селе Сметанка находилась смоленская разведшкола, откуда агентов перебрасывали сотручники 203-й абверкоманды.

Инструкция была одинакова для всех: после приземления на советской стороне, подростки должны были выйти в районы железнодорожных станций, разыскать склады, снабжающие паровозы топливом и подбросить в штабеля с углем куски взрывчатки. Для выполнения задания каждому подростку выдавалось по 2–3 куса весом 500 г взрывчатки замаскированного под каменный уголь. Благодаря экспертизе было выявлено, что используемая взрывчатка относилась к классу мощных взрывчатых веществ – «гексанит».

После выполнения задания подростки обязаны были возвратиться к немцам, попутно собирая информацию о транспортных узлах, особенностях перевозки войск и грузов.

Внешний вид диверсантов-разведчиков отвечал мерам конспирации, например, их одежда была поношенная, гражданского и военного типов для маскировки под представителей незащищенного слоя населения. Каждому выдавались деньги в размере 400–600 рублей и советские газеты и пропуска для перемещение через линию фронта, на которых содержалась надпись «ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ, НЕМЕДЛЕННО ДОСТАВИТЬ В 1Ц».

По инструкции абвера, в случае задержания необходимо было отыгрывать легенду, что каждый из них принадлежат к эвакуированным или беспризорным детям.

Уже 29 и 31 августа 29 чел. 3 группами были переброшены в Московскую, Воронежскую и Курскую области.

В.С. Абакумов был крайне обеспокоен работой по обезвреживанию детей-диверсантов, и в качестве контрмер им было четко сформулированы действия, которые помогли пресечь диверсионную и разведывательную работу, а также предупредить совершение террористических и диверсионных актов на объектах важной инфраструктуры:

- тщательно обращать внимание на подростков в районах железных дорог и населенных пунктов;
- обыскивать на предмет наличия немецких пропусков или взрывчатки;
- проинструктировать служащих на контрольно-пропускных пунктах о возможных забросках подростков с диверсионными заданиями.

О важности разрешения данной задачи для Абакумова можно судить по его распоряжению, что обо всех случаях задержания немедленно докладывать в Главное управление контрразведки «Смерш».

Заключительный этап работы специальных школ абвера с осени 1943 г. по июль 1944 г. характеризуется отходом на восток, сосредоточением школ диверсантов на территории БССР. Немцы меняют подход к работе, не затрачивая время и другие ресурсы на качественное обучение подростков, а делая ставку на количество забрасываемых детей. Для этого летом 1944 г. открываются курсы в Бресте и Барановичах, где курсантам полагался оклад на время обучения в 1600 марок.

Таким образом, немецкими спецслужбами для причинения наибольшего ущерба, а также в качестве дестабилизации деятельности Красной армии в прифронтовой зоне стали использоваться диверсионные операции. В качестве отличительной черты, характеризующей работу военнослужащих абвера как жестокую, антигуманную, направленную на уничтожение славянского народа, было использование детей и подростков в диверсионно-разведывательных целях. Наиболее популярными категориями для вербовки среди детей были представители из низких социальных слоев, сироты,

умственно отсталые дети, правонарушители, а также дети белогвардейцев.

Основными уязвимыми чертами, позволяющие вербовать детей и подростков для диверсионно-разведывательной деятельности, были голод, жажда к эмоциональным переживаниям, страх наказания.

Итогом деятельности абвера была широко развернутая кампания по обучению и воспитанию разведчиков-диверсантов из числа несовершеннолетних детей.

Результаты этой деятельности не причинили Красной армии значительного ущерба, так как случаи состоявшихся диверсионных актов были единичными и масштабного разрушительного эффекта не принесли, а в 1943–1944 гг. массовая заброска малолетних диверсантов на территорию СССР не давала никаких результатов, так как явка с повинной, среди детей была выше, чем среди взрослых. Например, группа подростков из 10 чел., заброшенная недалеко от железнодорожных станций Курской и Воронежской областей, в разное время 1–3 сентября явилась с повинной в органы безопасности, а затем была направлена в контрразведку «Смерш».

Кроме того, благодаря своевременной и слаженной работе органов военной контрразведки «Смерш» под руководством В.С. Абакумова, деструктивная деятельность пресекалась на корню.

Судьба детей диверсантов была трагичной, так как им приходилось не только соглашаться на вербовку под дулом оружия, но и видеть, как расстреливали несогласных на такого рода задания. Наряду с этим, задержанных агентов, успевших совершить террористические акты, серьезные преступления, не сдавших добровольно в НКВД, а также отрицательно относившихся к сотрудничеству с органами безопасности, расстреливали.

Организация и проведение фильтрации советских военнопленных отечественными органами госбезопасности

Тема советских военнопленных, а тем более проведения их государственной проверки (фильтрации) отечественными органами безопасности, по-прежнему остается дискуссионной и недостаточно изученной в отечественной историографии. Это притом, что в годы Великой Отечественной войны 4 млн 599 тыс. советских военнослужащих находились в плену или до сих пор числятся пропавшими без вести⁴¹².

В числе работ, посвященных судьбам советских военнопленных, следует назвать труды таких авторов, как В.Н. Земсков и П.М. Полян⁴¹³, исследующих вопросы численности советских военнопленных, их судьбы в неволе, процессы репатриации. В работах И.И. Кузнецова, А.А. Печенкина и других авторов рассматриваются судьбы советских генералов, оказавшихся в годы Великой Отечественной войны в плену у противника⁴¹⁴. Отдельные публикации посвящены судьбам советских военнопленных, условиям и режиму их содержания в лагерях, расположенных как на оккупированных территориях СССР, так и на территории Германии, Норвегии и Финляндии⁴¹⁵.

Определенный вклад в изучение вопроса внес и автор этих строк, подготовивший ряд научных работ по исследуемой теме⁴¹⁶.

В XXI веке появились научные труды и публикации документов, посвященные чувствительной теме – проверке (фильтрации) отечественными органами госбезопасности бывших советских военнопленных и установлению их судеб после возвращения из плена⁴¹⁷. Анализ опубликованных

научных работ свидетельствует о стремлении авторов добиться объективного освещения проблемы военного плена. Несмотря на это, до настоящего времени продолжают дискуссии о количестве советских военнослужащих, находившихся в плену, о причинах высокой смертности. До сих пор не установлены судьбы сотен тысяч советских военнопленных и лиц, пропавших без вести, а у исследователей нет возможности изучать некоторые фонды архивных документов, касающихся проблем военного плена и его последствий.

Основные документы и материалы в отношении советских военнопленных, хранящиеся в российских государственных (Государственный архив Российской Федерации – ГАРФ, Российский государственный архив социально-политический архив – РГАСПИ, Российский государственный военный архив – РГВА, архивы в субъектах федерации) и ведомственных архивах (Центральный архив ФСБ России, архивы управлений ФСБ России по республикам, краям и областям, Центральный архив Министерства обороны России – ЦАМО). Проверочно-фильтрационные (фильтрационные) дела на советских военнопленных хранятся либо в государственных архивах субъектов федерации (Воронеж, Кемерово, Мурманск, Нижний Новгород), либо в архивах территориальных органов федеральной службы безопасности.

К наиболее информативным документам проверочно-фильтрационных дел относятся следующие: протоколы допросов бывших советских военнопленных, составленные в отделах контрразведки «Смерш», воинских частей или проверочно-фильтрационных лагерей, в штабах рабочих батальонов, спецкомендатурах и отделах по борьбе с бандитизмом областных отделов НКВД–УМВД, паспортных отделах городских управлений милиции; автобиографии, объяснительные записки об обстоятельствах пленения и о нахождении в плену; анкеты и опросные листы, составленные в проверочно-фильтрационных пунктах НКВД СССР после репатриации бывших советских военнопленных; постановления

(заклучения) проверочно-фильтрационных комиссий, выносившиеся по результатам госпроверки (об освобождении из лагеря, демобилизации, направлении на работу «по вольному найму» с закрепление к определенным предприятиям, о переводе на режим спецпоселения, о направлении в Действующую армию, в штурмовой батальон, к месту жительства⁴¹⁸.

С первых дней войны НКГБ, НКВД и Прокуратура СССР проводили тщательное расследование фактов нахождения в плену советских военнослужащих, выявляя при этом возможные факты измены Родине. Проверка проводилась в отношении всех военнослужащих, находившихся в плену или окружении, не зависимо от количества дней.

28 июля 1941 г. Управление особых отделов (УОО) НКВД СССР направило директиву за № 39212 об усилении работы заградительных отрядов по выявлению и разоблачению агентуры противника, перебрасываемой через линию фронта. В директиве подчеркивалось: «Всех лиц, возвратившихся из германского плена как задержанных заградительными отрядами, так и выявленных агентурным и другими путями, арестовывать и тщательно допрашивать об обстоятельствах пленения и побега или освобождения из плена. Если следствием не будут добыты данные о причастности их к органам германской разведки – таких лиц из-под стражи освобождать и направлять на фронт в другие части, установив за ними постоянное наблюдение как со стороны органов особого отдела, так и командира части». Основанием для проведения таких строгих мер послужило то, что разведывательно-диверсионные службы фашистской Германии и их союзники приступили к массовой вербовке советских военнопленных, ускоренному их обучению основам взрывного дела, радиосвязи, и направлению в тыл Действующей армии для совершения диверсий и ведения разведки.

Наиболее серьезных арестованных, в первую очередь лиц начальствующего состава, после обстоятельных предварительных допросов, надлежало направлять для продолжения следствия в УОО.

По предоставлению НКВД СССР 27 декабря 1941 г. ГКО принял специальное решение № 1069сс, регламентировавшее проверку и фильтрацию освобожденных из плена и вышедших из окружения «бывших военнослужащих Красной армии». В каждой общевойсковой армии были созданы сборно-пересыльные пункты (СПП), на которых особые отделы НКВД проводили госпроверку (фильтрацию) военнослужащих, бежавших из плена или вышедших из окружения⁴¹⁹.

Для проведения фильтрации бывших военнослужащих, находившихся в плену у немцев или вышедших из окружения вражеских войск, создавались проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ). Причем, в такие лагеря помещались не только бывшие военнослужащие, находившиеся в плену или вышедшие из окружения противника, но и лица, служившие в немецкой армии, в Русской освободительной армии, старосты, полицейские, и другие изменники Родине. Подход с одной меркой к лицам, оказавшимся нередко в плену по независящим от них причинам, стойко и мужественно перенесших невероятные муки и страдания в фашистских лагерях и застенках, с лицами, изменившими Родине и активно проводившими преступную деятельность против советского народа и государства, являлся совершенно неправильным. Формальное и поверхностное проведение фильтрации нередко приводило к тому, что отдельные изменники Родины остались в то время неразоблаченными, а ряд советских граждан незаслуженно был наказан.

Основными задачами фильтрации были: выявление агентов специальных служб противника; выявление лиц, совершивших измену Родине в форме перехода на сторону врага;

выявление участников вооруженных бандитских, националистических формирований в тылу фронта; выявление дезертиров, распространителей провокационных и панических слухов; добывание информации о разведывательных, контрразведывательных, диверсионных службах противника, формах и методах их деятельности; сбор информации военного характера.

Фильтрационные мероприятия в годы Великой Отечественной войны проводились в зоне боевых действий; в прифронтной полосе действующих армий и фронтов; на территории, временно оккупированной противником и освобожденной советскими войсками в ходе боевых действий; на территориях других стран, занятых советскими войсками; в тыловых районах страны.

С февраля 1942 г. круг лиц, подлежащих фильтрации, стал расширяться: стали проверяться все без исключения лица, в том числе, женщины и дети, переходившие линию фронта с территории противника. В течение 1942 г. в нормативных документах НКВД СССР неоднократно указывалось на необходимость организации тщательной фильтрации всех лиц, возвратившихся из плена или прибывших с территории, оккупированной противником⁴²⁰.

С середины 1942 г. фильтрацию стали проходить все совершеннолетние советские граждане, оказавшиеся в плену или на принудительных работах, помещенные в концлагеря и гетто и т.д., была образованная система проверочно-фильтрационных лагерей, проверочно-фильтрационных пунктов, сборно-проверочных пунктов, которые располагалась, как правило, в районах пребывания и формирования воинских частей, на крупных приграничных транспортных коммуникациях (железные и автомобильные дороги).

Всех военнопленных Красной армии, бежавших из плена и вышедших из окружения противника, в том числе и задержанных на освобожденной территории, временно оккупированной немецко-фашистскими войсками, немедленно

задерживали и под конвоем направляли на СПП. Процедура прохождения госпроверки включала в себя: заполнение анкеты установленного образца; опрос по обстоятельствам его пребывания за рубежом; опрос свидетелей, которые могли бы подтвердить те или иные факты; подтверждение биографических данных проверяемого, места его жительства. В процессе фильтрации следовало по возможности быстро и точно установить, является ли военный служащий тем лицом, за которое себя выдает; выяснить фактические обстоятельства пленения, окружения, пребывания на территории противника, проверить факты, связанные с пребыванием в плену, окружении или на территории, занятой противником. Полное и точное выяснение этих сведений давало возможность выявить, не совершил ли военный служащий действий, наносящих ущерб государству, уточнить обстоятельства, при которых он оказался в расположении войск или на советской территории; изучить при необходимости предшествующие периоды жизни, работы или службы проверяемого лица.

На отделы контрразведки спецлагерей возлагалась исключительно ответственная задача – сказать, честный этот человек или предатель. В сложной и постоянно меняющейся военно-политической и оперативной обстановке Великой Отечественной войны задачи, возлагаемые на органы советской контрразведки по работе среди военнопленных и бывших военнопленных Красной армии, бежавших из плена и вышедших из окружения противника, решались в различном объеме различными звеньями оперативных подразделений. Объем проводимых проверочных мероприятий зависел от места нахождения лиц, проходивших фильтрацию (СПП, фронтовые или стационарные лагеря) и конкретной обстановки, складывающейся в ходе войны.

Все лица, поступившие на армейские СПП по истечении очень короткого времени (5–10 дней) обязаны были направляться в ПФЛ для проверки их особыми отделами НКВД – отделами контрразведки «Смерш». К концу февраля 1942 г.

было создано 19 спецлагерей, в каждом из которых был образован Особый отдел НКВД. К этому времени из плена были освобождены и собраны 128 132 чел., находившегося в окружении. После фильтрации в различные части Красной армии направились 21 804 чел. Остальные проходили проверку на СПП НКО или в спецлагерях НКВД.

За весь период Сталинградской битвы в частях и соединениях Сталинградского, Донского, Юго-Восточного фронтов пропало без вести и попало в плен более 315 тыс. советских военнослужащих⁴²¹.

Советскими органами по репатриации в 1944–1946 гг. было учтено более 2 млн военнослужащих, находившихся в плену. Из них 1 836 562 чел., в том числе 126 000 офицеров, были репатриированы. Многие бывшие советские военнопленные после прохождения проверки (фильтрации) возвращались в распоряжение военных комиссариатов, которые направляли их в боевые части Красной армии.

Вместе с тем, органами военной контрразведки на 1 октября 1944 г. были арестованы 11 556 чел. за совершенные особо опасные и иные государственные преступления во фронтовых условиях и в фашистском плену. В период 1944–1956 гг. были арестованы и осуждены за переход на сторону врага 36 930 чел., за участие в национальных воинских формированиях, созданных в составе войск СС и вермахта, – 37 169 чел.

Опрос являлся основным источником получения о проверяемом фактических данных, а также другой информации, интересующей органы военной контрразведки. Он проводился после получения от объекта письменного объяснения. Использование подобного приема позволяло в последующем задать дополнительные вопросы, обратить внимание на неточности, противоречия, нелогичность в ответах и другие расхождения между изложенным письменно и рассказанным устно.

В ходе проведения опросов, личных бесед основное внимание обращалось на получение следующей информации: подробные установочные и биографические данные проверяемого (фамилия, имя и отчество, национальность, год и месяц рождения, место жительства, учебы, работы, прохождения военной службы), его близких родственников (отца, матери, братьев, сестер, жены, детей), знакомых; время и место задержания; наименование части, в которой военнослужащий служил до пленения или попадания в окружение; обстоятельства, при которых попал в плен или окружение; чем занимался на территории, занятой противником; причина нахождения в конкретном населенном пункте или местности и обстоятельства задержания; другие данные, необходимые для того, чтобы быстро установить, является ли проверяемый тем лицом, за которое себя выдает.

Полученные при опросе данные подлежали проверке, в ходе которой прежде всего устанавливалось, кто из других лиц, как проходящих фильтрацию, так и находящихся вне лагеря или пункта фильтрации, может подтвердить эту информацию.

Сведения, полученные в ходе опросов и допросов, сравнивались с текстом подробно заполненных опросных листов и анкет. Неясные вопросы и противоречия в показаниях и документах перепроверялись с помощью дополнительных допросов объектов проверки и лиц, находившихся совместно с ними в плену или в окружении противника, направлением запросов в территориальные органы НКВД–НКГБ по месту жительства, учебы и работы проверяемых.

В проверочно-фильтрационных лагерях и проверочно-фильтрационных пунктах велись журналы учета, в которые заносилась следующая информация: фамилия, имя, отчество и другие установочные данные; кем задержан, время, место и причины задержания; время поступления в фильтрационный лагерь или пункт; документы, вещи, предметы, изъятые

при личном досмотре; номер фильтрационного (если заводилось, то уголовного) дела; результаты фильтрации (дознания, следствия); куда направлены материалы и задержанный; решение административных или судебных органов.

По данным опросных листов на проверяемых заполнялись учетные карточки в двух экземплярах: один экземпляр вливался в картотеку учета по лагерю, другой вместе с фильтрационным делом после окончания госпроверки направлялся для постоянного хранения в 1-й Спецотдел НКВД.

Порядок окончания фильтрации не был единообразным во все годы Великой Отечественной войны, но уже во второй ее половине он установился и соблюдался на практике. После завершения фильтрации сотрудники контрразведки составляли заключение, на основании которого принималось одно из нижеуказанных решений: гражданские лица, не вызывающие подозрений и не подлежащие призыву в Красную армию, направлялись к месту постоянного жительства; бывшие военнослужащие Красной армии и мужчины призывного возраста, не вызывающие подозрений, направлялись в местные военкоматы; бывшие военнослужащие Красной армии и мужчины призывного возраста, находившиеся в плену или окружении противника и вызывающие подозрение, направлялись в спецлагеря НКВД для дальнейшей проверки; лица, в отношении которых в ходе проверки были получены достаточные данные о их враждебной деятельности, арестовывались и направлялись в соответствующие органы НКВД или НКГБ для ведения следствия; остальные лица, вызывающие подозрение, но не арестованные в связи с недостаточностью материалов, направлялись к постоянному месту жительства для дальнейшей оперативной проверки. В этих случаях в соответствующий орган НКВД пересылалось и фильтрационное дело.

Таким образом, госпроверка (фильтрация) бывших советских военнопленных, вышедших из плена и окружения были в годы Великой Отечественной войны одним из направлений

деятельности советской военной контрразведки. Сотрудники контрразведки были нацелены на выявление и разоблачение среди советских военнопленных, лиц согласившихся сотрудничать с разведками противника.

Однако в процессе фильтрации в отношении бывших советских военнопленных и лиц, вышедших из окружения и фактически не находившихся в плену, допускались нарушения законности и ограничение их прав. Перенесены невероятные трудности, бывшие советские военнопленные вернулись домой, но часть из них оказалась лишенной не только прав, но зачастую и свободы⁴²².

Справедливость в отношении советских военнопленных была восстановлена лишь в 1990-х гг., а работа по установлению судеб сотен тысяч военнопленных (мест смерти и захоронений) продолжается до настоящего времени.

Вооруженные выступления в западных районах СССР в послевоенный период: силовые способы обеспечения региональной безопасности

Тема открытой вооруженной борьбы с организациями украинских националистов не нова. Органы советской власти силовыми способами противостояли вооруженному сопротивлению бандформирований в западных регионах СССР – Западной Украине и республиках Прибалтики в период 1944–1956 гг. Повстанческое движение в указанных регионах, как и феномен сопротивления в целом, – явление многогранное, понять которое невозможно, задавшись одним параметром его измерения – деятельностью органов государственной власти или деятельностью вооруженного сопротивления.

Руководство СССР в тот период пыталось использовать различные методы для стабилизации обстановки в западных регионах СССР. Однако на практике силовой вариант преобладал над мерами социально-экономического и политико-разъяснительного характера.

Оценка вооруженного противостояния в западных регионах СССР (на Украине и республиках Прибалтики) в послевоенный период, как целостного явления будет плодотворной и значимой, если данный процесс рассматривать не в целом, а условно разделив на несколько периодов, каждый из которых отличается только ему присущими характерными чертами.

Сложившаяся научная традиция по истории борьбы ответственных органов безопасности с националистическим подпольем и его вооруженными формированиями в западных регионах СССР в послевоенный период подразделяет ее на три этапа:

подавление открытых вооруженных выступлений националистов (1944–1946 гг.), разгром организованного националистического подполья и его вооруженных формирований (1947–1951 гг.) и ликвидация остатков подполья (1952–1956 гг.).

В зарубежных источниках по истории повстанческого движения в Прибалтике, обычно выделяется в его развитии два или три периода. В.С. Вардис, например, полагал, что в Литве партизанское движение продолжалось в течение 8 лет и прошло две стадии: усиления сопротивления (1944–1947 гг.) и постепенного спада (1949–1952 гг.)⁴²³. В более поздних исследованиях прослеживается тенденция определять границу активного сопротивления до 1953 г. или до 1956 г., и выделять три периода в развитии повстанческого движения в целом. Так, Н. Гашкайте-Жемайтисне считает, что в Литве сопротивление «лесных братьев» прошло три стадии: июль 1944 г. – май 1946 г.; май 1946 г. – ноябрь 1948 г.; ноябрь 1948 г. – май 1953 г.⁴²⁴

Аналогичную схему периодизации, но уже по Латвии предлагает Х. Стродс. По его мнению партизанская война в Латвии развивалась поэтапно: с июля 1944 г. по июль 1946 г. (первый период); с 1946 г. по 1948 г. (второй период) и с 1949-го по 1953 г. (третий период)⁴²⁵. Исследуя характер и масштаб действий «лесных братьев» в Эстонии М. Лаар относит пик их активности к 1945–1947 гг.⁴²⁶

Объективный анализ архивных материалов и научной литературы показывает, что деятельность органов государственной безопасности по вооруженной борьбе с националистическим подпольем в послевоенный период с учетом особенностей экономического и социально-политического развития СССР в послевоенные годы, условно можно разделить на четыре основных периода: 1944 г. – весна 1945 г.; лето 1945 г. – 1946 г.; 1947 г. – весна 1949 г.; лето 1949 г. – середина 1950-х гг.

Рассмотрим каждый из этих периодов подробнее с целью его существенных характеристик и определения тенденции

развития вооруженного противостояния в западных регионах СССР.

Первый этап, 1944 г. – весна 1945 г., приходится на заключительный период Великой Отечественной войны, когда Красная армия, очистив территорию Западной Украины, Западной Белоруссии и республик Прибалтики от немецко-фашистских захватчиков, начала вести боевые действия по освобождению стран Восточной и Западной Европы.

Органам безопасности СССР вместе с выполнением планируемых задач по «зачистка» территории от остатков немецких воинских частей, разведывательно-диверсионных групп, розыска агентуры разведывательных, контрразведывательных, карательных и полицейских органов, воевавших против СССР стран, предателей, ставленников и пособников немецко-фашистских оккупантов и других лиц, сотрудничавших с оккупантами, пришлось решать задачу по организации и ведению борьбы с открытым организованным сопротивлением многочисленных и хорошо вооруженных крупных бандформирований националистического подполья. В документах НКВД–НКГБ появляется понятие – «антисоветское подполье и его вооруженные банды».

Для борьбы с бандформированиями националистов органами НКВД–НКГБ были приняты экстренные меры. В целях успешного проведения борьбы с вооруженным сопротивлением в западных регионах СССР, обеспечения ликвидации вооруженных формирований и улучшения руководства оперативной работой органов НКВД приказом министра НКВД СССР № 001447 от 1 декабря 1944 г. на базе Отдела НКВД СССР по борьбе с бандитизмом было образовано Главное управление НКВД СССР по борьбе с бандитизмом (ГУББ НКВД СССР) с включением в его состав штаба истребительных батальонов НКВД СССР⁴²⁷.

В дополнение к имевшимся 4 бригадам внутренних войск НКВД (10000 чел.) и 4 пограничным полкам по охране тыла (4000 чел.) в Ровенскую и Волынскую области (Западная

Украина) были дополнительно направлены 2 дивизии, 4 бригады, 1 кавалерийский полк и 1 танковый батальон войск НКВД общей численностью 28000 чел. Численность войск НКВД в Литве была доведена до 10000 чел., а вскоре увеличена до 13000 чел. 8000 чел. были выделены для охраны границы, железных дорог, линий правительственной связи и конвойной службы.

Для организации на местах необходимых чекистско-оперативных мероприятий в Западную Украину были командированы заместители наркома внутренних дел С.Н. Круглов и И.А. Серов с группой квалифицированных работников НКВД–НКГБ СССР⁴²⁸.

Для оперативного руководства и координации действий войск НКВД был создан штаб по оперативному руководству чекистско-войсковыми операциям по ликвидации вооруженных бандформирований в Прибалтике под руководством командующего войсками НКВД Прибалтийского округа генерал-майора В.Н. Головки.

Характерной чертой деятельности органов НКВД–НКГБ по борьбе с вооруженными бандформированиями националистов в этот период являлось проведение широкомасштабных чекистско-войсковых операций методом сплошного войскового поиска (проческа, зачистка) в лесных массивах и населенных пунктах одновременно с проведением агентурно-оперативных мероприятий по вскрытию и разгрому подпольных националистических организаций, проверка местного населения и учет семей активных бандитов, находящихся на нелегальном положении, арестованных и осужденных бандитов на предмет их высылки.

Ответные действия националистов на первом этапе противостояния заключались в том, что их вооруженные формирования также вступали в бой крупными силами и, как правило, несли при этом тяжелые потери. Так, 27 марта в районе села Липки Степановского района Ровенской области произошло боевое столкновение подразделений 16-й бригады внутренних войск НКВД с отрядом националистов, численностью до 500

чел. «В результате 6-часового боя банда полностью ликвидирована, – докладывал Л.П. Берия. – Подсчитано до 400 трупов бандитов. Около 30 бандитов, пытавшихся переправиться через реку, были убиты и утонули»⁴²⁹.

В результате проведенных агентурно-оперативных и оперативно-войсковых мероприятий бандитские проявления значительно сократились, вследствие крупных потерь в среде бандформирований. Потери среди участников антисоветского подполья составили: в Украине убито 62658 чел., арестовано 18732 чел.⁴³⁰; в Литве убито 2574 чел., арестовано 12449 чел., участников польского националистического подполья, членов Армии крайовой – 3976 чел., участников бандитских групп и бандпособников – 5456 чел.⁴³¹; в Латвии убито 37 чел., арестовано 992 чел.; в Эстонии убито 14 чел., арестовано 1378 чел.⁴³²

Второй этап, лето 1945 г. – 1946 г. Качественно новый виток противостояния. Учитывая большие потери, руководители националистического подполья приняли ряд управленческих решений по смене форм и методов борьбы.

Так, феврале 1945 г. в лесу возле местечка Бережаны (Тернопольская обл.) состоялось совещание ведущих функционеров ОУН, на котором было принято решение: ликвидировать лишние звенья в структуре управления УПА, расформировать крупные подразделения и перейти к действиям мелкими подразделениями (группами). Окончательное же оформление новая тактика получила на совещании руководителей ОУН-УПА в Рогатинских лесах Станиславской области (возле с. Голодивка) в августе 1945 г.⁴³³

В республиках Прибалтики деятельность вооруженного сопротивления также становится более законспирированной. В Латвии и, особенно в Эстонии вооруженные столкновения с войсками НКВД прекращаются⁴³⁴.

Вследствие проведенных реорганизаций бандформирования (группы по 10 – 15 чел.) стали более маневренными, им было легче избегать боестолкновений и укрываться в ходе

проведения чекистско-войсковых операций внутренних и пограничных войск НКВД.

Приоритетными направлениями их подрывной деятельности на протяжении этого периода становятся:

организация террористической деятельности: убийство местных партийных и советских работников, сотрудников НКВД и НКГБ, местных жителей, активно участвующих в общественной жизни;

организация диверсий с целью экономического ослабления советского строя и дестабилизации обстановки в регионе;

проведение широкой антиправительственной агитации и пропаганды, направленной на срыв мероприятий органов государственной власти и управления, разжигание национальной розни, распространение клеветнических измышлений о политике советского руководства.

Главным методом борьбы националистов становится террористическая деятельность. Террор приобретает массовый характер, вплоть до требований применять «пяtkuвання» (уничтожение каждого пятого) в селах, жители которых, по мнению националистов, лояльно относились к советской власти. В целях запугивания населения убийства граждан осуществлялись публично и сопровождалось особо жестокими пытками.

Приказы и директивные указания ОУН–УПА предписывали постоянно совершать террористические акты над представителями советской власти, сотрудниками НКВД – НКГБ, бойцами истребительных батальонов и сельскими активистами.

В исполнение директивных указаний только за 1944 – 1946 гг. от рук участников подполья погибло 17069 представителей власти, сотрудников НКВД – НКГБ, активистов из числа интеллигенции, рабочих и колхозников.

В Прибалтике представление о реальной ситуации в сельских районах летом 1945 г. дает отчет инспектора ЦК ком-

партии Латвии Я. Я. Димана: «... по всему уезду идет истребление сельского актива. За одну только ночь со 2 на 3 июня было убито 11 активистов. С каждым днем убийства совершаются во все более наглых формах...»⁴³⁵.

Изменение форм и методов действий вооруженного националистического подполья и уход его участников в глубокое подполье было использовано НКВД СССР для занятия войсками большого количества населенных пунктов. Так, например, после передислокации части 62-й дивизии ВВ НКВД имели 9 ротных, 30 двух взводных, 46 взводных гарнизонов и 6 взводов дислоцирующихся при штабах батальонов с подчинением, в оперативном отношении, начальникам местных органов МГБ⁴³⁶.

Такое размещение войск позволило для ликвидации разрабатываемых органами государственной безопасности конкретных бандформирований создавать и использовать чекистско-войсковые и агентурно-боевые группы. Применение данных групп против мелких банд националистов были намного эффективнее проведения крупных войсковых операций⁴³⁷.

С ликвидацией крупных бандформирований и переходом националистов к новым формам и методам действий, резко проявились негативные последствия возложения решения одной задачи на два самостоятельных ведомства – НКВД и НКГБ. Отсутствие должного взаимодействия между органами МГБ и МВД и их разобщенные действия порою приводили к весьма тяжелым последствиям, к срыву оперативных разработок и расшифровке агентуры.

В целом анализ архивных документов показывает, что на заключительном этапе ВОВ и до середины 1946 г. задачи НКГБ-НКВД по борьбе с националистическим подпольем фактически совпадали. При этом согласно существовавшим нормативным правовым документам и сложившейся практике органы государственной безопасности отвечали за

ликвидацию антисоветских подпольных организаций националистов, а органы НКВД-МВД, основной упор делали на применение внутренних войск, по уничтожению бандформирований.

С преобразованием в марте 1946 г. наркоматов в министерства и создание новой структуры органов государственной безопасности, позволило органам государственной власти и управления СССР определить задачи НКГБ-МГБ СССР по пресечению подрывной деятельности бандформирований. Это давало органам МГБ СССР право на проведение оперативных, оперативно-боевых, оперативно-розыскных мероприятий и следствия⁴³⁸.

1947 г. – весна 1949 г. Коренной перелом в борьбе с националистическим подпольем.

На основании Постановления Совета министров СССР № 101-48сс от 20 января 1947 г. С. Н. Круглов и В. С. Абакумов 21 января 1947 г. подписали совместный приказ МВД СССР и МГБ СССР № 0074/0029 «О передаче из МВД СССР внутренних войск в МГБ СССР». В котором, в частности, было указано о передаче из МВД СССР в МГБ СССР частей внутренних войск МВД общей штатной численностью 68 582 чел.; из Главного управления МВД СССР по борьбе с бандитизмом 1-го и 2-го отделов с личным составом; весь аппарат МВД по борьбе с бандитизмом Украинской ССР и республик Прибалтики, а также 2/3 личного состава управлений этих республик.

К 1 марта 1947 г. вся работа по борьбе с политическим бандитизмом из МВД СССР была передана в МГБ СССР.

Причиной реорганизации стал переход от войсковых действий к оперативным методам борьбы с вооруженным подпольем. К этому времени подразделениями органов государственной безопасности был накоплен значительный опыт проведения агентурно-оперативных и оперативно-боевых мероприятий, созданы необходимые агентурные позиции среди местного населения и непосредственно в вооруженных

бандформированиях националистов, были серьезно нарушены организационные связи подполья, ликвидированы десятки окружных и уездных руководящих структур («командований»).

Так, только в Литве в течение 1947 г. было ликвидировано 360 националистических групп и 326 вооруженных банд, при этом арестовано 5 142 и убито 1 540 бандитов, их пособников и участников националистических организаций⁴³⁹.

Учитывая, что в своих действиях вооруженные бандформирования опирались на поддержку местного населения были организованы и проведены операции по выселению «кулацкого элемента» с территории республик.

Согласно докладу комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 1930–1940-х и начала 1950-х гг. «О выселении в 40-50-х годах некоторых категорий граждан из западных районов СССР» в ходе операций по выселению в отдаленные районы СССР было отправлено: из Латвии в 1949 г. – 42 322 чел., в 1951 г. – 53 чел.; из Литвы в 1948 г. – 39 766 чел., в 1949 г. – 29 180 чел., в 1950–1952 гг. – 22 804 чел.; из Эстонии в 1949 г. – 20 702 чел., 1951 г. – 269 чел.; с Украины - в 1947 г. – 77 751 чел., в 1951 г. – 8 984 чел.⁴⁴⁰

Все выселенные были направлены к местам спецпоселений в Красноярский край, Иркутскую область, Якутскую и Бурят-Монгольскую АССР.

Акция советского руководства по выселению семей националистов в целом носила антигуманный характер, но в какой-то мере подорвала социально-политическую базу повстанческого движения.

Осуществление активных агентурно-оперативных мероприятий и проведение операций по выселению родственников националистов привело к тому, что противоправная деятельность националистов и их пособников резко пошла на спад.

Лето 1949 г. – середина 1950-х г. Окончательная ликвида-

ция остатков националистического подполья. В заключительном периоде, к началу 1950-х гг. в борьбе с националистическим подпольем органы государственной безопасности стали еще активнее использоваться агентурные данные и агентурные мероприятия.

Несмотря на принимавшиеся жесткие меры, националистическое подполье в Украине и республиках Прибалтики продолжало осуществлять подрывную деятельность. В условиях разгоравшейся «холодной войны» лидеры националистов предприняли усилия по поиску поддержки за рубежом.

В результате их попыток в 1951 г. в Лондоне состоялось специальное совещание представителей американской и английской разведок для выработки согласованных мероприятий по более широкому использованию украинских националистов-эмигрантов и активизации подрывной деятельности националистического подполья на Украине. Были определены, в частности, зоны для предстоящих забросок агентов-парашютистов из числа оуновцев.

В тот же период подполье в Прибалтике, особенно эстонское, также привлекло внимание английской и американской разведок, которые осуществили для связи с ним заброску нескольких групп агентов общим количеством 14 чел.

Советские органы безопасности своевременно среагировали на активизацию разведывательно-подрывной деятельности западных спецслужб с использованием националистов. Захватив часть забрасываемых на территорию СССР агентов, органы МГБ завязали оперативные игры с западными разведками и в целом смогли нейтрализовать попытки спецслужб американцев и англичан использовать украинских и прибалтийских националистов в своих интересах. С использованием захваченных агентов-радиостов противника велось 15 радиоигр с американской, английской и шведской разведками, а также зарубежными эмигрантскими националистическими центрами. Наиболее значимыми среди них были радиоигры «Тропа» и «Звено», проведенная совместно с органами государственной безопасности Польши оперативная игра «Паутина».

В целях выявления и ликвидации главарей националистического подполья в 1950-е гг. органы МГБ активно создали

легендированные организации националистов из завербованных бывших участников вооруженного подполья.

Так, члены созданного органами безопасности «штаба» «Северовосточной области Литвы» устанавливали связи с бандами, организовывали «совещания» и в зависимости от обстановки захватывали живыми или ликвидировали явившихся по вызову бандитов. Только в период с 15 апреля по 20 августа 1952 г. в результате работы «штаба» было убито 54 и захвачено 19 руководителей и участников бандподполья⁴⁴¹.

В период 1949–1956 гг. органам МГБ СССР принятыми агентурно-оперативными мерами удалось в полностью ликвидировать остатки националистического подполья и его вооруженных формирований.

Борьба органов власти СССР с вооруженной оппозицией, длившаяся более десяти лет, стоила огромных жертв. По официальным и далеко не полным данным, потери сотрудников органов НКГБ–МГБ, НКВД–МВД, советского и партийного актива, работников советских учреждений от террористических актов в 1944–1956 гг. составили более 17 тыс. чел.

Необходимо подчеркнуть, что органы государственной безопасности, являясь составной частью государственных институтов, призванных обеспечивать суверенитет, независимость и территориальную целостность страны, сумели в послевоенный период защитить государственные интересы, удержать под жестким контролем социально-политическую обстановку в западных регионах СССР.

Политическое руководство СССР, используя широкий арсенал возможностей, в том числе жесткий централизм спецслужб, их мобильность, наличие высоко дисциплинированных и исполнительных кадров, агентуры, охватившей и глубоко погруженной во все сферы жизни Украины и республик Прибалтики, сумело к концу 1949 г. перевести на свою сторону местное население, и в конечном итоге обеспечило полный разгром вооруженного подполья к 1956 г.

**Организационно-правовые аспекты
оперативно-служебной деятельности
правоохранительных органов и спецслужб
по борьбе с националистическим подпольем
в послевоенный период**

Механизм правового регулирования деятельности органов государственной безопасности в своих основных чертах был отработан в предшествующий период и во второй половине 1940-х гг. не претерпел серьезных изменений. Организационная структура соответствовала стоящим перед спецслужбами задачами, основной из которых являлось надежное обеспечение государственной безопасности.

Руководством СССР были четко определены угрозы безопасности страны, которым должна была противодействовать отечественная спецслужба. В годы Великой Отечественной войны наибольшую опасность представляла деятельность германских спецслужб и их агентуры на советской территории, поэтому основное внимание было сосредоточено на борьбе с ними.

После освобождения советской территории серьезную угрозу восстановленным органам власти в западных областях СССР стала представлять деятельность националистического подполья.

В этой связи основным содержанием деятельности органов государственной безопасности в первое послевоенное десятилетие стала борьба с антисоветской деятельностью националистических формирований. Помимо этого, серьезные усилия органов государственной безопасности были сосредоточены на решении разведывательных и контрразведыватель-

вательных задач, недопущении роста антисоветских настроений населения, а также обеспечении послевоенного восстановления разрушенной экономики.

Растянувшийся более чем на десятилетие процесс борьбы органов государственной безопасности с националистическими формированиями можно условно разделить на три этапа:

первый – подавление открытых вооруженных выступлений (1944–1946 гг.);

второй – разгром организованного националистического подполья (1947–1952 гг.);

третий – уничтожение остатков националистического подполья и отдельных бандгрупп (1953–1956 гг.).

В соответствии с советским уголовным законодательством, деятельность националистических формирований интерпретировалась как «уголовный бандитизм» и «бандитско-повстанческая деятельность», или «политический бандитизм», который рассматривался органами советской власти как наиболее опасная форма деятельности «буржуазно-националистического элемента». Соответственно этому была организована и работа правоохранительных органов и спецслужб: задачей НКГБ было уничтожение высшего уровня движения сопротивления, в том числе – заграничных националистических центров, а к задачам НКВД относилось обеспечение ликвидации созданных или руководимых ими вооруженных банд. Выполнением этой задачи занимались также внутренние войска и истребительные батальоны, находившиеся в распоряжении НКВД⁴⁴².

Первоначально (сразу после освобождения оккупированных территорий) в работе местных органов НКГБ царила неразбериха, которая была ликвидирована только после вмешательства руководства органов госбезопасности. Вот как характеризовал первые месяцы работы НКГБ Эстонской ССР начальник 6-го отдела 2-го Управления НКГБ СССР комиссар госбезопасности Л.И. Новобратский: «До 3 октября

1944 г., то есть до прибытия в Таллинн т. Сазыкина аппарат НКГБ ЭССР как в Таллинне, так и на периферии к работе не приступил. Люди были заняты устройством личных дел (приобретение квартир, мебели и т.д.), а те, кто свои личные дела устроили, слонялись без дела. По собственному признанию заместителя наркома госбезопасности ЭССР т. Михайлова «в наркомате творилась неразбериха». НКГБ ЭССР, несмотря на длительное время, имевшееся в его распоряжении для подготовки, приехал на освобожденную территорию совершенно неподготовленным.

Все директивы НКГБ СССР, касающиеся организации работы на освобожденной территории, списки разыскиваемых лиц, данные об агентурно-осведомительной сети, оставшейся на оккупированной территории и другие необходимые для работы материалы оказались оставленными в Ленинграде и были присланы в Таллинн через 3 недели после его освобождения».

В территориальных органах НКГБ СССР борьба с националистами входила в компетенцию 2-х (контрразведывательных) отделов.

Так, например, приказом народного комиссара госбезопасности СССР были созданы два 2-х отдела НКГБ ЭССР – один по г. Таллинну, а другой – по руководству периферийными органами госбезопасности. Оба отдела приступили к работе в декабре 1945 г.

В составе 2-го отдела НКГБ по г. Таллинну было создано 7 отделений:

- 1-е – по обслуживанию промышленности и промкооперации;
- 2-е – по городской интеллигенции;
- 3-е – по молодежи;
- 4-е – по церковникам и сектантам;
- 5-е – по обслуживанию советского аппарата;
- 6-е – по борьбе с иностранными шпионами, репатриантами и розыску агентуры противника;

7-е – учетно-информационное.

В составе 2-го отдела НКГБ по руководству периферийными органами было создано 5 отделений:

1-е – по обслуживанию промышленности;

2-е – по сельскому хозяйству и борьбе с кулацким террором и бандповстанческими формированиями;

3-е – по сельской интеллигенции и молодежи;

4-е – по розыску авторов антисоветских листовок и анонимок;

5-е – учетно-информационное.

Структура этих подразделений в целом отражает компетенцию и основные направления деятельности органов госбезопасности в этот период. Как видно, борьбе с националистическими организациями придавалось не столь большое значение – борьбой с бандповстанчеством занималось одно отделение, да и сами работники первоначально плохо представляли опасность, которая исходила от деятельности националистического подполья.

Борьба с националистическими формированиями помимо НКГБ входила в компетенцию наркомата внутренних дел. В структуре НКВД СССР и союзных республик продолжили свою работу созданные перед войной отделы по борьбе с бандитизмом (ОББ). Координировал работу ОББ НКВД Латвийской, Литовской и Эстонской ССР 2-й отдел (по борьбе с антисоветским подпольем и вооруженными бандами, созданными и оставленными германскими разведывательными органами в Белоруссии и Прибалтике) ГУББ НКВД СССР.

Помимо указанных наркоматов борьбой с националистическими формированиями занимались также и органы военной контрразведки «Смерш». Вот что докладывали Б.З. Кобулов и А.Н. Аполлонов Л.П. Берия о состоянии дел в г. Каунасе летом 1945 г.: «В Каунасе борьбу с антисоветским элементом ведут свыше 15 органов: горотдел НКВД, горотдел НКГБ, уездный отдел НКВД, уездный отдел НКГБ, водный отдел НКГБ, транспортный отдел НКГБ, и до 10 отделов

«Смерш» частей и учреждений Красной армии. Все они действуют самостоятельно, и нет единого органа, который сумел бы объединить усилия и возможности этих органов и направить их для выполнения общей задачи. В результате они только, по сути дела, мешают друг другу и не обеспечивают действенной борьбы с антисоветским подпольем и его вооруженными бандами».

Таким образом, борьба с националистическими формированиями после окончания войны была сосредоточена в нескольких государственных органах и в целом велась недостаточно эффективно. Руководство страны и органов госбезопасности это понимало и предпринимало многочисленные попытки координировать эту деятельность.

Весной 1946 г. руководство страны подняло вопрос об объединении органов государственной безопасности в одном ведомстве.

Приказом НКГБ СССР от 22 марта 1946 г. № 00107 Наркомат государственной безопасности был преобразован в Министерство госбезопасности (МГБ) СССР, в которое также вошли органы военной контрразведки.

Однако борьба с националистами по-прежнему была сосредоточена в двух министерствах – государственной безопасности и внутренних дел. Это значительно снижало эффективность работы, приводило к распылению сил и средств, взаимной расшифровке агентуры и проводимых мероприятий, преждевременным арестам объектов оперативных разработок.

Необходимость объединения подразделений по борьбе с бандитизмом понимали на всех уровнях и в МГБ, и в МВД.

Вот, например, что говорил начальник одного из отделов по борьбе с бандитизмом: «В органах ВЧК–ОГПУ вся борьба с бандитизмом сосредоточивалась только в т. н. бандотделах, первоначально существовавших самостоятельно, а впоследствии вошедших в качестве самостоятельных отделений в контрразведывательные отделы (КРО).

В этой структуре функциональности заключался глубокий смысл, так как опыт борьбы с бандитизмом показал, что все виды бандитизма, даже уголовного, не считая, конечно, чисто политического, закордонного и диверсионного, требуют особых, специфических агентурно-оперативных мероприятий чисто чекистского порядка. Это вызывалось, прежде всего, тем, что бандитизм, как правило, инспирировался контрреволюционным подпольем или закордонными разведками.

Даже уголовный бандитизм зачастую использовался контрреволюционными партиями или же сам по себе перерастал в политические формы, приобретая явно антисоветскую окраску и чаще всего террористическую...

...В пользу того, что отделы по борьбе с бандитизмом должны находиться в системе госбезопасности, говорит и то соображение, что каждая банда в потенциале содержит повстанческие начала, которые, как известно, представляют чистый вид политических устремлений, направленных к свержению советской власти.

В свете изложенных соображений органам милиции, как это было до сих пор, традиционно свойственна работа по борьбе с грабежами, т. е. с действиями, производимыми эпизодическими и случайными формированиями, время от времени занимающимися грабежами и разбоями. Методика борьбы с ними совершенно иная и резко отличается от тактики борьбы с бандитизмом.

Опыт прошлого показал, что недолговременное нахождение отделов по борьбе с бандитизмом в системе милиции не давал положительных результатов и по-прежнему органы госбезопасности вынуждены бывали брать милицию на буксир и возглавлять эту работу, используя личный состав милиции чаще всего в качестве вооруженной силы»⁴⁴³.

Следует отметить, что предпринимаемых организационных мер по усилению взаимодействия и координации работы

двух ведомств было явно недостаточно и окончательно разгромить националистические формирования (к чему призывали руководители органов госбезопасности и внутренних дел) в Прибалтике не удавалось.

Поэтому в начале 1947 г. в системе органов МГБ были произведены новые структурно-кадровые преобразования, связанные с необходимостью усиления борьбы с националистическим подпольем. Борьба с националистами была сосредоточена в одном ведомстве – министерстве госбезопасности, куда были переданы подразделения МВД по борьбе с бандитизмом.

В составе 2-го Главного (контрразведывательного) управления МГБ СССР был создан отдел 2-Н, а в союзных республиках – самостоятельные управления-отделы 2-Н, возглавляемые, как правило, заместителями министра государственной безопасности.

На эти отделы возлагались следующие задачи:

- оперативная разработка формирований вооруженного националистического подполья;
- руководство специальными оперативными (агентурными) группами органов госбезопасности и агентами-боевиками;
- руководство истребительными батальонами;
- ведение оперативного учета.

В соответствующие подразделения 2-Н МГБ из МВД были переданы подразделения по борьбе с бандитизмом и переведены наиболее квалифицированные сотрудники. Так же в МГБ из МВД были переданы внутренние войска.

В республиканских МГБ были созданы отделы 2-Н, в которых была сосредоточена работа по борьбе с националистами. Структура отделов в этих республиках была похожей.

1-е отделение отдела 2-Н занималось борьбой с руководящими звеньями нацподполья, 2-е и 3-е отделения – с националистами в различных географических областях республик, 4-е отделение руководило деятельностью истребительных

батальонов, 5-е отделение занималось учетно-информационной работой⁴⁴⁴.

Особенностью деятельности республиканских органов госбезопасности являлось то, что противодействием националистическим бандам занимались не только работники специализированных подразделений 2-Н.

Задача по проникновению в зарубежные националистические центры была поставлена перед 1-и (разведывательными) отделами, которые начали создаваться в наркоматах госбезопасности союзных республик весной 1945 г., но в полную силу заработали только к началу 1950-х гг.⁴⁴⁵

Сотрудники органов госбезопасности фиксировали тесную связь деятельности националистов с разведывательно-подрывной деятельностью иностранных спецслужб с момента освобождения Прибалтийских республик. Поэтому деятельность 2-х (контрразведывательных) отделов была направлена на выявление, предупреждение и пресечение использования националистов зарубежными спецслужбами и разработку конкретных националистов – агентов западных разведорганов.

Реформирование органов государственной безопасности было продолжено и в последующий период. В октябре 1949 г. было принято решение Политбюро ЦК ВКП(б) о передаче в Министерство государственной безопасности органов милиции и пограничных войск. Таким образом фактически была повторена ситуация начала 1930-х гг., когда органы внутренних дел и пограничные войска входили в состав ОГПУ СССР.

Решение о передаче органов внутренних дел в систему МГБ СССР, на наш взгляд, вело к размыванию компетенции министерства и разбуханию управленческого аппарата, что снижало эффективность решения задач по обеспечению государственной безопасности.

Вместе с тем, целесообразность передачи в МГБ СССР пограничных войск не вызывает сомнений. Эта мера позволила, в частности, улучшить координацию и взаимодействие органов госбезопасности и пограничников по борьбе с националистическим подпольем, облегчила проведение ряда операций по задержанию эмиссаров зарубежных националистических центров в момент пересечения ими государственной границы.

После смерти И.В. Сталина уже 7 марта 1953 г. МГБ и МВД СССР вошли в состав нового Министерства внутренних дел СССР под руководством Л.П. Берия⁴⁴⁶.

До мая 1953 г. работу по борьбе с националистами вело 1-е Главное (контрразведывательное) управление МВД СССР, а затем работа по борьбе с нацподпольем была сосредоточена в 4-м (секретно-политическом) управлении⁴⁴⁷, 2-й отдел которого занимался агентурно-оперативной работой по выявлению и пресечению деятельности националистических элементов и организаций⁴⁴⁸.

В феврале 1954 г. на заседании Президиума ЦК КПСС было принято решение о разделении объединенного министерства и выделения из его состава органов государственной безопасности, в результате чего в марте 1954 г. был образован Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР⁴⁴⁹.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 12 марта 1954 г. «О работе органов государственной безопасности» были сформулированы основные задачи органов госбезопасности в борьбе с националистическим подпольем: «ликвидация остатков буржуазно-националистического подполья в ... республиках Прибалтики; вскрытие и решительное пресечение подрывной деятельности активно проявляющих себя антисоветских элементов; выявление маскирующихся врагов советского государства, особенно лиц, вынашивающих враждебные замыслы, и предупреждение активных антисоветских проявлений с их стороны»⁴⁵⁰.

В Центральном аппарате противодействием националистическим организациям занималось 4-е Управление КГБ СССР, а на местах – 4-е отделы.

Так как эти подразделения решали схожие задачи, их структура также была похожей. В КГБ Латвийской ССР, например, 4-й отдел в указанный период включал в себя 6 отделений:

1-е отделение – подбор, изучение и приобретение перспективной агентуры как для разработки враждебных элементов, так и для вывода за кордон с целью внедрения в зарубежные антисоветские организации, разработка лиц, вернувшихся из заключения, проведение мероприятий по делам оперучета на бывших членов политических партий и организаций Латвии, бывших карателей, активных пособников немецких оккупантов, бывших агентов-provokаторов политохранки буржуазной Латвии;

2-е отделение – выявление и разработка лиц, проводящих организованную антисоветскую деятельность, осуществление мероприятий по внедрению нашей агентуры в закордонные националистические центры;

3-е отделение – розыск и окончательная ликвидация остатков вооруженного бандподполья, розыск нелегалов, изъятие оружия, пресечение враждебной деятельности бывших участников банд, вернувшихся из мест заключения;

4-е отделение – оперативная работа в высших и средних учебных заведениях, среди интеллигенции как для разработки враждебных элементов, так и для использования в закордонных мероприятиях;

5-е отделение – оперативная работа среди духовенства, в том числе – подбор, изучение и вербовка агентуры из числа связей лиц, находящихся за границей для последующего использования этой агентуры в закордонных мероприятиях.

6-е отделение – розыск авторов и распространителей антисоветских анонимных документов.

Эта структура наиболее полно соответствовала задачам деятельности органов госбезопасности по борьбе с националистическим подпольем, которые, в свою очередь, отражали изменение обстановки в первой половине 1950-х гг.

Таким образом, организационная структура и компетенция подразделений спецслужб и органов внутренних дел, борющихся с националистическими формированиями в период 1944–1956 гг. претерпела серьезные изменения.

В первое время после освобождения Прибалтики опасность националистических формирований была серьезно недооценена, поэтому борьба с ними была расплывлена между несколькими ведомствами и в целом велась недостаточно эффективно.

Руководство страны, спецслужб и правоохранительных органов предпринимало неоднократные попытки скоординировать деятельность по борьбе с националистами, однако, сосредоточить все усилия в одной структуре удалось только после образования подразделений 2-Н МГБ СССР.

Происходившие в конце 1940-х – начале 1950-х гг. преобразования органов госбезопасности, безусловно, оказали влияние и на работу подразделений по борьбе с националистическими формированиями. Слияние и разделение министерств, изменение компетенции, многочисленные аресты руководителей органов госбезопасности, на наш взгляд, негативно сказались на эффективности работы отечественной спецслужбы.

**О противодействии органов НКГБ–НКВД СССР
японским спецслужбам в Западной Сибири
накануне и в годы Великой
Отечественной войны**

С момента установления консульских отношений Советского Союза с другими государствами на территории СССР были открыты десятки иностранных консульств, которые осуществляли свои функции на определенных территориях, называемых консульскими округами. Количество консульских округов и консульских учреждений определялось по согласованию между государствами. Основной задачей консульств была защита в государстве пребывания интересов представляемого государства, его граждан и организаций, а также развитие дружественных связей в различных областях (экономика, торговля, наука, культура и др.)⁴⁵¹.

Под влиянием особенностей внешней политики Советского Союза количество консульских учреждений, находившихся в СССР, периодически менялось, причем с приближением Второй мировой войны наблюдалась тенденция их сокращения. Так, начиная с 1934 г., в СССР участились случаи арестов иностранцев, достигшие своего пика в 1937–1938 гг. В 1935 г. консульским представителям было отказано в абонементе ряда ведущих газет и журналов⁴⁵². Весной 1937 г. в СССР началась ликвидация иностранных консульств. Это было связано с тем, что в преддверии «большого террора» указанные учреждения стали рассматриваться в СССР не только как «наблюдательные посты», но и как разведывательно-диверсионные центры иностранных спецслужб. Непосредственным предлогом для проведения этой кампа-

нии стало достижение паритета, т.е. приведение к одинаковой численности имевшихся за рубежом консульств Советского Союза и аналогичных иностранных учреждений на советской территории. Первоначально требование о закрытии консульских представительств было предъявлено четырем государствам, входившим в разряд недружественных СССР стран: Польше, Японии, Германии и Италии, которые должны были закрыть 14 своих консульств в Советском Союзе. В дальнейшем подлежали закрытию еще 17 иностранных консульств, в том числе единственные в СССР консульства Англии, Эстонии, Латвии, Швеции, Дании⁴⁵³.

Решение советского правительства о ликвидации иностранной консульской сети в СССР было окончательно реализовано в середине 1938 г. благодаря последовательным действиям, среди которых немаловажную роль играли спецслужбы, активно применявшие методы психологического давления на персонал иностранных консульств. Накануне Великой Отечественной войны советскими органами государственной безопасности отмечалась активная деятельность разведывательных служб Японии и в Западной Сибири. Это было связано с тем, что в тридцатых годах XX века в Новосибирске под прикрытием японского консульства работала резидентура военно-политической разведки Японии, в состав которой, в частности, входили: консул О. Хидео, направленный МИДом Японии в Новосибирск в 1937 г., получивший за достигнутые успехи в разведывательной деятельности прозвище «японский Зорге»; майор генерального штаба Японии Т. Сейсиро, прибывший в Новосибирск в 1935 г., действовавший под прикрытием должности секретаря консульства; секретарь японского консульства О. Госима, прибывший в Новосибирск в 1935 г.⁴⁵⁴

Указанные сотрудники японского консульства направлялись в Новосибирск через Генеральное консульство Японии в Харбине, прекрасно владели русским языком, обладали

навыками агентурной работы. Японское консульство в Новосибирске было оснащено современной по тем временам шифровальной техникой⁴⁵⁵.

Японских разведчиков интересовала информация, связанная с оборонной промышленностью Новосибирска (номенклатура и объем выпускавшейся продукции), частями Красной армии, входившими в состав Новосибирского гарнизона (дислокация, численность, вооружение), структурой сибирских органов НКВД, а также аэродромами и железнодорожными узлами⁴⁵⁶.

Основными методами добывания информации японских разведчиков были выезды к местам дислокации подразделений и частей Красной армии в Сибирском военном округе, наблюдение за железнодорожными узлами и мостами через реку Обь, а также ведение агентурной работы среди местного населения.

В результате проведения сибирскими чекистами оперативных мероприятий разведывательная деятельность сотрудников японского консульства была пресечена: решением советского правительства Ота и Такахаси были высланы из СССР в октябре 1937 г., а по обвинению в шпионаже в пользу Японии были арестованы и осуждены 63 гражданина СССР⁴⁵⁷.

С началом Великой Отечественной войны Сибирь в качестве важного тылового региона стала привлекать внимание 6-го (аналитического) отделения 5-го (русского) отдела 2-го (разведывательного) управления генерального штаба японской армии. В зависимости от положения дел на советско-германском фронте, японские службы то усиливали разведывательную деятельность в отношении СССР, то переходили к оборонительной тактике, сводя к минимуму разведывательную деятельность, чтобы избежать обострения советско-японских отношений⁴⁵⁸.

24 июня 1941 г. вышла директива НКГБ и НКВД СССР № 134, определявшая порядок агентурно-оперативного обслуживания сотрудников иностранных дипломатических представительств и интернированных лиц в связи с началом военных действий с Германией. В этой директиве разъяснялось, что обслуживание сотрудников иностранных консульств возлагается на органы НКГБ–УНКГБ, а обслуживание, содержание и охрана интернированных лиц – на органы НКВД–УНКВД СССР⁴⁵⁹.

Хотя в Новосибирске в годы войны японских консульств уже не существовало, чекисты продолжали выявлять и арестовывать лиц, связанных с японской разведкой. Так, в августе 1942 г. новосибирскими контрразведчиками была ликвидирована резидентура японской разведки из трех человек, основной задачей которой был сбор информации о сибирской железнодорожной магистрали и работе промышленных предприятий оборонного комплекса⁴⁶⁰.

В декабре 1942 г. по подозрению в шпионаже в пользу Японии был арестован гражданин Т. В ходе следствия было установлено, что в 1921 г. он был завербован представителем японской разведки в Харбине, а в 1924 г. переправлен в СССР для проведения разведывательной работы в Киеве, где вступил в контакт с другим агентом японских спецслужб по кличке «Фигура», через которого передавал добытую информацию своим хозяевам. До начала войны Т. успел поработать в Киеве, Ялте, Челябинске, а в 1941 г. прибыл в Сибирь, где был разоблачен и арестован в 1942 г.⁴⁶¹

Кроме вышеуказанных примеров, можно привести статистику, обобщающую контрразведывательную работу сибирских чекистов по противодействию японским спецслужбам. Данные о количестве лиц, арестованных органами НКГБ–НКВД СССР по подозрению в шпионаже в пользу Японии в годы Великой Отечественной войны, выглядят следующим образом: в 1941 г. – 34 чел., в 1942 г. – 17 чел., в

1943 г. – 2 чел., в 1944 г. – 1 чел., в 1945 г. – 2 чел.⁴⁶² Наибольшее количество из этих лиц было арестовано в Новосибирской области (37 чел.), наименьшее – в Омской области (2 чел.)⁴⁶³.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны контрразведывательная работа по японской линии, которая осуществлялась сотрудниками органов госбезопасности в Западной Сибири, была направлена на вскрытие и пресечение разведывательной и иной противоправной деятельности японской агентуры, оставшейся и продолжавшей действовать в сибирском регионе после закрытия японского консульства в Новосибирске.

В результате указанной работы чекистами были получены материалы, подтверждавшие, что японская разведка в Новосибирске и других городах Западной Сибири как накануне, так и в период войны вела активную разведывательную работу по линии сбора военной, политической и экономической информации о сибирском регионе.

Московский пограничный институт: история и современность

4 февраля 2022 г. Московскому пограничному институту Федеральной службы безопасности Российской Федерации исполнилось 90 лет⁴⁶⁴. Сегодня нет ни одного участка государственной границы, где бы ни служил выпускник института.

Летопись пограничных войск хранит немало ярких примеров мужества и героизма, проявленные в разное время питомцами вуза. Институту есть кем гордиться: 22 его выпускника стали Героями Советского Союза, а 11 чел. – Героями Российской Федерации⁴⁶⁵. Тысячи его воспитанников награждены орденами и медалями Отечества.

В настоящее время выпускники института составляют значительную часть офицерских кадров пограничных органов ФСБ РФ, занимают руководящие должности в пограничных войсках стран Содружества Независимых Государств.

За годы существования института были подготовлены сотни иностранных офицеров-пограничников.

Большой и славный путь прошло наше учебное заведение, здесь сложилось немало славных пограничных и боевых традиций.

За высокие заслуги в деле подготовки высококвалифицированных офицерских кадров для пограничных органов институт награжден орденами Красного Знамени (1967 г.) и Октябрьской революции (1982 г.), орденами иностранных государств.

Институт сегодня – это высшее многопрофильное военно-учебное заведение, в котором созданы все необходимые условия для подготовки будущих офицеров.

История института зарождалась в сложное время, когда обстановка на государственной границе СССР требовала от правительства страны радикальных мер по укреплению рубежей первого в мире государства, избравшего путь строительства социализма, наряду с оснащением пограничных войск техническими средствами, боевой техникой, обладающих высокой служебной квалификацией и профессиональным мастерством.

В июле 1930 г. Совет Труда и Оборона принял решение об организации военных школ для подготовки начальствующего состава пограничной охраны и войск ОГПУ. В ноябре 1930 г. в городе Новый Петергоф создаётся 1-я школа погранохраны, затем, в декабре 1931 г., в Харькове – 2-я школа погранохраны. Во исполнение приказа ОГПУ № 90 от 4 февраля 1932 г. формируется 3-я школа пограничной охраны и войск ОГПУ в Москве. В решении задач строительства пограничных войск школе отводилась особая роль: она должна была обеспечить подготовку и переподготовку командно-технических кадров для пограничной охраны и войск ОГПУ. Именно с этого периода начинается история Московского пограничного института.

У истоков формирования школы были бывший начальник пограничного отряда Я. Я. Бушман, назначенный начальником школы, помощник начальника школы по политической части И. И. Кочин, начальник штаба школы П. С. Зарянкин и другие⁴⁶⁶. В марте года 1932 г. укомплектование школы постоянным составом в основном завершилось и ей был отведен участок в районе г. Реутова для строительства полевого учебного лагеря.

К середине мая 1932 г. был осуществлен набор курсантов в школу, в основном красноармейцев и младших командиров срочной и сверхсрочной службы. Организуется обучение по трем профилям: пехотному (готовились командиры взводов,

начальники и помощники начальников застав), политическому (готовившему политработников подразделений) и связи.

Осенью 1932 г. школа переехала в только что выстроенное здание на Ленинградском шоссе, д. 3/5. Сюда перевели курсантов 1-го, 2-го и 3-го курсов, обучавшихся по профилю связи из 1-й Ново-Петергофской и 2-й Харьковской школ.

В конце 1932 г. состоялся первый выпуск офицеров. 1200 командиров пехотного профиля получила пограничная охрана и войска ОГПУ из 3-й школы. Это был значительный вклад в повышение боеспособности войск и усиление охраны государственной границы СССР.

Через несколько месяцев в школе произошло еще одно торжественное событие. В соответствии с постановлениями ЦИК СССР и приказом ОГПУ от 16 апреля 1933 г. школе было вручено Боевое Красное Знамя – символ воинской чести, доблести и славы. Это явилось одновременно и признанием больших заслуг учебного заведения в подготовке командных кадров.

В июле 1934 г. приказом НКВД школе было присвоено имя пламенного революционера, видного организатора и руководителя ОГПУ В.Р. Менжинского⁴⁶⁷.

Быстрая «технизация» пограничных войск выдвинула задачу дальнейшей специализации 3-й школы по подготовке командно-технических кадров. Приказом НКВД от 29 мая 1935 г. школа была реорганизована в 3-ю пограничную школу связи НКВД имени В.Р. Менжинского.

Реорганизация школы, необходимость создания материально-технической базы для подготовки специалистов связи потребовали изменения дислокации учебного заведения. 3-й пограничной школе связи были предоставлены территория и постройки железнодорожного училища РККА в г. Лосино-островский Московской обл. (с 1960 г. – в черте Москвы).

В октябре 1935 г. состоялся первый выпуск курсантов после реорганизации школы и переезда ее на новое место дислокации. политической и общеобразовательной подготовке командно-технического состава пограничных и внутренних войск НКВД СССР.

К концу 1935 г. завершается строительство учебного корпуса, закончилось оборудование классов радиотехники, электротехники, вошли в строй лекционный зал и радиомастерская, другие учебные и специальные помещения.

Дальнейший рост технического оснащения пограничных войск предъявлял все новые, более высокие требования к подготовке квалифицированных специалистов. В апреле 1937 г. 3-ю пограничную школу связи преобразовали в Московское военное училище связи пограничной и внутренней охраны НКВД им. В.Р. Менжинского. Срок обучения курсантов был увеличен с 2 до 3 лет. В штат училища вводят должности помощников командиров дивизионов по политчасти, создается политотдел, а также учебный отдел.

В предвоенные годы в училище все больше стало поступать пограничников, отличившихся при охране государственной границы, проявивших мужество, героизм и отвагу в борьбе с врагами Родины.

Так, в 1937 г. с дальневосточной границы в училище прибыл Н. Полковниченко, кавалер ордена Красного Знамени. В 1939 г. поступил в училище герой боев у озера Хасан И. Захаров. Родина высоко оценила заслуги отважного пограничника, наградив его орденом Ленина. В училище поступали и другие воины, имевшие высокие награды. Они являлись живыми носителями славных боевых и чекистских традиций. На них равнялись молодые курсанты, решившие посвятить свою жизнь службе в пограничных войсках.

Важную боевую задачу выполняли курсанты, слушатели и офицеры училища, откомандированные в декабре 1939 г. на финский фронт в распоряжение командиров оперативных полков НКВД СССР. Из большого числа добровольцев было

отобрано 271 чел. Все они проявили на фронте упорство и мужество, стойко переносили суровые морозы.

За героизм и мужество, проявленные в боях на финском фронте Указом Верховного Совета СССР от 26 апреля 1940 г. награждены 42 представителя училища. Ордена Ленина был удостоен курсант М.Д. Рябов, орденом Красного Знамени награждены майор Д.Л. Абакумов, батальонный комиссар И.В. Тарасов, старшие политруки С.Л. Федорченко и В.М. Гельбштейн, лейтенант А.П. Ялунин, орденом Красной Звезды – 13 чел., медалями «За отвагу» – 7 и «За боевые заслуги» – 17 чел.

За успешное выполнение боевых заданий правительства по охране государственной границы и проявленные при этом отвагу и героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 апреля и 26 апреля 1940 г. выпускникам училища 1932 года старшему лейтенанту М.С. Шамраю, лейтенанту И. М. Кобзуну и выпускнику 1934 г. лейтенанту А. Г. Лужецкому было присвоено звание Героя Советского Союза⁴⁶⁸.

Накануне Великой Отечественной войны центральное место в обучении преподавательского состава, курсантов и слушателей заняло изучение боевого опыта войск за период 1938–1940 гг., опыта использования средств радио- и проводной связи, стрелкового оружия в различных климатических и метеорологических условиях.

Война с белофиннами выявила необходимость дальнейшего усиления военной и военно-технической подготовки офицеров-пограничников.

Начавшаяся в июне 1941 г. Великая Отечественная война поставила перед Московским военно-техническим училищем войск НКВД СССР имени В.Р. Менжинского новые ответственные задачи.

В первые же дни войны училище выпустило досрочно 837 слушателей курсов усовершенствования командного состава и курсантов старшего курса. Большинство выпускни-

ков офицеров-связистов, оружейных техников, офицеров-хозяйственников прямо из училища направлялись на фронт, в действующие боевые части.

С июля 1941 г. училище перешло на ускоренную подготовку командиров-специалистов. Сроки обучения курсантов отделения связи и административно-хозяйственного сократили с 3 лет до 6 месяцев, на оружейно-техническом отделении до 9 месяцев, слушателей на курсах усовершенствования командного состава связи и административно-хозяйственной службы был установлен 2 месяца, оружейно-технической службы 4 месяца.

Но действовать приходилось не только в учебной обстановке. Ставка Главного командования (затем – Верховного главнокомандования), начиная с июня 1941 г., принимала энергичные меры по организации обороны Москвы и в первую очередь ее противовоздушной обороны. Эта задача была поставлена и перед частями Московского гарнизона, которые входили в единую систему воздушной разведки и борьбы с самолетами противника. Определенное место в осуществлении противовоздушной обороны столицы отводилось и Московскому военно-техническому училищу войск НКВД им. В.Р. Менжинского.

Приказом командования от 22 июня 1941 г. в училище устанавливалось круглосуточное дежурство главного поста ВНОС № 2000 и организовывалась система огня по воздушным целям. Личный состав училища в короткий срок был обучен приемам борьбы с зажигательными бомбами. В соответствии с инструкцией по борьбе с авиадесантами и отрядами противника, утвержденной заместителем Народного комиссара обороны Маршалом Советского Союза Б.М. Шапошниковым, вся территория Московского военного округа в радиусе 150 км делилась на два боевых участка – Западный и Восточный. Начальником Восточного боевого участка был назначен начальник МВТУ им. Менжинского комбриг Д.П.

Жебровский, военным комиссаром – военком училища военинженер 1 ранга А.П. Ястрембжский.

Для борьбы с авиадесантами и разведывательно-десантными группами в секторе дороги Москва – Ярославль, Москва – Дмитров и в районе Калининград – Мытищи – Бабушкин были выставлены от училища две усиленные оперативные группы на машинах численностью до 40 чел. каждая. Кроме того, часть курсантов и командиров училища привлекалась к несению службы по охране линий засекреченных линий связи.

В соответствии с приказом НКВД СССР училище вместе с другими частями и подразделениями внутренних войск с 13 по 20 октября 1941 г. выполняло боевые задачи в Калининском секторе Московской зоны обороны, затем было выведено из боевого расчета и возвратилось в г. Бабушкин. Здесь оно получило приказ о передислокации в тыл, в г. Новосибирск⁴⁶⁹.

Условия боевого времени требовали коренной перестройки учебно-воспитательной работы. Особое внимание стало уделяться изучению организации и ведению боя в лесу, ночью, зимой, в окружении, в горах и других особых условиях. На основе опыта ведения боевых действий в тематические планы были включены вопросы об особенностях организации связи в различных условиях обстановки. При этом широко использовались советы и рекомендации выпускников училища, находящихся в действующей армии. Они публиковались в училищной газете «Менжинец» под рубрикой «Советы менжинца-фронтовика».

В этот трудный год курсанты, командиры, рабочие и служащие собрали несколько десятков тысяч рублей на строительство самолета «Новосибирский чекист». В 1942 г. на средства личного состава училища, собранные к 25-й годовщине Красной армии, были построены еще 3 истребителя.

За первый год войны училище окончило 1816 чел. (1486 курсантов и 330 слушателей). В 1942 г. было произведено 3

выпуска курсантов и слушателей, несколько выпусков курсов командного состава. Все выпускники этих и последующих лет были направлены на фронт или в войска НКВД.

Положение на фронте к весне 1944 г. в корне изменилось. Под ударами Красной армии немецко-фашистские захватчики все дальше откатывались назад. Москва уже перестала быть прифронтовым городом. А поэтому НКВД СССР принял решение о возвращении Московского военно-технического училища в Москву. В мае – июне 1944 г. училище прибыло на место своей постоянной дислокации, и уже 3 июля начались занятия.

В 1944 г. училище произвело 4 выпуска курсантов и слушателей курсов усовершенствования офицерского состава.

Одновременно курсанты училища в феврале 1945 г. с честью выполнили задание государственной важности – обеспечение безопасности на Ялтинской конференции глав правительств 3 союзных держав: СССР, США и Англия, где был намечен план окончательного разгрома Германии, выработаны условия ее безоговорочной капитуляции.

В ознаменование Победы над фашистской Германией 24 июня 1945 г. в Москве на Красной площади состоялся Парад Победы. Военно-техническому войскам НКВД СССР им. В.Р. Менжинского была оказана высокая честь – пройти в едином строю с фронтовиками.

Выпускники училища вписали славную страницу в героическую летопись Великой Отечественной войны. За доблесть и мужество в боях тысячи из них были награждены орденами и медалями, а генерал-майор Н.М. Михайлов, офицеры А.В. Рыжиков, И.П. Гоманков, Ф.С. Сабельников, П.Е. Брайко, Н.А. Беляков, А.В. Шигаев, Н.П. Титов, Н.А. Подорожный, Ф.Е. Хребтов были удостоены звания Героя Советского Союза.

Училище за годы войны накопило ценный опыт организации учебно-воспитательной работы, сохранило квалифи-

цированный преподавательский состав и было готово к решению новых задач в деле подготовки офицерских кадров в период мирного строительства⁴⁷⁰.

После войны вопросы подготовки и переподготовки офицерских кадров продолжали оставаться в центре внимания руководства НКВД СССР. Перед училищем была поставлена новая задача готовить курсантов по программе полного среднего военного образования. Летом 1945 г. Московское военно-техническое училище НКВД им. В.Р. Менжинского реформируется и получает новое наименование Московского военного училища войск НКВД СССР. Его интендантская и оружейно-техническое отделение были переданы в состав Харьковского военного училища.

В 1945 г. училище произвело выпуск курсантов основных отделений и слушателей 3-месячных сборов редакторов окружных, дивизионных и училищных газет.

Чтобы подготовка курсантов больше соответствовала реалиям границ, училище в 1950 г. было передано в непосредственное ведение Главного управления пограничных войск МГБ СССР и в ноябре 1951 г. переименовано в Московское пограничное училище МГБ СССР. В нем продолжалась подготовка офицеров-связистов для всех войск МГБ, численность переменного состава курсов усовершенствования офицеров связи даже увеличилась.

В училище была создана спецгруппа курсантов с 3-годовалым сроком обучения по подготовке офицеров для Главного управления специальной службы при ЦК ВКП(б), а также по подготовке офицеров командно-штабного профиля. Кроме того, в училище открылось отделение по подготовке специалистов физической культуры и спорта, которое существовало до 1953 г.

В системе подготовки будущих офицеров-пограничников наметились новые направления. Наряду с существовавшими

ранее профилями связи и общевойсковым были организованы: оперативный, контрольно-пропускных пунктов с 3-го-дичным сроком обучения.

Командование, преподавательский состав училища провели большую работу по созданию соответствующей учебно-материальной базы.

Училище набирало силы. В 1961 г. 44 выпускника получили диплом с отличием, а в 1962 г. почти 30% курсантов закончили училище с отличием. Высокие результаты, показанные курсантами в конце 1950-х и начале 1960-х гг. на переводных и выпускных экзаменах, явились итогом повседневной требовательности со стороны преподавательского состава, индивидуальной работы с каждым курсантом, хорошо поставленной партийно-политической и политико-воспитательной работы.

В связи с 45-й годовщиной пограничных войск государственных наград были удостоены многие офицеры училища. Среди них полковник Ф.К. Рассыпайлов, подполковники А.Т. Воронков, Н.Н. Дилигенский, А.Д. Чехлов майоры В.А. Немилов и И.Р. Полкав.

Из года в год рос авторитет училища среди трудовых коллективов Москвы и Московской области. Ежегодно весь личный состав училища оказывал помощь жителям Подмоскovie в уборки урожая.

Самые достойные офицеры училища избирались депутатами в Московский городской и районные Советы депутатов трудящихся.

Новая техника и вооружение вызвали изменения в способах действий подразделений и частей пограничных войск при охране и защите государственной границы, обусловили повышение требований к офицерскому составу, уровню его подготовки.

В этой связи приказом КГБ от 27 сентября 1965 г. училище было преобразовано в Московское высшее пограничное командное училище КГБ при Совете Министров СССР

со сроком обучения курсантов четыре года. Преобразование училища в высшее потребовало разработки и утверждения качественно новых учебных и тематических планов. Вместо существовавших до этого предметных циклов были созданы кафедры: службы и тактики пограничных войск, общевойсковых дисциплин, огневой подготовки, физической подготовки, иностранного языка, марксизма-ленинизма, математики и теоретической механики, физики, химии. Курсанты-пограничники впервые стали изучать электронику и электротехнику, военную педагогику и психологию.

Успехи училища не остались незамеченными. За заслуги в деле подготовки кадров для органов и войск КГБ Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 декабря 1967 г. училище было награждено орденом Красного Знамени.

Коллектив училища делал все необходимое в интересах перестройки учебного процесса, приведение его в соответствии с новыми требованиями времени. И результаты работы были конкретными. На государственных экзаменах в 1968 г. 96% выпускников высшего профиля получили только хорошие и отличные оценки. 33 выпускникам были вручены дипломы с отличием, а четверо – Е.А. Долотов, А.В. Скуратовский, А.А. Тимофеев, Р.Н. Цой – удостоены золотой медали и занесены на доску Почета училища⁴⁷¹.

Приобретая прочные знания, широкую военную, пограничную и общественную подготовку в стенах училища, его выпускники успешно выполняли задачи по охране и защите пограничных рубежей Родины.

Стойкость и мужество проявили, пресекая вооруженные провокации в марте и августе 1969 г. в районе острова Даманский и озера Жаланашколь, офицеры В. Книш, Н. Зарубин, Е. Ильяшенко, В. Новиков. Группе недавних выпускников училища были вручены высокие награды, а начальнику пограничной заставы старшему лейтенанту И.И. Стрельникову за героизм и мужество, проявленные при защите государственной границы, посмертно присвоено звание Героя

Советского Союза. Постановлением Совмина РСФСР от 13 июня 1969 г. пограничной заставе, на которой служил И.И. Стрельников, присвоено его имя.

В 1969 г. прошел курс обучения в МВПКУ участник событий на острове Даманский Герой Советского Союза сержант Ю.В. Бабанский⁴⁷².

В этот сложный для границы период училище, учтя уроки Даманского и Жаланашколя, старалось сделать все возможное, чтобы будущие офицеры научились защищать Отечество надежно и профессионально. В ту пору учебно-воспитательным процессом руководил начальник учебного отдела, полковник Ф.Н. Горлинский и заместитель начальника училища полковник П.Н. Назаров.

7 июля 1977 г. за большие заслуги в подготовке офицеров для пограничных войск и активную военно-шефскую работу с населением столицы Московскому высшему пограничному командному Краснознаменному училищу приказом КГБ СССР № 143 присвоено имя Моссовета.

В 1979 г. в училище начала работать адъюнктура, которая стала готовить научно-педагогические кадры для пограничных войск.

Повысилась роль войсковой стажировки курсантов. Большое внимание уделялось в училище привитию им необходимых навыков организации охраны границы и развитию их командирских качеств.

По мере становления училища как высшего учебного заведения погранвойск возрастали и масштабы военно-научной работы, заметно повышалась ее роль в учебно-воспитательном процессе. Из года в год в училище увеличивалось количество преподавателей с ученой степенью и званием.

На протяжении многих лет в училище проходили подготовку, получали профессию офицера-пограничника офицеры и курсанты ряда зарубежных стран. В мае 1978 г. Указом Президиума Верховного Народного Хурала Монгольской

Народной Республики училище было награждено монгольским орденом «Боевой заслуги».

За заслуги в подготовке высококвалифицированных офицерских кадров МВПКУ КГБ СССР им. Моссовета Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 февраля 1982 г. было награждено орденом Октябрьской Революции.

Сотни выпускников училища прошли через горнило афганской войны 1979–1989 гг. Сегодня мы не вправе забыть об их высоком профессиональном мастерстве, мужестве и героизме. Многие питомцы училища были удостоены боевых орденов и медалей. Среди героев-пограничников два выпускника: майоры А.П. Богданов (посмертно) и И.П. Барсуков.

За 10 лет боевых действий на советско-афганской границе и ответственной зоне на территории Афганистана погибло 86 офицеров, в том числе 8 выпускников училища. Летом 1996 г. в вузе открыт памятник офицерам-выпускникам, погибшим в Афганистане⁴⁷³.

В тоже время в училище продолжалась полномерная учебно-воспитательная работа и методическая работа. Интенсивно шла подготовка офицеров зарубежных стран. За заслуги в деле подготовки офицеров-пограничников Венгрии МВПКУ КГБ СССР имени Моссовета в 1989 г. было награждено орденом Венгерской Народной Республики «Красная звезда».

27 сентября 1993 г. открылась новая страница вуза. Училище преобразовано в Московский военный институт пограничных войск Российской Федерации.

Продолжая славные боевые и чекистские традиции, воспитанники института успешно выполняют служебно-боевые задачи по охране и защите священных рубежей Отечества и общих границ Союза Независимых Государств. Суровым испытанием для выпускников института стала служба в Группе

Пограничных войск Российской Федерации в Республике Таджикистан и на участке Северо-Кавказского регионального управления Пограничной службы РФ.

За мужество и героизм, проявленные на участке 12-й погранзаставы Московского пограничного отряда в 1993 г., звание Героя Российской Федерации было присвоено выпускнику института лейтенанту А.В. Мерзликину

С марта 1995 г. в институте проходил службу Герой Российской Федерации полковник юстиции С.Ю. Медведев. Свой подвиг он совершил в августе 1994 года на пограничном посту «Тург» 12-й погранзаставы Московского погранотряда.

За последние годы звания Героя Российской Федерации за мужество и героизм, проявленные при выполнении специальных заданий, были удостоены еще девять выпускников института – С.И. Шаврин, С.В. Ромашин, В.Е. Дудкин, С.В. Дьяченко, А.Н. Кумов, Д.А. Разумовский, Р.А. Халиков, А.Г. Артемьев и С.А. Ашихмин⁴⁷⁴.

В настоящее время Московский пограничный институт ФСБ России – это высшее многопрофильное военно-учебное заведение, где созданы необходимые условия для подготовки офицеров разного профиля. Учебные планы и программы института готовятся с учетом актуальных потребностей государства и ФСБ России.

Московский пограничный институт ФСБ России прошел замечательный боевой путь и к его истории и практическим делам нельзя относиться иначе как с уважением и гордостью. С момента создания и до настоящего времени в его стенах осуществляется подготовка высокопрофессиональных офицерских кадров для границы.

Абсолютное большинство выпускников – люди истинного героизма, мужества, стойкости и отваги. Они тысячи раз демонстрировали эти лучшие человеческие качества при охране и защите рубежей Отчизны.

**Фальсификации деятельности отечественных
органов государственной безопасности в годы
Великой Отечественной войны**

История всегда была, есть и будет полем ожесточенной борьбы. В последнее время все более очевидным для мировой общественности становится стремление Российской Федерации к восстановлению политической, экономической и военной мощи, возвращению утраченных геополитических позиций. В целях недопущения возрождения России в качестве самостоятельного центра силы, США и их союзники пытаются подорвать ее авторитет на мировой арене. Для решения этой задачи зарубежные оппоненты прибегают, в том числе, к фальсификации событий и итогов Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Нападки на прошлое не являются социально безобидным «кабинетным» рассуждением. Они служат средством формирования будущего. В Послании Федеральному Собранию Президент Российской Федерации В.В. Путин 15 января 2020 г. отметил: «Мы обязаны защитить правду о Победе, иначе что скажем нашим детям, если ложь, как зараза, будет расползаться по всему миру? Наглому вранью, попыткам переиначить историю мы должны противопоставить факты. В России будет создан крупнейший и самый полный комплекс архивных документов, кино- и фотоматериалов по Второй мировой войне, доступных и для наших граждан, и для всего мира. Такая работа – наш долг как страны-победительницы и ответственность перед будущими поколениями⁴⁷⁵.

Одним из направлений фальсификации истории Второй мировой и Великой Отечественной войн на современном этапе является негативное отношение к деятельности органов безопасности в годы Великой Отечественной войны.

Мало кто в последние годы подвергся такой масштабной обструкции, унижениям и диффамации, как чекисты (особисты, «смершевы», энкавэдисты). Преимущественно в негативном свете преподносится их роль в Великой Отечественной войне. Основная масса населения получает информацию не из документальных источников (архивов или воспоминаний очевидцев), а через масскультуру, художественные произведения и прежде всего через «главное из искусств» – кино. А поскольку последнее проводит выраженную антиособистскую (антиэнкавэдистскую) линию, то и мнение о контрразведчиках и военнослужащих НКВД складывается соответствующее. В современных фильмах обязательный номер программы – какой-нибудь негодяй из «Смерша» или откормленные физиономии энкавэдистов, отсиживающихся по тылам (охраняя эков – сплошь невинно осужденных) и заградотрядам (численный состав которых, судя по кинолентам, едва ли превышает действующую армию). «Московская сага», «Дети Арбата», «Курсанты», «Диверсант», «Штрафбат», «Конвой PQ-17», «На безымянной высоте», «Первый после Бога», «Благословите женщину», «Перегон», «В июне 41-го». Особняком среди современных кинокартин стоит только «В августе 44-го», снятый по одноименному произведению В.О. Богомолова, где работа «Смерша» показана в положительном свете.

Стандартный образ киногероя-чекиста – это сплошное хамство, подлость, маниакальная подозрительность, хлебом не корми – дай кого-нибудь поставить к стенке под надуманным предлогом. При этом, как правило, энкавэдэшник к тому же еще и мерзавец, подонок, развратник, пьяница, садист, трус и т. д. и т. п. – в общем, скопище всевозможных пороков. Из фильма в фильм кочуют эти образы; да еще и на контрасте – вводится доблестно сражающийся герой из числа осужденных по контрреволюционной 58-й статье (что само по себе полная профанация: осужденные по политическим статьям

попадали в штрафроты только в виде исключения и только имеющие малые сроки).

Но ведь контрразведка – военное ремесло, без которого не обходится ни одна армия мира, а мерзавцев среди «смершевцев» было не больше, чем, скажем, среди танкистов или пехотинцев; и наоборот: хороших и честных людей, добросовестно исполнявших свой воинский долг, – не меньше.

Защита армии. В военных условиях тезис, кто владеет информацией – тот владеет миром приобретает особое значение: от того, чем больше ты знаешь о враге и чем меньше он о тебе, зависит, победишь ты или потерпишь поражение. Кто защищает информацию, которую противник желает добыть о твоей армии? Контрразведка. Бывает, один-единственный вражеский шпион может причинить ущерб гораздо больший, чем целая армия. Кто-то должен бороться со шпионами, выявлять вражескую агентуру. Ведь всего один пропущенный последними вражеский агент мог обесмыслить ратный труд всех остальных и привести к огромным потерям.

Если армия стоит на страже безопасности страны и народа, то контрразведка – это защита самой армии, ее служба безопасности. И тыла (без эффективной работы которого войны не выигрываются) тоже. Ведь взорванный диверсантами в тылу военный завод обернется для фронта недостачей техники и боеприпасов, следовательно, воевать будет труднее, а жертв среди солдат и офицеров – больше.

Выявление вражеских агентов в прифронтовой полосе. Упомянутая книга В.О. Богомолова «В августе 44-го» основана на реальных событиях – операции по розыску немецких агентов в полосе 2-го Белорусского фронта, проведенной УКР «Смерш» фронта в ноябре 1944 г., в которой участвовало 56 подвижно-поисковых групп, 61 подвижной патруль и 279 заградпостов⁴⁷⁶.

Зафронтовая разведка. По этой линии органами контрразведки было подготовлено и заброшено во вражеский тыл более 2 200 оперативных групп, от которых поступило 4 400

важных разведсообщений, в том числе о подготовке наступления в районе Орла и Курска, что позволило упредить удар противника. Например, только в июне 1944 г. в тылу немцев действовало 118 опергрупп общей численностью 7 тыс. чел.⁴⁷⁷

Радиоигры. В отдельные периоды войны советской контрразведкой и ГУКР «Смерш» велось их одновременно до 70 из глубокого тыла и районов, расположенных близ фронта.

Партизанское движение. В организации борьбы с фашистами на оккупированной территории ключевую роль сыграло НКВД. Сотни партизанских отрядов: «Победители» Д.Н. Медведева, «Неуловимые» М.С. Прудникова, «Местные» С.А. Ваупшасова и других были созданных на базе заброшенных в тыл опергрупп НКВД⁴⁷⁸.

Спецоперации. Проводились сотрудниками НКВД при наступлении советских войск. Опергруппы НКВД первыми входили в освобождаемые города, еще до того, как противник прекратил сопротивление. К примеру, 13 октября 1944 г. в еще удерживаемую немцами Ригу проникла опергруппа Управления контрразведки «Смерш» 2-го Прибалтийского фронта в составе пяти чекистов под руководством капитана Поспелова. Задача – захват архива и картотеки подразделения абвера в Риге («Абверштелле-Остланд»), которую немцы собирались эвакуировать при отступлении. Группа Поспелова, уничтожив сотрудников абвера, захватила здание вместе с картотекой, а затем всю ночь вела бой с подошедшим подкреплением немцев до вступления в город передовых частей Красной армии.

Борьба с дезертирством. Это была жизненная необходимость, связанная с боеспособностью армии. Паника страшна при пожаре, а что говорить о боевой обстановке! Кто-то должен был ее пресекать, вести планомерную предупредительную работу, выявляя потенциальных паникеров и трусов. Как паршивая овца может все стадо испортить, так один не

вовремя выявленный паникер и трус – угробить все подразделение и сорвать выполнение боевого задания.

К 10 октября 1941 г. оперативными заслонами особых отделов и заградотрядами НКВД (не путать с армейскими заградотрядами, созданными после приказа № 227) были задержаны 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта. Из этого числа подавляющая масса была отправлена обратно на передовую. Арестованы 25 878 (шпионов – 1 505, диверсантов – 308, дезертиров – 8 772, самострельщиков – 1 671); 10 201 – расстрелян⁴⁷⁹.

О законности и «массовых репрессиях» в годы войны. Факты и архивные данные опровергают широко запущенный в оборот тезис о том, как «смершевцы» всех без разбору – в частности, побывавших в плену – записывали во «враги народа». К примеру, с октября 1941 г. по март 1944 г. прошли или проходили (на тот момент) проверку 317 594 бывших военнопленных. Из них: 223 281 (70,3 %) направлены в Красную армию; 4 337 (1,4 %) – в конвойные войска НКВД; 5 716 (1,8 %) – в оборонную промышленность; 1 529 (0,5 %) убыло в госпитали. В штрафные подразделения направлено 8 255 (2,6 %), арестовано – 11 283 (3,5 %). В отношении остальных (61 394) проверка продолжалась⁴⁸⁰. Получается, что репрессиям подверглись чуть более 6 %, причем большая часть из них получила возможность восстановиться в правах через штрафроты.

Не соответствует истине довольно часто повторяемое утверждение о том, что из гитлеровских лагерей советские пленные отправлялись в такие же лагеря в СССР». Согласно данным Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), которые приводит И. Пыхалов в исследовании «Правда и ложь о советских военнопленных», на 1 марта 1946 г. было репатрировано 4 199 488 советских граждан (2 660 013 гражданских и 1 539 475 военнопленных), из них 1 846 802 поступили из зон действия советских войск за границей и 2 352 686 принято от англо-американцев и прибыли

из других стран⁴⁸¹. Каковы же результаты проверки и фильтрации?

Оказывается, из гражданских лиц 2 146 126 (80,68 %) направлены к месту проживания; 263 647 (9,91 %) зачислены в рабочие батальоны; 141 962 (5,34 %) призваны в армию; 61 538 (2,31 %) находились на сборно-пересыльных пунктах и использовались на работах при советских воинских частях и учреждениях за границей. И лишь 46 740 (1,76 %) переданы в распоряжение НКВД⁴⁸².

Из числа бывших военнопленных: 659 190 (42,82 %) призваны в армию; 344 448 (22,37 %) зачислены в рабочие батальоны; 281 780 (18,31 %) отправлены к месту жительства; 27 930 (1,81 %) использовались на работах при советских воинских частях и учреждениях за границей. А вот в распоряжение НКВД поступили 226 127 (14,69 %) ⁴⁸³. Кто были эти менее 15%? Пособники оккупантов: власовцы; руководящий и командный состав полиции; рядовые полицейские, принимавшие участие в карательных операциях; бывшие военнослужащие Красной армии, добровольно перешедшие на сторону противника; бургомистры, крупные фашистские чиновники из бывших советских граждан; сотрудники гестапо и других немецких карательных и разведывательных органов; сельские старосты, пособничавшие оккупантам, и т. д. Как видно, массового террора, да еще в отношении безвинных, никак не получается.

Сотрудники госбезопасности многое делали для отстаивания законности в боевых условиях. Так, начальник управления контрразведки «Смерш» Северо-Западного фронта генерал-майор Я.А. Едунов информирует 17 июня 1943 г. Военный совет фронта: «Имеют место случаи самоуправства, рукоприкладства, грубого, издевательского и несоветского отношения со стороны отдельных командиров к подчиненным, а в отдельных частях 23-й гвардейской стрелковой дивизии эти случаи носят массовый характер, что в значитель-

ной мере облегчает работу врагу». Генерал Едунов предлагает военному совету предупредить весь командно-начальствующий состав фронта, что за «вышеуказанные бесчинства» виновные будут привлекаться к строгой ответственности вплоть до предания суду военного трибунала. Приводит и такой пример: из-за головоупячества офицеров по несколько суток (а бывало и до 19!) в 117-й стрелковой дивизии 22-й армии не сменялись наряды боевого охранения, красноармейцы не отдыхали – в то время как требования устава предписывают проводить смену наряда не более чем через 24 часа...»⁴⁸⁴.

Факты свидетельствуют, что довольно строгие требования выдвигались к самим сотрудникам НКВД по части соблюдения законности. Например, в письме начальника Особого отдела НКВД Южного фронта Шарашенидзе в Особый отдел НКВД 12-й армии от 4 марта 1942 г. говорится: «Возвращая присланные Вами следственные дела на лиц, разоблаченных как агенты немецкой разведки, обращаю Ваше внимание на допущенные грубые нарушения законов и норм УПК по целому ряду след. дел...»⁴⁸⁵. Далее идет перечисление десятка случаев, когда производились аресты без санкции прокурора, предъявлялись обвинения с нарушением УПК.

НКВД на передовой. Роль сотрудников НКВД в Великой Отечественной войне не ограничивалась исполнением сугубо специфических, узкопрофессиональных функций. И, уж, конечно, они не отсиживались по тылам, что демонстрирует нам современная масс-культура. Эта ложь оскорбляет память многих тысяч чекистов, погибших на фронте, и тех, которые честно исполняли свой долг и дожили до нынешнего времени.

Первыми принял удар врага ранним утром 22 июня 1941 г. пограничные войска, которые входили в состав НКВД СССР. Кроме того, на западной границе несли службу части

четырёх дивизий, двух бригад и ряда отдельных оперативных полков НКВД, большинство из которых вступило в бой с первых же часов войны – в частности, гарнизоны, охранявшие железнодорожные и крупные шоссеиные мосты, объекты особой важности и др.

Еще со школьной скамьи нам знакома надпись, сделанная одним из защитников Брестской крепости: «Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина! 20/VII – 1941 г.». Эти слова начертаны на стенах казармы, в которой держал оборону 132-й отдельный батальон войск НКВД, бойцы и командиры которого героически сражались в гарнизоне крепости.

Через пять дней после нападения фашистов в Прибалтике была сформирована 22-я мотострелковая дивизия НКВД, воевавшая совместно с 10-м стрелковым корпусом Красной армии под Ригой и Таллинном. При этом в самом 10-м стрелковом корпусе в первые дни войны погибли более половины особистов. В подчинении Особого отдела Балтийского флота находился заградотряд (около 400 чел.), потерявший 60 % личного состава во время прикрытия отхода советских войск из Таллинна.

С началом войны на территории Московского военного округа войска НКВД приступили к формированию 15 стрелковых дивизий для Красной армии, выделив в их состав по 500 чел. командно-начальствующего состава и по 1 000 младших командиров и красноармейцев⁴⁸⁶.

В битве за Москву сражались 7 дивизий, 3 бригады и 3 бронепоезда войск НКВД. Среди частей, принимавших участие в историческом параде 7 ноября 1941 г., с которого они отправлялись напрямиком на фронт, были дивизия им. Ф.Э. Дзержинского, сводные полки 2-й дивизии НКВД, отдельная мотострелковая бригада особого назначения и 42-я бригада НКВД⁴⁸⁷. Кстати, сводным оркестром управлял тогда автор знаменитого марша «Прощание славянки» В.И. Агапкин – дирижер оркестра дивизии НКВД им. Ф.Э. Дзержинского.

Особую роль в обороне Москвы сыграла Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН) НКВД, создавшая минно-взрывные заграждения на подступах к городу, проводившая диверсии в тылу врага. ОМСБОН стала учебным центром подготовки разведывательно-диверсионных групп и отрядов (формировались из сотрудников НКВД, добровольцев-спортсменов и иностранцев-антифашистов). За четыре года войны ОМСБОН подготовила по спецпрограммам 212 отрядов и групп общей численностью 7 316 чел. Они провели 1084 боевые операции, уничтожили около 137 тыс. фашистов, ликвидировали 87 руководителей немецкой администрации, 2045 немецких агентов.

Отличились бойцы-чекисты и в обороне Ленинграда. Здесь сражались 1, 20, 21, 22 и 23-я дивизии войск НКВД. Именно войска НКВД сыграли ключевую роль в налаживании сообщения между блокадным городом и Большой землей – в сооружении «Дороги жизни». Силами двух автоколонн 13-го мотострелкового полка НКВД за 100 дней и ночей первой блокадной зимы по ледовой трассе было доставлено 674 т различных грузов и вывезено из города свыше 30 тыс. чел., преимущественно детей. А в декабре 1941 г. по решению Военного совета Ленинградского фронта охрана грузов, направляемых по «Дороге жизни», была возложена на 23-ю дивизию войск НКВД. Что касается сотрудников особых отделов, то к концу 1941 г. на фронтах под Ленинградом погибло 300 чел., включая 25 начальников и заместителей особых отделов дивизий и бригад⁴⁸⁸.

В начальный период войны войска НКВД несли гораздо более высокие потери по сравнению с частями Красной армии, что объяснялось их спецификой и ведением боев в штатах мирного времени (без противотанковых и зенитных средств, артиллерии и прочего тяжелого вооружения). Под Сталинградом основной боевой силой в городе были пять полков 10-й дивизии НКВД общей численностью 7 900 чел.⁴⁸⁹ Заняв 23 августа 1942 г. полосу обороны на фронте в

35 км, именно 10-я дивизия НКВД, костяк которой составляли пограничники, отразила попытки передовых частей 6-й немецкой армии с ходу взять Сталинград.

Наиболее ожесточенные бои дивизия вела на подступах к Мамаеву кургану, в районе тракторного завода и в центре города. За 56 дней и ночей непрерывных боев до вывода обескровленных частей на левый берег Волги дивизия нанесла значительный урон врагу: подбито или сожжено 113 танков, уничтожено более 15 тыс. солдат и офицеров. 2 декабря 1942 г. 10-я дивизия НКВД была награждена орденом Ленина, позднее ей было присвоено почетное наименование «Сталинградская».

Кроме 10-й дивизии НКВД, в обороне Сталинграда активно участвовали 2, 79, 91 и 98-й пограничные полки войск охраны тыла действующей армии. К примеру, именно 79-му пограничному полку во время сражения в городе выпало охранять и защищать важнейшую переправу через Волгу у тракторного завода, непрерывно обстреливаемую артиллерией и минометами, подвергаемую бомбардировкам с воздуха. Отличился в обороне Сталинграда и 91-й полк – он был удостоен ордена Красного Знамени, так же, как и 73-й отдельный бронепоезд НКВД.

О битве за Кавказ Маршал Советского Союза А.А. Гречко писал: «В августе 1942 г. возникла угроза перехода противника через перевалы Главного Кавказского хребта... Оборона Белореченского перевала была возложена на подразделения 379-го полка 20-й горнострелковой дивизии... С 20 по 25 августа шли упорные бои в ущелье восточнее горы Фишт. Для усиления нашей группы были выдвинуты 23-й и 33-й пограничные полки НКВД, которые 25 августа с ходу атаковали и, преодолев сопротивление частей 97-й горнострелковой дивизии, к 10 октября отбросили врага от перевалов Главного Кавказского хребта. Угроза выхода противника к побережью Черного моря через Белореченский перевал была устранена»⁴⁹⁰. Наконец, именно войска НКВД в содействии с 214-

й кавалерийским полком сбросили с гор Кавказа элитные части горнострелковой дивизии «Эдельвейс».

Зимой 1942–1943 гг. Наркоматом внутренних дел была сформирована Отдельная армия НКВД в составе шести дивизий. В начале февраля 1943 г. она была передана в действующую армию, получив наименование 70-й армии (вошла в состав Центрального фронта). Воины этого объединения проявили героизм в Курской битве, остановив ударную группировку 9-й немецкой армии, пытавшейся прорваться к Курску. Впоследствии 70-я армия отличилась в Люблинско-Брестской, Восточно-Померанской и Берлинской наступательных операциях. К концу войны все дивизии 70-й армии были награждены орденами и удостоены почетных наименований.

Всего за время войны войска НКВД сформировали и передали Красной армии из своего состава 29 дивизий (29-я, 30-я, 31-я, 34-я и 70-я армии). В целом же за годы войны в состав действующей армии с различной продолжительностью входили и участвовали в боевых действиях 58 дивизий и 20 бригад НКВД⁴⁹¹.

Кому неизвестны подвиги легендарных советских снайперов, «отстрелявших» за войну несколько сотен тысяч гитлеровцев?! Но ведь подавляющее большинство снайперов – из НКВД! Еще до войны в штаты подразделений по охране железнодорожных сооружений, особо важных объектов и предприятий промышленности, конвойных войск были введены снайперские отделения. Они-то и пригодились во время войны. К примеру, на упомянутом Ленинградском фронте в 1941 г. снайперы 1-й дивизии НКВД И. Вежливцев и П. Голиченков уничтожили 134 и 140 солдат и офицеров противника соответственно (6 февраля 1942 г. обоим было присвоено звание Героя Советского Союза)⁴⁹². А всего снайперы НКВД уничтожили свыше 200 тыс. вражеских офицеров и солдат!

За годы Великой Отечественной войны более 100 тыс. военнослужащих войск НКВД были награждены орденами и

медалями. Свыше 200 удостоены звания Героя Советского Союза. Около 100 тыс. отдали свою жизнь во имя Победы.

Военнослужащие НКВД по праву участвовали в историческом Параде Победы 24 июня 1945 г. – 8 батальонов дивизии им. Ф.Э. Дзержинского. Именно батальон НКВД, которым командовал капитан Вовк, бросил к подножью Мавзолея знамена частей поверженного Третьего рейха. Особой страницей в летописи Московского военно-технического училища НКВД СССР (ныне МПИ ФСБ России) стало участие в этом легендарном параде.

Сегодня в Российской Федерации происходит активизация начавшегося еще в середине 1990-х гг. процесса зарождения системы противодействия попыткам фальсификации и искажения истории в ущерб национальным интересам, формирования единой исторической культуры. На федеральном, региональном и муниципальном уровне функционируют компоненты (органы управления) формируемой системы; совершенствуется нормативно-правовая база защиты исторического наследия России; апробированы различные формы как профилактической (просветительской) работы, так и мер по оперативному реагированию на попытки фальсификации и искажения истории.

«Наша ответственность перед прошлым и будущим, – отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин, – сделать все, чтобы не допустить повторения страшных трагедий... Державы-победительницы оставили нам систему, которая стала квинтэссенцией интеллектуальных и политических исканий нескольких столетий. Серия конференций – Тегеранская, Ялтинская, Сан-Францисская, Потсдамская – заложили основу того, что мир вот уже 75 лет, несмотря на острейшие противоречия, живет без глобальной войны». И далее: «забвение уроков истории неизбежно оборачивается тяжелой расплатой. Мы будем твердо защищать правду, основанную на документально подтвержденных исторических фактах, продолжим честно и непродвзято рассказывать о событиях Второй мировой войны»⁴⁹³.

Уголовное преследование пособников фашистов в Курганской области во второй половине 1940-х гг.

Одним из самых значимых направлений деятельности органов государственной безопасности во время и после Великой Отечественной войны стало уголовное преследование пособников фашистского режима. Искать пособников фашистов спецслужбы СССР начали ещё во время войны, сразу после окончания битвы под Москвой. Первым документом, направленным на борьбу с ними, стал приказ Народного комиссариата внутренних дел «Об оперативно-чекистском обслуживании местностей, освобождённых от войск противника» от 12 декабря 1941 г. В обязанности НКВД вошли: установление и арест предателей, изменников, тех, кто состоял на службе у оккупантов. 16 декабря 1941 г. была издана директива НКВД СССР, в которой городским и районным отделам НКВД на освобождённых территориях ставилась конкретная задача – выявить и арестовать пособников гитлеровцев, которые способствовали в зверствах.

2 ноября 1942 г. для расследования злодеяний нацистов и их пособников Указом Президиума Верховного Совета СССР была создана Чрезвычайная государственная комиссия. На освобождённой территории создавались городские, районные, областные и республиканские чрезвычайные комиссии. В их работе принимал участие и следователь органов безопасности. Комиссия собирала сведения о преступлениях, совершённых нацистами и их пособниками во время оккупации.

После поражения Германии во Второй мировой войне лица, сотрудничавшие с оккупантами, старались сдать в плен американским или английским войскам. Если это не

удавалось, то пытались затеряться в тыловых областях Советского Союза, в том числе и в Курганской области. Некоторым из них в ходе «фильтрации» удалось частично или полностью скрыть свое участие в военных действиях против Красной армии или сотрудничество с оккупантами. Выполняя значимую для государства и общества работу по разоблачению и уголовному преследованию изменников Родины и пособников оккупантов, советские органы госбезопасности проводили масштабную и в ряде случаев трудоёмкую работу по установлению личности преступников и получению доказательств их вины.

29 мая 1945 г. приказом НКГБ СССР № 00252 была введена в действие «Инструкция по учёту и розыску агентуры разведывательных, контрразведывательных, карательных и полицейских органов, воевавших против СССР стран, предателей, пособников, ставленников немецко-фашистских оккупантов». Согласно данной инструкции, в МГБ был создан централизованный учёт всех государственных преступников, ранее разыскивавшихся НКГБ и ГУКР «Смерш».

Согласно инструкциям, имевшимся у начальников ПФЛ и других проверочных органов, из числа репатриантов подлежали аресту и суду следующие лица: руководящий и командный состав органов полиции, «народной стражи», «народной милиции», «русской освободительной армии», национальных легионов и других подобных организаций; рядовые полицейские и рядовые участники перечисленных организаций, принимавшие участие в карательных экспедициях или проявлявшие активность при исполнении обязанностей; бывшие военнослужащие Красной армии, добровольно перешедшие на сторону противника; бургомистры, крупные фашистские чиновники, сотрудники гестапо и других немецких карательных и разведывательных органов; сельские старосты, являвшиеся активными пособниками оккупантов⁴⁹⁴.

Основанием для взятия на учёт таких лиц служили проверочные агентурные данные, показания свидетелей, заявления советских граждан, трофейные документы и иные материалы. Основная тяжесть розыска легла на плечи сотрудников 4-го управления МГБ СССР. В дальнейшем розыск государственных преступников перешел к образованному в 1954 г. Комитету государственной безопасности при Совете Министров СССР. Непосредственно розыском в этом ведомстве занималось 2-е (контрразведывательное) управление, созданное на базе бывших 4-го и 5-го управлений МГБ.

Анализ рассекреченных документов следственных и судебных органов позволяет прийти к заключению о довольно высокой степени убедительности доказательств вины этих лиц⁴⁹⁵.

В последние годы архивы рассекречивают уголовные дела, связанные с пособниками фашистов. Раскрываются дела и в курганских архивах. Они рассказывают о работе местного управления НКВД. Самостоятельное управление Народного комиссариата внутренних дел на территории Курганской области было образовано приказом НКВД СССР от 11 февраля 1943 г., в него входило 23 райотделения. Первым руководителем управления стал полковник А.С. Саломатов.

А уже в сентябре 1944 г. управление возглавил К. Г. Тимошенко, который находился на этой должности до августа 1950 г.⁴⁹⁶ Именно на его плечи легло уголовное преследование нацистских пособников, пытавшихся скрыться от правосудия в Курганской области. С 1936 г. Константин Григорьевич служил в органах госбезопасности. С 1941 до 1944 г. был начальником УНКВД Краснодарского края⁴⁹⁷. Участник Великой Отечественной войны. В 1941 г. награжден орденом «Знак Почёта», в феврале 1942 г. – орденом Красной Звезды⁴⁹⁸. Некоторые рассекреченные материалы о деятельности УНКВД по Курганской области под руководством полковника Тимошенко были выявлены в архивах полковником в отставке Г.А. Ивановым.

1. «В 1946 году сотрудники УНКВД по Курганской области расследовали дело Петушкова И.Л., который был директором школы. Во время немецкой оккупации служил бургомистром Духовщинского района Смоленской области. Руководил мероприятиями по отправке советских граждан на торговые работы в Германию. Был участником карательных экспедиций против партизан. По его доносам за связь с партизанами были казнены десятки человек. По доносам Петушкова И.Л. за связь с партизанами немцами было арестовано более 40 чел. За свою деятельность награжден «Немецкой медалью за заслуги в бронзе». После войны переехал в с. Половинное Курганской области, где работал учителем химии. Выявлен и арестован в результате оперативных мероприятий по розыску немецких пособников. Осужден на 20 лет. Не реабилитирован.

2. В 1947 году шло расследование по делу Погодаева Ф.М., который в самом начале войны добровольно сдался в плен. Служил в лагерной охране Минского концлагеря для советских военнопленных. Осенью 1942 года лично участвовал в массовой казни пленных, утоплении их в озере в окрестностях Минска. После этого, в качестве благодарности, Погодаев Ф.М. получил от администрации лагеря путевку на экскурсию в Германию и в течение месяца проживал в Берлине. После войны переехал в Катайский район, где работал в совхозе. Осужден на 25 лет. Не реабилитирован.

3. Карасев Д.С., арестованный курганскими сотрудниками госбезопасности, был лейтенантом и командиром роты воздушно-десантной бригады. Во время диверсионной высадки в немецкий тыл он добровольно сдался в плен с оружием в руках. Выдал немцам все имеющиеся у него сведения в отношении советских войск. В сентябре 1943 года подписал обращение к советским солдатам и офицерам с призывом о добровольном переходе на сторону немцев. Дал подписку о сотрудничестве органу немецкой разведки штаб «Валли».

В качестве агента работал в лагерях военнопленных на территории Чехословакии, выявлял и выдавал антифашистов. После войны проживал в Курганской области. Выявлен и арестован в результате оперативных мероприятий по розыску немецких пособников. Осужден на 25 лет. Не реабилитирован.

4. Галюков В.Н. в мае 1942 года добровольно сдался в плен с оружием в руках. Обучался в разведшколе г. Заксенхаузен (Германия), после окончания которой служил в карательном отряде Гиль-Родионова. Многократно участвовал в боевых операциях против партизан. Активный член созданной фашистами организации «БСРН» (Боевой Союз Русских Националистов). Выявлен и арестован на основании агентурных материалов. Осужден на 15 лет. Не реабилитирован.

5. Шаркунов В.С., находясь в плену, инициативно предложил фашистам сотрудничество. Служил в карательном отряде. На территории Гродненской области выявил расположение трех групп партизан, впоследствии уничтоженных фашистами. Выдал немцам партизанскую связную, которая была расстреляна вместе с тремя малолетними детьми. При наступлении Красной армии бежал в Германию, где принимал участие в строительстве оборонительных сооружений г. Франкфурт-на-Майне. После войны переехал в Курганскую область, работал трактористом в совхозе. Выявлен и арестован в результате оперативных мероприятий по розыску немецких пособников. Осужден на 25 лет. Не реабилитирован.

6. В 1949 году был осужден Бабин В.И., который в 1942 году добровольно сдался в плен с оружием в руках. Служил унтер-офицером в специальном подразделении армии Смысловского (РНА) «Зондерштаб Россия». Участвовал в боях против Красной армии. Отмечен благодарностями вермахта. После войны перебрался в Курганскую область. Выявлен и арестован на основании агентурных материалов. Осужден на 25 лет. Не реабилитирован.

Всего сотрудниками УНКВД по Курганской области было выявлено и осуждено более 300 пособников фашистов: полицаев, карателей, бойцов и офицеров РНА, РОА и УПА.

При розыске и изобличении предателей наибольший вклад внесли офицеры управления:

- Макеев Михаил Евтихеевич;
- Белешев Савелий Дементьевич;
- Королев Иван Никифорович;
- Лапаев Александр Алексеевич;
- Гаврилов Павел Сергеевич;
- Осколков Василий Александрович;
- Канашевич Александр Иванович

и многие другие сотрудники, большинство из которых – фронтовики, бывшие работники органов военной контрразведки «Смерш».

В деле № 536 Государственного архива общественно-политической документации Курганской области отложились следственные и судебные дела УНКВД по Курганской области. В перечне есть материалы дела П. Ширяева. До начала Великой Отечественной войны в 1941 г. Ширяев проходил срочную службу в 130-м запасном танковом полку, который дислоцировался в Белоруссии, в г. Осиповичи. К тому времени он успел жениться на дочери местного репрессированного поляка Я. Дорошкевич. Началась война, советские войска отступали. Не участвовав ни в одном сражении, Ширяев дезертировал из армии и вернулся в Осиповичи, чтобы дожидаться немцев и заявить о готовности служить им. Служил в полиции, принимал участие в аресте и расстрелах местных жителей,

связанных с партизанским сопротивлением. Петр Ширяев также выявлял партизан, офицеров и солдат Красной армии, которых укрывали местные жители. Был участником «Союза борьбы против большевизма». В 1947 г. Ширяев был приговорен к 25 годам. Не реабилитирован.

В этом же деле есть информация о братьях Чащиных. После войны они проживали в Шадринске. Алексей работал слесарем на Шадринском автоагрегатном заводе им. Сталина, Григорий был трактористом.

Братья служили в 59-й Восточной роте немецкой армии, приняли присягу на верность фашистам, публично казнили партизан Белоруссии и Украины. Следует отметить, что на допросах они, впрочем, как и все, старались выгородить себя. Клялись, что не расстреливали, а просто охраняли пленных. Уличить во лжи палачей помогли показания многочисленных свидетелей. Под грузом доказательств Чащины, признали свою вину. Приговором Военного трибунала Уральского военного округа за измену Родине А. Чащина приговорили к высшей мере наказания, Г. Чащин получил длительный тюремный срок⁴⁹⁹.

В данной статье мы рассмотрели только некоторые из дел, по выявлению пособников фашистов на территории Курганской области. Дела постепенно рассекречивают и несомненно, данное исследование будет продолжено.

**Испытания советского атомного оружия
и ракетно-космических средств его доставки как
фактор оперативной обстановки в 1950-е – 1960-е гг.**

В условиях подготовки к новой войне с СССР, американские разведывательные органы были нацелены, в первую очередь, на добывание информации о фактическом состоянии Вооруженных сил СССР и, особенно, систем ПВО, так как знание возможностей противовоздушной обороны Советского Союза было жизненно необходимо для успешных действий стратегической авиации в случае глобальной ядерной войны⁵⁰⁰. Вместе с тем, в первые годы холодной войны Вашингтон практически не имел надежной информации о реализации советских проектов в области создания ядерного оружия и средств его доставки⁵⁰¹. В это время СССР был изолирован от Запада, а все контакты с заграницей гуманитарного, культурного, научного и экономического характера, были сведены до минимума. Кроме того, круглосуточное наблюдение за всеми иностранными дипломатами и журналистами, находящимися в Советском Союзе (зарубежных туристов и бизнесменов в то время в СССР не было) делало несанкционированные контакты с советскими людьми практически невозможными⁵⁰². На получение данных, раскрывающих организацию, ход и результаты работ в СССР по созданию ядерного оружия и средств его доставки, были нацелены силы и средства агентурной, легальной и технической разведок США и их союзников.

Рассекреченные материалы ЦРУ США свидетельствуют, что американская разведка не обладала ценными источниками информации о советских программах в области

создания стратегических вооружений вплоть до начала 1950-х гг. Американским разведчикам оставалось лишь строить предположения о советских технологических возможностях и политике в данной сфере. Так, по оценкам аналитиков американской разведки, сделанным в докладе Центральной разведывательной группы Бюро исследований и оценок Госдепартамента США «Советские возможности в разработке и производстве некоторых типов оружия и оборудования», перспективы производства Советским Союзом собственного атомного оружия оценивались следующим образом: «в период между 1950 и 1953 гг. в СССР возможно доведение атомной бомбы до стадии производства. В соответствии с этим предположением некоторое количество таких бомб может быть произведено и складировано к 1956 г.». Также весьма скептически эксперты Центральной разведывательной группы оценили усилия советской стороны по разработке и производству ракетной и реактивной техники. Предполагалось, что СССР будет не в состоянии осуществить перспективные разработки и широкомасштабное производство принципиально новых ракет типа «земля-земля» в течение ближайших 10 лет. Единственное что допускали американские аналитики, так это то, что СССР сможет наладить к 1950 г. широкомасштабное производство ракет типа ФАУ-1 и ФАУ-2 с увеличенным радиусом действия и некоторым улучшением точности⁵⁰³.

Вместе с тем, в стремлении ликвидировать атомную монополию США, к началу 1950-х гг. в Советском Союзе была заложена и начала успешно работать целая отрасль промышленности по производству компонентов ядерного оружия и его сборке, базировавшаяся в закрытых городах: Челябинск-40, Арзамас-16, г. Свердловск-45, Златоуст-36 и других.

29 августа 1949 г. в 7 часов утра по местному времени на полигоне в районе г. Семипалатинска был осуществлен

первый в СССР подрыв атомного заряда. Взрыв на советском атомном полигоне явился неожиданностью и стал поистине психологическим ударом для официальных, а также научных и общественных кругов США. Американские ученые полагали, что СССР только к 1954 г. или еще позднее сумеет произвести достаточное количество плутония для создания атомных зарядов. Американские разведывательные органы не имели единства во взглядах на сроки существования монополии США на атомное оружие. Так, военно-морская разведка считала, что это произойдет в 1965 г., разведка сухопутных войск – в 1960 г. и только авиационная указывала на 1952 г. Неожиданным для американцев оказался и первый подрыв в нашей стране термоядерного заряда 12 августа 1953 г.⁵⁰⁴

Между тем, на фоне разгоравшейся холодной войны и гонки вооружений, в Советском Союзе высокими темпами велись работы в области создания ракетного вооружения. С 1950 г. в СССР начались научно-исследовательские работы, направленные на поиск оптимальных конструктивных схем ракет, способных обеспечить достижение межконтинентальной дальности полета. После первого испытания термоядерного боезаряда в 1953 г. было пересмотрено техническое задание на ракету Р-7, первоначально рассчитывавшейся на доставку обычного атомного боезаряда массой 3 тонны, проектная масса полезного груза была увеличена до 5,5 тонн для размещения на ней термоядерного заряда. По результатам летно-конструкторских испытаний ракета Р-7 в январе 1960 г. она была принята на вооружение нового вида Вооруженных сил СССР – Ракетных войск стратегического назначения⁵⁰⁵.

В целях сокрытия от иностранных разведок проводимых работ в области создания атомного оружия и ракетно-космических средств его доставки советским руководством к началу 1950-х гг. был принят ряд мер, позволивших на обще-

государственном уровне реализовать надежную контрразведывательную защиту разработки и производства ракетно-ядерного оружия, а также разоблачить и пресечь деятельность большого количества агентов-нелегалов, заброшенных в СССР иностранными разведками, прежде всего, ЦРУ США, в 1950–1960 гг., имевших целью сбор сведений о Советских Вооруженных Силах, местах сосредоточения атомной промышленности, объектов ракетостроения, испытательных полигонах и других оборонных объектах.

Так, в ночь на 15 августа 1951 г. в районе г. Бендеры Молдавской ССР, с американского самолета был сброшен на парашюте агент американской разведки Ф.К. Саранцев, уроженец с. Благодатное Еркеншилинского района Акмолинской области. В 1943 г. Саранцев был мобилизован в Красную армию и направлен на фронт. Впоследствии его сочли пропавшим без вести. На следствии и суде Саранцев показал, что в декабре 1943 г. был взят в плен гитлеровцами, а в 1945 г., находясь в лагере для военнопленных, вступил во «власовскую армию». После окончания войны, опасаясь ответственности и поддавшись влиянию антисоветской пропаганды, Саранцев остался в Западной Германии. В 1951 г. в лагере для перемещенных лиц в Ингольштадте он был завербован представителями американской разведки, после чего в местечке Обербойерен (ФРГ), проходил шпионскую подготовку. 12 августа 1951 г. Саранцева переправили на самолете в Афины (Греция), откуда со шпионским заданием забросили в Советский Союз. Шпион имел при себе несколько тысяч рублей советских денег и изготовленные американской разведкой поддельные документы: паспорт и военный билет на имя Сергея Павловича Федорова, а также справку о том, что он якобы является рабочим московской табачной фабрики «Ява» и находится в данное время в очередном отпуске. Саранцев был вооружен немецким автоматом с двумя магазинами патронов и пистолетом «Браунинг» с четырьмя обоймами. Чтобы шпион мог ориентироваться на местности и

быстро покинуть район выброски, ему дали компас и специальный складной велосипед.

После задержания шпион показал, что по заданию американской разведки он должен был прибыть в один из городов Советского Союза и добыть ряд данных в отношении имеющегося там завода, который, по мнению представителей разведывательных органов США, выполняет заказы атомной промышленности. После сбора шпионских сведений Саранцев должен был выехать в Закавказье, в заранее указанном ему месте нелегально перейти границу на территорию Турции и связаться там с представителями американской разведки.

С того же американского самолета, что и Саранцев, в ночь на 15 августа 1951 г. был выброшен в районе г. Бендеры американский агент А.И. Османов, уроженец Горьковской области. В задачу Османова входило посещение некоторых районов Урала и выявление там ряда интересовавших американцев объектов атомной промышленности. После выполнения шпионского задания он должен был возвратиться в разведцентр через советско-турецкую границу в районе города Карса.

Выполнить задания американской разведки Саранцеву и Османову не удалось. Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила Саранцева и Османова по ст. 58-1 «б» УК РСФСР к высшей мере наказания.

25 сентября 1951 г. близ деревни Кутляны Ильянского района Белорусской ССР, с американского самолета, нарушившего государственную границу СССР, был сброшен на парашюте шпион И.А. Филистович, уроженец деревни Понятичи Ильянского района. Оставшись проживать на временно оккупированной гитлеровцами советской территории, Филистович поступил в 1943 г. на службу в 13-й батальон войск СД, в составе которого принимал участие в карательных операциях против советских партизан, в арестах советских гражд-

дан и в массовых расстрелах евреев. С наступлением Красной армии 13-й батальон был отведен в Польшу, а оттуда переброшен в Италию, где Филистович принимал участие в боях против итальянских партизан и англо-американских войск. Окончание войны застало его в Чехословакии, откуда он, боясь ответственности за совершенные преступления, бежал в американскую зону оккупации Германии. В 1946 г. Филистович перебрался в Париж, где установил связь с белорусским антисоветским центром и, примкнув к нему, развернул активную антисоветскую деятельность. В 1951 г. он переехал в Бельгию и поступил учиться в Лувенский католический университет. Здесь он и был завербован американской разведкой и направлен для прохождения специальной подготовки в американскую разведывательную школу в городе Бад-Верисхофен (ФРГ). По окончании разведшколы Филистович получил задание развернуть на территории СССР антисоветскую деятельность. Но это было лишь «идеологическим» прикрытием. Основная цель, стоявшая перед Филистовичем, заключалась в сборе шпионских сведений о военно-промышленных объектах, задействованных в советском ракетостроении. Благодаря профессиональной работе сотрудников органов безопасности шпион-«националист» Филистович был обезврежен.

В сборнике Советского информбюро «Пойманы с поличным», опубликованном в декабре 1960 г., приведены подробные данные о задержанных с мая 1952 г. по июнь 1960 г. восемнадцати американских агентах-нелегалах, заброшенных на территорию СССР⁵⁰⁶.

В феврале 1957 г. в Центральном Доме журналиста была проведена пресс-конференция советских и иностранных корреспондентов, на которой выступили бывшие агенты американской разведки – А.М. Новиков, он же Н.И. Никитин, и Н.И. Якута. Они рассказали о своем прошлом, об обстоятельствах своей вербовки американскими спецслужбами, о том,

где и как проходили обучение диверсионно-разведывательной деятельности перед заброской в Советский Союз, назвали известных им сотрудников спецслужб США, осуществлявших их подготовку и много других фактов, разоблачающих подрывную деятельность спецслужб США. В рамках рассматриваемой темы обращает на себя внимание сделанной на пресс-конференции заявление бывших американских шпионов о том, что накануне заброски в СССР практически всем агентам практиковалось доведение заданий по выявлению и разведке оборонных промышленных объектов⁵⁰⁷.

Одной из успешно решенных советской контрразведкой в 1950–1960 гг. задач в рамках противодействия агентурной разведке противника явилось проведение многочисленных оперативных игр. В результате которых, органы госбезопасности получали достоверные сведения об устремлениях иностранных разведок, о методах и приемах их работы по сбору разведывательной информации, о технических средствах, входивших в разведывательно-шпионскую экипировку, а также о каналах связи между противником и его агентами на территории СССР. В инструкции, выданной американскому шпиону из числа советских граждан, который не имел специальных технических познаний, было указано: «Некоторые вопросы, изложенные в инструкции, вне Вашей профессиональной подготовки, но мы все же ставим их Вам, так как они представляют для нас особый интерес. Для того чтобы собрать эти сведения, мы направляем Вам перечень демаскирующих признаков, с помощью которых Вы сможете выяснить интересующие нас сведения...».

В начале 1960-х гг. в руки органов КГБ попала другая инструкция, предназначенная шпиону, имевшему доступ к секретной информации и обладавшему определенными техническими знаниями. В ней американская разведка ставила уже конкретные вопросы.

В 1959 г. американские разведчики заложили тайник для своего информатора, работавшего в области науки. В письме к агенту было указано, что «...достижения смежных научных дисциплин, связанных с пуском спутников и снарядов, таких, как астрофизика, магнитогидродинамика, техника вычислительных машин, нас также крайне интересуют»⁵⁰⁸.

Таким образом, приведенные сведения подтверждают и наглядно иллюстрируют активизировавшиеся и принявшие в 1950–1960 гг. тотальный характер разведывательные устремления спецслужб противника к вопросам создания и испытания советского атомного оружия и ракетно-космических средств его доставки. Этим проискам американской и других разведок органами государственной безопасности была противопоставлена тщательно отработанная система контрразведывательных мер, позволявшая вскрывать и обезвреживать на территории СССР вражеских шпионов. Имели место случаи вывода на контролируемую КГБ территорию других агентов из-за рубежа с последующим их задержанием или взятия с поличным кадровых сотрудников ЦРУ, действовавших под дипломатическим прикрытием.

В целом деятельность иностранных легальных разведок по добыванию сведений о советском атомном оружии и ракетно-космических средствах его доставки, также, как и описанная выше агентурная работа зарубежных спецслужб, значительно активизировалась с начала 1950-х гг. Так, американский военный атташе генерал-майор Р. Гроу, находившийся в Москве в 1950–1951 гг., с первых же дней своего пребывания в Советском Союзе активно занялся сбором разведывательных данных о промышленных и военных объектах СССР. Неоднократно задерживался за фотографирование военных объектов, оборонных предприятий и стратегических транспортных коммуникаций. Но этот разведчик имел одну слабость: он вел дневник, в котором записывал свои мысли об американской разведке, а также свои шпионские наблюдения в СССР. Потеря им этого дневника привела к

тому, что записки Гроу были опубликованы и стали достоянием мировой общественности.

В июле 1954 г. МИД СССР объявил персонами нон грата помощника военного атташе посольства США в Москве подполковника Г. Фелчина и помощника военно-воздушного атташе того же посольства майора У. Маккини, которые, регулярно совершая поездки по территории Советского Союза, активно занимались сбором шпионской информации, в том числе – об объектах атомной промышленности. Во время одной из таких поездок Фелчин и Маккини забыли в купе поезда свои шпионские записи, изобличившие их подлинную деятельность.

В августе 1954 г. МИД СССР направило посольству США в Москве ноты протеста по поводу систематических попыток помощника военного атташе США в Москве Ф. Иегера, а также помощника военно-морского атташе посольства США в Москве А. Хаслера проникнуть в районы расположения военных объектов.

В мае 1955 г. персоной нон грата были объявлены помощники военного атташе США в Москве подполковник Д. Бенсон, капитан У. Строуд и капитан У. Мюлэ в связи с тем, что они, совершая регулярные поездки по территории СССР, активно занимались сбором шпионской информации.

В феврале 1957 г. было предложено немедленно выехать из Советского Союза помощникам военно-морского атташе США в Москве П. Уффелману и У. Люису, которые 25 января 1957 г., находясь в Ленинграде, фотографировали объекты оборонного значения. Оба американца были задержаны. Пленка была изъята и проявлена, и, как оказалось, на ней были засняты два объекта, имеющие оборонное значение, в том числе – Ленинградский металлический завод, где осенью 1956 г. проводились испытания стартовой системы ракеты Р-7, разрабатывавшейся в тот период первой в мире межконтинентальной баллистической ракеты.

16 октября 1959 г. атташе посольства США в Москве Р.А. Лэнжелли проводил конспиративную встречу с американским агентом, которому он передал инструкцию по дальнейшей шпионской работе, средства тайнописи и крупную сумму денег. Во время этой встречи оба ее участника были задержаны советскими компетентными органами, а шпионские материалы были изъяты. В задании агенту, в числе других задач, предписывалось установить контакты с сотрудниками одного из подмосковных конструкторских бюро, задействованного в создании межконтинентальных баллистических ракет⁵⁰⁹.

Полученные советской контрразведкой данные свидетельствовали о том, что значительный объем информации об атомной и ракетной промышленности СССР иностранные разведки получали путем систематического перехвата передаваемых по радио служебных телеграмм, тщательного контроля за полетами самолетов, находившихся в ведении советских учреждений ракетно-ядерного комплекса, ведения воздушной и космической разведки, а также в результате опросов изменников Родины (Салиманов, Фредосов, Казаков, Гаврилов и др.), а также из сведений, полученных в наших открытых технических изданиях, выступлениях на международных конференциях и симпозиумах советских ученых и специалистов. Специально созданная государственная комиссия из компетентных ученых и специалистов пришла к выводу, что утечка к противнику информации о советском атомном оружии и ракетно-космических средствах его доставки (по ее достоверности, характеру и объему) не наносит существенного ущерба интересам государства. По выявленным в ходе этой работы каналам утечки информации заинтересованными ведомствами принимались своевременные меры по их перекрытию, а КГБ при СМ СССР усилил работу по контрразведывательному обеспечению объектов ракетно-ядерной отрасли⁵¹⁰. Об эффективности указанных мер свиде-

тельству и тот факт, что созданный в 1957 г. военный объект «Ангара» (ныне – космодром «Плесецк»), где было сформировано первое в СССР ракетное соединение, осуществлявшее боевое дежурство с первыми в мире МБР Р-7 и Р-7А, стал известен противнику только в 1966 г., когда с объекта был произведен первый космический запуск – ракета-носитель «Восток-2» вывела на околоземную орбиту военный спутник «Космос-112».

Таким образом, в 1950–1960 гг. разведывательная деятельность спецслужб США и их спутников значительно активизировалась, имея одной из основных целей установить фактическое состояние советского ракетно-ядерного потенциала. Для этого иностранными спецслужбами были задействованы беспрецедентные для обстановки формально мирного времени силы и средства агентурной, технической и легальной разведки. Разведывательные устремления противника к советскому ядерному оружию и ракетно-космическим средствам его доставки явились одним из существенных факторов оперативной обстановки в 1950–1960 гг. При этом, качественная реализация на общегосударственном уровне системы контрразведывательных мер позволила СССР обеспечить безопасность в области разработки и производства ракетно-ядерного оружия, которое по сей день является гарантом политической независимости нашей страны на международной арене.

Эпизоды жизни председателя КГБ Эстонской ССР генерала Кортелайнена

Генерал-лейтенант К.Е. Кортелайнен начал офицерскую службу в 1951 г. пограничником. В 1975–1982 гг. занимал руководящие должности в Пограничных войсках КГБ СССР, в том числе был начальником войск Забайкальского и Дальневосточного пограничных округов. С 6 июня 1982 по март 1990 г., почти 8 лет, Карл Ефремович возглавлял КГБ Эстонской ССР. Это был единственный случай такого назначения в Комитете госбезопасности СССР⁵¹¹.

Заместитель председателя КГБ СССР Ф.Д. Бобков вспоминал: «...и спецслужбы, и западные государства очень серьезно использовали межнациональные отношения. ... по Эстонии посмотрели всю ситуацию, и было ясно, что здесь надо очень серьезно поработать по национальной проблеме – прежде всего с Центральным комитетом эстонской компартии. Андропов подписал записку в ЦК КПСС, чтобы на Политбюро это дело послушали. Записку очень долго переключали с места на место и в конце концов вынесли решение отправить ее на бюро ЦК Эстонии, пусть они ее там проработают... Дело кончилось тем, что сняли с поста председателя КГБ Эстонии и дальше пошли жить, как и жили...»⁵¹².

Весной 1982 г. начальник Управления кадров КГБ СССР докладывал Ю.В. Андропову материалы личного дела начальника войск Краснознаменного Дальневосточного пограничного округа генерал-майора К. Е. Кортелайнена, которого представляли к очередному воинскому званию генерал-лейтенант. Председатель КГБ спросил: «Вы подбираете кан-

дидата на должность председателя КГБ Эстонии вместо генерала Порка. Чем вам Кортелайнен не готовый кандидат-эстонец, сибиряк?»).

Десятилетия безукоризненной службы, его опыт и прекрасная профессиональная подготовка – с отличием закончил училище, Военный институт КГБ при СМ СССР, Военную академию Генерального штаба ВС СССР имени К.Е. Ворошилова – были весомыми доводами в пользу его кандидатуры. Еще один плюс – национальность. Генерал-эстонец во главе комитета республики – оптимальное решение.

Карл Ефремович не был человеком со стороны. Его многое связывало с Эстонией: служил на острове Сааремаа, потом командовал Краснознаменным Сортавальским погранотрядом на финской границе. Много читал об Эстонии – исторические, аналитические работы. Его должности позволяли знакомиться с отечественной и зарубежной аналитикой сложных процессов, определивших судьбу Эстонии в XX веке. Перед назначением председателем КГБ республики он прошел стажировку в подразделениях союзного Комитета, где познакомился с докладами, экспертными оценками ситуации в Эстонии и вокруг нее, выводами и рекомендациями аналитиков. Это помогло ему понять стратегию и тактику подрывной деятельности в отношении Прибалтики.

Одно из главных направлений деятельности Комитета государственной безопасности Эстонской ССР в то время – борьба с национализмом, возрождением фашизма. Точно и доказательно вскрывалась лживость мифов о «советской оккупации» Эстонии и Великой Отечественной войне. «Борцы за свободу в эсэсовских мундирах», возведенные в национальные герои, были врагами и эстонского, и русского народов, палачами и карателями.

Он уверенно возглавлял Комитет. Определял вектор его деятельности, видел политическую составляющую происходящих событий. В 1988 г. был подготовлен сборник материалов, выпущенный к 70-летию ВЧК–КГБ, подготовленный

на основе чекистских материалов, который рассказывает о борьбе с эстонскими пособниками нацистов – военными и послевоенными, объявленными национальными героями. Цена их преступлений – более 200 тыс. чел. Документы были подтверждены Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда ЭССР.

Карл Ефремович уважал фронтовиков. И нередко находил возможности обойти формальные нормы в их интересах. Подошел и срок отставки подполковника В.А. Рейнека, который воевал на Ленинградском фронте, затем несколько лет очищал Эстонию от нацистских «братьев». Он был старшим оперуполномоченным (это майорская должность, но как участник Великой Отечественной войны, имел звание на ступеньку выше). Пригласив его на беседу, председатель предложил фронтовику вакантную подполковничью должность. Как участник Великой Отечественной войны он получил право на очередное воинское звание. Через полгода полковник Рейнек ушел в отставку⁵¹³.

КГБ Эстонии имел полную информацию о деятельности всех радикальных организаций, в том числе на этапе формирования замыслов и планов конкретных действий. Главным было выявление их целей и планов, конкретных действий, принятие необходимых мер для защиты конституционного строя, идеологии, экономики. Эффективно работал институт профилактики.

Так, была проведена операция по перехвату нелегального канала связей между группой националистов и «Центром помощи политическим заключенным Эстонии». Фактически не было ни заключенных, ни тем более помощи им. Председатель центра жил на деньги, выделяемые западными организациями для поддержки «борцов за независимую Эстонию». Обязанность «борцов» заключалась в поставке различных материалов об оккупации республики, ее русификации, притеснении эстонцев. Один из «трудов», переданных гла-

вой группы из нескольких диссидентов Л. Пареком, назывался «Национальная катастрофа Эстонии», рассчитанная на ничего не ведающих о Советском Союзе европейцев.

В те же годы стал известен анализ социально-экономического развития республики, подготовленный ЦРУ США, который занимал более пятисот страниц. Констатировалось, что с 1946 по 1980 гг. Эстония сделала стремительный рывок в образовании, культуре, здравоохранении, науке, сельском хозяйстве, промышленности и транспорте. По объему ВВП на душу населения республика догнала Данию и вышла на 46-е место в мире. Европейцы, да и советские люди тоже, не знали о таких впечатляющих переменах в республике, о самых больших доходах эстонцев в Советском Союзе и о самых больших бюджетных расходах на человека по всем социальным статьям. Население Эстонии увеличилось до 1,57 млн. чел., из них 967 тыс. были эстонцами. Это самая большая численность народа за всю его историю.

Подшефным стокгольмского центра отводилась роль поставщиков ложной искаженной информации. Тогда еще не было интернета, массовой мобильной связи, развитой финансовой инфраструктуры. Для доставки инструкций, материальной «поддержки» из Стокгольма в Таллин требовались связники. В этих условиях успешно прошло внедрение «связника», и Комитете госбезопасности Эстонии в течение ряда лет получал достоверную информацию о деятельности «центра», блокировал усилия по дестабилизации обстановки в республике. Ход операции постоянно контролировал генерал Кортелайнен. Большинство решений предварительно обсуждалось на коллегии Комитета. Карл Ефремович выяснял мнение каждого члена, не торопясь высказать свою позицию⁵¹⁴.

Еще его одно определяющее качество – способность оценивать ситуацию в развитии, прогнозное видение. Не зная подробностей и деталей, председатель точно выделял суть проблемы, по-крупному оценивал перспективы, риски, по-

следствия. Он не стремился охватить все подробности реализации замысла – это задача исполнителей. Председателя интересовали алгоритм действий, уровень профессиональных рисков, безопасность сотрудников, забота о них и нестандартные решения.

Но при всех проблемах сочетал требовательность с заботой о подчиненных. Сумел убедить председателя правительства Эстонии Б.Э. Саула в необходимости дополнительного выделения квартир для сотрудников, стремился улучшать их быт. Такое внимание сплачивало и поддерживало коллектив.

Например, один случай, который характеризует Карла Ефремовича как мудрого и справедливого человека. В конце года оперработникам полагалась итоговая премия тем, кто добивался заметных успехов в работе на порученном участке. Но при скромных доходах практически все руководители стремились финансово поддержать сотрудников, не имевших нарушений в течение года. Списки на поощрение подавались на утверждение председателю.

И вот, начальник одного из районных отделений доложил, что никто из его подчиненных не заслуживает премии, поскольку не имеет оперативно значимых результатов. Но вот самого себя подполковник в список на поощрение включил. Председатель отреагировал на этот потрясающий доклад крайне неожиданно для его автора:

«Вы доложили, что ваши подчиненные работали неудовлетворительно. Считаю, это ваша личная недоработка, ваша, в первую очередь, слабая работа. Поэтому вычеркиваю вас из приказа о премиях, а весь оперсостав включаю в него».

На ситуацию с «тринадцатой» зарплатой, на анекдотичную ограниченность руководителя, «одного шагающего в ногу» впереди вверенного подразделения, председатель отреагировал по всей генеральской строгости. Вскоре этот случай в разных вариантах пересказывали перед каждой выплатой «тринадцатой» зарплаты. И вспоминая эту историю, как

и другие, подобные ей, следует удивляться, каким редкостно душевным, мудрым руководителем он был. И как нам повезло с ним⁵¹⁵.

По своей должности председатель КГБ Эстонии являлся старшим оперативным начальником. Карлу Ефремовичу поступала комплексная, полноценная информация, поэтому он знал обстановку в целом и координировал совместную деятельность всей системы безопасности, что безусловно повышало ее эффективность.

Генерал Кортелайнен был одним из разработчиков контрразведывательной операции «Магнит», которая проводилась совместно с военной контрразведкой Прибалтийского военного округа. Идея состояла в том, чтобы создать ситуацию, которая привлекла бы внимание спецслужб противника и побудила их к активным действиям под нашим контролем.

Недалеко от Таллина находился военный объект, на базе которого легендировалось создание режимного объекта, якобы предназначенного для размещения новейших ракет «Ока»⁵¹⁶. Была уверенность, что советской контрразведке представится возможность создать условия для захвата с полчищем иностранных разведчиков, действующих под дипломатическим или другим прикрытием.

По агентурному каналу дезинформацию удалось довести до спецслужб противника. Натовские дипломаты возмутились решением Совета министров Эстонии о закрытии района дислокации ложного военного объекта для въезда иностранцев, что было сделано по просьбе председателя КГБ Эстонии. Разведчики-дипломаты пытались прорваться в интересующий их район. Из Центра КГБ Эстонии стали допытывать, почему МИД СССР предъявляет претензии, утверждая о политически нецелесообразном контрразведывательном режиме в отношении иностранных дипломатов, посещающих Таллин. Но Кортелайнен жестко отстаивал необходимость операции. Затем поступил приказ из Центра: срочно свернуть операцию в связи с подписанием между СССР и

США договора об одностороннем уничтожении Советским Союзом ракет средней и малой дальности, который вступал в силу в июне 1988 г.⁵¹⁷

Политическая и оперативная обстановка в Эстонии резко обострилась в 1988 г. На должность первого секретаря ЦК компартии пришел В. Вяляс. Он быстро установил контакты с националистами, которые активно использовались спецслужбы противника. Имелись данные и о его связях с представителями ЦРУ в период работы за рубежом. Благодаря комбинации, которую разыграл лично Карл Ефремович, удалось зафиксировать его встречу с кадровым сотрудником ЦРУ США, прибывшим в Таллин под прикрытием бизнесмена.

Опираясь на сколоченную группировку, через Верховный Совет республики Вяляс протолкнул законопроект о блокировании общесоюзных законов. Кортелайнен не сломался, о происходящем сообщил председателю КГБ СССР В.А. Крючкову, который отнесся к информации с недоверием, но, учитывая ее важность, о случившемся доложил М.С. Горбачеву. Однако реакции на измену Вяляса не последовало. На этот вопрос имелся ответ. КГБ Эстонии через зарубежные источники получил информацию о том, что Горбачев обещал американцам не препятствовать прибалтийским сепаратистам выйти из Советского Союза.

В дальнейшем спираль измены раскручивалась центробежными силами. Массы людей, втягиваясь в воронку этого водоворота под лживыми лозунгами, катастрофически теряли инстинкт самозащиты. Обеспечивать государственную безопасность в кризисных условиях приходилось путем ежедневных резких противостояний с агрессивным натиском националистической группировки.

Множество союзных и республиканских нормативных актов, противоречили один другому и приводили в замешательство местные правоохранительные структуры, в том

числе органы государственной безопасности. Так, КГБ республики, с одной стороны, подчинялся КГБ СССР, а с другой – был обязан информировать о происходящих в республике процессах ЦК Компартии Эстонии, а по ряду вопросов – и правительство, которое все больше становилось народно-фронтным. Кандидатуры на должности председателя и его заместителей КГБ СССР перед назначением согласовывал с ЦК Компартии Эстонии, и члены коллегии назначались постановлениями Совета министров ЭССР.

Генералу Кортелайнену пришлось руководить КГБ Эстонской ССР в трудные годы. От сотрудничества, без причин, стали срывать обусловленные встречи, сузились возможности комитета на канале выезда советских граждан за границу и т.п. Зато больше внимания стали обращать на работу по пятой линии: получению информации о внутривнутриполитических процессах, планах, намерениях Народного фронта, Партии национальной независимости Эстонии, Комитета граждан Эстонии, организаций «Кодукайтсе» и «Кайтселийт», в которых комитет имел хорошие агентурные позиции.

26 марта 1989 г. впервые в истории Советского Союза выборы в Верховный Совет СССР проходили на альтернативной основе. В Кейласком избирательном округе по выборам в Совет Национальностей Верховного Совета СССР кандидатами были выдвинуты председатель КГБ Эстонской ССР генерал-лейтенант К.Е. Кортелайнен и активист Народного фронта В.А. Пальм – известный ученый-химик, профессор Тартуского государственного университета, академик АН ЭССР, великолепный оратор с большим опытом выступлений перед аудиторией.

Штаб Кортелайнена придерживался предвыборного лозунга: «Возродим полномочия Советов!», но было видно, что даже сидящие в зале военные люди хотели перемен. С учетом тревожной обстановки один из доверенных лиц предложил организовать через руководство Краснознаменного

Балтийского флота командировку в Палдиски пару тысяч организованных избирателей – матросов из других военно-морских баз. Однако Кортелайнен такое предложение решительно осудил и выборы проиграл⁵¹⁸.

В эти дни в КГБ Эстонии случилось «чрезвычайное происшествие». 2 ноября 1988 г. тартуская городская газета «Эдази» опубликовала обращение к жителям, трудовым коллективам и депутатам завершить в ближайшее время обсуждение проектов Закона СССР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона)» и Закона СССР «О выборах в Верховный Совет СССР» – дать им оценку и передать свои предложения в комиссию районного исполнительного комитета для обобщения и последующего представления их в Президиум Верховного Совета ЭССР.

Законопослушные сотрудники Тартуского городского отдела КГБ собрались на открытое партийно-комсомольское собрание по данному вопросу. Собрание посчитало, что вышеуказанные проекты следует обсуждать, но не принимать их на предстоящей сессии Верховного Совета СССР. Тартуские газеты публиковали резолюцию вышеуказанного собрания, осуждающие проекты законов, под «шапкой»: «Обращение в Президиум Верховного Совета СССР».

В первые дни казалось, что тартуское дело замято. Однако несколько экземпляров газеты оказались в Москве, и разразился вселенский скандал: сотрудники периферийного аппарата КГБ суют нос не в свои дела, берут на себя наглость неодобительно высказываться по поводу проектов важных законов, направленных на совершенствование законодательства и работы государственного механизма.

Из КГБ СССР в Таллинн пришло указание: председатель комитета генерал-лейтенант Кортелайнен, его заместитель по кадрам и начальник тартуского горотдела вызывались в Москву на коллегию КГБ СССР для дачи объяснений по поводу данного происшествия.

Заместитель председателя КГБ Эстонской ССР по кадрам – начальник отдела кадров В.А. Пооль рассказывает: «...в начале января 1989 года состоялась Коллегия КГБ. До ее начала коллегии я был вызван к заместителю председателя – начальнику Управления кадров КГБ СССР генерал-лейтенанту Пономареву, который строго меня проинструктировал: отчет должен быть кратким, самокритичным, необходимо сурово осудить происшедшее в тартуском горотделе, высказаться в отношении целесообразности дальнейшего использования полковника Талура в качестве руководителя подразделения.

Не знаю, какие инструкции получил Кортелайнен, его я расстраивать перед коллегией не стал и о полученном мною инструктаже ему не сообщил.

Основная задача моего краткого отчета сводилась к тому, чтобы четко довести до членов коллегии, что в условиях гласности люди, в том числе и сотрудники госбезопасности, стали смелее говорить о проблемах, волнующих общество, в открытых публикациях подается много новой, зачастую негативной информации из нашего недалекого прошлого, и чекисты находятся под большим эмоциональным прессингом. Публикацию решения партсобрания в городской газете нельзя расценивать как критику руководства страны и проявление в чекистском коллективе националистических настроений. О каком национализме можно говорить, если эстонцев в комитете на данный момент всего восемнадцать процентов, в тартуском горотделе их около половины, но есть оперативные подразделения, в которых вообще нет ни одного представителя коренной национальности.

Генерал-лейтенанта Кортелайнена заслушивать не стали. Во время выступления я изредка поглядывал на своего председателя, кивком головы тот давал мне понять: мол, правильно говоришь. С коротким отчетом выступил также виновник происшествия Талур.

Выступление первого заместителя председателя КГБ СССР было неожиданно резким – Талура из КГБ надо гнать. Три следующих генерала предлагали сделать из случившегося самые серьезные выводы и строго наказать виновных.

Однако начальник Инспекторского управления КГБ СССР генерал-лейтенант С.В. Толкунов и начальник Управления КГБ по г. Москве и Московской области генерал-лейтенант Н.Е. Челноков сгладили предыдущие выступления. Заключительное слово председателя КГБ СССР В.А. Крючкова было вполне доброжелательным – он выразил уверенность, что эстонцы сделают из случившегося необходимые выводы.

После заседания коллегии вышел приказ, которым председателю КГБ Эстонии Кортелайнену, его первому заместителю Черноиванову, заместителям Арро и Поолю, а также начальнику тартуского горотдела Талуру строго указали на серьезные промахи в работе»⁵¹⁹.

В начале 1990 г. руководство Эстонии поставило вопрос о замене Кортелайнена на более податливого и послушного человека⁵²⁰. Председатель КГБ СССР Крючков нашел способ защитить Кортелайнена – ему было предложено вернуться в Москву на должность первого заместителя начальника Главного управления пограничных войск КГБ СССР

Военная карьера генерала завершилась после поддержки Государственного комитета по чрезвычайному положению. С 1992 г. он в отставке; с 2000 г. – консультант директора Федеральной пограничной службы России.

Жил в Москве. За службу Родине был награжден орденами Октябрьской Революции, Красной Звезды, нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «Заслуженный пограничник Российской Федерации», медалями⁵²¹.

Занимая руководящие посты в ветеранских организациях, он проявлял чувство высокого патриотизма, принимал активное участие в общественно-политической жизни. Под руководством Карла Ефремовича чекисты КГБ Эстонской ССР ежегодно собирались в Москве на свои заседания.

У.А. Жегалова
г. Москва

Противостояние КГБ и ЦРУ в Италии в 1960–1970 гг.

В 1960-х гг. наблюдалось расширение советско-итальянских контактов, и связано это было, прежде всего, с взаимной заинтересованностью в экономических вопросах. Советский Союз представлял большой интерес из-за огромной территории и спроса на товары. Интерес СССР заключался в импорте современных технологий. Обе стороны поняли, что без сотрудничества на политическом уровне невозможно создать прочные экономические отношения. После этого ежегодно совершался хотя бы один государственный визит представителя итальянского правительства в СССР или наоборот. Например, в 1960 г. с визитом в Москву приехал президент Итальянской Республики Д. Гронки⁵²², в августе 1961 г. Москву посетил премьер-министр страны А. Фанфани, в апреле 1966 г. в Рим прибыл министр иностранных дел СССР А.А. Громыко, в мае 1967 г. в качестве министра иностранных дел А. Фанфани нанес ответный визит в Москву⁵²³.

В 1960-х гг. в Италии начали проводить политику нео-атлантизма, в ходе которой республика должна была стать мостом между Западом и Востоком. Так как существовало сходство взглядов между Италией и СССР, то такой подход вызывал интерес в Кремле⁵²⁴.

В те годы у советской разведки было несколько направлений деятельности, одним из которых было «Г.П.» («Главный противник»). Подразумевалось, что сотрудник КГБ может работать в любой стране для противодействия американцам. Еще одним направлением было «П.Р.» («Политическая разведка»), которое занималось подбором спецслужбы для подготовки акций против ЦРУ. Однако вербовкой членов

Итальянской коммунистической партии (ИКП) советская разведка не занималась, так как имела достаточно дружественные отношения с лидером ее П. Тольятти. Агенты в основном сотрудничали с левоцентристами и террористическими организациями (Красные бригады, Новый порядок). Еще одной задачей для КГБ было проникновение в мафию, как одну из ведущих сил Италии, имеющую особое влияние⁵²⁵.

Однако все изменилось после событий 1968 г., когда СССР подавил «Пражскую весну». Большое число коммунистов Италии осудило политику Москвы, после чего последовал конфликт между новым руководством ИКП во главе с Э. Берлингуэром и Кремлем. Выборы 1968 г. показали, что итальянское общество сменило вектор и стало левее. В 1972 г. Берлингуэр вынудил ИКП ослабить отношения с социалистическим лагерем, представив концепцию еврокоммунизма, которая в Москве была оценена как опасная тенденция к социал-демократизации итальянских коммунистов.

В 1950-х гг. США, Великобритания и Франция стали говорить о возможном новом конфликте в Европе, который приведет к распространению коммунизма в Западной Европе. Они создали тайный комитет по планированию, который должен был предотвратить наступление СССР.

В Италии была создана организация «Гладио», которая стала частью разведывательного управления ЦРУ, целью которой было противодействие СССР при попытке переворота в Италии. Таким образом, в Европе сформировалась тайная сеть ЦРУ в основном в тех странах, где во время Второй мировой были профашистские и пронацистские режимы. Официально операция «Гладио» была создана путем подписания меморандума между американскими и итальянскими спецслужбами в 1956 г.

В 1964 г. Италия была принята в НАТО, хотя еще до этого итальянская разведка SIFAR тесно сотрудничала с ЦРУ.

В «свинцовые годы» (конец 1960-х – начало 1980-х гг. – Ред) тайная армия «Гладио» начала тесное сотрудничество с ультраправыми и террористическими организациями. Они проводили мероприятия для подрыва политической ситуации в Италии, чтобы не допустить повышения влияния коммунистов в стране. Для того, чтобы ограничить действия ИКП, ЦРУ наладило контакты с мафией. Затем выяснилось, что глава масонской ложи «П-2» Л. Джелли совместно с ЦРУ занимался манипуляцией итальянскими политиками, чтобы держать коммунистов подальше от власти. Сам Джелли имел тесные связи с высокопоставленными американскими политиками, в частности присутствовал на инаугурации Форда, Картера и Рейгана. Таким образом, Джелли был американским человеком в Италии.

В 1969 г. президентом США стал Р. Никсон, который видел в коммунизме особую угрозу, поэтому финансирование США любых антикоммунистических сил в Италии приобрело новый размах. При Никсоне терроризм в Италии достиг крайней точки, Италия погрузилась в нескончаемый террор.

В 1960–1970 гг. у советской разведки было три основные задачи в Италии. Во-первых, она занималась сбором информации об американских агентах, во-вторых, организацией мероприятий, подрывавших деятельность ЦРУ, и, в-третьих, проникновением в мафию, которая тесно сотрудничала с США.

В этот период в Италии действовало несколько сотрудников ПГУ КГБ.

Первый, о ком стоит начать рассказ – это Л.С. Колосов⁵²⁶. Именно ему было поручено сотрудничать с политиками левого центра и вступить в контакт с членами мафии. В Риме он находился как корреспондент газеты «Известия». Первостепенной задачей Колосова было убедить контрразведку Италии в том, что он действительно журналист. Для достижения цели он взял интервью у местной путаны, кото-

рое было опубликовано в советской газете. Кроме того, Колосову удалось взять интервью у генерального секретаря ИКП П. Тольятти и секретаря Итальянского социального движения Д. Альмиранте. После этого контрразведка сняла имеющиеся подозрения.

Тогда он познакомился с журналистом прокоммунистической газеты, финансируемой ЦК КПСС, Ф. Келанти, который в свое время писал разгромные статьи про мафию. Колосов попросил Келанти взять его с собой на Сицилию на встречу с Джентили как своего друга из газеты «Известия», который также хочет написать статью о мафии. По приезду, уверив Джентиле, что он хочет написать очерк об итальянской мафии, Колосов поинтересовался не «уберут» ли его после статьи, в ответ Джентиле ответил: «Сын мой, ты же нам рекламу сделаешь. В Советском Союзе наконец-то узнают, что такое мафия»⁵²⁷.

Помимо этого, у Колосова были неплохие отношения с тогдашним премьер-министром Италии А. Моро. Будучи хорошо замаскированным под журналиста (его печатали каждый день в «Известиях»), Колосов смог взять несколько интервью, на которых не стеснялся задавать провокационные вопросы. Таким образом, Леонид Сергеевич получал уникальную информацию от представителя власти. Он узнал, какая ситуация была внутри правительства, и как иные силы относились к Моро. Многие его критиковали за сближение с СССР, а сделки с FIAT и Eni, которые были «сделками века», сильно не устраивали и неофашистов, и социал-демократов, и христианских демократов, но в большей степени США.

В 1964 г. в Италии существовала подпольная сеть неофашистов, которые готовили военный переворот под названием «Piano Solo» («Единственный план») с целью захвата власти, но он был предотвращен. Командовал переворотом главнокомандующий карабинерами генерал Дж. Ди Лоренцо. Есть версия, что это случилось как раз потому, что советская разведка узнала о попытке переворота. Именно Колосов первый

получил данные от мафии Джентили во время визита на Сицилию. Джентили попросил Колосова доложить советскому послу информацию о готовящемся в Италии перевороте при участии ЦРУ и ультраправых террористов. На вопрос, почему Джентили рассказал такую информацию, он ответил, что ненавидит американцев, т. к. они сорвали ему наркобизнес. После публикаций статей начался большой скандал. Моро, узнав о плане Ди Лоренцо, сразу его арестовал. Спустя некоторое время мафии скончался от инфаркта⁵²⁸.

После этого инцидента Колосов получил анонимное письмо, в котором были данные о секретной базе США на Сицилии, что стало посмертным подарком Джентили.

Следующей задачей Колосова был выход на близкие к Папе Римскому круги. В Рим прибыл зять Н.С. Хрущева – А.И. Аджубей. Л.С. Колосов должен был организовать его встречу с тогдашним Папой Иоанном XXIII⁵²⁹. Во время встречи Папа выдвинул три требования Кремлю. Во-первых, дать больше свободы православной церкви, во-вторых, освободить всех священников униатской церкви на Украине, и в-третьих, Хрущев должен был приехать на встречу в Рим. В Кремле все требования приняли во внимание, и на следующий день в итальянских газетах начали появляться заметки, в которых Иоанна XXIII называли «Красным Папой». Так ЦРУ, имевшие влияние на итальянскую прессу, пытались дискредитировать Папу.

В день отъезда Аджубея Колосов попал в автомобильную аварию и затем, находясь в больнице, узнал о кончине Папы Иоанна XXIII. На место Папы пришел Павел VI, которого итальянцы называли американским папой, так как еще в 1925 г. он был назначен капелланом студенческой организации «Federazione Universitaria Cattolica Italiana», которая впоследствии финансировалась ЦРУ⁵³⁰.

Также именно Колосов помог заключить СССР сделку с «FIAT» и получить кредит от фирмы при постройке завода в

Тольятти, что сэкономило 62 млн. долларов. За эту сделку он получил в награду внеочередное звание. На тот момент договор считался «сделкой века»⁵³¹.

Еще одним советским разведчиком в Италии был сотрудник Первого главного управления КГБ СССР Г.А. Вартамян⁵³². В Европе он с супругой представлялись иранскими мигрантами, сбежавшими от режима Шаха. По легенде были предпринимателями и специализировались на торговле коврами. Пожив в нескольких странах Европы, супруги наконец прибыли в Италию, где должна была проходить их основная разведывательная деятельность. В 1971–1986 гг. Вартамяны жили в центре Рима. Первые пять лет они обживались в Италии, легализовали бизнес, завели нужные связи. Многие итальянские бизнесмены обращались к Вартамяну за рекомендациями в области инвестиций. Постепенно благодаря общительности и связям они начали выходить на военно-политические круги и тех, кто мог предоставить нужную информацию. По этикету во многих странах Южной Европы на мероприятия принято приходить в сопровождении супруги. Чаще всего именно Гоар заводила новые знакомства и занималась сбором информации через других жен. С армянской диаспорой Вартамяны не имели контактов, так как был высок риск оказаться раскритикованными⁵³³.

Они занимались разведкой на южном фланге НАТО и были знакомы с главнокомандующим объединенными вооруженными силами НАТО в Южной Европе адмиралом С. Тернером, а также с президентом Италии Дж. Леоне и многими итальянскими министрами. Уже в те годы Вартамяны заметили на политической арене будущего премьер-министра Италии С. Берлускони, который делал первые шаги в политике. В Италии супруги получили гражданство, что позволило им летать по всему миру. При поездках в США Вартамяны пользовались поддержкой американских офицеров, один раз Г.А. Вартамян летал в Америку на самолете Тернера⁵³⁴.

Самой активной разведкой занималась секретная армия организации «Гладио». Как уже упоминалось ранее, в 1964 г. должен был состояться военный переворот под командованием генерала Ди Лоренцо, однако стоит выделить тот факт, что в 1956 г. именно благодаря ЦРУ Ди Лоренцо стал главой SIFAR (Информационная служба итальянских вооруженных сил) и секретной армии «Гладио». В 1955 г. сотрудник ЦРУ К. Оффи приехал в Италию, чтобы передать послу США в Риме Клэр Бут Люс поручение надавить на министра обороны Италии П. Тавиани для назначения Ди Лоренцо. 26 ноября 1956 г. Ди Лоренцо подписал секретный документ, что SIFAR продолжает сотрудничать с ЦРУ, а операция «Гладио» продвигается успешно. Ди Лоренцо удалось продвинуть проект штаб-квартиры на Сардинии, на которую ЦРУ выделили 300 млн. лир⁵³⁵.

Политические и психологические операции ЦРУ должны были ослабить влияние коммунистов в Италии. В директиве Объединенного комитета начальников штаба от 14 мая 1952 г. говорилось о том, что ограничения власти коммунистов стоит добиться любыми способами, в том числе, путем секретной войны и террора.

Частью военного переворота 1964 г. были террористические акты. Командиром частей «Гладио» Р. Роккой было взорвано несколько бомб в офисах ХДП, после чего на первых полосах итальянских газет стали появляться статьи, дискредитирующие коммунистов и социалистов. Кроме того, были выпущены списки с фамилиями тех людей, кого секретная армия должна была арестовать и депортировать на Сардинию в штаб-квартиру, которая была превращена в тюрьму «Гладио»⁵³⁶.

Ди Лоренцо также по приказу агента ЦРУ Т. Карамесинеса следил за нравственным обликом итальянской элиты. Он собирал данные о связях политиков с путанами, о гомосексуализме и прочих вещах для того, чтобы затем иметь на

них влияние. На сленге ЦРУ это называлось «взять итальянскую элиту за горло». Кроме того, во многих дворцах и офисах были установлены микрофоны для того, чтобы ЦРУ могло спокойно отслеживать разговоры.

В 1970 г. готовился второй ультраправый переворот под командованием «черного князя» и неонациста В. Боргезе. На завершающем этапе переворота готовились участвовать корабли НАТО и США, которые к тому времени базировались в Средиземном море. Всех арестованных в ходе переворота планировалось также депортировать на Сардинию в тюрьму «Гладио». Однако переворот опять был сорван предположительно из-за советской разведки. Кроме того, тогда в Средиземном море было зафиксировано большое число кораблей СССР.

Советская разведка, в основном, занималась сбором данных и изучала своего врага. Она старалась вести себя незаметно и тщательно скрывала свою агентов. Таким образом, СССР занимался поддержкой дружественной коммунистической партии в Италии, способствовал ее подъему, а также имел агентов для того, чтобы знать политическую ситуацию Италии изнутри.

США видели в коммунизме зло, а СССР считали своим главным врагом. Именно поэтому они применяли методы для предотвращения распространения коммунизма. Они не боялись подключать к операциям серьезных и опасных людей, сотрудничали с радикалами, а члены «Гладио» устраивали теракты. В ходе расследований не раз упоминалось участие ЦРУ во многих операциях, например, «Резня в Болонье» была самым серьезным обвинением ЦРУ, так как теракт был наиболее масштабным и запутанным в Италии, а его виновники до сих пор не выявлены.

Последующие годы в Италии продолжали проходить напряженно. 1980-е были ознаменованы чередой мафиозных преступлений, кроме того, все существующие на тот момент партии настолько себя дискредитировали, что вовсе были

распущены, а затем реорганизованы. Многие политики были замешаны в коррупционных скандалах с членами мафии. В 1992–1993 гг. была проведена антикоррупционная кампания «Чистые руки», в результате которой 80 % итальянских политиков ушли с политической арены. На выборах 1994 г. к власти пришла правоцентристская коалиция, а новым премьер-министром стал медиамагнат С. Берлускони. В состав правительства вошли многие лица, участвовавшие в свинцовых 1970-х. Таким образом, сам Берлускони открыл двери в итальянскую политику для правых и крайне правых, чего так долго добивались США.

**Отечественные органы безопасности в мемуарах
участников боевых и специальных операций
в Афганистане (1978–1992 гг.)**

Афганистан во внешней политике Российской империи/СССР занимал преимущественно второстепенное место. В XVIII – XIX вв. значение этой страны обуславливалось пересечением интересов России и Великобритании, принимавших меры к сохранению своего влияния, соответственно, в Средней Азии и в Индии. В 1919–1921 гг. Советская Россия сыграла важную роль в завоевании Афганистаном независимости, оказав ему политическую и военную поддержку, что способствовало установлению дружественных отношений двух стран, развитию торгово-экономических и военно-технических связей. Традиционный нейтралитет королевства обеспечивал в целом стабильность южных рубежей вплоть до периода пребывания в Афганистане Ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) в 1979–1989 гг. и до распада СССР. Это событие снизили уровень всех видов двухсторонних связей до минимума.

Военные, военно-политические акции, операции отечественных специальных служб, затрагивавших суверенитет Афганистана, в истории отношений СССР – Афганистан имели место. Из получивших освещение в открытых публикациях известны несколько. Первая – операция по ликвидации басмаческих баз Ибрагим-бека в Северном Афганистане силами кавалерийской бригады под командованием Я.А. Мелькумова в 1930 г. Тогда подразделения советских войск в короткий промежуток времени (с 19 по 26 июня) углубились на афганскую территорию до 90 км., разгромили

базы бандформирований и возвратились домой. Вторая советская военная акция с вводом войск под командованием В.М. Примакова проводилась в 1929 г. с целью восстановления на троне Амануллы-хана, свергнутого в результате военного переворота. Советские подразделения вынуждены были вернуться с полпути в связи с бегством из страны экс-короля.

Операцию против басмачей Ибрагим-бека можно рассматривать как первую антитеррористическую. В этой связи, однако, возможна научная дискуссия. Автор же, исходя из масштабов военного конфликта в Афганистане 1978–1992 гг., полагает возможным назвать период советского военного присутствия в этой стране в 1979–1989 гг. контртеррористической операцией. Первой контртеррористической операцией СССР события в Афганистане предлагает называть донецкий ученый А.А. Костыря⁵³⁷.

Актуальность темы вызвана необходимостью понимания степени освещенности в СМИ, открытых и иных публикациях участия и роли отечественных органов безопасности в «резонансных» событиях за пределами СССР/России, что важно в целях формирования их позитивного образа, патриотического воспитания молодежи.

В постсоветский период опубликованы результаты исследований, внесшие существенные коррективы в представления об истории советско-афганских отношений в целом и участия отечественных органов безопасности в этом процессе. Становлению и развитию связей СССР – Афганистан посвящены фундаментальные труды, подготовленные в своей основе в советский период. Они имеют существенный недостаток – у авторов отсутствовала возможность в полном объеме исследовать документы высших партийных органов, разведки и контрразведки СССР. Часть научных исследований советского периода в своих доказанных на то время положениях имеет противоречия с исследованиями, осуществленными в условиях современной России. Причина этого хорошо известна и о ней много сказано.

Однако и в трудах ученых-афганистов постсоветского периода выводы нередко расходятся кардинальным образом. Примером этого являются, в частности, оценки таких важных событий афганской истории, как взятие власти Народно-демократической партией Афганистана (НДПА), ввод и вывод из страны советских войск. Советско-афганские отношения частью отечественных и большинством зарубежных авторов трактуются как невыгодные для Афганистана. Другая часть придерживается иного мнения – СССР оказывал поддержку этой стране в ущерб собственным интересам.

В перечне работ отечественных афганистов представлены докторские и кандидатские диссертации, авторефераты, монографии, статьи учёных-востоковедов. Отдельные аспекты советско-афганских отношений освещены в иных трудах специалистов и участников событий в Афганистане разного времени. Значительное число закрытых научных исследований периода советского военного присутствия в Афганистане осуществлено в научно-исследовательских и учебных заведениях Минобороны СССР/РФ, КГБ СССР/ФСБ России, МВД СССР/РФ, иных ведомствах. Многие из них носят прикладной характер и имеют целью изучение опыта действий силовых структур в условиях военного конфликта в Афганистане.

Советско-афганским отношениям 1978–1992 гг. частично, либо полностью посвящены воспоминания ряда высших руководителей СССР и КПСС, военачальников, военных разведчиков, военных советников и советников по линиям спецслужб, сотрудников международного отдела ЦК КПСС, МИДа, Посольства СССР и резидентуры КГБ СССР в Кабуле, разведки и контрразведки, ветеранов подразделений специального назначения, военнослужащих пограничных войск КГБ СССР и других участников тех событий.

Особое место в мемуарной литературе занимают воспоминания сотрудников различных подразделений КГБ СССР,

поскольку это ведомство во многом определяло афганскую политику Советского Союза.

Многие вопросы участия отечественных органов безопасности в контртеррористической операции на территории Афганистана раскрыты в мемуарах их руководителей. В частности, начальника советской внешнеполитической разведки (Первого главного управления КГБ СССР), в последующем – председателя КГБ СССР В.А. Крючкова. Именно он возглавлял разведку в переломные для советско-афганских отношений годы, именно он является носителем наиболее важных тайн внешней политики СССР, включая и афганской. По этой причине Второй съезд народных депутатов СССР заслушивал его по афганской проблеме в декабре 1989 г.⁵³⁸ В.А. Крючков глубоко вникал в тему, многократно бывал в Афганистане, не без риска для жизни осуществлял там авиаперелеты, встречался со старейшинами племен в поисках путей выхода страны из кризиса. Безусловно, двухтомник воспоминаний В.А. Крючкова не отражает всех тайн афганской эпопеи, однако желание высокопоставленного государственного деятеля оставить потомкам своё видение истории того времени заслуживает уважения⁵³⁹.

Первый заместитель начальника советской внешнеполитической разведки (в период 1979–1991 гг.) генерал-лейтенант В.А. Кирпиченко, курировавший афганское направление, в книге «Разведка: лица и личности»⁵⁴⁰ уделит внимание и этой части своей богатой работы разведчика в странах Востока. Он даёт характеристики М. Наджибуллы и других деятелей правившего режима в Афганистане, оценивает развитие обстановки в стране, проблемы в НДПА и в руководстве страны в целом. С высоты своего служебного положения рассказывает о мерах, принимавшихся руководством СССР по решению задач советско-афганских отношений.

Афганскую тему в разных её ракурсах затрагивает в своих публикациях известный разведчик Л.В. Шебаршин (работал

в резидентурах КГБ СССР в Индии, Пакистане, Иране, возглавлял советскую разведку в 1989 г., исполнял обязанности председателя КГБ СССР в августе-сентябре 1991 г.). Ему довелось решать сложные вопросы с афганскими властями в период подготовки вывода, непосредственно во время вывода войск и после вывода Ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) из страны. Функционеры НДПА не были уверены в способности удержаться у власти в отсутствие советских войск и предпринимали все меры для того, чтобы отменить вывод либо максимально его оттянуть по времени. Рассуждает Л.В. Шебаршин также о проблемах в деятельности советских советников в Демократической Республике Афганистан (ДРА)⁵⁴¹.

В мемуарах В.Г. Руденко⁵⁴² описывается работа сотрудников Представительства КГБ СССР при органах безопасности Афганистана, специфика их работы при обеспечении совместных с советскими войсками боевых действий, участия в поисково-проверочных мероприятиях в фильтрационных лагерях.

Для интересующихся афганской темой ценны воспоминания сотрудников резидентуры КГБ СССР в Кабуле А. Морозова и В. Самунина, а также первого руководителя Представительства КГБ СССР при органах безопасности ДРА генерал-майора Л.П. Богданова⁵⁴³. Последний, имея опыт работы разведчика в шахском Иране, в событиях второй половины 1978 г. увидел назревание катастрофы для НДПА и пытался предпринять меры по её предупреждению. Однако даже с его позиций устранить складывавшуюся в советском руководстве надежду на возможность переориентации Афганистана на социализм было сложно. События, связанные с попытками советских представителей снизить накал внутривластной борьбы за власть, примирить Н. Тараки и Х. Амина, происходили с участием Л. Богданова, о чём подробно пишут также А. Морозов и В. Самунин, работавшие непосредственно в кабульской резидентуре КГБ СССР в 1978–1979 гг.

Архивы Службы внешней разведки Российской Федерации (СВР России) с материалами того периода будут открыты не скоро и, вероятно, полностью никогда не откроются. Свидетельства А. Морозова и В. Самунина важны тем, что они исходят от лиц, поддерживавших связь с функционерами НДПА в переломные моменты афганской истории – военного переворота 27 апреля 1978 г., убийства главы ДРА Н. Тараки его сподвижником Х. Амином в октябре 1979 г., ликвидации советским спецназом самого Х. Амина 27 декабря 1979 г. во время штурма дворца «Тадж-Бек» и ввода советских войск в ДРА 25 декабря 1979 г. – феврале 1980 г.

Журнальные статьи А. Морозова⁵⁴⁴ фактически впервые вскрыли тайны советской разведки и дипломатии в афганской политике СССР. Такое, недопустимое с точки зрения интересов безопасности государства, событие стало возможным только в условиях гибели самого государства. В статьях А. Морозова говорится о поддержании советской разведкой конспиративной связи с будущими руководителями Афганистана Н. Тараки и Б. Кармалем. Можно предполагать, что связи с сотрудниками КГБ СССР, посольства СССР в Кабуле, международного отдела ЦК КПСС они поддерживали, исходя из идейно-политической солидарности с Советским Союзом. В своей деятельности функционеры НДПА объективно нуждались в поддержке и помощи «братской КПСС» – страны, взятой за образец будущего устройства Афганистана.

В мемуарной литературе о деятельности КГБ СССР в Афганистане выделяются книги командиров и бойцов подразделений специального назначения: «Омега», «Вымпел», «Каскад», «Зенит» и других. Интерес к ним вызван не только их особой секретностью, но и получившей, благодаря публикациям, широкую известность операции «Шторм-333» по ликвидации Х. Амина во дворце «Тадж-Бек» в Кабуле. В числе авторов мемуаров – командир группы специального назначения КГБ СССР («Альфа») в 1977–1988 гг. генерал-майор Г.Н.

Зайцев. Участию «Альфы» и её бойцов в афганских событиях он посвящает третий раздел, назвав его «Шторм над Кабулом». Безусловная ценность этой книги заключается в освещении роли спецназа КГБ СССР в операциях по устранению Х. Амина и борьбе с оппозицией одним из тех, кто наиболее осведомлен в теме. Эту часть истории советско-афганских отношений и значение проделанной автором работы трудно переоценить. Г.Н. Зайцев убежденно пишет о справедливости постигнутого Х. Амина возмездия, соглашается с В.А. Крючковым в оценках его деятельности: «крах террористического режима, закамуфлированного под марксизм, был неизбежен». В отношении целесообразности ввода советских войск Г.Н. Зайцев стоит на позиции оказать «разовую военно-силовую помощь противникам Амина из обеих фракций НДПА, переворот силами спецназа, но без посылки и тем более длительного пребывания войск на территории этой страны»⁵⁴⁵.

Ряд научных и публицистических работ о советском спецназе подготовил и издал лично и в соавторстве с непосредственным участником афганских событий – В.И. Суродиным – А.И. Цветков. Одна из книг посвящена жизни и деятельности Героя Советского Союза Г.И. Бояринова, погибшего при штурме «Тадж-Бек». В ней раскрываются подробности этой спецоперации, описывается мужество и героизм, проявленные офицерами «Альфы» при выполнении поставленной задачи⁵⁴⁶.

Сегодня практически не осталось тайн об операции «Шторм-333», что позволяет исследователям уверенно оперировать данными, почерпнутыми из этих свидетельств⁵⁴⁷.

О боевых действиях подразделений специального назначения КГБ СССР в Афганистане рассказывается также в публикациях Г.С. Лобачева, В.И. Ютова и др. авторов⁵⁴⁸.

В решении задач отечественных органов безопасности на афганском направлении, оказании советнической помощи Министерству государственной безопасности Республики

Афганистан⁵⁴⁹ участвовали представители всех структурных звеньев КГБ СССР. Начальник аналитической службы советской контрразведки, один из её руководителей и консультант председателя КГБ СССР, затем директора ФСБ России генерал-майор В.С. Широнин многократно посещал «горячие точки» мира, включая Афганистан. Последнему он отвел главу под названием «Правда и вымыслы об афганской войне» в одной из своих книг⁵⁵⁰. В ней он анализирует деятельность зарубежных спецслужб и ЦРУ США, в частности. На конкретных фактах показывается роль США в расширении масштабов поддержки отрядов афганской вооруженной оппозиции, поставках им современных средств ведения войны, началу «опиумной войны» против СССР, плане «М» по дестабилизации обстановки в республиках советской Средней Азии. В совокупности с другими главами книга убедительно доказывает взаимосвязь официальной внешней политики США с тайной деятельностью её разведки против Советского Союза в мировых масштабах.

Существенный интерес для исследования представляют воспоминания М.Я. Овсеенко⁵⁵¹, подробно описывающего детали операций, проводимых военными контрразведчиками по выводу из плена советских военнослужащих, освобождению заложников, пресечению деятельности агентов противника, включая спецслужб США и Пакистана. Книга является своеобразной энциклопедией деятельности особых отделов КГБ СССР в условиях военного времени на территории сопредельного государства. Автор книги находился в Афганистане с небольшими перерывами с сентября 1982 г. и до октября 1987 г. С декабря 1985 г. и до убытия из ДРА являлся начальником особого отдела КГБ СССР ограниченного контингента советских войск в Афганистане. В 2018 г. при активном участии М.Я. Овсеенко вышла книга о военной контрразведке, подготовленная к её 100-летию юбилею⁵⁵². Она наполнена историческим материалом, иллюстрирующим драматический и противоречивый период в истории

СССР и Афганистана. В книге также представлены воспоминания более тридцати участников событий, которые освещают различные аспекты контрразведывательной деятельности.

В свидетельствах заместителя начальника военной контрразведки КГБ СССР полковника В.Н. Редченко приводятся неожиданные для исследователя утверждения об иных, чем принято считать, потерях СССР в афганской войне⁵⁵³. Он также сообщает о попытках КГБ СССР активизировать работу советского руководства по выводу ОКСВ из Афганистана, организации деятельности по розыску и возвращению на Родину попавших в плен к противнику советских военнослужащих.

Важные свидетельства об одном из исторических событий в жизни ДРА – организации в ноябре – декабре 1987 г. проведения Л. Джирги (высшего совета страны – представителей племен и народностей Афганистана) с целью учреждения поста президента и избрания на этот пост Наджибуллы рассказывает руководитель советнического аппарата в органах военной контрразведки МГБ РА Г.М. Безгодов. Он останавливается, в частности, на попытках оппозиции всяческими способами не допустить проведения этого форума правившим режимом⁵⁵⁴.

Участие Пограничных войск КГБ СССР в контртеррористической операции на территории Афганистана полно и всесторонне рассмотрено в мемуарах генерал-лейтенанта Ю.А. Нешумова, начальника штаба – первого заместителя начальника Пограничных войск КГБ СССР в 1976–85 гг. Впервые он был командирован в ДРА в марте 1979 г., когда по стране прокатилась волна мятежей и военных выступлений противников НДПА. В период до 12 сентября 1979 г., непрерывно, затем в поездках и вылетах на разные участки границ Афганистана с Пакистаном, Ираном и СССР, он участвует в решении вопросов формирования и боевого применения погра-

ничных войск ДРА. Ю.А. Нешумов приводит данные о численности и составе группировки советских погранвойск в Афганистане, показывает масштабы их применения, анализирует боевые действия, рассказывает о работе советников по созданию афганских пограничных сил. Значительное внимание Ю.А. Нешумов уделяет размышлениям о положении в стране и афганской политике СССР⁵⁵⁵.

Много раз выезжал в Афганистан, решая вопросы защиты советских и афганских границ, первый заместитель начальника Погранвойск КГБ СССР (в 1983–1990 гг.) генерал-полковник И.П. Вертелко, участник Великой Отечественной войны. Попытки афганцев закрыть свои границы с Ираном и Пакистаном советскими погранподразделениями были прекращены с его участием. И.П. Вертелко также приходилось вести переговоры с представителями разных политических сил страны. Его воспоминания позволяют глубже уяснить значение пограничных проблем Афганистана для военно-политического положения в стране и советско-афганских отношений в целом⁵⁵⁶.

В 2020 г. Издательский дом «Граница» завершил выпуск трехтомника «Пограничники в огне Афганистана», который «освещает последние «белые пятна» в истории афганской войны и органов государственной безопасности СССР, в состав которых входили погранвойска»⁵⁵⁷. Содержанием 2-го и 3-го томов являются воспоминания непосредственных участников событий, которые подробно освещают участие советских пограничников в афганской войне.

При исследовании участия отечественных органов безопасности в афганских событиях, особенно его внешнеполитической разведки, можно принять во внимание публикации сотрудников, бежавших на Запад и издавших там книги. При очевидной фальсификации их многих «свидетельств» (к чему приложена рука тех, кто оплачивал подготовку и изда-

ние этих книг), они позволяют почерпнуть некоторую информацию и сопоставить её с мемуарами и статьями, опубликованными ветеранами КГБ СССР в России.

Таким образом, анализ мемуаров свидетельствует о значительном вкладе отечественных органов безопасности в обеспечение интересов советского/российского государства на южных рубежах. Наиболее широкое освещение своей деятельности получили пограничные органы КГБ СССР, особенно в части ведения военных операций по защите советско-афганской границы и уничтожению бандформирований. В меньшей степени мемуары описывают роль и место органов безопасности в разработке разведывательных и контрразведывательных операций, нацеленных на реализацию планов и замыслов советского руководства в условиях Афганистана и в связи с событиями в этой стране в 1978–1992 гг. Проявленные при этом контрразведывательное искусство и мужество сотрудников органов безопасности нуждаются и в художественном осмыслении, отражении в книгах, фильмах, что безусловно способствовало бы патриотическому воспитанию подрастающего поколения страны.

Специальные операции органов безопасности России на Северном Кавказе. 1999-2009 гг.

Вторжение чеченских бандформирований в Дагестан в 1999 г. и их отражение явились поворотным моментом в развертывании антитеррористической борьбы на территории Российской Федерации, освобождении Чеченской Республики (ЧР) от власти криминального террора.

В сентябре 1999 г. сильно потрепанные, но не уничтоженные силы бандитов покинули территорию Дагестана, а на административных границах Чечни сконцентрировались российские войска, к 20 сентября взяв ее территорию в плотное кольцо, создав т.н. санитарный кордон.

Во исполнение постановления Правительства Российской Федерации от 15 сентября 1999 г. № 1040 «О мерах по противодействию терроризму» и в соответствии с приказами ФСБ России и МВД России от 12 сентября 1999 г. «О проведении операции «Вихрь-Антитеррор» органы федеральной службы безопасности совместно с органами внутренних дел активизировали борьбу с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом⁵⁵⁸.

30 октября 1999 г. началась совместная операция федеральных сил по наведению конституционного порядка в Чеченской Республике. Федеральным войскам противостояли мобильные, хорошо вооруженные и тренированные бандформирования. В ходе операции федеральными силами был установлен контроль над значительной частью территории республики, освобождено более 200 населенных пунктов,

бандформирования вытеснены в горные районы, где велось их уничтожение.

В ходе реализации мер по восстановлению конституционного порядка на территории республики в октябре 1999 г. было воссоздано Управление ФСБ России по ЧР, которое с октября 1999 г. по 19 января 2000 г. располагалось в г. Моздоке Республики Северная Осетия – Алания. В феврале 2000 г. в связи с изменением оперативной обстановки основные линейные подразделения и отделы были передислоцированы в г. Гудермес Чеченской Республики. В мае – июне 2001 г. принято решение о переводе управления в г. Грозный.

Исходя из складывающейся обстановки, подразделениями ФСБ России был критически переосмыслен опыт предыдущего вооруженного конфликта и реализован комплекс дополнительных организационных и оперативных мер.

Мероприятия по подготовке и проведению специальных операций в особых условиях, в том числе по борьбе с незаконными вооруженными формированиями, осуществляющими террористические акты, акции политического экстремизма на территории Российской Федерации, не смотря на стабилизацию положения в стране, будут оставаться одним из преобладающих элементов оперативно-боевой деятельности (ОБД) органов федеральной службы безопасности Российской Федерации. Эффективность выполнения решения определяется согласованностью действий всех исполнителей и всесторонним и своевременным обеспечением специальной операции.

12 мая 2000 г. утром в ходе специальной операции в п. Новогрозненский сотрудниками ФСБ был захвачен С.Б. Радиев. Об этом на следующий день сообщил сам директор ФСБ Н.П. Патрушев. Среди сотрудников ФСБ, осуществляв-

ших эту операцию, по его словам, потерь нет. Патрушев рассказал, что «эта операция готовилась заранее, с учетом того, что под его (Радуева. – Ред.) началом в разное время находилось до 10 тыс. боевиков и более 100 чел. – его личная охрана. Радуев не оказывал сопротивления при задержании». Н.П. Патрушев. Он отметил, что «личная охрана Радуева не знала о проведенной операции, и, если бы мы сегодня об этом не объявили, она не знала бы до сих пор. Вместе с Радуевым были задержаны и доставлены в Москву еще три человека, в том числе начальник его личной охраны и финансист, который финансировал банды Радуева и других формирований». После доставки в Москву Радуев был отправлен в следственный изолятор ФСБ в Лефортово⁵⁵⁹.

Месяцем ранее, 13 апреля 2000 г., спецгруппа ФСБ захватила на юго-западе Шалинского района Чечни главу администрации Масхадова «бригадного генерала» А. Баталова.

6 августа 2000 г. сотрудникам ФСБ сдался бывший директор Шариатской службы безопасности Чечни И. Хултыгов, разжалованный А.А. Масхадовым и обвиненный им в «трусости» из-за отказа участвовать в боевых действиях. Вместе с ним сдался известный полевой командир М. Хасханов⁵⁶⁰.

16 августа 2000 г. уголовное дело чеченского террориста С.Б. Радуева было передано из ФСБ России в Главное управление Генпрокуратуры России по Северному Кавказу.

22 августа в результате проведенных органами ФСБ России оперативно-розыскных мероприятий на территории Чеченской Республики задержан известный полевой командир, так называемый бригадный генерал Л. Исламов, по кличке «Борода», который длительное время находился в федеральном розыске в связи с совершением им ряда тяжких преступлений (организация преступного сообщества, вымогатель-

ство, убийство, похищения людей). Являясь активным участником незаконных вооруженных формирований, он неоднократно выполнял задания главарей сепаратистов при покупке и перевозке различного оружия в Чечню, в том числе из-за границы.

27 сентября 2000 г. был захвачен в плен полевой командир, ближайший соратник А. Масхадова бригадный генерал М. Сайдаев. После начала Второй чеченской кампании он возглавлял штаб Масхадова, координировал боевые действия против федеральных войск, разрабатывал оперативные планы, был причастен к большинству террористических актов и диверсий.

1 декабря 2000 г. «Время МН» сообщила, что известный чеченский полевой командир, «правая рука» Масхадова, в прошлом первый вице-премьер и министр госбезопасности Чечни Т.-А. Атгериев задержан сотрудниками российских спецслужб и находится в следственном изоляторе «Лефортово» в Москве.

7 февраля 2001 г. оперативники ФСБ задержали чеченского бригадного генерала У. Умарова в Бесланском аэропорту при попытке вылететь в одну из стран Ближнего Востока. Умаров «косил» под «челнока», но был расшифрован агентами спецслужб Чечни и Северной Осетии. Попытка Умарова скрыться на Востоке не единичный случай, а тенденция. Главарь укрывшихся на территории республики бандформирований активно пытались «выбраться из Чечни втайне от своих подчиненных, бросая их на произвол судьбы».

11 марта 2001 г. аппарат помощника президента России С.В. Ястржембского подтвердил факт задержания Р. Ахмадова и Б. Муртазаева, подозреваемых в причастности к убий-

ству трех британских инженеров в Чечне в 1998 г. По оперативным данным российских силовых структур, Р. Ахмадов причастен к похищениям с целью выкупа более 30 чел. и убийству трех заложников, организации похищения трагически погибшего позже в горах Чечни генерала Г.Н. Шпигуна и пропавшего без вести фотокорреспондента ИТАР-ТАСС В. Яцины.

По данным правоохранительных органов, Р. Ахмадов подозревался в организации похищения 3 октября 1998 г. в Грозном четырех сотрудников британской фирмы «Грейнджер телеком» С. Шона, П. Кеннеди, Д. Хики и Р. Пейчи, казненных бандитами в ночь с 7 на 8 декабря 1999 г.⁵⁶¹

13 марта 2001 г. на российско-азербайджанской границе задержан известный полевой командир С. Дибиров. В мае 1999 г. отряд Дибирова окружил группу депутатов Государственной думы, в составе которой находились Т.Х. Гдлян и Д.О. Рогозин, прибывшие в чеченское село Гиляны для переговоров об освобождении одного из заложников. Несколько часов депутатов и прибывших с ними журналистов держали на прицеле, угрожая пленом. Лишь после длительных переговоров они были отпущены.

В период между двумя войнами Дибиров и его банда специализировались исключительно на похищениях людей с целью получения выкупа. Ему инкриминируется 15 эпизодов, связанных с похищением и насильственным удержанием заложников.

14 марта 2001 г. представители российских спецслужб заявили, что накануне ночью в Чечне убит полевой командир Х. Басаев, родной брат Ш. Басаева. В этой же спецоперации были уничтожены две горные базы мятежников.

11 июля 2001 г. в результате совместной специальной операции ФСБ и МВД в Чечне был уничтожен арабский

наемник Шейх Абу Умар – бывший руководитель лагеря по подготовке подрывников у Э. Хаттаба. Под руководством арабского наемника, в частности, была подготовлена группа террористов, осуществившая взрывы в Москве, Волгодонске, Ессентуках, Минводах и на территории Карачаево-Черкесской республики.

12 июля 2001 г. в результате спецоперации в селе Рошни-Чу в руки спецподразделений МВД попал так называемый «бригадный генерал» Юсупов. С 1995 по 1999 гг. он занимал различные должности во властных структурах Ичкерии, в том числе был начальником управления штаба юго-западного фронта Ичкерии.

23 июля 2001 г. в Грозном убит один из лидеров боевиков М. Цагароев. По сведениям военных, в ночь на понедельник, 23 июля, Цагароев и еще несколько боевиков проникли в один из домов в Грозном, чтобы убить проживавших там милиционеров. На шум выстрелов выбежали родственники милиционеров и открыли огонь по боевикам. В перестрелке Цагароев был убит. Он считается ближайшим помощником лидера сепаратистов А. Бараева.

1 октября 2001 г. во время проведения плановой специальной операции, в которой участвовали сотрудники ФСБ, милиции и военной комендатуры, в перестрелке в чеченском селении Старые Атаги был убит начальник разведки известного полевого командира Э. Хаттаба Абу Якуб и еще три боевика, одного бандита удалось задержать.

8 марта 2005 г. в ходе спецоперации, проведенной сотрудниками Центра специального назначения ФСБ в селе Толстой-Юрт, был убит «президент Ичкерии» А.А. Масхадов. По мнению почетного президента международной ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа» С.А.

Гончарова, эта специальная операция стала переломным этапом во Второй чеченской кампании.

Масхадов стоял за решением террористов провести теракт в Москве в театральном центре на Дубровке осенью 2002 г. Операцию по захвату людей, пришедших на мюзикл «Норд-Ост», разработал лично Масхадов. Позже он принимал участие в планировании акции по захвату школы в Беслане в 2004 г.

После ликвидации Масхадова российские спецслужбы провели ряд успешных операций по ликвидации наиболее одиозных командиров боевиков. Террориста Ш. Басаева уничтожили в Ингушетии 10 июля 2006 г. В дагестанском Хасавюрте 26 ноября 2006 г. был ликвидирован лидер иностранных наемников на Кавказе Абу Хафс-аль-Урдани, который являлся фактическим руководителем и одним из финансистов боевиков в ЧР и сопредельных регионах.

Один из самых влиятельных лидеров боевиков, командующий «Восточным фронтом» так называемой «Ичкерии» С.? Ильмурзаев, причастный к убийству президента Чечни А.? Кадырова, был убит 4 апреля 2007 г. в окрестностях села Агиш-батой Веденского района Чечни. В результате контртеррористической операции в чеченском селении Новый Сулак 18 сентября 2007 г. был ликвидирован «амир Раббани» – Р. ? Халилов.

В период после активной войсковой операции российское руководство сделало ставку на массовое привлечение на свою сторону мирных жителей и бывших чеченских боевиков. Самой заметной и влиятельной фигурой из числа бывших противников федеральных войск в ходе Первой чеченской кампании стал муфтий ЧР А. ? Кадыров. Ранее осудив ваххабизм, он активно проявил себя в ходе мирного перехода

Гудермеса под контроль «федералов», а затем возглавил администрацию всей Чеченской Республики после завершения Второй чеченской войны⁵⁶².

Под руководством А.А. Кадырова, избранного президентом ЧР, ситуация в республике достаточно быстро стабилизировалась. В то же время деятельность Кадырова сделала его центральной мишенью для атак боевиков. 9 мая 2004 г. он погиб после теракта во время массового мероприятия на грозненском стадионе. Но авторитет и влияние тейпа Кадыровых сохранились, свидетельством чего вскоре стало избрание на пост президента республики сына А. Кадырова Рамзана, который продолжил курс на сотрудничество ЧР с федеральной властью⁵⁶³.

В конечном итоге долговременное снижение напряжённости в регионе позволило 15 апреля 2009 г. завершить режим контртеррористической операции на территории Чеченской Республики⁵⁶⁴.

Был положен конец криминальному разгулу, терроризировавшему население в течение многих лет. Была ликвидирована наркоторговля. И очень важно, что не удалось реализовать планы бандитов по созданию мировых центров террористических организаций на Кавказе. За годы руководства республикой Р.А. Кадыровым восстановилась экономическая структура региона. Много сделано для устранения последствий военных действий. Город Грозный стал символом возрождения республики⁵⁶⁵.

В процессе совершенствования системы противодействия терроризму одним из важнейших методологических требований должно быть соблюдение баланса между необходимостью постоянной модернизации и потребностью си-

системы в определенной устойчивости, поскольку обе указанные крайности снижают эффективность функционирования системы.

Из этого следует, что в настоящее время в сфере противодействия терроризму Российская Федерация избрала наиболее верный путь объединения усилий всех органов государственной власти в единую систему. Именно консолидация усилий различных министерств и ведомств, а также гражданского общества является залогом победы в войне, которую, по справедливому замечанию Президента Российской Федерации В.В. Путина, международный терроризм объявил России.

Роль ФСБ России в контртеррористической Операции в Чечне (1999–2009 гг.)

Период самостоятельности самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия (ЧРИ) в 1996–1999 гг. характеризовался рядом тяжелых кризисных процессов. Похищения людей, заказные убийства, рэкет стали обыденностью для региона. К серьезным экономическим проблемам прибавился политический кризис. Президент самопровозглашенной ЧРИ А.А. Масхадов номинально был сторонником позиций, изложенных в первой конституции 1992 г., по которой Чеченская Республика признавалась «независимым демократическим правовым государством, где <...> каждому гарантируется уважение его взглядов и верований <...> соблюдаются права человека»⁵⁶⁶.

Оппозицию Масхадову представляли ваххабиты, ориентирующиеся на принципы панисламизма и желающие видеть Чечню шариатским государством. Такую позицию продвигали командир Исламского полка особого назначения А.А. Бараев, министр иностранных дел ЧРИ М.С. Удугов и другие. Терроризм ваххабитского толка, пришедший в регион с иностранными наемниками, в числе которых был небезызвестный Амир Хаттаб, стал серьезнейшей угрозой не только для Северного Кавказа, но и для всей России. К 1998 г. ситуация в регионе обострилась. 5 марта в аэропорту Грозного был похищен полномочный представитель МВД РФ генерал-майор Г.Н. Шпигун, 1 мая боевики захватили представителя Президента России в ЧР В.С. Власова, а 3 октября в Грозном произошел беспрецедентный случай – жестокое убийство четырех британских инженеров фирмы Granger Telecom, за похищением которых стоял исламист А.А. Бараев⁵⁶⁷. Ситуация

требовала решительных силовых мер со стороны органов безопасности страны. Так, 8 октября 1998 г. руководством ФСБ России был создан Центр специального назначения (ЦСН), предполагавший объединение групп спецназа «Альфа» и «Вымпел», входивших в Департамент по борьбе с терроризмом⁵⁶⁸. С того момента роль подразделений ФСБ в борьбе против терроризма на Северном Кавказе приобрела ключевой характер. На момент создания ЦСН директором ФСБ России был В.В. Путин.

7 августа 1999 г. группировка боевиков, которой руководили Басаев и Хаттаб, вторглась в Республику Дагестан. Отряды произвели захват населенных пунктов Цумадинского и Ботлихского районов и объявили их территорией с шариатской формой правления. Это событие стало крайней точкой напряженности на Северном Кавказе. Попытки исламистов заручиться поддержкой мирных жителей успехом не увенчались.

К осени 1999 г. стало очевидно, что ситуация требует четкой координации всех федеральных структур безопасности, ведь локальный конфликт перерос в опаснейшую угрозу для всей страны. Теракты со взрывами жилых домов в Волгодонске и Буйнакске стали последней каплей. Так, руководство РФ объявило о начале Контртеррористической операции на территории Северного Кавказа.

Отличительной чертой кампании в Чечне 1999 г. стала слаженная работа спецслужб, армии и других силовых органов РФ. Символическое значение имел и визит в регион В.В. Путина, которому 31 декабря Б.Н. Ельцин передал полномочия главы государства. Будущий президент вылетел в Чечню и поздравил военнослужащих с Новым годом.

Работу силовых подразделений ФСБ, таких, как вышеупомянутый ЦСН, бойцы которого мужественно себя проявили в операциях по освобождению Гудермеса и Грозного, дополняли службы контрразведывательного обеспечения. Одной из таких была Временная оперативная группа (ВОГ)

Управления военной контрразведки (УВКР) ФСБ России в Северо-Кавказском регионе. При участии сотрудников службы были задержаны десятки причастных к бандформированиям человек на административной границе региона. Разведка работала и на поле боя, исследуя оставленные противником документы и артефакты, по которым определялась численность вражеских контингентов, места их дислокации. Практика допросов и опросов открывала доступ к чрезвычайно ценной информации. Так, военным контрразведчикам стало известно о намерениях террористов применить химическое оружие, о поставках которого Удугов вел переговоры с неофициальными лицами и организациями Ирана, Пакистана и Афганистана⁵⁶⁹.

К 2000 г. ситуация в республике изменилась. На стороне федеральных сил начали массово выступать как простые чеченцы, так и представители элит региона. Принципиальной фигурой в данном случае стал муфтий самопровозглашенной ЧРИ А.А. Кадыров. По его инициативе еще в 1998 г. был созван Конгресс мусульман Северного Кавказа, на повестке которого остро стоял вопрос осуждения ваххабизма. За такую позицию Кадыров был снят с поста Муфтия указом президента Масхадова от 10 октября 1999 г.

Совместная работа федеральных силовых структур при содействии чеченских добровольцев привела к тому, что 7 февраля 2000 г. Грозный был освобожден и взят под контроль. Важнейшим эпизодом в рамках завершения «горячей» фазы конфликта стала ликвидация банды полевого командира Р. Гелаева в н.п. Комсомольское. В период с 5 по 15 марта оперативно-боевые группы ЦСН ФСБ действовали на наиболее вероятных направлениях прорыва боевиков. Бойцы службы обнаруживали группы противника и снайперским огнем подавляли их сопротивление. В ходе операции погибли трое сотрудников центра. В марте месяце того же года сотрудники ФСБ арестовали одного из самых известных и опасных военачальников Ичкерии Радиева. Это событие

имело знаковый характер; лидеры бандформирований и так называемые военные амиры (с арабского – «предводитель») имели колоссальное влияние в кругах террористов. Ликвидация исламистских военачальников наносила серьезные удары по противнику не только со стратегической, но и с деморализующей точки зрения. 20 апреля 2000 г. первый заместитель начальника Генштаба генерал-полковник В.Л. Манилов заявил об окончании войсковой части контртеррористической операции в Чечне⁵⁷⁰, а в июне Президент России В.В. Путин назначил А.А. Кадырова главой администрации региона. Таким образом, радикалы-сепаратисты потеряли контроль над республикой.

Военное поражение исламистов в начале 2000-х гг. побудило их руководство перейти к тактике диверсий и террора. Таким образом, ключевая роль в борьбе с преступниками перешла к контрразведке и спецназу ФСБ. В июне 2001 г. сотрудниками ЦСН в результате спецоперации ФСБ «Охота на волков» был ликвидирован Бараев. При зачистке родного села Бараева его обнаружили в одном из схронов по наводке информатора. 11 июля 2001 г. спецназ группы «Альфа» ликвидировал ближайшего подчиненного Хоттаба – полевого командира А. Умара.

Следующей целью спецслужб стал Амир Хаттаб, чьи отряды действовали в 2001 – начале 2002 г. в Веденском и Ножай-Юртовском районах. 25 апреля официально была подтверждена смерть террориста в ходе специальной операции⁵⁷¹.

Серьезным вызовом для безопасности страны стал теракт на Дубровке в октябре 2002 г. Трагические события вошли в историю под названием «Норд-Ост» – одноименного мюзикла, зрители которого стали заложниками боевиков. 23 октября 2002 г. к зданию Театрального центра подъехали три микроавтобуса с вооруженными преступниками. Заложниками террористов стали более 900 чел. Неоценимую помощь спецназовцам оказали люди, сумевшие выбраться из плена, а

также известные деятели политики, культуры и искусства, прибывшие для участия в переговорах с боевиками. Таким образом, удалось установить численность террористов. Штурмовали здание бойцы подразделений «Альфа» и «Вымпел». Операция проводилась в экстремальных условиях, ведь одно неловкое движение могло привести заложенные преступниками взрывные устройства к детонации. В процессе штурма был применен газ. Спецназовцы показали высочайшего уровня профессионализм и мужество, спасая заложников. Организатор теракта М. Бараев и его сообщники были ликвидированы. За участие в операции, впервые в истории ЦСН, трое сотрудников были удостоены звания Героя России⁵⁷². Теракт на Дубровке унес жизни 130 чел., среди которых было 10 детей.

Ближе к середине нулевых годов теракты с участием чеченских радикалов стали происходить с особой частотой. Взрыв Дома правительства в Грозном, теракт в электричке «Кисловодск–Минводы», попытка подрыва на Тверской-Ямской улице, где в ходе разминирования устройства погиб взрывотехник ФСБ Г.С. Трофимов – все это свидетельствовало о необходимости усилить работу органов безопасности. К 2004 г. на Северном Кавказе действовали несколько подразделений ФСБ центрального подчинения.

Работе ведомств активно способствовал избранный в 2003 году президент Чечни Ахмат Кадыров. Однако череда трагических событий 2004 года не обошла стороной и его: 9 мая, во время празднования Дня Победы в Грозном, на стадионе «Динамо» прогремел взрыв. Находившийся на трибуне Ахмат Абдулахмидович скончался. Через день после гибели лидера произошло ключевое назначение. Заместителем премьер-министра республики Сергея Абрамова стал сын Ахмата Кадыров – Рамзан. Именно он в дальнейшем станет преемником президента Чечни Алу Алханова и на его плечи ляжет непростая задача – восстановить мир и порядок в регионе.

В феврале 2004 года в столице Катара взорвался автомобиль с одним из президентов Ичкерии Зелимханом Яндарбиевым. Примечательно, что он имел статус беженца и находился в стране по приглашению эмира Катара. Российские спецслужбы заявили о непричастности к инциденту. В конце февраля погиб еще один лидер сепаратистов Руслан Гелаев. Полевой командир столкнулся с дагестанскими пограничниками на Аваро-Кахетинской дороге, ведущей из Дагестана в Грузию. Гелаев погиб в результате ранения. Его смерть зафиксировали в территориальном отделе «Махачкала» Северо-Кавказского регионального управления погранслужбы ФСБ⁵⁷³. Гораздо более серьезную опасность на тот момент представлял Шамиль Басаев, боевики которого активно занимались подготовкой терактов по всей России. Трагические события в Беслане окончательно утвердили статус его статус – преступника номер один.

1 сентября 2004 года 32 боевика захватили школу № 1 Беслана в Северной Осетии. Более тысячи человек, в числе которых были дети, оказались заложниками террористов. Сотрудники спецназа ФСБ были первыми, кто прибыл на место трагедии. Параллельно с этим контрразведка занималась сбором информации, в ходе чего была установлена причастность к инциденту Шамиля Басаева. На этот раз боевики подготовились основательно; после захвата школы они забаррикадировали окна и двери, расставив по периметру взрывные устройства и блокировав заложников в спортзале. 3 сентября прогремел взрыв, после чего у здания обрушилась часть стены; эвакуация людей проходила в условиях перестрелки отряда ЦСН и террористов. В операции героически погибли несколько сотрудников центра, среди которых был Александр Перов – начальник первого отдела Управления «А». Его отряд мужественно сражался с боевиками, освобождая заложников. В один момент один из сослуживцев Александра Олег Лоськов получил серьезное ранение. Вместе с майором Вячеславом Маляровым и другими бойцами Перов

сумел оттащить раненого и оказать ему помощь, но в этот момент группа попала под огонь противника. Александр Валентинович получил смертельное ранение, закрыв своим телом троих детей от осколков гранаты. Он был посмертно удостоен звания Героя Российской Федерации⁵⁷⁴. Трагедия в Беслане унесла жизни более 300 чел., 186 из которых были дети. Это событие окончательно поставило крест на возможности ведения переговоров с террористами, а уничтожение организаторов нападения стало для сотрудников органов безопасности делом чести, священным долгом перед своими товарищами, детьми, которых было уже не вернуть.

Переломным моментом в рамках Контртеррористической операции стала ликвидация второй по важности политической фигуры ЧРИ после Дудева – Масхадова. Лидер сепаратистов принимал участие в организации самых крупных терактов, в числе которых был захват Буденновска, «Норд-ост» и Беслан. Вычислить Масхадова удалось благодаря активной и слаженной работе подразделений ФСБ. Так, во время спецопераций в Веденском и Ножай-Юртовском районах были задержаны трое бандитов, выдавших планы Масхадова по нападению на здание администрации Грозненского района⁵⁷⁵. 8 марта 2005 г. в ходе работы ЦСН ФСБ в селе Толстой-Юрт преступник был ликвидирован. Вскоре был уничтожен преемник Масхадова А-Х. Садулаев, а вслед за ним и цель номер один – Басаев.

Террорист был взорван в грузовике с боеприпасами, предназначавшимися для теракта в здании МВД Ингушетии. За ликвидацией Басаева последовала серия операций по уничтожению оставшихся лидеров боевиков. Так, в сентябре 2007 г. усилиями ЦСН ФСБ был обезврежен Р. Халилов, готовивший теракты в отношении представителей правоохранительных органов⁵⁷⁶. Некоторым террористам удавалось скрываться еще долгое время. Так или иначе, 16 апреля 2009 г. директор ФСБ России А.В. Бортников отменил приказ, объявляющей территорию Чеченской Республики зоной проведения контртеррористических операций⁵⁷⁷. При этом

особо подчеркивалась необходимость сохранения контроля спецслужб за регионом, что и по сей день является одним из центральных аспектов деятельности ФСБ России.

В 2007 г. президентом Чечни стал Р.А. Кадыров. Глава республики продолжил курс отца, направленный на восстановление региона. Основы данной политики были заложены в Федеральной целевой программе «Восстановление экономики и социальной сферы Чеченской Республики», которая к 2007 г. обрела новые задачи: перейти от аварийно-восстановительных работ к устойчивому развитию, создать условия для функционирования предприятий и улучшения инвестиционного климата, изменить структуру финансирования. Одним из главных направлений политики семьи Кадыровых по сей день остается восстановление инфраструктуры региона. С 2003 г. в Чечне начали строиться детские сады и школы, открывались промышленные центры, а аэропорт города Грозный получил статус международного. Сегодня этот объект носит имя президента Чечни А.А. Кадырова.

Таким образом, события Контртеррористической операции в Чечне оказались серьезнейшим испытанием для отечественных органов безопасности. Террор стал основным инструментом в руках радикалов, а его жертвами становились мирные люди. В этих условиях огромная ответственность ложилась на органы государственной безопасности, на профессионалов своего дела, способных защитить граждан страны, пусть даже ценой собственной жизни. Многие сотрудники, бойцы подразделений не вернулись с передовой, но память о них будет жить вечно. В работе были описаны примеры мужества, высокого профессионализма тех, для кого защита людей – не просто должностная обязанность, а священный долг. Никакое экономическое, социокультурное развитие невозможно там, где поставлена под удар человеческая жизнь, где каждая секунда проходит в страхе за свою семью, родных, близких. Необходимо помнить историю отечественных органов безопасности, ведь перед ними стоит важнейшая задача – обеспечить мир и спокойствие в своей стране.

Анализ опыта противодействия терроризму силовыми структурами Российской Федерации

Современный мир неоднократно сталкивался с проблемой терроризма. В начале XXI века террористические группировки расширили свой инструментарий для совершения ужасающих деяний. Более того, повсеместная диджитализация вывела на новый уровень не только человеческий комфорт, но и угрозы, которые стало все сложнее отследить. Официальной точкой отсчета борьбы с терроризмом принято считать события 11 сентября 2001 г., когда серия терактов, совершенная террористами-смертниками, потрясли Соединенные Штаты. В теракте погибли свыше 3 тыс. чел., еще несколько тысяч оказались ранеными. Американское общество, привыкшее жить в безопасности, вдруг обнаружило свою незащищенность. Руководство незамедлительно приняло меры по ужесточению безопасности.

Президент США Дж. Буш инициировал антитеррористическую кампанию, целью которой стала ликвидация лидера «Аль-Каиды» Усамы бен Ладена, который скрывался на тот момент в подконтрольном «Талибану» Афганистане. Получив отказ на предъявленный ультиматум о выдаче террориста, в 2001 г. США начали военную интервенцию в Афганистан. Данное событие широко обсуждается как в политических, так и научных кругах, однако можно выделить важный аспект – за 21 год так и не была решена проблема терроризма. Трудно найти страну, на долю которой не выпала участь столкнуться с этой проблемой. Насколько бы ни была экономически развита страна, она все равно не застрахована от террористических атак.

По данным аналитики генерального директора РСМД А. КОРТУНОВА, ожидается всплеск террористической активности в ближайшем будущем⁵⁷⁸. Об этом свидетельствует недавний взрыв у российского посольства в Кабуле, ответственность за который взяли ИГ. Автор выделил несколько причин, почему международному сообществу не удалось победить терроризм: во-первых, мировые лидеры так и не смогли консолидировать свои усилия и выработать единую стратегию борьбы с данной угрозой; во-вторых, террористы активно развивают свои тактики, широко применяют новые технологии для совершения противоправных деяний.

В истории России проблема терроризма обозначена достаточно ярко. Основной всплеск террористической активности приходится на 1990–2000-е гг. Данное явление объясняется следующими причинами:

- Россия обладает большой территорией, которая населена огромным количеством народностей, также нет однородности в религиозном плане. Определяя проблему территории, нельзя не упомянуть и о неравномерном заселении. Все вышеперечисленные факторы не могут не учитываться при создании концепции национальной безопасности;

- 1990 гг. были настоящим вызовом для России. Распад СССР обнажил социальные вопросы, в частности, национализм. Всплеск данного явления был обусловлен стремлением «самоопределиться», обрести независимость от центра. Открытые границы, свобода слова имели обратную сторону. Именно в этом диалектическом процессе начались кровопролитные Чеченские кампании. Безопасность на территории республики устанавливалась не один год, что вылилось в череду терактов на территории Москвы. Было бы неправильно упустить тот факт, что в 1990–2000-е гг. вся система госаппарата РФ претерпевала период трансформации, и потому ответ на столь серьезные вызовы было невозможно смоделировать быстро.

Российская Федерация имеет беспрецедентные масштабы, которые требуют столь же развитой системы транспорта. Главной гордостью сначала Советского Союза, затем и РФ является метрополитен. Десятки тысяч россиян пользуются этим видом транспорта ежедневно: загруженность метро Москвы и Санкт-Петербурга превосходит даже лондонское и нью-йоркское. Именно метрополитен стал крайне уязвимым местом для совершения террористических актов. Согласно исследованиям, объекты транспорта становятся приоритетной целью для террористических группировок⁵⁷⁹. Согласно данным Global Terrorism Database, Россия занимает второе место по числу погибших во время теракта в общественном транспорте за последние 6 лет, уступив место лишь террористическому акту в Брюсселе, унесшему жизни 17 чел. (2016 г.) – жертвы теракта в петербургском метро (2017 г.) 16 чел.⁵⁸⁰ Почти вдвое больше жертв было в результате теракта в московском метро на станциях «Лубянка» и «Парк культуры» (41 чел.).

Почему именно общественный транспорт, в частности, метро является столь популярным местом для совершения теракта? Для ответа на данный вопрос стоит обратиться к значению слова терроризм. Термин происходит от латинского корня «terror» – страх. Американский историк и политический комментатор Даниэль Пайпс определил терроризм как практику насилия, направленную на устрашение общества с целью достижения политических или идеологических целей⁵⁸¹. Исходя из определения, террористам выгодно использовать места с наибольшим скоплением народа, чтобы атака повлекла за собой как можно больше жертв и, следовательно, распространила как можно больше страха в обществе. С этой точки зрения, метро является самым уязвимым местом, так как ежедневно тысячи людей используют его, и проникнуть в метрополитен можно без каких-либо ограничений.

Теракты в московском и петербургском метро остро поставили перед государством проблему транспортной безопасности. В обоих террористических актах были использованы взрывные устройства, переносимые террористами-смертниками. Можно выделить три способа доставки взрывного устройства в метрополитен: 1) под одеждой; 2) в багаже; 3) с использованием заминированного транспортного средства⁵⁸². После теракта на станциях метро «Лубянка» и «Парк культуры» московские городские власти усилили контроль над метрополитеном. Указом Президента РФ от 31.03.2010 № 403 «О создании комплексной системы обеспечения безопасности на транспорте» Правительству РФ было поручено разработать программу по обеспечению безопасности на транспорте⁵⁸³. В рамках Программы были использованы следующие меры по обеспечению безопасности на метрополитене:

- создание подразделений транспортной безопасности в составе субъектов транспортной инфраструктуры на всех метрополитенах России;
- оборудование станций 6 метрополитенов России взрывозащитными контейнерами;
- установка аппаратуры радиационного контроля при входах на станции 6 метрополитенов России;
- установка стационарных досмотровых рентгеновских установок при входах на станции 6 метрополитенов России;
- оснащение постов инструментального досмотра при входах на станции переносными рентгенотелевизионными комплексами со шкафами-контейнерами для размещения переносного оборудования и т.д.

С 2010 по 2013 г. на программу было выделено 12020 млн руб. федерального бюджета. Также помимо технического оснащения, были проведены научно-исследовательские работы по вопросам обеспечения транспортной безопасности.

Для реализации Программы особое внимание со стороны Службы безопасности метрополитена были выделены места для проведения выборочного досмотра или с использованием ручных средств обнаружения. Выбор места делался с учетом особенностей конкретной станции, так как одним из главных критериев было не тормозить пассажиропоток, особенно в час пик.

Еще одним концептуальным документом о регламентации мер проведения досмотра в метрополитене является Приказ Минтранса от 23 июля 2015 г. № 227 «Об утверждении Правил проведения досмотра, дополнительного досмотра, повторного досмотра в целях обеспечения транспортной безопасности»⁵⁸⁴. Документ описывает организацию проведения досмотра, в каких случаях необходим дополнительный или повторный досмотр, также уделено внимание внешнему виду проверяющего – работники метрополитена должны быть одеты в единую форму с опознавательными знаками. Перед досмотром необходимо проинформировать пассажира метро о целях и порядке проведения досмотра, о запрещенных предметах и веществах, об ответственности за их незаконный провоз. К запрещенным предметам и веществам, согласно вышеуказанному Приказу, относятся: боевое оружие и его основные части; холодное клинковое и метательное оружие; огнестрельное и холодное оружие; пиротехнические средства; составные части взрывных устройств (средства воспламенения и детонирования, шашки и исполнительные механизмы).

В настоящее время безопасность метрополитена обеспечивается Службой безопасности Московского метрополитена, созданной в 2012 г. на основе Службы контроля. Существуют специальные центры для подготовки специалистов в сфере транспортной безопасности. Данные центры оснащены инженерно-техническими средствами, которые используются для поддержания безопасности в общественном транспорте.

Несмотря на масштабные меры, предпринятые после теракта в Московском метро, спустя 7 лет не удалось предотвратить не менее кровопролитное преступление, но уже в Санкт-Петербурге. 3 апреля 2017 г. на станциях «Сенная площадь» и «Технологический институт» прогремели взрывы, совершенные террористом-смертником. Теракт на «Площади Восстания» удалось предотвратить, так как сотрудники органов безопасности обезвредили бомбу, находившуюся в сумке. Расследование, продолжавшееся год, выявило всю цепочку от заказчиков до организаторов, которые принадлежали исламистской группировке Imam Shamil Battalion, Katibat al Tawhid wal Jihad⁵⁸⁵. Взрывы в петербургском метро выявили прорехи в обеспечении безопасности на транспорте, стала очевидна реальность, что взрывчатка может быть оставлена в сумке, а детонация может произойти когда угодно. В данном случае бдительность граждан стала еще острее, а внимание к бесхозным вещам привлекается также со стороны Службы безопасности метрополитена. Например, напоминание, что подозрительные лица или забытые вещи должны вызвать особую настороженность и об их наличии необходимо незамедлительно сообщать, транслируются в вагонах метро через каждые несколько минут. Можно сказать, что со стороны органов безопасности используется тактика «алармистская» (от англ. alarm – тревога, предупреждение), которая держит общество «в тонусе», предупреждает о возможной угрозе и заставляет каждого гражданина быть на чеку. Однако данный подход имеет и обратный результат. Ощущение перманентной угрозы расшатывает общество, порождая тем самым массовую панику, которая без купирования может вылиться в недоверие к государственным институтам. Для индивида безопасность является одной из базовых потребностей, следовательно, ее обеспечение должно выполняться в первую очередь.

Теракты в Санкт-Петербурге ужесточили требования к безопасности в метро. Общие сведения объединены в комплексную автоматизированную систему информационной поддержки антитеррористической защищенности метрополитена (КАСИП АЗМ), разработанную в 2007 г. Система была дополнена таким требованием к специалисту, как знание профайлинга⁵⁸⁶. Надежность данной методики ставится специалистами под сомнение, так как, во-первых, достаточно сложно обучить сотрудника Службы безопасности этому методу в короткие сроки, во-вторых, крайне неэффективно основываться исключительно на внешних факторах. Однако пропускная способность метрополитена не позволяет подвергнуть более тщательному досмотру большее количество человек.

Важным критерием для досмотра является большой багаж (например, сумка или чемодан), наличие специального переносного устройства. Эти предметы – маркеры, которые сотрудники метрополитена замечают и досматривают даже в час пик. В случае в Санкт-Петербурге сыграл роль человеческий фактор. В ходе расследования СК РФ возбудил дело по статье «Халатность», так как во время прохождения террориста-смертника через рамки металлодетекторов сотрудники Службы безопасности метрополитена не присутствовали на рабочем месте. После теракта начались массовые проверки, которые выявили, что рамки на вестибюлях работают не в полном объеме, а на станциях отключено звуковое оповещение по факту прохождения⁵⁸⁷. После проверок всех станций петербургского метро звук был включен. По мнению пассажиров, звуковой сигнал дает понять, что прибор сработал, следовательно, люди чувствуют себя в большей безопасности в общественном транспорте. Еще одним критерием для детекторов была чувствительность их датчиков к разным видам металла. Естественно, каждому пассажиру невозможно выложить все металлические вещи из карманов, в том числе монеты, ключи. Чтобы ускорить процесс контроля и не пренебрегать его результативностью, были установлены в вести-

бюлях станций приборы SmartScan C18, которые визуализируют локализацию предмета на экран, позволяющий работникам сложить представление о содержимом багажа.

Существенно осложняет досмотр пассажиров тот факт, что сотрудники Службы безопасности не имеют полномочия задерживать с целью досмотра. Этим правом обладают сотрудники МВД, которые также дежурят на станции. Если гражданин вызывает подозрение, и прохождение детекторов или рентгеновской ленты не прояснили картину, следует обратиться к сотрудникам полиции, которые дежурят в паре на станции.

Так или иначе, невозможно полностью исключить повышенного количества людей на досмотр в час пик, так как меры, проводимые Службой безопасности метрополитена, требуют дополнительного времени. В начале исполнения новых требований возникало недовольство со стороны пассажиров. По сей день не удалось исключить человеческий фактор, когда сотрудники метрополитена просят поставить рюкзак на рентгеновскую ленту. Однако в данном случае необходимо осознавать, что это требования безопасности, нежели личное желание.

В XXI веке мир потрясли разные виды терроризма, появилось новый термин «кибертерроризм». Теперь для террористических организаций нет деления на «реальное» и «виртуальное», человек становится все менее защищенным. Как бы то ни было, но «традиционные» формы терроризма с применением взрывчатого вещества индивидуумом против группы лиц все еще распространены и уносят десятки жизней. Для предотвращения терактов на общественном транспорте были проанализированы меры со стороны Московского и Петербургского метрополитена. Службы безопасности метро ввели ряд правил и внедрили технические аппараты, позволяющие получить более точные данные при осмотре багажа.

**Военная история Отечества – ключ
к успеху в информационном противоборстве
в ходе специальной военной операции**

Беспрецедентное с окончания Великой Отечественной войны вооружённое столкновение России с преступным альянсом украинцев и коллективного Запада обостряет как никогда потребность в мировоззренческой закалке нынешних и будущих защитников Отечества, призванных действовать тайными методами и средствами.

Основатель отечественных органов государственной безопасности Ф.Э. Дзержинский неоднократно и обоснованно ссылался на высказывания первых руководителей советского государства о том, что «одного энтузиазма недостаточно для ведения войны. Было бы величайшей наивностью, даже преступлением, легкомысленное отношение к настоящей, упорной войне. Войну надо вести по-настоящему или ее совсем не вести. Середины тут быть не может. Наша священная обязанность трезво оценить положение, учесть силы. Все это должно делаться со скоростью военного времени»⁵⁸⁸.

Современная обстановка по остроте противоборства с зарубежной реакцией во многом схожа с историческими ситуациями, в которых решался вопрос о самом существовании России. Похожие обстоятельства складывались как на исходе Первой мировой, так и во время Великой Отечественной войн.

Качественная подготовка сотрудников органов госбезопасности к решению профессиональных задач средствами и методами информационного противоборства в эпоху вооружённого столкновения с коллективным Западом во многом определя-

ется умелым проецированием на современную обстановку примеров того, как были один за другим сорваны происки гитлеровской военно-политической пропаганды. Данный подход способен обогатить оперработников оригинальными приёмами решения оперативных задач, а также укрепить их патриотическое мировоззрение, поскольку современные мастера подрывных идеологических акций из Украины и США унаследовали от геббельсовского «министерства пропаганды» не только методы работы, но и минимально модернизированные тезисы, посредством которых образ России демонстрируется в зловещих ракурсах.

Как тогда, так и сейчас основой информационной войны против России фактически является теория «большой лжи», согласно которой выдумка, абсолютно не соответствующая действительности, но преподнесённая предельно цинично, в любом случае оставляет след в массовом сознании и влияет на последующее восприятие отличных от неё правдивых сведений. Понятие «большая ложь» было сформулировано А. Гитлером в его программном сочинении «Майн кампф» (с предельной безнравственностью он преподнёс эту формулировку как итог наблюдений за пропагандой противников нацизма): «Большой лжи всегда присуща определённая сила правдоподобия, потому что широкие массы народа... в своём примитивном простодушии скорее готовы пасть жертвами большой лжи, нежели лжи маленькой, поскольку они сами часто врут по мелочам, но устыдились бы прибегнуть к большой лжи. Им никогда не пришло бы в голову фабриковать колоссальные измышления, и они не могут даже подумать, что другие могут иметь наглость исказить истину столь бессовестно. И если даже им ясно доказать это на фактах, они все же будут сомневаться, колебаться и продолжать выискивать какие-то другие объяснения. Ибо от наглейшей лжи всегда что-то остаётся даже после того, как она разоблачена, — это факт, известный всем лжецам на этой земле и всем конспираторам по части лжи»⁵⁸⁹.

Было бы неверным утверждать, что происки функционеров информационной войны, паразитирующих на исторических событиях, в отношении российской молодёжной аудитории полностью неудачны. По данным статистических исследований, проведённых среди студентов г. Брянска в 2020 г., 8 % опрошенных считают, что в развязывании Второй мировой войны в равной степени виноваты А. Гитлер и И.В. Сталин, поскольку последний, «зная о планах Гитлера, подписал с ним договор в 1939 году». По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, у 88 % современных россиян родственники принимали участие в Великой Отечественной войне. Однако из их числа сказать что-либо о военной истории семьи смогли 24 % опрошенных в возрасте 18–24 года, 26 % опрошенных возраста 26–35 лет, и всего 14 % респондентов с неполным средним образованием⁵⁹⁰.

Массированное воздействие на мировоззрение российской молодёжи ведётся на основе выработанной к 2019 г. универсальной трактовки событий Второй мировой войны, возлагающей равную ответственность за её развязывание на «два тоталитаризма» – германский фашизм и советский коммунизм. Именно в 2019 г. Европейский парламент подавляющим большинством голосов принял резолюцию, в которой подчёркивается: «Вторая мировая война, самая разрушительная в истории Европы, стала непосредственным следствием печально известного нацистско-советского Договора о ненападении от 23 августа 1939 г., известного как Пакт Молотов-Риббентропа.

Между тем непреложные факты свидетельствуют (хотя в последнее время всё чаще исчезают из пропагандистских материалов), что нападение на СССР было тщательно спланировано за много лет до этого. Нюрнбергским трибуналом доказано, что Германия имела твёрдые намерения ликвидировать СССР как политическую и военную силу, препятствующую

щую экспансии немцев на Восток в соответствии со стремлениями гитлеровского руководства, которое заранее подготовило идеологическое обоснование своей преступной войны. В «Майн кампф» (год издания – 1926), являвшейся программой идеологии и пропаганды фашизма, в выступлениях Гитлера, в ряде официальных документов утверждалось, что необходимо уничтожить коммунистическую идеологию и ее носителей. Обосновывая свою стратегию нападения на СССР, Гитлер на одном из совещаний высказал следующее: «Уничтожающий приговор большевизму не означает социального преступления. Огромная опасность коммунизма для будущего предопределяет борьбу на уничтожение. Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке сама жестокость – благо для будущего».

На Нюрнбергском процессе также было доказано, что разработчикам нападения на СССР даже не требовалось теоретического обоснования «смертельной опасности большевизма». Они рассматривали разгром советской страны как саму собой разумеющуюся потребность. Данный факт подтверждается и тем, что все экономические ресурсы, вся внутренняя жизнь Германии были подчинены интересам ведения войны. Её военное производство с 1934 по 1940 гг. увеличилось в 22 раза. На военные нужды направлялось 58 % национального дохода.

Для легитимации вторжения были задействованы мощнейшие информационные ресурсы. Война между СССР и Германией оказалась не двусторонним противоборством, а войной идеологий, результаты которой отражались на дальнейшем миропорядке. Поскольку пропагандистское обеспечение оголтелой русофобской политики нынешнего политического режима на Украине строится фактически по тем же схемам, что и в Третьем рейхе, практика нацистов по манипуляции общественным сознанием требует более тщательного рассмотрения.

Вторгнувшись в СССР, Гитлер надеялся лишить не только советских людей, но и вообще «восточные» народы

«какой бы то ни было формы государственности и в соответствии с этим держать их на возможно более низком уровне культуры». В этой установке отражена сущность социального мифа об исключительности немецкого общества 1930–1940-х гг.: «Наш руководящий принцип должен заключаться в том, что эти народы имеют только одно-единственное оправдание для своего существования – быть полезными для нас в экономическом отношении».

В конце 1941 г. нацистские идеи порабощения и истребления «восточных народов» были конкретизированы в генеральном плане «Ост», разработанном Главным управлением имперской безопасности. Согласно этому документу, предусматривалось выселить около 31 млн. чел. с оккупированных территорий Польши и западной части Советского Союза (65% населения Западной Украины, 75% населения Белоруссии, значительную часть населения Литвы, Латвии, Эстонии) и переместить на освобожденные земли датчан, норвежцев, голландцев и англичан, которых заменить, в свою очередь, в местах их нынешнего проживания десятками миллионами немцев. При последующих уточнениях плана говорилось об уничтожении 46–56 млн. чел. В целом план «Ост» предусматривал уничтожение в течение 25–30 лет 120–140 млн. чел. в Польше и СССР. Остальную часть населения предполагалось онемечить путём проведения ряда «специальных мероприятий». «Восточное министерство» конкретизировало, что по отношению к русскому народу «речь идёт не только о разгроме государства с центром в Москве. Дело заключается, скорее всего, в том, чтобы разгромить русских и как народ разобщить их». Принципиальной разницы между этими установками и планами нынешнего украинско-западного альянса заметить трудно.

В планах немецкого руководства, доводимых через пропаганду до остального населения, подчёркивалась необходимость уничтожения интеллигенции, низведения культуры народа до самого примитивного уровня, резкого снижения

численности населения путём сокращения рождаемости и другими мерами. Все еврейское население планировалось уничтожить или переселить в Африку. Тяжёлая участь ожидала и другие народы. Особое значение придавалось воспитанию у немецкой нации к ненависти к России вообще, к советским людям и государству. Речь шла о жизни и смерти народов нашей страны, значительной части Европы и других континентов.

На одном из совещаний с командующими Вермахта Гитлер высказался ещё более категорично: «Нам недостаточно просто разбить русскую армию и захватить Ленинград, Москву, Кавказ. Мы должны стереть с лица земли эту страну и уничтожить её народ». 20 июня 1941 г. глава императорского министерства по делам оккупированных восточных областей А. Розенберг объявил, что СССР перестанет быть «субъектом европейской политики» и превратится в «объект немецкой мировой политики».

В рассматриваемый период времени в СССР ещё не завершилось создание достаточно мощной политической идеологии целенаправленного противодействия фашистской агрессии. В первые недели войны идеология продолжала ориентироваться на формирование советского человека с чувством коллективизма, любви к родной земле, всеобщей поддержки угнетённых. Этим было пронизано и выступление И.В. Сталина по радио 3 июля 1941 г.: «Целью этой всенародной борьбы является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма... Наша война за свободу нашего Отечества, сольётся с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы».

Ключевой корректировкой идеологии стало присвоение войне статуса Великой Отечественной. Это словосочетание отразило в себе суть политических целей вооружённой борьбы, а также защиту многовековых традиций, обычаев,

ценностей, созданных и передаваемых из поколения в поколение на протяжении столетий. Людям напомнили, что и ранее большое количество разных народностей, проживавших в России, не раз защищали свою страну от захватчиков. Наиболее памятной является победа русских войск над татаро-монголами на Куликовском поле в 1380 г. Она ознаменовала поворотный пункт в борьбе русского народа против монголо-татарского ига, показала возросшее стремление русских земель к независимости и усилила роль Москвы как центра их объединения. Огромное значение имела Отечественная война 1812 г. – справедливая национально-освободительная война России против напавшей на неё Франции, которая закончилась поражением Наполеона, оставив глубокий след в социально-политической и экономической жизни страны.

С самого начала Великой отечественной войны идея защиты Родины проникла во все сферы жизнедеятельности народов СССР. Она стала ключевым фактором их консолидации и превращения огромной страны в общенародную боевую систему, исключавшую влияние каких-либо этнических компонентов. Первые дни войны были показательными в единении всех республик под эгидой общего отечества, что и было отражено в тексте песни 1941 г.: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...».

Учитывая столь мощное мобилизующее воздействие номинативного лозунга в справедливой войне, остаётся только гадать, почему нынешнее вооружённое столкновение России с силами мировой реакции, использующими Украину в своих низменных интересах, до сих пор не получило яркого, образного названия, из которого без пояснений очевидны справедливая цель наших действий и полная уверенность в конечной победе.

В состав воюющей Красной Армии вошли мужчины и женщины всех союзных республик вне зависимости от этнической и религиозной принадлежности. Всеобщее единение

советских людей привлекло к СССР симпатии прогрессивных людей всех стран, способствовало сплочению антифашистских сил мира и укреплению антигитлеровской коалиции. Это привело к изменениям в политике и позициях правительств западных государств, прежде всего Англии и США, по отношению к СССР. Они оказались вынужденными пойти на оказание Советскому Союзу помощи в борьбе с гитлеровской Германией. Вместе с тем в первые месяцы формирования идеологии борьбы с фашизмом сохранялась ошибка, которая состояла в том, что идейно-воспитательная работа в СССР абсолютно не учитывала дореволюционного исторического прошлого. Однако уже в речи перед участниками парада 7 ноября 1941 г. на Красной площади И.В. Сталин впервые подчеркнул: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»⁵⁹¹.

Новую идеологическую концепцию окончательно удалось создать к 1943 г., когда была сформирована национальная идея, синтезировавшая победоносное историческое прошлое Российской империи и Московского княжества, а также социалистическую идею построения общества всеобщего равенства – коммунизма. Фактически у СССР получилось то, что не получилось у нацистской Германии. Успехи на полях сражений и на трудовом фронте напрямую ассоциировались с героями российской истории. Этот подход впоследствии достаточно успешно использовался и в послевоенной разъяснительной работе среди советского населения.

Оглядываясь на данный исторический урок, представляется целесообразным осуществить аналогичную идеологическую трансформацию и сейчас. Боевые действия российских войск против сил укронацизма проходят в местах, воспетых в многочисленных песнях, которые помнит старшее поколение россиян. Например: «В степи под Херсоном высокие травы, / В

степи под Херсоном курган. / Лежит под курганом, обросшим бурьяном, / Матрос Железняк — партизан». Или: «Это было в Краснодаре / В грозном зареве войны. / Комсомольское подполье / Поднялось за честь страны». И ещё: «Каховка, Каховка — родная винтовка — / Горячая пуля, лети! / Иркутск и Варшава, Орёл и Каховка — / Этапы большого пути». Следует рекомендовать авторам-патриотам в новых произведениях публицистики, литературы и искусства проводить чёткую параллель с героикой прошлого, освящённого победами сил общественного прогресса, объединившего народы бывшей Российской империи в новом мощном государстве.

Возвращаясь к временам Великой Отечественной войны, отметим, что основной принцип антисоветской идеологии нацизма состоял в манипуляции настроениями экзальтированных масс людей. Он отражён в словах рейхсминистра «народного просвещения и пропаганды» Й. Геббельса: «Толпа – это интеллект умного и интеллект идиота, сложенный и поделённый пополам. Толпа – это серая масса для манипуляций, которой требуется национальная идея, доступная и понятная всем социально-культурным слоям общества». В нацистской Германии такой основной идеей являлся «дух предков», напрямую обращавшейся к культу сильного волевого мужчины – лидера. Мифологизация этого образа вела к созданию новых манипулятивных технологий, реализуемых нацистским руководством. С общественного одобрения выхолащивалась история, уничтожались книги «идейно-ущербных» авторов, преследовались и уничтожались целые народы (евреи, цыгане и др.). Националистическая идеология воспитывала все поколения немцев на протяжении двенадцати лет (1933–1945 – время нацистов у власти) в духе принесения себя и своих близких в «сакральную жертву». Высшим воплощением подобной жертвы было погибнуть на поле боя за «великую Германию». Этим и объясняется популярность в последние месяцы войны таких общественных объединений, созданных по военному образцу, как «Дойчес

юнгфольк» (мальчики от 10 до 14 лет), «Гитлерюгенд» (мальчики с 14 до 18 лет), «Юнгмедельбунд» (девочки в возрасте от 10 до 14 лет), «Бунд дойчер медель» (девочки от 14 до 18 лет)⁵⁹².

Действительность свидетельствует, что современная идеология укронацизма по подходам к мифологизации придуманных или полувывмышленных героев прошлого, методам психологического воздействия на толпу и усиленной «промывке мозгов» именно молодому поколению страны – в принципе не отличается от идеологии германского фашизма. Умелая демонстрация на конкретных примерах сходства двух античеловечных идеологий могла бы принести в просветительской работе с молодыми сотрудниками органов госбезопасности существенный мировоззренческий эффект.

Как показали исторические исследования, тактика нейтрализации отечественными средствами пропагандистских манипуляций военных противников России в XX–XXI веках базировалась на: 1) разоблачении (как на уровне логики, так и эмоций) циничной и варварской сущности авторов пропагандистских материалов; 2) нецелесообразности вступать с акторами информационных войн в политкорректную дискуссию как легитимными оппонентами и 3) запрете хранения и распространения вражеских пропагандистских материалов.

Специалистами НКВД совместно с Главным управлением контрразведки «Смерш» Наркомата обороны были разработаны методические рекомендации по использованию в контрпропагандистской работе с населением и военнослужащими Красной Армии следующих информационно-психологических приёмов:

- прямой приказ, выраженный посредством эмоционально-возбуждающей знаково-символической системы («Родина-мать зовёт», «Убей немца» и т.п.);

- нагнетание чувства страха от негативных последствий, которые наступят при невыполнении указаний руководства страны (например, повторение фраз «по законам военного времени», «виновные подлежат суду военного трибунала» и т.п.)

- сокрытие данных о значительных потерях и других неблагоприятных событиях на фронте;

- освещение ситуации на фронте и внутри страны в необходимой советскому руководству трактовке с опорой на авторитет власти. Следует подчеркнуть, что современные историки за рубежом даже из числа откровенных русофобов и недоброжелателей России вынуждены признавать, что каков бы ни был разрыв между образом Сталина в качестве вождя военного времени и историческими реалиями, его влияние на настроения и сознание советских людей, на их психологическую мобилизацию является бесспорным и значительным;

- намеренное упрощение событий войны, разделение всех народов и стран на «своих» и «врагов»;

- быстрое нахождение виновных в тех или иных военных неудачах, их публичное осуждение («трусы», «паникёры», «предатели»);

- апелляция к позитивным символам, характерным для русского народа и его культуры (патриотизму, национальным традициям и святыням, историческим образам);

- обращение к «здравому смыслу» «простого человека», «труженика», «человека из народа»;

- использование в пропагандистских целях присущего людям стремления к безопасности и защите со стороны властей в обмен на лояльность к ним;

- использование «родительских» («материнских» или «отцовских») символов – «Родина-мать», «Отец народов» и других.

Антигерманская пропаганда разворачивалась планомерно и настойчиво. Органы НКВД тщательно следили за ре-

ализацией одобренного 8.10.1941 г. ЦК ВКП(б) Плана подготовки статей газеты «Правда» по теме «Как смотрит изверг Гитлер на русских и славян»:

- Гитлер о славянстве как о низшей расе;
- Гитлер – заклятый враг славянских народов;
- Гитлер – заклятый враг русского народа;
- Гитлер хочет отдать советскую землю немецким помещикам, а крестьян превратить в рабочий скот;
- Уничтожить свободу и независимость народов Советского Союза – цель войны немецких фашистов;
- Превратить русский народ в рабов — коварная цель Гитлера;
- Гитлер хочет поработить и истребить русский народ;
- Библия людоедов (о книге Гитлера «Моя борьба»);
- Германский фашизм — лютей враг украинского народа;
- Германский фашизм — злейший враг белорусского народа;
- Гитлеровская политика колонизации на Восток;
- Как германские фашисты грабят и угнетают славянские народы оккупированных стран;
- Народы балканских стран под пятой германского фашизма;
- Гитлер о поляках как о низшей расе;
- Польша под пятой германских оккупантов;
- Чехословакия под пятой Гитлера;
- Югославия под пятой германских оккупантов;
- Борьба славянских народов против фашизма;
- Болгария под властью германского фашизма;
- Славянские народы не хотят быть рабами Гитлера;
- Как Гитлер пытается натравить славянские народы друг на друга.

К написанию статей привлекались лучшие литераторы и научные работники, такие как академик Е. Тарле, писатель

А. Толстой, драматург А. Корнейчук, поэт Я. Купала и другие.

Сравнение акций нацистской и современной укронацистской пропаганды подсказывает два оптимальных подхода к противоборству с ней:

1) компрометация с использованием патриотических материалов из Интернета, печатных СМИ, передач общедоступного телевидения и т.п. заказчиков пропагандистских кампаний (осуществляемых по алгоритмам спецслужб) – политикоформирующих кругов США и их союзников, ответственных за обострение отношений с Россией;

2) анализ с последующим аргументированным разоблачением способов и приёмов подрывных информационно-психологических акций, предпринимаемых противниками России.

Таким образом, именно наступательная тактика в разоблачении пропагандистских манипуляций военных противников России, и, прежде всего, немецко-фашистских захватчиков, является ключом к повышению профессионального мастерства молодых оперработников в области информационного противоборства, приобретающего всё более острые формы по ходу специальной войсковой операции.

Новейшая историография деятельности органов государственной безопасности СССР

В видеообращении к сотрудникам спецслужб России по случаю празднования Дня работников органов безопасности 20 декабря 2022 г. В.В. Путин подчеркнул: «На протяжении всей истории нашего Отечества органы безопасности были надёжной опорой государства. И мы по праву гордимся подвигами их легендарных сотрудников, которые беззаветно служили Родине, решительно вставали на пути тех, кто хотел сделать нашу страну зависимой, уязвимой, раздробленной»⁵⁹³.

Утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в числе основных задач называют необходимость сохранения исторической памяти, противодействия попыткам фальсификации истории, сбережения исторического опыта формирования традиционных ценностей и их влияния на российскую историю.

В числе организационных инструментов реализации государственной политики сохранения и укрепления традиционных духовных ценностей был назван и мониторинг достижения целей этой политики. А, по логике вещей, при оценке достижения целей этой политики, необходим также мониторинг средств, форм и инструментов ее реализации.

В этой связи нам представляется целесообразным коснуться некоторых вопросов новейшей историографии советских органов госбезопасности.

В начале остановимся на двух основополагающих моментах. Они связаны с исполнившимся в 2022 г. 100-летием создания контрразведывательных подразделений ГПУ РСФСР и 100-летием образования Союза Советских Социалистических республик.

Столетию образования советской контрразведки издательство «Вече» посвятило специальную книжную серию «Библиотека контрразведки». Эта серия состоит из двух неравноценных частей: художественно-беллетристических произведений о работе чекистов, и научно-популярных изданий.

Из числа художественных произведений серии следует, прежде всего, отметить роман В.И. Ардаматского «Возмездие», роман бывшего начальника 4-го отдела УНКВД по Орловской области Г.М. Брянцева «По тонкому льду», а также два романа О. Шмелева и В. Востокова, под псевдонимами которых скрывались бывший начальник ВГУ КГБ СССР генерал-лейтенант О.М. Грибанов и полковник В.И. Петрачков.

Научно-популярная часть серии представлена двумя книгами начальника 1-го отдела ВГУ КГБ генерал-майора Р.С. Красильникова «КГБ против МИ-6. Охотники за шпионами» и «Призраки в смокингах». Несмотря на то, что обе эти книги неоднократно издавались и ранее, они представляют значительный интерес благодаря уникальности своего содержания.

Разумеется, книги, посвященные советской контрразведке, появлялись не только в указанной серии издательства «Вече». Так, чуть ранее издательством «Международные отношения» были изданы две книги ученика и преемника Р.С. Красильникова, генерал-лейтенанта В.Г. Клименко, существенно расширяющие представления наших современников о содержании противоборства спецслужб США и СССР в недавнем прошлом⁵⁹⁴.

В исторической ретроспективе научно-популярной части «Библиотеки контрразведки» также представлены работы членов Общества изучения истории отечественных спецслужб Б.А. Старкова, Н.С. Кирмея и О.М. Хлобутова⁵⁹⁵.

И завершает этот раздел серии «Библиотеки контрразведки» интересное исследование Дмитрия Викторова и Олега Львова «Не только Штирлиц. Контрразведка в советском кинематографе». Понятно, что годы, последовавшие за прекращением существования СССР «как субъекта международного права и геополитической реальности», также привели к появлению немало числа новых кинематографических творений, которые пока еще только ждут своих исследователей.

В ознаменование столетия образования Союза Советских Социалистических Республик издательский дом «Родина» запустил выпуск серии книг «Советский век». Из более чем 120 изданий серии, к декабрю 2022 г. вышедших из печати, более чем в 25 из них в той или иной степени затрагивались вопросы деятельности советских органов государственной безопасности в различные исторические периоды. Что иллюстрирует тот неоспоримый факт, что обеспечение государственной безопасности – неотъемлемая часть социально-политической истории страны.

Современному молодому читателю будут полезны воспоминания об основателе ВЧК – ОГПУ Ф. Э. Дзержинском его соратников. К сожалению, что в немалой степени касается и других изданий этой серии, составители сборника, не снабдили его научными комментариями, ограничившись крайне краткими биографическими справками мемуаристов⁵⁹⁶.

В целом интересна работа Д.Л. Голинкова⁵⁹⁷, бывшего следователя по особо важным делам прокуратуры УССР, РСФСР и СССР, основанная на многочисленных открытых публикациях советских СМИ. Однако, ее переиздание в редакции 1986 г., в настоящее время, на наш взгляд, требует серьезного анализа и пространного научного комментария.

Отсутствие которых существенно снижает ее научно-познавательную ценность.

В этой же серии вышли и весьма полезные произведения Н.В. Старикова о вкладе войск НКВД в победу в Сталинградской битве⁵⁹⁸, Н.А. Шиманской «Органы госбезопасности в партизанском движении на территории БССР в годы Великой Отечественной войны»⁵⁹⁹.

Деятельности органов госбезопасности в годы Великой Отечественной войны также посвящена книга Д.Г. Веденева, А.И. Колпакиди, С.В. Чертопруд «Люди Судоплатова: Зафронтовая разведывательно-диверсионная работа НКВД – НКГБ в 1941 – 1945 годах»⁶⁰⁰.

Особый интерес представляет помещенная в сборник работа доктора исторических наук, бывшего сотрудника Института национальной памяти Украины Д.В. Веденева «Пятый Украинский фронт»: Зафронтовая разведывательно-диверсионная деятельность 4-го Управления НКВД-НКГБ Украинской ССР», основанная на документах, хранящихся в архиве СБУ.

Несколько книг серии представлены мемуарами сотрудников КГБ, непосредственных участников описываемых событий – В.Е. Семичастного, Н.С. Леонова, Ф.Л. Жорина⁶⁰¹. Однако последняя работа вызывает немало вопросов ввиду недостоверности приводимых в ней сведений, касающихся как 1970-х – 1980-х гг., так и пребывания автора в аспирантуре Высшей школы КГБ имени Ф.Э. Дзержинского.

Значительный интерес для читателей представляют сборники статей различных авторов: «Тайная история отечественной внешней разведки», «Тайная история отечественной контрразведки», «Павел Фитин. Начальник разведки».

Разумеется, и другие издательства также выпускали книги, посвященные истории органов государственной безопасности и их роли в судьбе СССР. Из их немалого числа укажем лишь некоторые, раскрывающие неизвестные ранее

страницы отечественной истории и изданные, преимущественно, после столетнего юбилея образования органов ВЧК.

В современной политической обстановке, когда не прекращаются попытки переписать историю XX века, важное значение для сохранения исторической памяти имеет ознакомление максимально широкого числа представителей общественности, а также работников СМИ, педагогов, политических и общественных деятелей, с подлинными документальными свидетельствами прошлого нашей страны.

В ряду книг, посвященных столетию образования Всероссийской чрезвычайной комиссии, следует выделить монографии А.Ю. Попова и А.С. Соколова⁶⁰².

Целый ряд книг по различным периодам истории отечественных органов безопасности подготовлен О.Б. Мозохиним. Это – и созданная на сугубо документальной основе монография «Сталин и органы государственной безопасности»⁶⁰³. Изданные в 2018 г. его монографии, на наш взгляд, закрывают многие вопросы о сущности и масштабах карательной политики органов безопасности в 1918–1953 гг.⁶⁰⁴.

К столетию образования Московской чрезвычайной комиссии Советом ветеранов УФСБ по г. Москве и Московской области была подготовлена основанная на архивных документах книга «Щит и меч столицы. 1918 – 2018».

В последующие годы истории столичного управления государственной безопасности были посвящены работы А.М. и А.А. Плехановых, Ю.Л. Левшина, О.М. Хлобустова⁶⁰⁵.

Значительный интерес как для профессиональных историков, так и для всех, интересующихся историей Отечества, представляет также подготовленный исключительно на основе архивных материалов сборник статей «Незримый фронт на защите Ленинграда. 1941–1944»⁶⁰⁶. «Изюминку» этого сборника представляют воспроизведенные в нем 4 брошюры начальника УНКВД по Ленинградской области П.Н. Кубаткина, изданные в осажденном городе в 1941–1944 гг.

В условиях непрекращающихся попыток переписать историю Второй мировой войны, важное значение для понимания сущности борьбы за независимость нашей страны в 1939–1945 гг. имеют монографии профессиональных историков, в том числе А.Ю. Попова, С.Г. Веригина и других авторов⁶⁰⁷.

На встрече с историками и представителями традиционных религий России 4 ноября 2022 г. В.В. Путин подчеркивал, что, подчас, ключевые исторические события, подаются нашими недругами «в совершенно искаженном, перевернутом виде, а правда отменяется. Такое намеренно извращенное отношение к истории, вольное обращение с ней коверкает сознание людей, размывает ценности, подтачивает жизненную опору»⁶⁰⁸.

К числу подобных, недостаточно профессионально подготовленных исторических публикаций, следует отнести переиздание, без соответствующей современному уровню осознанию прошлого, историографической подготовки, предисловия и научных комментариев книги Л. Заковского и С. Уранова «Ликвидация «пятой колонны»⁶⁰⁹. К сожалению, издательство не оговорило, что, она представляет собой образчик выполнения конъюнктурного политического заказа по оправданию массовых политических репрессий.

В заключение краткого библиографического обзора нельзя не упомянуть регулярное издание как материалов «Исторических чтений на Лубянке», так и сборника статей «Тайная стража России: Очерки истории отечественных органов безопасности».

4 ноября 2022 г., выступая на встрече президента России с историками и представителями традиционных религиозных конфессий, председатель Российского исторического общества С.Е. Нарышкин справедливо подчеркнул, что «в ходе широкой общественной дискуссии о нашем прошлом непременно должен быть слышен голос профессио-

нальных историков, учёных, обладающих соответствующими компетенциями. Они привносят в эту дискуссию объективное, взвешенное и очень уважительное отношение к своему предмету – к истории. А это и есть настоящая историческая культура, которая позволяет и государству, и обществу учиться на своей истории и извлекать из прошлого уроки. Такой подход разделяется большинством наших граждан»⁶¹⁰.

Как представляется, именно такой подход и должен быть положен в основу формирующейся исторической политики нашего государства и историко-образовательного процесса в школах, а также высших образовательных учреждениях.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ НА ИСТОЧНИКИ

¹ Журавлев В.В., Савруков Н.Т. Государственный бюджет: Конспект лекций. СПб.: Политехника, 2000.

² Каргалов В.В. За столетие до Ермака: Историческая повесть. М., 1987. С. 41.

³ Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польских окраинах Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846. С. 2.

⁴ Плеханов А.М. Отдельный корпус пограничной стражи России. М.: Граница, 1993. С. 117.

⁵ Там же.

⁶ Плеханов А.М., Плеханов А.А. Отдельный корпус пограничной стражи на границе России (1893 – 1919). М.: Граница, 2012. С. 328.

⁷ Плеханов А.М. Указ. соч. С. 119.

⁸ Сборник циркуляров Отдельного корпуса пограничной стражи за 1900 г. С. 152.

⁹ Плеханов А.М. Указ. соч. С. 123.

¹⁰ Приказы по войскам Отдельного корпуса пограничной стражи. №№ 1–152 за 1911 год. СПб., 1911. С. 2.

¹¹ Сборник циркуляров Отдельного корпуса пограничной стражи за 1897 г. С. 1–2.

¹² Приказы по войскам отдельного корпуса пограничной стражи за 1911 г. С. 1–5.

¹³ Там же.

¹⁴ Смирнов М.П., Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскная деятельность в Российской империи в документах и комментариях (XVIII в. – февраль 1917 г.): монография. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2010. С. 65–66.

¹⁵ Оперативно-розыскная энциклопедия / Авт.-сост. А.Ю. Шумилов. М.: Издательский дом И.И. Шумиловой, 2004. С. 215.

¹⁶ Яковец Е.Н. Органы профессионального сыска и иные субъекты информационной безопасности Российской империи: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 448.

¹⁷ Пикуль В.С. Нечистая сила. М.: Новатор, 1995. С. 40.

¹⁸ Перегудова З.И. Политический сыск в России. 1880–1917. М.: РОССПЭН, 2000. URL: <http://www.pseudology.org/Sysk/Peregudova/index.htm> (дата обращения: 19.07.2022).

¹⁹ Лизен А.-М. В мире разведки появились «необходимые союзы» // Время новостей. 2004. 20 ноября.

-
- ²⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. 00. 1910. Д. 360. Лит. А. Л. 114.
- ²¹ *Перегудова З.И.* Указ. соч.
- ²² *Греков Н.В.* Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпионмания и реальные проблемы. URL: <http://www.firstwar.info/books/index.shtml?4> (дата обращения: 09.08.2022).
- ²³ *Левакин И.В.* Императорская «Конституция» 1905–1906 гг. (исторический контекст, содержание, причины провала) // *Правопорядок: история, теория, практика.* № 1 (32). 2022.
- ²⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 62. Д. 52. Л. 160.
- ²⁵ Там же. Л. 161.
- ²⁶ Там же. Л. 194.
- ²⁷ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 15.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 62. Д. 52. Л. 322.
- ²⁹ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. ... С. 64.
- ³⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 62. Д. 52. Л. 326.
- ³¹ Биржевые ведомости. 8 мая 1907 г.
- ³² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 62. Д. 52. Л. 374.
- ³³ Там же. Л. 210.
- ³⁴ Там же. Л. 196.
- ³⁵ Там же. Л. 329–330.
- ³⁶ Там же. Л. 382.
- ³⁷ *Жукова Д.Д.* Система взаимодействия владимирских губернаторов с органами полиции во второй половине XIX века // *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова.* 2014. № 4.
- ³⁸ Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. Т. 45. С. 182.
- ³⁹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 16315. Оп. 1. Д. 44. Л. 184.
- ⁴⁰ Там же. Л. 200.
- ⁴¹ Там же. Ф. 4929. Оп. 1. Д. 40. Л. 43 об.
- ⁴² Там же. Ф. 4966. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.
- ⁴³ Там же. Ф. 4929. Оп. 1. Д. 40. Л. 300–304 об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 304.
- ⁴⁵ Там же. Л. 19 об.
- ⁴⁶ Там же. Д. 37. Л. 89.
- ⁴⁷ Там же. Л. 99.
- ⁴⁸ Там же. Л. 100.
- ⁴⁹ Там же. Л. 99.
- ⁵⁰ Там же. Д. 40. Л. 43–43об.
- ⁵¹ Там же. Л. 182.

⁵² Там же. Л. 354 об.

⁵³ Там же. Л. 57.

⁵⁴ Там же. Ф. 5010. Оп. 1. Д. 64. Л. 4.

⁵⁵ Там же. Ф. 4929. Оп. 1. Д. 40. Л. 177.

⁵⁶ Об учреждении Чрезвычайной Следственной Комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц: Постановление Временного правительства от 4 марта 1917 г. // См.: Сборник Указов и Постановлений Временного правительства: Вып. 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. Пг., 1917. С. 266.

⁵⁷ *Варфоломеев Ю.В.* Чрезвычайная Следственная Комиссия Временного Правительства и общество (историко-правовой анализ взаимодействия и взаимовлияния) // Информационная безопасность регионов. 2012. № 1. С. 151.

⁵⁸ *Куприянов М.И.* Деятельность Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (март-октябрь 1917 г.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 39–43.

⁵⁹ *Серов Д.О.* Органы следствия в России в годы революций и Гражданской войны (1917–1921 гг.): опыт краткого обозрения // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2015. № 12. С. 138.

⁶⁰ *Корнев С.А.* Чрезвычайная комиссия по делам о бывших министрах // Архив русских революций, издаваемый Г.В. Гессеном. Т. VII. Берлин: 1922. С.16.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп.1. Д. 972.

⁶² См.: О его составе и задачах: Декларация Временного правительства от 3 марта 1917 г.; Об упразднении Департамента полиции и об учреждении временного управления по делам общей полиции: Постановление Временного правительства от 10 марта 1917 г.; О расформировании Отдельного корпуса жандармов: Постановление Временного правительства от 13 апреля 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства. Вып. 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. Пг., 1917. С. 5, 27, 365.

⁶³ ГА РФ. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

⁶⁴ Там же. Л. 27.

⁶⁵ Там же. Д.1. Л. 2–2 об., 4.

⁶⁶ Там же. Д. 27. Л. 10, 14.

⁶⁷ Там же. Л. 15.

⁶⁸ Там же. Д. 3. Л. 8.

⁶⁹ Там же. Д. 27. Л. 14 об.

⁷⁰ Там же. Л. 15 об.

⁷¹ Там же. Д. 28. Л. 1, 4–5.

⁷² Там же. Д. 27. Л. 17.

⁷³ О суде: Декрет СНК от 5 декабря (22 ноября) 1917 г.; О суде: Декрет СНК № 2 от 15 февраля 1918 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: <http://www.libussr.ru> (дата обращения: 13. 10. 2019 г.).

⁷⁴ Левые эсеры и ВЧК. Сборник документов. Казань, 1996. С. 4.

⁷⁵ В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). М., 1987. С. 4–5.

⁷⁶ Левые эсеры и ВЧК. ... С. 5.

⁷⁷ В.И. Ленин и ВЧК. ... С. 16–17.

⁷⁸ Там же. С. 17.

⁷⁹ Там же. С. 25–27.

⁸⁰ Там же. С. 26–27.

⁸¹ Там же. С. 27–29.

⁸² Левые эсеры и ВЧК. ... С. 5.

⁸³ Там же. С. 27–29.

⁸⁴ Там же. С. 41.

⁸⁵ Там же. С. 29.

⁸⁶ В.И. Ленин и ВЧК. ... С. 34.

⁸⁷ Там же. С. 36.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. С. 40.

⁹¹ Там же. С. 43–44.

⁹² Там же. С. 63.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же. С. 64.

⁹⁵ Известия ВЦИК. 1918. 7 марта.

⁹⁶ Правда. 1918. 7 марта.

⁹⁷ Известия ВЦИК. 1918. 8 марта.

⁹⁸ Архив ВЧК: Сборник документов. М. : Кучково поле, 2007. С. 227.

⁹⁹ Левые эсеры и ВЧК. ... С. 48.

¹⁰⁰ Там же. С. 51.

¹⁰¹ Красная книга ВЧК. Т. 1. 2-е изд. М., 1989. С. 260.

¹⁰² Там же. С. 53.; ВЧК. 1917–1922. Энциклопедия / Авт. -сост. А.М. Плеханов, А.А. Плеханов. М.: Вече, 2013. С. 260.

¹⁰³ ВЧК. 1917–1922. Энциклопедия. С. 260.

¹⁰⁴ Левые эсеры и ВЧК. ... С. 10.

¹⁰⁵ Там же. С. 60.

¹⁰⁶ Там же. С. 64–65.

¹⁰⁷ ВЧК. 1917–1922. Энциклопедия. С. 174.

¹⁰⁸ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926 / Сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007. С. 674.

-
- ¹⁰⁹ Там же. С. 35.
- ¹¹⁰ Там же. С. 674.
- ¹¹¹ Левые эсеры и ВЧК. ... С. 6.
- ¹¹² Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 1. 1918–1922 гг. М. : РОССПЭН, 2000. С. 158–159.
- ¹¹³ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 21. Л.40.
- ¹¹⁴ Цит. По: *Рачков В.П.* На внутреннем фронте. Ярославль: Верх. - Волж. кн. изд-во, 1982. С.32.
- ¹¹⁵ ГАИО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 21. Л. 41.
- ¹¹⁶ Там же. Оп. 2. Д. 21. Л. 39.
- ¹¹⁷ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т.1. С. 157.
- ¹¹⁸ ГАИО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 21. Л. 47.
- ¹¹⁹ *Смирнов В.А.* Тверское ЧК–ОГПУ – меч и щит Советской власти // От ЧК до ФСБ. 1918–1998. С. 12.
- ¹²⁰ Иваново-Вознесенская губерния в Гражданской войне. Иваново-Вознесенск: изд-во «Основа», 1923. С. 12.
- ¹²¹ Архив УФСБ России по Ярославской области (АУФСБЯО). Ф. 22. Оп. 8. Д. 4. Л. 107.
- ¹²² Во имя победы революции: Костромская губерния в период гражданской войны 1918-1920. Ярославль, 1984. С. 131.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ ГАИО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 220. Л. 198 об.
- ¹²⁵ Архив УФСБ России по Ивановской области (АУФСБИО). Д. 58. Л. 23.; Архив УФСБ России по Владимирской области (АУФСБВО). Ф. ОДП. Д. 45. Л. 81.
- ¹²⁶ ГАИО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 22. Л. 5.
- ¹²⁷ Иваново-Вознесенская губерния в Гражданской войне. С. 10.
- ¹²⁸ ГАИО. Ф. П-2. Оп.2. Д. 21. Л.43.
- ¹²⁹ Там же. Л. 32.
- ¹³⁰ ГАИО.Ф.П-2. Оп. 2. Д. 21. Л. 31.
- ¹³¹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.39. С.45.
- ¹³² АУФСБВО. Д. 03025. Л. 26.
- ¹³³ Там же. Арх. Д. 46. Л. 26.
- ¹³⁴ ГАИО. Ф. 33. Оп.1. Д. 220. Л. 42–43.
- ¹³⁵ Уткин Стальной кулак. (Воспоминания о жизни Иваново-Вознесенского батальона ВЧК–ГПУ) // «Рабочий край». Иваново-Вознесенск. 1925. 16 декабря.
- ¹³⁶ Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ России). Ф. 1 ос. Оп. 3. Д.9. Л. 11 об.
- ¹³⁷ АУФСБЯО. Оп. 8. Д.4. Л. 151.

- ¹³⁸ Центр документации новейшей истории Ярославской области. Ф. 1. Оп. 27. Д. 110. Л. 54.
- ¹³⁹ ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 220. Л. 198 об.
- ¹⁴⁰ АУФСБ ВО. Д. 28. Л. 30.
- ¹⁴¹ Там же. Л. 31-32.
- ¹⁴² АУФСБВО. Арх. Д. 46. Л. 50.
- ¹⁴³ Там же.
- ¹⁴⁴ ГАИО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 21. ЛЛ. 41-42
- ¹⁴⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 3. Д. 350. Л. 4.
- ¹⁴⁶ Там же. Л. 15
- ¹⁴⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 4. Д. 184. Л. 30.
- ¹⁴⁸ Архив УФСБ России по Костромской области. Ф. 8. Оп. 1. Д. 72. Л. 3.
- ¹⁴⁹ *Иванов В.В., Христенко В.М.* Из истории транспортных органов ВЧК. М., 1980. С. 6.
- ¹⁵⁰ *Сенин А.С.* Железные дороги в марте-октябре 1917 г.: от кризиса к хаосу // Минск: Белорусская электронная библиотека (BIBLIOTEKA.BY). URL: <https://biblioteka.by/m/articles/view/ЖЕЛЕЗНЫЕ-ДОРОГИ-В-МАРТЕ-ОКТЯБРЕ-1917-г-ОТ-КРИЗИСА-К-ХАОСУ>. (дата обращения: 01.02.2022).
- ¹⁵¹ *Сенин А.С.* Указ. соч.
- ¹⁵² История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2: 1917–1945 гг. СПб., 1997. С. 12.
- ¹⁵³ Декреты Советской власти. М. : Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 581.
- ¹⁵⁴ В.И. Ленин и ВЧК: Сборник документов (1917–1922 гг.). М. : Политиздат, 1987. С. 18–24.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 10–11.
- ¹⁵⁶ *Лацис М.Я.* Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920. С. 13.
- ¹⁵⁷ История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. С. 12, 32.
- ¹⁵⁸ *Шатилов А.П.* Транспортные органы ВЧК в годы Гражданской войны // ВЧК (1917– 1922 гг.): к столетию создания / Сборник статей и документов. М. : ИРИ РАН, 2017. С. 366.
- ¹⁵⁹ *Кузьмина Т.Н.* Железнодорожный транспорт Поволжья в первые годы НЭПа (1921–1922) // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2011. № 23. С. 481.
- ¹⁶⁰ Декреты Советской власти. В 5 т. Т. 3. М., 1957. С. 97–100.
- ¹⁶¹ *Кирмель Н.С., Шинин О.В.* Красные против белых: спецслужбы в Гражданской войне 1917–1922. М. : Вече, 2016. С. 105.
- ¹⁶² Известия ВЦИК. 1918. 9 августа.
- ¹⁶³ *Кирмель Н.С., Шинин О.В.* Указ. соч. С. 106.

-
- ¹⁶⁴ Велидов А.С. Коммунистическая партия – организатор и руководитель ВЧК (1917–1920 гг.). М., 1967. С. 75.
- ¹⁶⁵ Кирмель Н.С., Шинин О.В. Указ. соч. С. 107.
- ¹⁶⁶ Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии, 1917—1921 гг.: Сб. док. М., 1958. С. 262–263.
- ¹⁶⁷ Кирмель Н.С., Шинин О.В. Указ. соч. С. 108.
- ¹⁶⁸ Велидов А.С. Указ. соч. С. 75–76.
- ¹⁶⁹ Архипов А.И. Образование контрразведки на транспорте // Лубянка: обеспечение экономической безопасности. Сборник. М., 2002. С. 63–64.
- ¹⁷⁰ Кирмель Н.С., Шинин О.В. Указ. соч. С. 112.
- ¹⁷¹ Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии... С. 409.
- ¹⁷² Кирмель Н.С., Шинин О.В. Указ. соч. С. 112.
- ¹⁷³ Там же. С. 113.
- ¹⁷⁴ Там же. С. 114.
- ¹⁷⁵ Данилов А.Ю. Местные чрезвычайные комиссии в 1918–1922 гг.: На материалах Ярославской и Рыбинской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1999; Симбирцев И. ВЧК в ленинской России. 1917–1922. М.: Центрполиграф, 2008; Тепляков А.Г. Процедура: Исполнения смертных приговоров в 1920–1930-х годах. М.: Возвращение, 2007 и др.
- ¹⁷⁶ Капчинский О.И. Гвардейцы Ленина. Центральный аппарат ВЧК: структура и кадры. М.: Крафт + 2014; Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М.: Звенья, 1999.
- ¹⁷⁷ Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. С. 82–83, 276.
- ¹⁷⁸ ВЧК. 1917–1922. Энциклопедия /Авт.–сост. А.М. Плеханов, А.А. Плеханов. М.: Вече, 2013; Капчинский О.И. Гвардейцы Ленина; Петров Н.В., Скоркин К.В. Указ. соч.; Скоркин К.В. Обречены проиграть. (Власть и оппозиция 1922 – 1934). М.: ВивидАрт, 2011; Чекисты: История в лицах / Г.Э. Кучков, А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М.: Кучково поле, 2008 и др.
- ¹⁷⁹ ВЧК. 1917–1922... С. 426; Петров Н.В., Скоркин К.В. Указ. соч. С. 414–415, РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 1608. Л. 266–266об.
- ¹⁸⁰ Петров Н.В., Скоркин К.В. Указ. соч. С. 189, 306, 316–317.
- ¹⁸¹ Там же. С. 306.
- ¹⁸² Дьячков В.Л., Протасов Л.Г. Политики российской провинции начала XX века: опыт изучения электронной базы данных // Политические деятели Российской провинции от эпохи Николая II до Сталина / В.Л. Дьячков (и др.). Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. С. 35.
- ¹⁸³ Петров Н.В., Скоркин К.В. Указ. соч. С. 493.

-
- ¹⁸⁴ *Попов А.Ю., Соколов А.С.* Щит и меч власти большевиков : очерки истории ВЧК. М. : ДиректмедиаПублишинг, 2022. С. 112.
- ¹⁸⁵ ВЧК. 1917–1922... С. 17, 66, 205–206, 383–384; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 548. Л. 166–166 об.
- ¹⁸⁶ ВЧК. 1917–1922. С. 274–275, 316; *Скоркин К.В.* Обречены проиграть. С. 759, 798–800.
- ¹⁸⁷ *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Указ. соч. С. 208–209, 258–259, 358–359, 385.
- ¹⁸⁸ Там же. С. 497.
- ¹⁸⁹ *Попов А.Ю., Соколов А.С.* Указ. соч. С. 113.
- ¹⁹⁰ ВЧК. 1917– 1922. С. 304, 330, 445; *Скоркин К.В.* Обречены проиграть. С. 687.
- ¹⁹¹ *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Указ. соч. С. 494.
- ¹⁹² Там же. С. 88, 221, 326, 349–350.
- ¹⁹³ *Попов А.Ю., Соколов А.С.* Указ. соч. С. 115–116.
- ¹⁹⁴ ВЧК. 1917–1922. С. 421; *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Указ. соч. С. 133–134; *Филиппов С.Г.* Территориальные руководители ВКП(б) в 1931–1939 гг. : Справочник. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 388–389.
- ¹⁹⁵ ВЧК. 1917–1922. С. 17, 42, 205–206, 274–275, 322–323, 403, 445; *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД. С. 93–94, 351–352, 420.
- ¹⁹⁶ *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Указ. соч. Кто руководил НКВД. С. 496.
- ¹⁹⁷ Там же. С. 88, 175, 196, 326.
- ¹⁹⁸ *Попов А.Ю., Соколов А.С.* Указ. соч. С. 118–119.
- ¹⁹⁹ *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Указ. соч. С. 495.
- ²⁰⁰ Центральный государственный архив Советской армии. В 2 т. Т. 1. Путеводитель. 1991. С. 189–190.
- ²⁰¹ Там же. С. 190.
- ²⁰² Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 38. Оп. 1. Д. 801. Л. 14–15.
- ²⁰³ Там же.
- ²⁰⁴ Там же. Л. 8.
- ²⁰⁵ Там же. Д. 254. Л. 225.
- ²⁰⁶ Там же. Д. 502. Л. 14–15.
- ²⁰⁷ Там же.
- ²⁰⁸ Там же.
- ²⁰⁹ Там же. Д. 254. Л. 17–18.
- ²¹⁰ Там же. Д. 502. Л. 14–15.
- ²¹¹ Там же.
- ²¹² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 18238. Оп. 5. Д. 44. Л. 2–3.

-
- ²¹³ В.И. Ленин и охрана государственной границы СССР: сборник документов и статей. М. : Воениздат., 1970. С. 94.
- ²¹⁴ *Полянский М.В.* Организация и деятельность пограничной охраны Советского государства в 1917–1922 гг. : дис... канд. ист. наук. Владивосток, 2016. С. 80.
- ²¹⁵ В.И. Ленин и охрана государственной границы... С. 103.
- ²¹⁶ Декреты Советской власти. Т. 14. Апрель 1921 г. М. : Археографический центр, 1997. С. 253–254.
- ²¹⁷ Декреты Советской власти. Т. 15. Май 1921 г. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 83.
- ²¹⁸ Декреты Советской власти. Т. 17. Июль 1921 г. М.: РОССПЭН, 2006. С. 247–248.
- ²¹⁹ Политбюро и органы государственной безопасности. М. : Кучково поле, 2017. С. 99.
- ²²⁰ Летопись пограничных войск КГБ СССР : сборник документов. М. : Воениздат, 1981. С. 55.
- ²²¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Т. 2. 1917–1922. М.: Издательство политической литературы, 1983. С. 375–378.
- ²²² *Лебедев В.Г.* Возникновение и развитие аттестования офицерских кадров в Вооруженных Силах СССР // Военно–исторический журнал. 1986. № 10. С. 14.
- ²²³ В.И. Ленин и охрана государственной границы... С. 103.
- ²²⁴ Летопись пограничных войск... С. 57.
- ²²⁵ Там же. С. 53.
- ²²⁶ Политбюро и органы государственной безопасности. С. 96–97.
- ²²⁷ Летопись пограничных войск... С. 63–64.
- ²²⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1170. Л. 20–20 об.
- ²²⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 76. Оп. 3. Д. 228. Л. 1–1об.
- ²³⁰ *Тишков А.* Дзержинский. Серия ЖЗЛ. М. : «Молодая гвардия». 1974. С. 312–313; РГА ВМФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 915. Л. 6–7.
- ²³¹ В.И. Ленин и охрана государственной границы... С. 104–105.
- ²³² Из истории войск ВЧК и пограничной охраны: документы и материалы. 1917–1921. М. : Воениздат. 1958. С. 298.
- ²³³ Большая российская энциклопедия – электронное издание. Войска Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. URL: [https:// bigenc.ru/military-science/text/1925437](https://bigenc.ru/military-science/text/1925437) (дата обращения: 25.11.2022).
- ²³⁴ См.: Политбюро и органы государственной безопасности... С. 99.
- ²³⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4. Л. 140.
- ²³⁶ В.И. Ленин и ВЧК: сборник документов (1917–1922 гг.). М. : Политиздат, 1975. С. 626.

²³⁷ Там же.

²³⁸ Политбюро и органы государственной безопасности... С. 105–106.

²³⁹ В.И. Ленин и ВЧК... С. 404; Секретный гардероб для ВЧК. URL: <https://abc1918.livejournal.com/81578.html> (дата обращения : 11.11.2020).

²⁴⁰ Политбюро и органы государственной безопасности... С. 107.

²⁴¹ Часовые советских границ. Краткий очерк истории пограничных войск СССР / [Иванов В.С., Кисловский Ю.Г., Андрианов В.Н. и др.]. 2-е изд., доп. М. : Политиздат, 1983. С. 35.

²⁴² АРА была создана в США в феврале 1919 г. Декларировалась она как формально неправительственная структура для бесплатных поставок продовольствия в качестве гуманитарной помощи населению европейских государств, пострадавшему в Первой мировой войне. Эту организацию возглавил Г. Гувер. С назначением его министром торговли США статус АРА изменился: она перестала быть неправительственной. Тем более, что ее деятельность осуществлялась при активной поддержке президента и Конгресса, а также других государственных органов США. Поэтому в период работы АРА в России она была некоммерческой организацией (примечание автора).

²⁴³ Страшно далеки эти деятели были от народа. URL: <https://dzen.ru/a/Y1Jy4bshbzHkvADH> (дата обращения: 18.11.2022).

²⁴⁴ Россия и США: экономические отношения 1917–1933. Сборник документов. М.: Наука, 1997. С. 33–37.

²⁴⁵ Деятельность АРА во время голода в Советской России: Гуманитарная миссия или подрывная операция? URL: <https://varjag2007su.livejournal.com/5808377.html> (дата обращения: 12.10.2022).

²⁴⁶ Макаров В.Т., Христофоров В.С. Новые данные о деятельности Американской администрации помощи (АРА) в России. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/ARA.HTM> (дата обращения: 12.10.2022).

²⁴⁷ Американская администрация помощи и её борьба с российским голодом. 27 июня 2020. URL: <https://topwar.ru/172372-aga-protiv-goloda.html> (дата обращения: 12.10.2022).

²⁴⁸ Макаров В.Т., Христофоров В.С. Новые данные о деятельности Американской администрации помощи (АРА) в России. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/ARA.HTM> (дата обращения : 12.10.2022).

²⁴⁹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 184–185.

²⁵⁰ В контексте данной работы под регионами Северного Кавказа исследуемого периода понимаются национальные республики – Адыгея, Дагестан, Северная Осетия, Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария, Ингушетия и Чечня.

-
- ²⁵¹ См.: Малащенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001.
- ²⁵² Центральный государственный архив РСО-А. Ф. Р-94. Оп. 1 Д. 62. Л.10.
- ²⁵³ Абрек – профессиональный разбойник. Зачастую деятельность абреков положительно оценивалась горскими народами, они воспринимались как смелые, удалые люди.
- ²⁵⁴ Бобровников В.О. Абреки и государство: культура насилия на Кавказе // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 24.
- ²⁵⁵ Там же.
- ²⁵⁶ Федоренко С.А. Борьба с уголовной преступностью и обеспечение общественного порядка на Северном Кавказе (1917–1928 гг.). М. 2010. С.105.
- ²⁵⁷ Чеботарев А.В. Операции ОГПУ по разоружению населения Республик Северного Кавказа в 1920–1930 гг. URL: http://samlib.ru/p/portnow_i_i/operaciigrupporazoruzhenijusevernogokawkaza1920-1930gg.-1.shtml. (дата обращения: 19.08.2017).
- ²⁵⁸ Половецкий С.Д., Ченцов А.С. Деятельность органов и войск ВЧК–ОГПУ–НКВД СССР по борьбе с бандитизмом на Северном Кавказе (1920 – июнь 1941 г.). СПб. : Научное издание, 2020. С.42.
- ²⁵⁹ Российский государственный военный архив. Ф.25896. Оп.9. Д.284.
- ²⁶⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп.3. Пор. 65. Л. 110.
- ²⁶¹ Чеботарев А.В. Указ. соч.
- ²⁶² Центральный государственный архив Республики Дагестан Ф. Р-41. Оп. 10. Д. 3. Л. 25
- ²⁶³ Кадима (иврит) – вперед.
- ²⁶⁴ Там же.
- ²⁶⁵ ЕЭЭ / Сионизм / Сионистское движение в отдельных странах. Россия – Советский Союз. URL: <https://eleven.co.il/jews-of-russia/movements-parties/15767/> (дата обращения: 23.07.2022).
- ²⁶⁶ Морозов Б.М. «Замена». Высылка осужденных сионистов в Палестину. 1924–1934. М., 2019. С. 49.
- ²⁶⁷ Култур-лиге (Лига еврейской культуры, Култур-лига) – общее название еврейских культурно-общественных организаций, действовавших в различных странах между двумя мировыми войнами и ставивших целью развитие образования, литературы и театра на идише, а также еврейской музыки и изобразительного искусства. Была создана в 1918.
- ²⁶⁸ Люстигер А. Сталин и евреи: трагическая история Еврейского антифашистского комитета и советских евреев. М., 2008. С. 66.
- ²⁶⁹ Айхенвальд А.Ю. Современный иврит. М., 1990; Гейгер А. Руководство по изучению языка Мишны. Перевод с немецкого. Одесса, 1871;

Клаузер И.Л. Происхождение и характер древнееврейской письменности. Одесса, 1911; *Коковцов П.К.* «Книга сравнения еврейского языка с арабским» Абу Ибрагима (Исаака) Ибн Баруна, испанского еврея конца XVIII и начала XIX в. СПб., 1893; *Коковцов П.К.* Новые материалы для характеристики Иехуды Хайюджа, Самуила Нагида и некоторых других представителей еврейской филологической науки в X, XI и XII вв. Пг., 1916 и др.

²⁷⁰ *Айхенвальд А.Ю.* Фрагмент морфологии древнееврейского языка // Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. М., 1988; *Зислин М.Н.* Восточная школа еврейских грамматистов в X–XII вв. (резюме) // Семитские языки (Материалы Первой конференции по семитским языкам 26–28 октября 1964 г.). М., 1965, выпуск 2, часть 1. С. 246–249; *Ме'ор `айин* («Светоч глаз»): Караимская грамматика древнееврейского языка по рукописи 1208 г.: Факсимиле / Перевод, исследование и комментарий М.Н. Зислина. М., 1990; *Троицкий И.Г.* Грамматика еврейского языка. 2-е издание, исправленное и дополненное. СПб., 1908; *Бат-Иви И.* Алеф-Бет: Еврейская азбука в картинках: Около 4 000 слов. М.; Иер., 1991; *Блюм Ш., Рабин Х.* Современный иврит: Самоучитель. Начальный курс. М., 1990; *Вайнберг Э., Бар-Север Р.* Правописание на иврите / Издание на русском языке подготовлено Т. Аксеновой и Б. Гамзу. – Т.-А., 1993; *Гури И.* Библизмы в русском языке. Статья 2 // *Jews and Slavs*. Иер., 1995, Т. 3. С. 40–54; *Гури И.* Библейские фразеологизмы в современном русском языке // *Jews and Slavs*. Иер. СПб., 1993, Т. 1. С. 120–131; «Шэат иврит»: Учебник для говорящих по-русски / И. Вольпе, Э. Лауден, Х. Харуси, Р. Шошан. Книги 1–2. Иер., 1991; *Ювилер Л., Бронзик Н.М.* Яа-йесод: Основа иврита. Кирьят-Бялик, 1993 и др.

²⁷¹ *Агарунов Я.М., Агарунов М.Я.* Татско (еврейско)-русский словарь. М., 1997; Иврит-русский словарь: 26000 слов / Под редакцией Б. Подольского. Т.-А. – М., 1992; Русско-ивритский словарь: 26000 слов / Под ред. Б. Подольского. Т.-А.; М., 1992 и др.

²⁷² *Аграновская М.* Этот сладкий язык – маме лошн // Заметки по еврейской истории. 27 января 2004. № 38. URL: <https://berkovich-zametki.com/Nomer38/Agranovskaja1.htm> (дата обращения: 10.12.2021).

²⁷³ *Локишин А.* Израиль, говорящий на идише // Лехаим. Январь 2010. – ТЕВЕТ 5770. – 1(213). URL: <https://old.lechaim.ru/ARHIV/213/lokshin.htm> (дата обращения: 10.12.2021).

²⁷⁴ *Chaver Y.* *What Must be Forgotten: The Survival of Yiddish in Zionist Palestine.* – Syracuse: Syracuse University Press, 2004; Цит. по: *Локишин А.* Израиль, говорящий на идише // Лехаим. Январь 2010. – ТЕВЕТ 5770. 1(213). URL: <https://old.lechaim.ru/ARHIV/213/lokshin.htm> (дата обращения: 10.12.2021)

²⁷⁵ *Эрец Й.* Сефер а-Алия а-Шлишит (Книга третьей алии). Тель-Авив: Ам Овед, 1964; *Эттингер Ш.* Тодот Ам Исраэль (История еврейского народа). Т. 3. Тель-Авив: Двир, 1969; *Карми Ш.* Ам Эхад ве Сафа Ахат: Техият а-Сафа а-Иврит бе Рейя Бейн-техумит (Один народ и один язык. Возрождение языка иврит в междисциплинарной перспективе). Тель-Авив, 1997 и др.

²⁷⁶ *Чернин В.* Литература на языке идиш – комета или планета? // Ле-хаим. Май 2006. ИЯР 5766. № 5 (169). URL: <https://lechaim.ru/ARNIV/169/garoport.htm> (дата обращения: 10.12.2021)

²⁷⁷ *Галили З.* Советский опыт сионизма: экспорт советской политической культуры в Палестину (Sovetskii opyt sionizma: Eksport sovetskoi politicheskoi kultury v Palestinu) // Ab Imperio. 2003. № 4. Р. 329–376.

²⁷⁸ Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сб. док. в 10 т. М., 2001–2017.

²⁷⁹ Сионистские партии и организации в СССР. 1920-е гг.: в 2 кн. М., 2019.

²⁸⁰ Там же. Кн. 1. С. 94.

²⁸¹ Там же. С. 97.

²⁸² ОГА СБ Украины. Ф. 13. Д. 284. Л. 1–5 об. Опубл.: Сионистские партии и организации в СССР... Кн. 2. С. 728–754.

²⁸³ *Морозов Б.М.* «Замена». Высылка осужденных сионистов в Палестину. 1924–1934. М., 2019. С. 61.

²⁸⁴ На страже границ Отечества. Пограничные войска России в войнах и вооружённых конфликтах XX в. Т. 3. М.: Граница. 2000. С. 111.

²⁸⁵ Кадровая служба органов безопасности: история и современность. М.: Граница, 2013. С. 197–198.

²⁸⁶ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926 / Сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М.: МФД: Материк, 2007. С. 400–401.

²⁸⁷ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 122 Л. 49.

²⁸⁸ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ... С. 494.

²⁸⁹ Там же. С. 502–503.

²⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 305. Л. 63–65.

²⁹¹ Политбюро и органы государственной безопасности. Сб. док. М.: Кучково поле, 2017. С. 194.

²⁹² Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ... С. 510.

²⁹³ *Зданович А.А.* «Синдикат-2»: предыстория операции // Исторические чтения на Лубянке. XX лет. М., 2017. С. 64–81; *Тутицын О.М.* Борьба ОГПУ–НКВД с военной эмиграцией в 1920–1930 гг. // Тайная стража России. Очерки по истории отечественных органов госбезопасности. Кн. 2. М., 2018. С. 235–253; *Кирмель Н.С., Шинин О.В.* Красные против белых. Спецслужбы в Гражданской войне 1917–1922. М.: Вече, 2016.

²⁹⁴ *Егоров Н.А., Цыбин А.Ю.* Белоэмигрантские организации на Дальнем Востоке в 20-х – начале 30-х гг. XX в. и деятельность советских спецслужб // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5. С. 77–88; *Егоров Н.А.* Деятельность иностранных спецслужб на Дальнем Востоке по использованию маньчжурской белоэмиграции в 1922–1941 гг. // Военно-исторический журнал. 2009. № 11. С. 48–53; *Буяков А.М., Шинин О.В.* Деятельность органов безопасности на Дальнем Востоке в 1922–1941 годах. М. : Кучково поле, 2013 и др.

²⁹⁵ *Колпакиди А.И., Мзареулов В.К.* Советская внешняя разведка. 1920–1945 годы. История, структура и кадры. М., 2021. С. 62–63.

²⁹⁶ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Т. 7. М. : Издат. центр Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2015. С. 761–763.

²⁹⁷ ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Д. 238. Л. 7.

²⁹⁸ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Т. 7. С. 106–107.

²⁹⁹ Там же. С. 114–116.

³⁰⁰ *Смирнов С.В.* Русская военная эмиграция в Китае (1920 – конец 1940-х гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2019. С. 454–455.

³⁰¹ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Т. 7. С. 300.

³⁰² Там же. С. 86–94.

³⁰³ Там же. С. 403–407.

³⁰⁴ Там же. С. 22–26.

³⁰⁵ *Смирнов С.В.* Указ. соч. С. 243–244.

³⁰⁶ Там же. С. 251.

³⁰⁷ Очерки истории российской внешней разведки. В 6 т. Т. 3. 1933–1941 годы. М. : Международ. отношения, 1997. С. 223.

³⁰⁸ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Т. 7. С. 590–693.

³⁰⁹ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Т. 8. М.: Б. и., 2016. С. 663–664.

³¹⁰ *Хаустов В.Н., Плотникова Н.С.* Межвоенные годы в контексте обеспечения государственной безопасности // Государственная безопасность России: история и современность. М. : РОССПЭН, 2004. С. 523.

³¹¹ Список населенных мест Новгородской губернии / Сост. под ред. Новгородск. губ. стат. ком. В. А. Подобедова. Новгород : Губ. тип., 1907. Вып. 10 : Кирилловский уезд / Сост. под ред. секр. Новгородск. губ. стат. ком. Н. П. Володина. 1912.

³¹² *Золотов А.* Рождение волостных партячеек // Новая жизнь. 1964. № 111.

³¹³ *Орлов П.* О друзьях-товарищах. Л.: Лениздат, 1967. С. 38.

³¹⁴ Совершенно секретно. Лубянка Сталину о положении в стране (1923 – 1934). Т. 5 : 1927 год. М. : ИРИ РАН, 2003.

³¹⁵ *Ларионов В.А.* Боевая вылазка в СССР. Париж, Борьба за Россию. 1931. / Электронная библиотека RoyalLib.com.

³¹⁶ Архив УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Ф. 8. Оп. 6. Д. П-16/1-12. Л. 5.

³¹⁷ Там же. Л. 218.

³¹⁸ История российской внешней разведки [Текст] : очерки: в 6 т. Т. 2. М. : Международные отношения, 2014.

³¹⁹ Историк рассказал, как операция «Трест» спасла Россию сто лет назад // РИА НОВОСТИ. URL: <https://ria.ru/20211205/trest-1762219071.html> (дата обращения: 12.09. 2022).

³²⁰ *Прянишников Б.* Незримая паутина. Нью-Йорк, 1979. С. 52.

³²¹ Там же.

³²² *Петров М.И.* В чекистской операции «Трест». Петрозаводск: «Карелия», 1981.

³²³ *Ленчевский Ю.С.* В судьбе «шпиона века» он поставил точку // Московский журнал. 1998. № 12. С. 39–40.

³²⁴ *Свинцов Д.Г.* Семнадцать мгновений судьбы: [о Тойво Вякя (Иване Михайловиче Петрове)]. Север. Петрозаводск, 2011. № 3/4. С. 214–220.

³²⁵ *Петрова М.С.* Я шла с ним вместе: воспоминания жены Тойво Вякя. Петрозаводск: Острова, 2019.

³²⁶ Лубянка. Из истории отечественной контрразведки. 3-е изд., доп. М. : Изд-во Главархива Москвы : Московские учебники и Картолитография, 2008. С. 181.

³²⁷ Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–991. Справочник. М. : МФД, 2003. С. 26.

³²⁸ Там же. С. 29.

³²⁹ История Федеральной разведывательной службы Германии. URL: <https://anna-news.info/istoriya-federalnoj-razvedyvatelnoj-sluzhby-germanii/> (дата обращения: 26.10.2022).

³³⁰ *Ландер И.И.* Негласные войны. История специальных служб 1919–1945. Книга первая. Условный мир. Одесса : «Друк», 2007. С. 70

³³¹ Спецслужбы мира. История и тайны секретных служб. Абвер. URL: <https://specsluzhby-all.ru/germany-3rejh/abver/>

³³² *Кантор Ю.З.* Заключая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920-е – 1930-е годы. М. [и др.] : Питер, 2009. С. 45; *Север А.* Великая миссия НКВД. URL: <https://history.wikireading.ru/79374> (дата обращения: 28.10.2022).

³³³ Плеханов А.М. ВЧК–ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики 1921–1928. М.: Кучково поле, 2006. С. 316.

³³⁴ Кантор Ю. З. Указ. соч. С. 86.

³³⁵ Там же.

³³⁶ Винокуров В. Роковые ошибки немецкой разведки // Независимое военное обозрение. URL: https://nvo.ng.ru/history/2021-06-17/1_1145_mistakes.html (дата обращения: 27.10.2022).

³³⁷ Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ... С. 504–505.

³³⁸ Оперативный приказ НКВД СССР № 00698 об агентурно-следственной работе относительно работников посольств и консульств Германии, Японии, Италии и Польши. URL: <https://istmat.org/node/60004> (дата обращения: 30.10.2022).

³³⁹ Кокошин А.А. Разведывательная и разведывательно-диверсионная деятельность нацистской германии перед нападением на СССР // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2014. № 4. С. 115.

³⁴⁰ Чернин О.В. Шпионский Кёнигсберг. Операции спецслужб Германии, Польши и СССР в Восточной Пруссии. 1924–1942. URL: <https://history.wikireading.ru/155932> (дата обращения: 30.10.2022).

³⁴¹ Чуев Ф.С. Солдаты империи: Беседы. Воспоминания. Документы. М.: Ковчег, 1998. URL: <https://litlife.club/books/139165/read?page=36> (дата обращения: 31.10.2022).

³⁴² Неизвестная жизнь Николая Кузнецова. URL: <https://sim-portal.ru/neizvestnaya-zhizn-nikolaya-kuznetsova/> (дата обращения: 31.10.2022).

³⁴³ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Кучково поле, 2013. С. 165.

³⁴⁴ Долгополов Ю.Б. Война без линии фронта. URL: <https://litres.ru/chitat/ru/Д/dolgopolov-yurij-borisovich/vojna-bez-linii-fronta/4> (дата обращения: 31.10.2022).

³⁴⁵ Мировая война. 1939–1945. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: ООО «Издательство Полигон», 2000. URL: http://militera.lib.ru/h/ww2_german/08.html (дата обращения: 31.10.2022).

³⁴⁶ Колонтаев К.В. Севастополь и Крым в 1941–1944 годах: Битва спецслужб, 2015; Никольский Б.В. Схватка за Кавказ и Крым. Борьба разведок 1942–1944 гг., 2018.

³⁴⁷ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сб. док. в 8 т.; Вместе с флотом. Советская морская контрразведка в Великой Отечественной войне : Исторические очерки и архивные документы» [В. С. Христофоров (рук.), А. П. Черепков, Д. Ю. Хохлов]. М. : Изд-во Гл. архивного упр. г. Москвы : ОАО «Московские учебники», 2010; Крымский щит России. Симферополь : Н. Орианда, 2019 и др.

³⁴⁸ *Моцанский И.Б.* Оборона Кавказа. Великое отступление. 25 июля – 31 декабря 1942 года. М. : Вече, 2010. С. 29.

³⁴⁹ *Бешанов В.В.* Год 1942 – «учебный». М.: Яуза-каталог, 2020. С. 373.

³⁵⁰ *Христофоров В.К., Виноградов О.К., Матвеев О.К. и др.* «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. М.: Издательство Главархива Москвы; ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2005. С. 121.

³⁵¹ *Коровин В.В.* Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М. : ЗАО «Издательство «Русь», 2003. С. 11.

³⁵² Там же. С. 13.

³⁵³ *Никольский Б.В.* Схватка за Кавказ и Крым. Борьба разведок. 1942–1944 гг. М. : Вече, 2018. С. 9.

³⁵⁴ *Плеханов А.М., Плеханов А.А.* Солдаты незримых сражений. Военная контрразведка НКВД СССР в начале Великой Отечественной войны 22 июня 1941 г. – 20 апреля 1942 г. Исторический очерк. М. : Издательский центр «Аква-Терм», 2016. С. 207.

³⁵⁵ *Зданович А.А.* Органы военной контрразведки в битве за Кавказ и освобождение Крыма. М. : Издательство «Кучково поле», 2021. С. 185.

³⁵⁶ *Плеханов А.М., Плеханов А.А.* Военная контрразведка НКВД СССР. Тайный фронт войны 1941–1942. М. : Вече, 2016. С. 282.

³⁵⁷ *Остряков С.З.* Военные чекисты. М. : Воениздат, 1979. С. 168.

³⁵⁸ *Абрамов В.* Смерш. Советская военная контрразведка против разведки Третьего рейха. М. : Яуза, Эксмо, 2005. С. 73.

³⁵⁹ *Плеханов А.М., Плеханов А.А.* Военная контрразведка НКВД СССР... С. 359.

³⁶⁰ *Зданович А.А.* Указ. соч. С. 174.

³⁶¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 2. М. : Издательство «Русь», 2003. С. 79.

³⁶² *Плеханов А.М., Плеханов А.А.* Военная контрразведка НКВД СССР... С. 298.

³⁶³ *Зданович А.А.* «Смерш» на пути к Победе. М.: Издательство Крафт, 2014. С. 87.

-
- ³⁶⁴ Плеханов А.М., Плеханов А.А. Солдаты незримых сражений... С. 307.
- ³⁶⁵ Гречко А.А. Битва за Кавказ. М., Воениздат, 1967. С. 67–68.
- ³⁶⁶ Дайнес В.О. 1941. Год Победы. М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. С. 122.
- ³⁶⁷ Плеханов А.М., Плеханов А.А. Военная контрразведка НКВД СССР... С. 397.
- ³⁶⁸ Логунова Т.А. Партийное подполье и партизанское движение в центральных областях РСФСР: июль 1941–1943 гг. М.: МГУ, 1973. С. 38.
- ³⁶⁹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. док. Т. 2. Кн. 1. М.: Русь, 2000. С. 345.
- ³⁷⁰ Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии 1941. М.: Олма-пресс. 2001. С. 277.
- ³⁷¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 945. Л. 24; Д. 1103. Л. 23.
- ³⁷² Судоплатов П.А. Указ. соч. С. 277.
- ³⁷³ См.: напр. Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности. М.: Алгоритм, 2017. С. 404–416.
- ³⁷⁴ Глебов В. Война без правил. Преданный резидент. М.: Эксмо, Яуза, 2005. С. 111–113.
- ³⁷⁵ Там же. С. 163–165.
- ³⁷⁶ Демидов А.М. Деятельность территориальных органов госбезопасности СССР в сфере военной экономики. 1941–1945 гг. (на архивных материалах). Бишкек: КРСУ, 2007. С. 59.
- ³⁷⁷ Щерба А.Н. Военная промышленность Ленинграда в 20 – 30-е годы. СПб.: Издательство «Нестор», 1999. С. 121.
- ³⁷⁸ На защите безопасности Отечества. Контрразведка Петроградского – Ленинградского военного округа в годы войн и мира (1918–1998 гг.). СПб.: «Аврора – Дизайн», 2000. С. 109.
- ³⁷⁹ Демидов А.М. Указ. соч. С. 53.
- ³⁸⁰ Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М.: Институт российской истории РАН, 2006. С. 201.
- ³⁸¹ Хаустов В.Н. Органы государственной безопасности в тылу и на фронте // Война и общество, 1941–1945: В 2-х кн. М.: Наука, 2004. Книга 2. 2004. С. 364.
- ³⁸² Дзенискевич А.Р. Фронт у заводских стен. Малоизученные проблемы обороны Ленинграда (1941–1944). СПб.: Нестор, 1998. С. 160–161.
- ³⁸³ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов: в 2-х томах. Т. 2. Кн. 1. М.: Издательство «Русь», 2000. С. 148.
- ³⁸⁴ Там же. С. 229, 461.

³⁸⁵ Отдел архивной информации Информационного Центра Главного Управления МВД РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области). Фонд личных дел. Личное дело 1036 Цируль В.И.

³⁸⁶ *Гащенко В.А.* Участие территориальных органов НКВД – НКГБ в обеспечении безопасности промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны (на примере Западной Сибири) // Политическая история России: прошлое и современность. Исторические чтения. Выпуск XVI. «Гороховая, 2». 2018. СПб.: Любавич, 2018. С. 311–317.

³⁸⁷ Архив УФСБ РФ по СПб и области. Ф. 12. Оп. 58. П. 14. Л. 214.

³⁸⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 3. Кн. 1. М.: Издательство «Русь», 2003. С. 64–67.

³⁸⁹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 3. Кн. 2. М.: Издательство «Русь», 2003. С. 226–227.

³⁹⁰ *Бернев С.К.* К вопросу о деятельности экономического отдела УНКВД Ленинградской области в блокадном Ленинграде // Политическая история России: прошлое и современность: Исторические чтения «Гороховая, 2», Санкт-Петербург, 22-23 апреля 2021 г. Выпуск XIX. СПб.: ООО «Грейт Принт», 2022. С. 140.

³⁹¹ ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 75. Л. 759–762, 1230.

³⁹² Архив УФСБ РФ по СПб и области. Ф. 12. Оп. 58. П. 22. Л. 114.

³⁹³ Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов. 22-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1990. С. 753.

³⁹⁴ Архив УФСБ РФ по СПб и области. Ф. 12. Оп. 58. П. 14. Л. 5.

³⁹⁵ Там же. Л. 26–27.

³⁹⁶ Там же. П. 30. Л. 213–214.

³⁹⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 3. Кн. 2. С. 264–265.

³⁹⁸ ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 83. Л. 223.

³⁹⁹ *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. Кн. 1. СПб. : Издательский Дом «Нева», М. : «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. С. 104.

⁴⁰⁰ *Демидов А.М.* Переродившиеся номенклатурные кадры ВКП (б) как фактор внутренних угроз безопасности советского тыла в годы Великой Отечественной войны // Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности. Кн. 4. М.: Алгоритм, 2020. С. 354.

⁴⁰¹ ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. Л. 78.

-
- ⁴⁰² *Карасев А.В.* Ленинградцы в годы блокады. 1941–1943. М. : Академия наук СССР, 1959. С. 204.
- ⁴⁰³ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 24. Оп. 26. Д. 990. Л. 76, 76об, 77, 77об.
- ⁴⁰⁴ ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. Л. 78–79.
- ⁴⁰⁵ Там же. Д. 86. Л. 176–177.
- ⁴⁰⁶ *Кулинок С.В.* Дети-диверсанты немецких спецслужб // *Беларуская думка*. 2015. № 10. С. 80–86.
- ⁴⁰⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М.: «Издательство "Русь"», 2000. С. 556–559.
- ⁴⁰⁸ Там же. Кн. 2. С. 18–20.
- ⁴⁰⁹ Там же. С. 383–385.
- ⁴¹⁰ Там же. Т. 3. Кн. 1. М. : «Издательство "Русь"», 2003. С. 141–152.
- ⁴¹¹ Там же. Т. 2. Кн. 2. С. 380–382.
- ⁴¹² Россия и СССР в войнах века: Статистическое исследование. М., 2001. С. 246.
- ⁴¹³ *Земсков В.Н.* Народ и война: Страницы истории советского народа накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. М., 2014; *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996.
- ⁴¹⁴ *Кузнецов И.И.* Судьбы генеральские. Высшие командные кадры Красной армии в 1940–1953 гг. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2000; *Печенкин А.А.* Высший командный состав Красной армии в годы Второй мировой войны. М.: Прометей, 2002; *Христофоров В.С.* «Это моя ошибка, а не преступление» (по материалам архивно-следственного дела генерал-лейтенанта И.А. Ласкина) // *Военно-исторический журнал*. 2009. № 5. С. 20–25; *Христофоров В.С.* «Попав в плен, я был морально подавлен» (о некоторых политико-правовых аспектах уголовного дела генерал-майора В.В. Кирпичникова) // *Военно-исторический журнал*. 2007. № 7. С. 28–30; № 9 С. 27–30.
- ⁴¹⁵ *Стрелкин В.В.* «Дулаг-191». Не подлежит забвению / Сражения на южном фланге советско-германского фронта: Воронеж – Сталинград – Кавказ. 1942–1943 гг.: материалы заочной международной конференции. Воронеж: Издательско-полиграфический центр ВГПУ, 2020. С. 205–213.
- ⁴¹⁶ Вместе с флотом. Советская морская контрразведка в Великой Отечественной войне: исторические очерки и архивные документы. М., 2010; *Контрразведка ВМФ СССР. 1941-1945 / В.С. Христофоров, А.П. Черепков, Д.Ю. Хохлов.* М., 2015; *Христофоров В.С.* Архивные документы Федеральной службы безопасности Российской Федерации о советских во-

еннопленных // Отечественные архивы. 2001. № 6. С. 11–16; *Христофоров В.С.* Документы российских архивов о советских военнопленных в лагерях на территории Финляндии и Норвегии 1941-1944 гг. // Отечественные архивы. 2008. № 3. С. 65–72 и др.

⁴¹⁷ *Вертилецкая Е.В.* Фотодокументы в архивно-следственных и проверочно-фильтрационных делах // Отечественные архивы. 2004 № 3. С. 38–39; Война глазами военнопленных (по материалам проверочно-фильтрационных дел, хранящихся в ГОПАПО): Сборник документов. Пермь, 2008; *Кибиткина Г.Н.* Из опыта работы с архивно-следственными и фильтрационно-проверочными делами фонда ФСБ России по Челябинской области в Объединенном государственном архиве Челябинской области / Взаимодействие органов Федеральной службы безопасности и архивных служб субъектов Российской Федерации: Материалы I межрегиональной научно-практической конференции. 30 сентября 2009 г. Екатеринбург, 2009. С. 28–31 и др.

⁴¹⁸ Война глазами военнопленных. Красноармейцы в немецком плену в 1941–1945 гг. (по рассекреченным документам советской контрразведки, хранящимся в Государственном общественно-политическом архиве Пермской области): сборник документов. Изд. 2-е, с изм. и доп. Пермь, 2008. С. 11.

⁴¹⁹ Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. М., 2006. С. 324 – 325.

⁴²⁰ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 3. Кн. 1. М.: Русь, 2003. С. 186, 217, 256, 257. Т. 3. Кн. 2. С. 539.

⁴²¹ Россия и СССР в войнах века: Статистическое исследование. М, 2001. С. 355, 357.

⁴²² *Всеволодов В.А.* Документы архивных организаций о судьбах угнанных в Германию советских граждан // Отечественные архивы. 2005. № 3. С. 50.

⁴²³ *Vardys V.S.* The Partisan Movement in Postwar Lithuania // Lithuania under the Soviets. New York, Washington, London, 1965. P. 85.

⁴²⁴ *Gaskaite-Zemaitiene N.* The Partisan War in Lithuania from 1944 to 1953. P. 28.

⁴²⁵ *Strods H.* The Latvian Partisan War between 1944 and 1956. P. 153–154.

⁴²⁶ *Laar M.* The Armed Resistanse Movement in Estonia from 1944 to 1956. P. 225.

⁴²⁷ ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 756. Л. 57–61.

⁴²⁸ Там же. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 157–157 об.

⁴²⁹ Там же. Л. 216–218.

-
- ⁴³⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 5. Оп. 1. Д. 585. Л. 288–297.
- ⁴³¹ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2, Д. 92. Л. 39–40.
- ⁴³² Там же. Ф. 9478. Оп. 1с. Д. 764. Л. 22, 28.
- ⁴³³ Там же. Д. 643. Л. 177.
- ⁴³⁴ РГАСПИ. Ф. 598. Оп. Д. 2. Л. 2.
- ⁴³⁵ Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 4. Л. 101.
- ⁴³⁶ Материалы по борьбе с бандитизмом в западных областях УССР. М., 1951. С. 7.
- ⁴³⁷ Шульженко Б.Н., Хамазюк И.В., Данько В.Т. Украинские буржуазные националисты. М., 1963. С. 109.
- ⁴³⁸ Коровин В.В. История отечественных органов безопасности. М: Норма-ИНФРА, 1998.
- ⁴³⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1073. Л. 127–129.
- ⁴⁴⁰ Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 108. Д. 526. Л. 4–8.
- ⁴⁴¹ ЦА ФСБ России. Ф. 4 ос. Оп. 10. Д. 43. Л. 66.
- ⁴⁴² Бурдс Д. Борьба с бандитизмом в СССР в 1944–1953 гг. М., 2000. С. 169–190.
- ⁴⁴³ НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике / Сб. док-тов. М. : Объединенная редакция МВД России, 2008. С. 469.
- ⁴⁴⁴ На примере МГБ Эстонской ССР.
- ⁴⁴⁵ 1-й отдел НКГБ Литовской ССР был создан в мае 1945 г., но работал недостаточно эффективно. В МГБ Латвийской ССР 1-й отдел был создан в начале 1952 г.
- ⁴⁴⁶ Л.П. Берия был арестован 26 июня 1953 г. за «антисоветскую деятельность и шпионаж».
- ⁴⁴⁷ Начальник управления – генерал-лейтенант Н.С. Сазыкин, заместители начальника управления – генерал-лейтенант Д.Г. Родионов и генерал-майор Г.В. Утехин.
- ⁴⁴⁸ В марте – апреле 1953 г. 2-й отдел 4-го управления МВД СССР возглавлял генерал-майор И.И. Матевосов, а с 7 мая 1953 г. – генерал-лейтенант Г.С. Жуков.
- ⁴⁴⁹ Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991 : справочник. М. : Материк [и др.], 2003. С. 684–687.
- ⁴⁵⁰ Цит. по: Государственная безопасность России: история и современность. М. : РОССПЭН, 2004. С. 637.
- ⁴⁵¹ Колосов Ю., Кузнецов В. Международное право. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/kolos/03.php (дата обращения: 07.11.2022).

⁴⁵² Энциклопедия Новосибирска. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2003. С. 438.

⁴⁵³ *Белковец Л.П.* Из истории консульского права: ликвидация иностранных консульских представительств в СССР в конце 30-х годов. URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?art=680&id=11> (дата обращения: 06.11.2022).

⁴⁵⁴ *Гашенко В.А.* О проблемах оценки работы сибирских чекистов, связанной с противодействием японским спецслужбам накануне и в годы Великой Отечественной войны // Государства Дальнего Востока: История, политика, культура. Новосибирск, 2012. Вып. 4. С. 116.

⁴⁵⁵ *Пронин А.О.* Здесь ковалась победа: к истории силовых структур Новосибирской области // Государственная безопасность. № 11/12. Май, 2020. С. 8.

⁴⁵⁶ Директива НКГБ СССР и НКВД СССР от 24 июня 1941 г. № 134 о порядке агентурно-оперативного обслуживания сотрудников дипломатических представительств // Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сб-к документов. М.: Русь, 2000. Т. 2. Кн. 1. С. 66.

⁴⁵⁷ *Гашенко В.А.* Указ. соч. С. 117.

⁴⁵⁸ *Ямпольский В.П.* «Тактика хамелеона» в действиях японских спецслужб на Дальнем Востоке // Военно-исторический журнал. 2004. № 4. С. 26–30.

⁴⁵⁹ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сб-к документов. Т. 2. Кн. 1. С. 66.

⁴⁶⁰ *Гашенко В.А.* Указ. соч. С. 118.

⁴⁶¹ Там же.

⁴⁶² *Вольхин А.И.* Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2001. С. 389, 391.

⁴⁶³ *Давыдов С.* Управление государственной безопасности по Новосибирской области в годы войны // Безопасность от А до Я. 2005. № 5. С. 8.

⁴⁶⁴ Московский военный институт ФПС России: вехи становления, развития и совершенствования. М.: Издательский дом «Граница», 2001. С. 5.

⁴⁶⁵ Там же.

⁴⁶⁶ На службе Родине. М.: Пограничник, 1982. С.7

⁴⁶⁷ Московский военный институт Федеральной пограничной службы России. М.: Граница, 1999. С. 8.

⁴⁶⁸ Там же. С. 12–15.

⁴⁶⁹ Московский военный институт ФПС России... С.12–15

⁴⁷⁰ Полвека в боевом строю. (Краткий очерк истории Московского высшего пограничного командного Ордена Октябрьской Революции Краснознаменного училища КГБ СССР имени Моссовета). М.: 1982. С. 52–59

⁴⁷¹ Хронология важнейших событий // Ветеран границы. 1997. № 1. С. 18–20.

⁴⁷² Московский военный институт Федеральной пограничной службы России. С. 38–40.

⁴⁷³ *Русинов Н.М.* Краснознаменный орденосный наш пограничный институт // Ветеран границы. 1997. №1. С. 6–17.

⁴⁷⁴ Московский военный институт ФПС России... С. 143–145.

⁴⁷⁵ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 «Послание Президента Федеральному Собранию» : справочная правовая система КонсультантПлюс. URL : <http://www.consultant.ru/about/> (дата обращения 26.07.2022).

⁴⁷⁶ *Лозушко С.* Оболганные: Чекисты в Великой отечественной войне между виртуальностью и реальностью : сайт LiveJournal (Живой Журнал). URL : <https://varjag-2007.livejournal.com/327846.html?ysclid=18bzjtj68v517847014> (дата обращения: 21.09.22).

⁴⁷⁷ Там же.

⁴⁷⁸ *Боярский В.И.* Правильная «неправильная» война. М. : Граница, 2013.

⁴⁷⁹ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 8. Л. 1–3.

⁴⁸⁰ *Меженько А. В.* Военнопленные возвращались в строй... // Военно-исторический журнал, 1997. № 5. С. 32.

⁴⁸¹ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 3. Д. 53. Л. 175; Оп. 4а. Д. 1. Л. 62, 70, 223.

⁴⁸² Там же.

⁴⁸³ Там же.

⁴⁸⁴ Архив УФСБ Российской Федерации по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 3. Л. 12–13.

⁴⁸⁵ *Абрамов В.* Смерш. Советская военная контрразведка против разведки Третьего рейха. М. : Яуза : Эксмо, 2005. С.112–115.

⁴⁸⁶ *Лозушко С.* Указ. соч.

⁴⁸⁷ Там же.

⁴⁸⁸ Там же.

⁴⁸⁹ Там же.

⁴⁹⁰ *Гречко А. А.* Битва за Кавказ. М. : Воениздат, 1967. С.146.

⁴⁹¹ *Лозушко С.* Указ. соч.

⁴⁹² *Чабаненко В.Е.* Золотые Звезды границы: учебное пособие для личного состава пограничных войск : в 4 кн. М. : Воениздат, 1986. Кн. 1. С. 163–166, 209–211

⁴⁹³ *Путин В.В.* 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Российская газета, 2020. 19 июня.

⁴⁹⁴ *Земсков В.Н.* Репатриация советских перемещённых лиц в 1944–1952 годах // <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=5216> (дата обращения: 30.10.2022).

⁴⁹⁵ *Суслов А.Б.* Уголовное преследование изменников Родины и пособников оккупантов в Молотовской области во второй половине 1940-х годов: к оценке обоснованности обвинений // Вестник Пермского университета. 2020. № 3 (50). С. 109–117.

⁴⁹⁶ УНКГБ – УМГБ по Курганской области. URL: [http:// shieldandsword.mozohin.ru/nkgb353/terr_org/kurgan.htm](http://shieldandsword.mozohin.ru/nkgb353/terr_org/kurgan.htm) (дата обращения: 29.10.2022).

⁴⁹⁷ Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. URL: [http:// nkvd.memo.rulindex.php](http://nkvd.memo.rulindex.php) (дата обращения: 29.10.2022).

⁴⁹⁸ Подвиг народа. URL: [http:// podvignaroda.ru](http://podvignaroda.ru) (дата обращения: 29.10.2022).

⁴⁹⁹ *Иванцова А.* В Кургане ФСБ рассекретила уголовное дело пособника фашистов Петра Ширяева // Курган и курганцы. 2021. 2 декабря.

⁵⁰⁰ *Орлов А.* Воздушная разведка США над территорией СССР в 1950 – 1955 гг. // Новая и новейшая история. 2000. № 6. С. 39.

⁵⁰¹ *Батюк В.* Начало советско-американской ядерной гонки (1945–1949 годы) // Новая и новейшая история. 2016. № 6. С. 75.

⁵⁰² Там же. С. 76.

⁵⁰³ *Самохин А.* Советский военный потенциал по оценкам ЦРУ 1946 года // Новые исторические перспективы. 2016. № 2 (3). С. 6.

⁵⁰⁴ *Ханаев В.* Из истории контрразведывательного обеспечения создания ядерного оружия // Лубянка: обеспечение экономической безопасности государства: Сборник. М. : Масс Информ Медиа, 2002. С. 117.

⁵⁰⁵ *Самохин А.* Указ. соч. С. 8–9.

⁵⁰⁶ Пойманы с поличным : Сборник Советского информбюро М. : Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата Министерства культуры СССР, 1960. С. 20–39.

⁵⁰⁷ Там же. С. 34, 37–38.

⁵⁰⁸ *Удилов В.* Записки контрразведчика. (Взгляд изнутри). М.: Ягуар, 1994. С. 76–77.

⁵⁰⁹ Пойманы с поличным : Сборник Советского Информбюро. М.: Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата Министерства культуры СССР, 1960. С. 42–45.

⁵¹⁰ *Ханаев В.* Указ. соч. С. 121–122.

⁵¹¹ *Мзареулов В.* История отечественных спецслужб и правоохранительных органов- <http://shiedandsword.mozochin.ru> kgb 5Y91/ten (дата обращения: 2.12.2022).

⁵¹² *Бобков Ф.Д.* Почему мы проиграли холодную войну // Красная звезда. 2005. 25 ноября.

⁵¹³ *Левицкий Л.* Накануне // От лейтенанта до генерал-лейтенанта. М.: Издательский дом «Граница». 2022. С. 74.

⁵¹⁴ Там же. С. 79–80.

⁵¹⁵ *Силлар Р.* Верны его памяти // От лейтенанта до генерал-лейтенанта. М.: Издательский дом «Граница». 2022. С. 101–102.

⁵¹⁶ По техническим решениям данный комплекс не имел аналогов в армиях США и стран НАТО. Ракета была первой в мире оперативно-тактической системой, оснащенной средствами преодоления противоракетной обороны (ПРО). Она летела к цели на высоте ближнего космоса (120 км) со скоростью, в четыре раза превышающей скорость звука. 40-тонную машину и семитонную ракету со сменной боевой частью (ядерной и кассетной) обслуживали три человека. Прицеливание происходило еще в горизонтальном положении. Комплекс можно было доставить в любую точку самолетом, по железной дороге, автомобилем. Под прицелом находились важные объекты НАТО! Когда на Западе приступили к разработкам программы противодействия этой ракете, то было подсчитано, что затратить на это придется не менее ста миллиардов долларов.

⁵¹⁷ *Дунаевский В.* Последнее командирское задание – защитить погоню Красной Армии // От лейтенанта до генерал-лейтенанта. С. 137–151.

⁵¹⁸ Там же. С. 432.

⁵¹⁹ *Пооль В.* Зампред КГБ Эстонской ССР. Жизнь и служба в спецслужбе. Таллинн: Издательство «КПД», 2019. С 418–419, 428–431.

⁵²⁰ Преемник К.Е. Кортелайнена и в немалой мере его воспитанник Р.А. Силлар оказался верен долгу и присяге. Ему удалось спасти важную часть архива КГБ Эстонии от посягательств на него высокопоставленных лиц республики, прежде всего тех, кто был замечен в связях со спецслужбами противника и боялся своей ответственности. Силлар сделал всё, чтобы исключить возможность тяжких последствий для граждан Эстонии, которые сотрудничали с органами госбезопасности.

⁵²¹ *Мзареулов В.* История отечественных спецслужб и правоохранительных органов. URL: <http://shiedandsword.mozochin.ru> kgb 5Y91/ten (дата обращения : 14.12.2022).

⁵²² *Roccucci A.* Coesistenza pacifica tra disuguali. Italia e Unione Sovietica dalla morte di Stalin alla visita di Gronchi a Mosca, в L'Italia vista dal Cremlino. Gli anni della distensione negli archivi del Comitato centrale del PCUS. 1953–1970. С. 21–45

⁵²³ *Салаконе А.* Между столкновением и разрядкой: многосторонность внешней политики Италии и налаживание отношений с Восточным блоком (1947–1960). URL: <https://www.perspektivy.info/print.php?ID=349733> (дата обращения: 02.10.2022).

⁵²⁴ *Салаконе А.* Кубинский кризис в контексте отношений СССР и Италии // История и общество. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kubinskiy-krizis-v-kontekste-otnosheniy-sssr-i-italii/viewer> (дата обращения: 02.10.2022).

⁵²⁵ *Тарасов И.* Работа под крышей. URL: <https://www.specnaz.ru/article/?1028> (дата обращения: 15.12.2022)

⁵²⁶ Там же.

⁵²⁷ Там же.

⁵²⁸ Там же.

⁵²⁹ *Малахов В.* КГБ и сицилийская мафия. URL: <https://imhotype.livejournal.com/416897.html> (дата обращения: 15.12.2022).

⁵³⁰ *Giovanni Maria Vian* Enciclopedia dei Papì. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/paolo-vi_\(Enciclopedia-dei-Papì\)](https://www.treccani.it/enciclopedia/paolo-vi_(Enciclopedia-dei-Papì)) (дата обращения 15.12.2022).

⁵³¹ *Тарасов И.* Указ. соч.

⁵³² *Долгополов Н.* Геворк Вартамян: Вербовка – дело тонкое. URL: <https://rg.ru/2009/02/17/vartanyan.html> (дата обращения: 15.12.2022).

⁵³³ Там же.

⁵³⁴ *Долгополов Н.М.* Вартамян. 2-е изд. М. : Молодая гвардия, 2014.

⁵³⁵ *Гансер Д.* Секретные армии НАТО: Операция «Гладио» и терроризм в Западной Европе». 2-е изд., испр. М. : Кучково поле, 2017.

⁵³⁶ Там же.

⁵³⁷ *Костыря А.А.* Историография, источниковедение, библиография спецоперации СССР в Афганистане (1979–1989 гг.). 2-е изд., доп. и испр. Донецк: ООО «ИПП «Проминь»», 2009.

⁵³⁸ Второй съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. 12–24 декабря 1989 г. Т. IV. М., 1989. С. 432–454, 616.

⁵³⁹ *Крючков В.А.* Личное дело: в 2 ч. М.: Олимп; ТКО АСТ, 1996. Ч. 1.

⁵⁴⁰ *Киртиченко В.А.* Разведка: лица и личности. Изд. 2-е, доп. М. : Междунар. отношения, 2001.

- ⁵⁴¹ *Шебаршин Л.В.* Рука Москвы. М.: Эксмо, 2002; *Шебаршин, Л.* Предисловие к книге: *Ляховский А.А.* Пламя Афгана. М.: Вагриус, 1999.
- ⁵⁴² *Руденко В.Г.* Особая миссия. Сотрудники КГБ СССР вспоминают об Афганской войне 1979–1989 гг. Воронеж, 2011.
- ⁵⁴³ *Богданов Л.П.* Афганская тетрадь. М.: Национальное обозрение, 2004.
- ⁵⁴⁴ *Морозов А.* Кабульский резидент: Между Амином и Кармалем // Новое время. 1991. № 38. С. 36–39; № 39. С. 32–33; № 40. С. 36–37; № 41. С. 28–31.
- ⁵⁴⁵ *Зайцев Г.Н.* «Альфа» – моя судьба. Санкт-Петербург: «Славия», 2009. С. 182.
- ⁵⁴⁶ *Цветков А.И., Суродин В.И.* Вся жизнь – атака. М.: Интербук-бизнес, 2013. С. 150–160.
- ⁵⁴⁷ *Дроздов Ю. И.* Записки начальника нелегальной разведки. М.: «Олма-Пресс», 2000; *Дроздов Ю. И., Курилов В. Н.* Операция «Шторм-333». М.: Вымпел, 1999.
- ⁵⁴⁸ *Лобачёв Г.С.* Команда «Карпаты-1» отряда спецназначения КГБ СССР «Каскад». Одесса, 2006; ОНАЗ. От бригады особого назначения к «Вымпелу». 1941–1981 гг. /авт.-сост. В.И. Ютов, В.Ю. Воронцов. М.: Олма-пресс, 2001; *Ютов В.* Каскадеры: Спецназ госбезопасности приобрел боевой опыт в Афганистане // Независимое военное обозрение. 2000. № 35.
- ⁵⁴⁹ МГБ РА создано в 1986 г. на базе Службы государственной информации (СГИ) ДРА одновременно с переименованием ДРА в Республику Афганистан.
- ⁵⁵⁰ *Широнин В.* КГБ–ЦРУ. Секретные пружины перестройки. М.: Ягуар, 1997.
- ⁵⁵¹ *Овсеенко М.Я.* Записки военного контрразведчика. М.: «Петроцентр», 2015; *Овсеенко М. Я.* Неизвестные герои войны в Афганистане: Воспоминания контрразведчика. 1979–1989 гг. 3-е изд. М.: СПб., 2017; *Овсеенко М.Я.* Афганистан глазами очевидца: О советском военном присутствии в Афганистане. 1979–1989. К 25-летию окончания боевых действий в Афганистане с участием войск Советского Союза. СПб., 2014.
- ⁵⁵² Особые отделы ФСБ РФ: История становления. Воспоминания / Сост. М.Я. Овсеенко. СПб., 2018.
- ⁵⁵³ *Редченко В.Н.* Признать утратившим силу. М.: «Альвис», 2012.
- ⁵⁵⁴ *Безгодов Г.М.* Два года с президентом Афганистана // Новости разведки и контрразведки, 2004. № 3–4.
- ⁵⁵⁵ *Нешумов Ю.А.* Границы Афганистана: трагедия и уроки: Историко-публицистические исследования. 2-е изд., доп. М.: Граница, 2011.
- ⁵⁵⁶ *Вертелко И.П.* Служил Советскому Союзу. Сокровенное. М.: Граница, 1996.

⁵⁵⁷ Пограничники в огне Афганистана, 1979–1989: в 2 т. М. : Издательский дом «Граница», 2019.

⁵⁵⁸ *Авакьян С.А., Арбузкин А.М., Аринин А.Н.* Федеральное вмешательство: концепция и проект федерального закона // Вестник МГУ. Серия 11. Право, 2000. № 6. С. 15–24.

⁵⁵⁹ *Кобец П.Н., Краснова К.А.* Пути совершенствования уголовного законодательства об ответственности за террористический акт // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2012. № 1 (22).

⁵⁶⁰ Разъяснения участникам незаконных вооруженных формирований, явившихся с повинной. Под гарантии государства. Сборник официальных документов. Грозный, 2006. С. 18–20.

⁵⁶¹ *Кригоузов В.А.* Борьба правоохранительных органов России с похищением людей // Современный терроризм: состояние и перспективы. М. : Эдиториал УРСС, 2000.

⁵⁶² *Ковальская Г.* Ахмат Кадыров не выбирал свой жизненный путь. Он действовал по обстоятельствам // Коммерсант. 2003. 25 марта.

⁵⁶³ *Манкиев А.А.* Кадыров об идеологии и политических целях ваххабитов. От беззакония и хаоса к порядку и закону (об исторической цели Ахмат-Хаджи Кадырова в новейшей истории Чеченской Республики). Материалы региональной научно-практич. Конференции. Грозный, 10 июня 2010. С. 164.

⁵⁶⁴ Председателем Комитета, директором ФСБ Александром Бортниковым с 00:00 часов по московскому времени 16 апреля отменен приказ, объявляющий территорию республики зоной проведения контртеррористической операции // Вести. 2009. 16 апреля.

⁵⁶⁵ *Ибаева М.* Грозный. История становления. URL: <http://www.grozny-inform/news/analytics/29100/> (дата обращения: 15.10.2022).

⁵⁶⁶ Конституция ЧРИ // Чеченская библиотека Пашкова Романа. URL: <https://chechenlaw.ru/?p=94/> (дата обращения: 28.11.2022).

⁵⁶⁷ Палач из Мескер-Юрта Арестован боевик, участвовавший в казнях заложников // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/561270/> (дата обращения: 28.11.2022)

⁵⁶⁸ ЦСН ФСБ России (1998–2008) «10 лет на рубежах мужества» 07.10.2008 // Федеральная служба безопасности России, URL: <http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm?id%3D10434748%40fsbMes sage.html/> (дата обращения: 28.11.2022)

⁵⁶⁹ Военная контрразведка в Чечне // Николай Стародымов – личный сайт. URL: <http://starodymov.ru/?p=596/> (дата обращения: 28.11.2022)

⁵⁷⁰ Контртеррористическая операция в Чечне в 1999–2009 годах // РИА. URL: <https://ria.ru/20140923/1025137509.html> (дата обращения: 28.11.2022).

⁵⁷¹ Хаттаб мертв. Окончательно и бесповоротно // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2002/04/25/hattab/> (дата обращения: 28.11.2022).

⁵⁷² ЦСН ФСБ России (1998–2008) «10 лет на рубежах мужества»...

⁵⁷³ Руслан Гелаев и два бойца. Одиозный чеченский полевой командир погиб в стычке с пограничным нарядом // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2004/03/01/gelayev/> (дата обращения: 28.11.2022).

⁵⁷⁴ Навечно в памяти. Перов Александр Валентинович. URL: <https://alphagroup.ru/hero/show/22/> (дата обращения: 28.11.2022).

⁵⁷⁵ *Филатов А.* Люди А. Ликвидация Аслана Масхадова к 8 марта. URL: <https://alfafilatov.com/blog/lyudi-a-likvidaciya-aslana-masxadova-k-8-marta/> (дата обращения: 28.11.2022).

⁵⁷⁶ ФСБ РФ подтверждает ликвидацию в Дагестане боевика Халилова // РИА. URL: <https://ria.ru/20070918/79216419.html> (дата обращения: 28.11.2022).

⁵⁷⁷ В Чечне снят режим контртеррористической операции // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/04/2009/5703d3519a79473dc814db7e/> (дата обращения: 28.11.2022).

⁵⁷⁸ *Кортунов А.* Неуничтоженный вирус. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ne-unichtozhennyu-virus/> (дата обращения: 07.10.2022).

⁵⁷⁹ *Loukaitou-Sideris A.* Rail transit security in an international context: Lessons from four cities / A. Loukaitou-Sideris, B. D. Taylor, C. N. Y. Fink // *Urban Affairs Review*. 2006. 41 (6). P. 727–748.

⁵⁸⁰ Global Terrorism Database. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?chart=country&search=subway> (дата обращения: 07.10.2022).

⁵⁸¹ *Pipes and Blumenfeld:* Terrorism defies definition. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2014/oct/24/pipes-terrorism-defies-definition/> (дата обращения: 07.10.2022).

⁵⁸² *Швецов А.В.* Методы обеспечения безопасности и защиты метрополитенов от несанкционированного вмешательства и воздействия: дис. канд. технич. наук. Хабаровск, 2016.

⁵⁸³ Приказ Министерства транспорта РФ от 23 июля 2015 г. N 227 «Об утверждении Правил проведения досмотра, дополнительного досмотра, повторного досмотра в целях обеспечения транспортной безопасности» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/71360968/> (дата обращения : 07.10.2022).

⁵⁸⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 июля 2010 года № 1285-р «Об утверждении комплексной программы обеспечения безопасности населения на транспорте» URL: <https://docs.cntd.ru/document/902229377> (дата обращения: 07.10.2022).

⁵⁸⁵ Global Terrorism Database. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?chart=country&search=subway> (дата обращения: 07.10.2022).

⁵⁸⁶ Профайлинг – методика, позволяющая делать выводы об индивиде, основываясь на его внешнем виде и поведении.

⁵⁸⁷ Звонит в ушах лихая музыка защиты. URL: <https://www.fontanka.ru/2017/04/10/074/> (дата обращения: 07.10.2022).

⁵⁸⁸ *Дзержинский Ф.Э.* Доклад на всероссийской конференции водников / Избранные произведения: в 2-х т. Т. 1 (1897–1923). М.: Политиздат, 1967. С. 402–405; *Ленин В.И.* На деловую почву // ППС. Т. 35. С. 408–410.

⁵⁸⁹ Цит. по: Техника дезинформации и обмана / под ред. Я.Н. Засурского. М.: «Мысль», 1978. С. 212.

⁵⁹⁰ *Мороз И.А.* Великая Отечественная война в восприятии современной молодёжи // Вторая мировая война и современные тенденции по исказению ее итогов и послевоенного мироустройства. Т. 1. М., 2021. С. 634–635.

⁵⁹¹ *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 15. М.: Издательство «Писатель», 1997. С. 86.

⁵⁹² *Кноп Г.* Дети Гитлера. Воспитанники Гитлерюгенда. М.: Издательство «Алисторус», 2020. С. 74.

⁵⁹³ Видеообращение по случаю Дня работника органов безопасности. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70146>. (дата обращения: 21.12.2022).

⁵⁹⁴ *Клименко В.Г.* Записки контрразведчика. Взгляд изнутри на противостояние КГБ и ЦРУ, и не только. М., 2018; *его же* Записки контрразведчика. ЦРУ раскрывает свои секреты... Ветераны ЦРУ о тайных операциях в СССР. Книга вторая. М.: Международные отношения, 2019.

⁵⁹⁵ *Старков Б.А.* Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903–1914 гг. М.: Вече, 2022; *Кирмель Н.С.* Российская контрразведка в годы Первой мировой войны. М.: Вече, 2022; *Хлобустов О.М.* Контрразведка в истории КГБ. М.: Вече, 2022.

⁵⁹⁶ *Лацис М.Я., Петерс Я.Х., Уншлихт И.С.* Дзержинский. Кошмарный сон буржуазии. М., 2022.

⁵⁹⁷ *Голинков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. 1917–1929 гг. М.: Родина, 2022.

⁵⁹⁸ *Стариков Н.Н.* Войска НКВД в Сталинградской битве. М.: Алгоритм, 2013.

⁵⁹⁹ *Шиманская Н.А.* Органы госбезопасности в партизанском движении на территории БССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Родина, 2022.

⁶⁰⁰ *Веденеев Д.В., Колпакиди А.И., Чертопруд С.В.* Люди Судоплатова. Зафронтовая разведывательно-диверсионная работа НКВД-НКГБ в 1941–1945 годах. М.: Родина, 2022.

⁶⁰¹ *Семичастный В.Е.* Спецслужбы СССР в холодной войне. М.: Алгоритм, 2016; *Леонов Н.С.* Лихолетье: Будни разведки в последние годы СССР. М.: Родина 2022; *Жорин Ф.Л.* Исповедь чекиста: Тайная война советских и западных спецслужб. М.: Родина 2022.

⁶⁰² *Попов А.Ю., Соколов А.С.* Щит и меч власти большевиков. Очерки истории ВЧК. М.: DirektMedia Publishing, 2022.

⁶⁰³ *Мозохин О.Б.* Сталин и органы государственной безопасности. М.: Вече, 2017.

⁶⁰⁴ *Мозохин О.Б.* Репрессии в цифрах и документах. Деятельность органов ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ (1918–1953 гг.). М.: Вече, 2018; *Его же.* Борьба органов госбезопасности СССР с терроризмом. М.: Вече, 2018.

⁶⁰⁵ *Плеханов А.М., Плеханов А.А.* Московские чекисты в тайной войне. 1921–1928 гг. К столетию Московской чрезвычайной комиссии. М.: Вече, 2018; *Левшин Ю.Л., Хлобустов О.М.* История столичного управления КГБ СССР. «Мы отвечали за все...». М.: Вече, 2021.

⁶⁰⁶ Незримый фронт на защите Ленинграда, 1941–1944 : посвящается 80-летию начала битвы за Ленинград : [сборник статей]. СПб. : Арт-Экспресс, 2021.

⁶⁰⁷ *Попов А.Ю.* Сопротивление на оккупированной советской территории. 1941–1944. М.: Алгоритм, 2016; *Его же.* Диверсанты Сталина. М.: Вече, 2018; *Веригин С.Г.* Советская контрразведка против финских спецслужб. 1939–1944. М.: Вече, 2018; *Плеханов А.М., Плеханов А.А.* Найти и обезвредить: Оперативный розыск преступников и агентуры противника в СССР. М.: Вече, 2021; *Крысин М.* «Большая игра» спецслужб в Прибалтике, М.: Вече, 2022.

⁶⁰⁸ Встреча с историками и представителями традиционных религий России 4 ноября 2022 г. Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69781>. (дата обращения: 05.11.2022).

⁶⁰⁹ *Заковский Л.М., Уранов С.* Ликвидация «пятой колонны». М.: Яуза, 2022.

⁶¹⁰ Встреча с историками и представителями традиционных религий России 4 ноября 2022 г....

Научное издание

ЛУБЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2022

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ОРГАНОВ
БЕЗОПАСНОСТИ

Сборник материалов XXVI научно-теоретической
конференции «Исторические чтения на Лубянке»
Москва, 2 декабря 2022 г.

Печатается в авторской редакции
Всего пронумеровано 428 с.
Подписано в печать 06.12.2022 г.
Авт. л. 17,83 Усл. печ. л. 26,75
Заказ № №15/38/2/376-275-22 Тираж 5 экз.

Войсковая часть 33965

Качество печати соответствует качеству
предоставленного электронного оригинал-макета

№15/38/2/376-275-22